

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт археологии

Ленинградское отделение

Ю. В. АНДРЕЕВ

ОСТРОВНЫЕ
ПОСЕЛЕНИЯ
ЭГЕЙСКОГО
МИРА
В ЭПОХУ
БРОНЗЫ

Ленинград

„НАУКА“

Ленинградское отделение

1989

Монография охватывает широкий круг проблем, среди которых центральное место занимает проблема эгейской урбанизации в III—II тыс. до н. э. Прослежены основные этапы становления города в пределах островной зоны Эгеиды, включая Крит и острова Кикладского архипелага.

Книга адресована археологам, историкам и всем интересующимся вопросами истории Древнего Мира.

Ответственный редактор *В. М. Массон*

Рецензенты: *И. Н. Хлопин, Н. Б. Янковская*

А 0504000000-592
042(02)-89 166-89, кн. 1

ISBN 5-02-027163-2

© Издательство «Наука», 1989 г.

ВВЕДЕНИЕ

В поисках истоков античного урбанизма историки и археологи нередко обращаются к древнейшим культурам Эгейского мира, существовавшим на территории материковой Греции и островов Эгеиды в эпоху бронзы, т. е. в III—II тыс. до н. э. Принято считать, что наиболее значительные из этих культур — критская, или минойская, микенская и кикладская (иногда все они объединяются в рамках одной эгейской, или крито-микенской культуры) — уже достигли в своем развитии того уровня, с которого начинается настоящая цивилизация. На это указывают такие их черты и признаки, как далеко продвинувшаяся вперед ремесленная специализация, хорошо налаженные торговые контакты как внутри самого Эгейского региона между его основными культурными центрами, так и далеко за его пределами — в масштабах чуть ли не всего Средиземноморья, достаточно ясно выраженная социальная стратификация, разветвленный государственный аппарат, наличие письменности, монументальные формы искусства и архитектуры и т. п. Весь этот набор отличительных признаков подлинной цивилизации обычно включает в себя в качестве элемента первостепенной важности также и уже сформировавшиеся городские центры. Возникает вопрос: насколько характерны были такие центры для Греции бронзового века?

Мысль о существовании поселений городского типа в эту весьма отдаленную историческую эпоху была принята как нечто само собой разумеющееся уже первооткрывателями микенской и критской культур. Согласно расчетам А. Эванса, по своим размерам и численности населения поселение, примыкающее к открытому им Кносскому дворцу, не уступало крупнейшим городам тогдашней Передней Азии (Evans, 1928, pt II, 545 ff.). Аналогичные предположения высказывались также и в отношении других дворцовых центров Крита и микенской Греции.

Не заставили себя ждать и попытки тем или иным способом связать эти ранние формы эгейского урбанизма с теми более поздними и более зрелыми его формами, которые существовали в архаической и классической Греции. Согласно одной из них (мнение К. Шуххардта, принятое многими другими авторами), таким прототипом должна была считаться микенская цитадель с примыкающим к ней *Hangesiedlung* или «нижним городом» (Schuchhardt, 1908, S. 309 f.; см. также: Glotz, 1928, p. 12; Kirsten, 1956, S. 45, и др.). Согласно другой гипотезе, выдвинутой Фр. Тритшем (Tritsch, 1928), главным источником

урбанистических традиций, унаследованных античной греческой цивилизацией от эпохи бронзы, был минойский Крит, где раньше, чем где бы то ни было в пределах Эгейского мира, сложилась подлинно городская культура. Представление о непрерывной преемственности в развитии греческого урбанизма во II—I тыс. до н. э., непрерывной, несмотря на все катастрофы и потрясения, пережитые Грецией в период, отделяющий эпоху бронзы от века железа (так называемые «темные века»), еще и сейчас разделяется рядом исследователей как у нас в стране, так и за рубежом,¹ хотя, вообще говоря, концепция такого рода пока еще плохо согласуется с накопленным за последние десятилетия археологическим материалом (Андреев, 1976, с. 17 сл.; 1982, с. 4 сл.; ср.: Hammond, 1972, p. 133).

Нельзя не заметить, что, охотно используя в своих работах такие термины, как «город», «городская культура», «урбанизация» и т. п., авторы ряда исследований, посвященных как общим, так и более специальным проблемам истории Эгейского мира, зачастую понимают их слишком односторонне и упрощенно. Критерии, используемые ими для разграничения понятий «города» и «негорода» в применении как к конкретным археологическим памятникам, так и ко всей эпохе в целом, отличаются крайним субъективизмом и произвольностью. Нередко решающую роль в определении характера того или иного поселения играет его внешний вид, и прежде всего такие его особенности, как наличие или, наоборот, отсутствие оборонительных стен, компактность или разреженность застройки, размеры и благоустройство домов, наличие уличной сети и т. п. Этим, по-видимому, объясняется крайняя расплывчатость и неопределенность бытующих сейчас в науке представлений, с одной стороны, о хронологических рамках так называемого «эгейского урбанизма», с другой — о его конкретных исторических проявлениях и формах.

Укрепленные поселения с более или менее компактной застройкой и элементами рациональной планировки существовали в Греции и на островах Эгейского моря начиная по крайней мере с эпохи халколита или даже с еще более раннего неолитического времени. И некоторые авторы, не раздумывая, основываясь лишь на этих чисто внешних признаках, объявляют «настоящими городами» такие, в сущности, еще весьма примитивные комплексы, как неолитические Димини и Сескло в Фессалии, синхронные с Тройей I—II поселения Полиохни на Лемносе и Ферми на Лесбосе, кикладские городища типа Халандриани (Кастри) на о. Сипрос, раннеэлладскую Лерну в Аργοлиде, среднеэлладское Мальти в Мессении и др. Уже Г. Чайлд (1952, с. 103) писал о раннеэлладской культуре (еще до открытия Лерны), что она «носила вполне очевидный городской характер». К еще более ранним временам — эпохе халколита или даже неолита — относят появление первых городов на юге Балканского полуострова и в Эгейском бассейне Менгин (Menghin, 1931, S. 142), Шахермайр (Schachermeyr, 1955, S. 236 f.; 1964, S. 16, 20; ср. S. 48), Гарсна-и-Бельидо (1970, с. 3) и некоторые другие. Впрочем, как правило, распространение городского уклада жизни в Эгейском мире связывается с зарождением дворцовых цивилизаций на Крите и несколько позже — в материковой Греции. Однако и здесь еще очень многое остается неясным, вызывает споры и разногласия среди ученых.

¹ В качестве примера можно сослаться хотя бы на авторитетное мнение Т. В. Блаватской (1976, с. 58): «Итак, во II тысячелетии на Европейском континенте появляется городская культура. Городская жизнь перешла непосредственно из ахейской Греции в предполисную Элладу . . . и достигла высочайшего развития на последующих ступенях античной культуры».

Недостаточная разработанность системы критериев, используемых для распознавания поселений собственно городского типа среди общей массы археологических памятников III—II тыс. до н. э., проявляется также в том, что нередко одно и то же поселение получает диаметрально противоположные оценки в работах разных авторов. Так, укрепленное городище Мальты в северной Мессении одними исследователями воспринимается как настоящий город (см., напр.: Блаватская, 1966, с. 115 сл.; 1976, с. 103), в то время как другие видят в нем всего лишь «бедную деревушку» (Vermeule, 1966, p. 77). Аналогичные трудности и противоречия возникают и при характеристике более или менее синхронных с Мальтой критских и кикладских поселений вроде Гурнии, Палакастро, Филакопи и др. До сих пор нет полного единства мнений и в оценке типологической принадлежности крупнейших дворцовых центров Крита и микенской Греции.

Еще в 60-е годы в советской историографии возникла полемика (к сожалению, довольно быстро прервавшаяся) по вопросу о существовании городов в Греции микенского времени. Ее начал Я. А. Ленцман (1963, с. 134) решительным утверждением, что «при современном уровне наших знаний нет оснований говорить о крупных городах в Греции II тыс. до н. э. Поселки вокруг дворцов не могут быть безоговорочно названы таковыми. Еще менее подходит такое определение к поселениям типа Зигурий или Мальты. Отсутствие больших городов в микенской Греции позволяет сразу же установить коренную разницу между микенскими и современными им древневосточными и критскими, а также последующими классическими греческими обществами. В микенской Греции центрами не только политической, но и экономической жизни были не города, а дворцы местных правителей». Насколько можно понять общий смысл этого высказывания, Ленцман, отказываясь признать существование в Греции II тыс. крупных городов и противопоставляя ее в этом отношении как странам Древнего Востока, так и минойскому Криту, в то же время как будто не отрицает, что на юге Балканского полуострова в эту эпоху могли существовать вообще какие бы то ни было поселения городского типа. Он, однако, нигде не разъясняет, что представляли собой эти поселения, стараясь во что бы то ни стало доказать, что ни один из более или менее археологически изученных центров микенской культуры не заслуживает названия «города».

Этот логический изъян в рассуждениях своего оппонента верно подметила Т. В. Блаватская, которая писала в своей книге «Ахейская Греция»: «Отрицание „крупных городов“ в Греции II тыс. означает, что автор согласен допустить наличие средних и мелких городов. Но средний или мелкий город — это однородное явление в экономической и политической жизни общества. Важно то, что это город» (Блаватская, 1966, с. 115, примеч. 43). Сама Блаватская уже в то время была твердо уверена в том, что города в ахейской Греции действительно существовали и к тому же отличались большим многообразием. Для XIV—XIII вв. до н. э. она (там же, с. 117) различает по крайней мере два основных типа ахейского города: 1) «крупный город, центр политической власти и одновременно мест значительного и разнообразного производства» (примеры: Микены, Тиринф, Пилос); 2) «небольшой городок или городское поселение с сильно развитой ремесленной жизнью (Бербати, Дорион V)». В дальнейшем эта типологическая схема была несколько усложнена. В своей последней книге, посвященной истории греческого общества во II тыс. до н. э., Блаватская (1976, с. 107 сл.) выделяет среди второстепенных микенских поселений «небольшие

городки-слободы, в которых основным занятием жителей было одно или несколько видов ремесла» (примером служат все тот же Бербати) и «столицы базилесев средней руки», представлявшие собой в одно и то же время «ремесленные и административные центры», как, например, Пихория в восточной Мессении (ср.: Press, 1964, S. 237).

Пытаясь представить ахейский город в его историческом развитии как продукт длительной социальной эволюции и тем самым отделить его от предшествующих ему форм поселения в той же Греции. Блаватская одной из первых начала использовать термин «протогород» для обозначения поселений эпохи ранней и отчасти также средней бронзы, существовавших на территории материковой Греции, Крита и других островов Эгейского моря (Блаватская, 1966, с. 43, 116; 1976, с. 101 сл.). Так, в «Ахейской Греции» (Блаватская, 1966, с. 43, см. также с. 116) она квалифицирует мессенское поселение Дорион IV (Мальта) как «первый полностью и тщательно раскопанный ахейский протогород», поясняя, что это было «поселение городского типа, которое являлось административным и ремесленным центром для окружающей территории». Спустя десять лет (Блаватская, 1976, с. 101) исследовательница уже несколько отступает от этого определения, указывая, что для протогородов эпохи ранней бронзы как раз характерна — в отличие от настоящих городов — известная ограниченность или односторонность выполняемых ими функций: «На самых первых порах возникновения поселений городского типа, когда общественное разделение труда еще не зашло далеко, в этих протогородах были развиты отнюдь не все стороны городского быта. Часто ремесленная слобода располагалась в наиболее удобных для производства местах (например, возле воды или глины), а военно-административные центры возникали на труднодоступных высотах. Понадобилось много веков для того, чтобы протогорода того или иного типа превратились в полноценные городские центры». Итак, протогород, в понимании Блаватской, есть не что иное, как не вполне развившийся, еще не раскрывший все заложенные в нем возможности город, его, так сказать, исходная, эмбриональная форма.

Примерно в эти же годы аналогичные термины стали использовать в своих работах также и некоторые западные авторы, занимающиеся историей и археологией Эгейского мира. Так, известный английский археолог К. Ренфрью еще в 1972 г. писал в своей книге «Возникновение цивилизации» о «протогородских» (proto-urban) поселениях эпохи ранней бронзы в Греции и на островах Эгейского моря, подчеркивая, что их главное отличие от предшествующих им неолитических деревень заключалось не столько в их размерах, сколько в сложности и многообразии выполняемых ими социально-экономических функций (Renfrew, 1972, p. 402): «Мы не находим деревень кузнецов, деревень торговцев, деревень рыбаков или деревень земледельцев, отличных одна от другой. Одно поселение включает в себе весь ряд занятий, известных обществу, так же как их заключал в себе дворец эпохи поздней бронзы. В действительности это было то, что географ назвал бы „городком“ (town), хотя, учитывая их небольшие размеры, мы осторожно обозначили эти поселения термином „протогородские“». Впрочем, в понимании Ренфрью, этот же самый термин может быть с успехом использован также и для характеристики критских и микенских поселений II тыс., поскольку даже самые большие из них по занимаемой ими площади «не превосходили средних размеров деревню в раннединастической Месопотамии» (ibid., p. 244). Во всяком случае здесь же он с видимым сочув-

ствием цитирует высказывание американских археологов Мак-Дональда и Хоуп-Симпсона: «Если урбанизация требует (среди прочих черт) также действительно значительной концентрации населения в городских центрах, возникает вопрос, может ли этот термин быть по-настоящему применен к микенской цивилизации на какой-либо из стадий ее развития» (ср.: Массон, 1980, с. 40).

Суждения, во многом сходные с только что приведенными, мы встречаем и в статье другого английского исследователя, Дж. Эванса (Evans, 1976). Наиболее распространенным типом поселения на протяжении всей эпохи бронзы в Греции и на островах Эгейского моря оставался, по его мнению, городок (town), занимающий промежуточное положение между собственно городом (city) и деревней. Его отличительными признаками могут считаться более или менее компактная застройка, во многих случаях наличие укреплений и монументальных сооружений типа так называемого «дома черепиц» в Лерне или «толоса» в Тирифе и, наконец, данные, указывающие на присутствие в поселениях этого рода специалистов-ремесленников, представителей различных профессий. Эгейский городок, однако, так и не стал настоящим городом, ибо не достиг необходимого для такого изменения статуса высокого уровня концентрации населения. Почти дословно повторяя Ленцмана, Эванс писал (ibid., p. 506): «... существование каких-либо действительно крупных городских поселений в Эгейском мире в течение эпохи бронзы остается недоказанным». Во II тыс. на первый план как на Крите, так и в микенской Греции выдвинулся, как указывает этот же автор, дворец, оттеснивший городскую общину и в известной степени затормозивший ее развитие. Рост по-настоящему крупных городских центров стал возможен в Греции лишь с наступлением железного века, после того как сошла со сцены дворцовая цивилизация эпохи бронзы.

Если Ренфрью и Эванс останавливаются, если можно так сказать, на полу-признании концепции «эгейского урбанизма», внося в нее ряд существенных корректив и оговорок, то другой их соотечественник, Дж. Бинтлиф (Bintliff, 1977, pt II, p. 557), фактически приходит к почти полному ее отрицанию. Согласно весьма категорично высказанному им мнению, сам термин «урбанизация» в применении к «характерным для кикладской, минойской и микенской цивилизаций большим деревням, обычно называемым „городками“ (towns) или даже „городами“ (cities), должен быть признан не вполне правильным словопотреблением (a slight misnomer)». Этот вывод логически вытекает из той общей оценки, которую Бинтлиф дает в своей диссертации самим эгейским цивилизациям. В его представлении, ремесло и торговля играли в процессе их становления и развития лишь второстепенную, в целом крайне незначительную роль; ведущей отраслью крито-микенской экономики всегда оставалось сельское хозяйство (ibid., pt I, p. 114 ff.). Следовательно, здесь не было и не могло быть условий для возникновения настоящих городов.

В последнее время такого рода скептические оценки эгейского урбанизма проскальзывают также и в некоторых работах общего характера, посвященных более широкой проблеме генезиса города. Так, западногерманский социолог Бергер в своей сравнительно недавно опубликованной книге (Berger, 1983, S. 162) квалифицирует микенские дворцовые центры как «Ackerbürgerstädten», поскольку большинство населения в них составляли «осевшие в городе (stadtsässige) крестьяне» (ср.: Hammond, 1972, p. 131 f.; Kolb, 1984, S. 56).

Бегло нарисованная здесь картина «разброда и шатаний» отражает не только расхождение в субъективных склонностях и пристрастиях отдельных участников ведущейся сейчас дискуссии, но и вполне реальные объективные трудности, неизбежно сопутствующие любым попыткам интерпретации уже накопленного наукой археологического материала по истории эгейских поселений в III—II тыс. до н. э. Трудности такого рода обусловлены прежде всего крайней неполнотой и фрагментарностью имеющейся в нашем распоряжении информации. Лишь очень немногие из известных сейчас поселений бронзового века в пределах всего этого региона изучены до такой степени, чтобы можно было уже теперь составить достаточно ясное представление об их размерах, общей конфигурации и планировке. В большинстве случаев при ответе на все эти вопросы приходится довольствоваться — ввиду незавершенности или невозможности раскопок — весьма приблизительными прикидками и домыслами археологов. С такой ситуацией мы сталкиваемся даже в наиболее крупных, узловых центрах минойско-микенского мира, таких, например, как Кносс, Фест, Микены, Пилос, Фивы и ряд других. Во всех этих случаях более или менее четко вырисовывается сейчас лишь основное структурное ядро поселения в виде укрепленного или неукрепленного дворцового комплекса и непосредственно примыкающих к нему жилых «квартилов», которые одними исследователями расцениваются просто как «филиалы» или «придатки» того же дворца, тогда как другие видят в них случайно выхваченные из своего первоначального «контекста» фрагменты «городской застройки». Вообще вопрос о протяженности зоны сплошной застройки в ближайших окрестностях дворца или цитадели все еще остается основным «камнем преткновения» при определении структуры и характера почти всех крупных поселений эпохи бронзы как в материковой, так и в островной Греции (ср.: Evans, 1976, p. 506).

Там же, где внешние признаки поселений «городского типа» (компактно сгруппированные блоки домов с проложенными между ними мощными улицами и дренажными стоками, в некоторых случаях довольно сложные системы фортификационных сооружений, наконец, общественные здания типа «дворцов» или «храмов») выражены как будто вполне определенно (примерами могут служить некоторые критские и кикладские поселения, в том числе Гурния, Палекастро, Айя Ирини, Акротиря и др.), исследователей нередкостораживают слишком мизерные размеры этих «очагов урбанизма». В среднем занимаемая ими площадь колеблется в пределах от одного до четырех га (Renfrew, 1972, p. 240). Кроме того, не располагая достаточными данными о существовавшей в эту эпоху системе расселения в масштабах как отдельных государств, так и всего Эгейского мира, мы соответственно не можем судить и о статусе населенных пунктов этого рода или, говоря иначе, о месте, которое они занимали в общей иерархии поселений того или иного региона. Если предположить, что они действительно представляли собой поселения собственно городского типа, перед нами неизбежно встают вопросы: где же размещалась основная масса сельского населения того же Крита или отдельных островов Кикладского архипелага? где находились и как выглядели занимаемые ею поселения? Информация, которой мы сейчас располагаем, не дает возможности сколь-нибудь ясно и вразумительно ответить на эти вопросы.²

² Мало вероятно, чтобы основным пристанищем рядовых земледельцев Крита служили так называемые «виллы», обнаруженные в различных местах на территории острова. Судя

Наряду с трудностями, обусловленными нехваткой конкретного археологического материала, попытки решения проблемы эгейского урбанизма наталкиваются и на затруднения иного, чисто теоретического порядка, поскольку сама эта проблема является частью гораздо более широкого, можно даже сказать, глобального вопроса о происхождении и природе раннего города как особой формы человеческого общежития. Сам этот вопрос по существу может быть сведен к простой дилемме: что привело к рождению города: революция или эволюция, относительно быстрый переход из одного состояния в другое (т. е. от негорода, что бы мы под ним ни понимали, к городу) или же длительный процесс, разделенный на множество промежуточных этапов или стадий? Как известно, уже Г. Чайлд с его завоевавшей широкую популярность теорией «городской революции»³ не был чужд некоторым сомнениям и колебаниям именно в этом ключевом пункте. Во всяком случае он считал необходимым предупредить своих последователей, заметив как-то, что «городскую революцию невозможно представить, так же как и революцию индустриальную, в виде одного-единственного события. Скорее это был критический пункт в довольно длительном процессе» (Childe, 1958, p. 53). По Чайлду, первые города возникли на грани эпохи неолита и ранней бронзы. Зарождение металлургии было, в его понимании, одной из важнейших, если не самой важной предпосылкой ранней урбанизации (ibid., p. 78 ff.). Однако спустя короткое время после выхода в свет статьи Чайлда, в которой были сформулированы основные положения его теории (Childe, 1950), известный американский социолог Л. Мамфорд считал возможным отодвинуть дату рождения первых городов куда-то в глубины эпохи неолита. Напомним, что к тому времени (декабрь 1958 г.), когда Мамфорд выступил со своим докладом на чикагском симпозиуме, специально посвященном проблемам ранней урбанизации в странах Передней Азии (Mumford, 1960), в печати уже появились сообщения о таких значительных «неолитических городах», как палестинский Иерихон и анатолийский Хаджилар. В своей обычной парадоксальной манере Мамфорд опровергал в этом же докладе чайлдовскую теорию «городской революции» (ibid., p. 232): «Революция означает, что все переворачивается вверх дном и прошлое остается позади. Но город ничего не оставлял позади себя. Напротив, все более и более вещи (уже существующие) собирались и сохранялись здесь. Именно в тесных городских кварталах люди, представлявшие палеолитическую и неолитическую культуры, собрались вместе, с тем чтобы воздействовать и влиять друг на друга». Если Чайлд тщательно отобрал и рассортировал свои известные десять признаков настоящего города (Childe, 1950, p. 11 ff.), то Мамфорд решил, по крайней мере для начала, ограничиться всего двумя: по его словам, ранний город (правда, он осторожно называет его здесь «protocity») мог отличаться от деревни лишь своими размерами и числом жителей, хотя при этом он непременно должен был выполнять функции религиозного центра, чем, собственно, и объясняется, по Мамфорду, концентрация населения в поселениях именно этого типа (Mumford, 1960, p. 230; см. также p. 226, 237).

по некоторым признакам, это были постройки какого-то особого назначения, видимо, тесно связанные с дворцами (Cadogan, 1971, p. 146 f.). К тому же существовали они по большей части очень недолго. За пределами Крита комплексы этого рода до сих пор не обнаружены.

³ Различные оценки этой теории см.: Adams, 1960, p. 33 f.; 1966, p. 18; Daniel, 1968, p. 26, 79; Массон, 1977, с. 7; Berger, 1983, S. 103 f.

Таким образом, еще в 50-е годы определились два основных «камня преткновения» в продолжающейся до сих пор дискуссии о происхождении и характере первых городов: проблема «точки отсчета», т. е. вопрос о том, с какого момента следует начинать историю города,⁴ и тесно связанная с ней проблема критериев, с помощью которых можно отличить город от предшествующего ему негорода. Дискуссия эта еще и сейчас далека от своего благополучного завершения, о чем свидетельствуют довольно обычные даже в новейшей литературе терминологическая путаница и подмена понятий, вследствие которых возникают всевозможные исторические парадоксы и курьезы вроде уже упоминавшихся «неолитических городов» (Kenyon, 1957, p. 74 ff.; Глазычев, 1980, с. 27; Мелларт, 1982, с. 83 слл.; ср.: Hammond, 1972, p. 18, 98, 151; Массон, 1976, с. 139 слл.; Berger, 1983, S. 109 f.) или «городов», в которых, по признанию самих описывающих их авторов, подавляющую массу населения составляли крестьяне-земледельцы, как это было, например, в крупнейших поселениях древних майя или йорубов (Кочакова, 1968, с. 65 слл.; Гуляев, 1984, с. 40; ср.: Trigger, 1972, p. 577). В основе заблуждений такого рода лежит, как нам кажется, субъективная неспособность или, может быть, нежелание мысленно охватить всю огромную временную протяженность процесса градообразования или, если выразиться несколько иначе, ту колоссальную историческую дистанцию, которая отделяет город в собственном значении этого слова от всевозможных его предшественников, прототипов, ранних эмбриональных форм, внешне с ним схожих, но по существу еще не имеющих права так называться. Возможно, уже сейчас следовало бы, учитывая их морфологическое и отчасти также функциональное сходство с собственно городом, ввести в употребление некое охватывающее все эти формы обозначение, например «урбаноморфные» или «урбанизированные поселения»,⁵ разделив сообразно с этим сам процесс урбанизации на два основных этапа (или, может быть, типа). Историческое содержание одного из них можно было бы свести к вызреванию различных архетипов или прототипов города. Во всяком случае традиционное представление о непосредственном перерастании деревни в город, следствием чего было бы возникновение извечной противоположности этих двух типов поселений, сейчас воспринимается как сильно устаревшее и грубо упрощающее реальный ход событий (ср.: Berger, 1983, S. 111 f.).

Уже а priori представляется маловероятным, чтобы город как особый тип поселения и вместе с тем особого рода социальный организм, не только не исчезающий, но, напротив, достигающий своего наивысшего расцвета в условиях современной индустриальной цивилизации, мог возникнуть и утвердиться в результате одного сравнительно короткого скачка еще в ту пору, когда только зарождались древнейшие из всех известных нам классовых обществ. Логичнее было бы предположить, что подобно другим универсальным историческим категориям, таким, как государство, классы, частная собственность и т. п., город прошел весьма длительный путь развития, прежде чем стал самим собой не

⁴ На реально существующую опасность «беспредельного расширения хронологических и пространственных рамок процессов урбанизации» в свое время совершенно оправданно указывал В. М. Массон (1975, с. 12).

⁵ Попытки разработки такого рода новой терминологии уже предпринимались некоторыми западными историками, хотя в отдельных случаях они ведут к прямому отказу от употребления самого термина «город» и соответствующего ему понятия (см., напр.: Narr, 1968, S. 37 ff.; Vithinghoff, 1977, p. 775).

только номинально, но и субстанциально. На этом пути неизбежно должны были возникать многообразные промежуточные, или гибридные, формы поселений, соединяющие в себе признаки города с признаками его диалектической противоположности — первобытного негорода. В связи с этим уместно напомнить, что даже и в одной более или менее ограниченной исторической плоскости, возьмем ли мы современную индустриальную эру или же предшествующую ей эпоху средневековья, всегда бывает трудно провести четкую разграничительную линию между городом и противостоящей ему деревней. На разделяющей их «ничейной земле» обычно обнаруживаются некие комбинации этих двух «идеальных типов», не совпадающие в полной мере ни с одним из них (Ennen, 1953, S. 22; Wheatley, 1972, p. 604; Grundmann, 1984, S. 86). Эта размытость границ, разделяющих понятие города и деревни в их конкретно-исторической (не теоретической) данности, так или иначе отражена во многих языках мира, как современных, так и более древних (ср.: русское «город» — «городок» — «деревня»; английское «city» — «town» — «village» и т. п.).

Признание географической реальности категории «города-деревни» (некоторые немецкие авторы пытаются выразить ее посредством сдвоенных терминов: Stadtdorf, Ackerburg и т. п.; см.: Ennen, 1953, S. 21) неизбежно влечет за собой признание также и исторической ее реальности в качестве не просто одного из звеньев в эволюционной цепи становления городского уклада жизни, но весьма длительного переходного состояния, в сущности, составляющего целую историческую эпоху. Само это состояние мы можем представить себе как процесс постепенного накопления собственно урбанистических качеств и признаков или, что то же самое, как постепенное повышение уровня урбанизации в рамках некоего до поры до времени нерасчлененного единства противоположностей, т. е. в данном случае города и деревни (ср.: Mumford, 1960, p. 228). Само собой разумеется, что рано или поздно этот процесс должен был привести к окончательному размежеванию города и деревни в качестве двух резко различающихся типов поселения. Весь вопрос как раз в том и состоит, когда такое размежевание могло произойти.

Историческая специфика города заключается в том, что он является поселением в полном смысле этого слова полифункциональным (Trigger, 1972, p. 577, 592), что, собственно, и обеспечивает ему с самого момента его возникновения то доминирующее положение, которое он занимает среди всех прочих поселений (деревень или поселков), выполняющих, как правило, не более одной-двух функций одновременно. Разумеется, сам набор функций, отличающих город от негорода, нельзя рассматривать просто как некую механическую сумму признаков, не меняющуюся сколько-нибудь существенно от перемены мест составляющих ее слагаемых.⁶ В этом наборе обязательно должен быть выделен какой-то один, можно сказать, существенный признак, являющийся, по определению Г. А. Кошеленко (1983, с. 220), «структурообразующим элементом, определяющим главное в характере города». В противном случае мы можем очень легко оказаться в положении тех не столь уж немногочисленных авторов, которые вообще отрицают возможность выработки единого, одинаково пригодного для всех исторических эпох, стран и народов определения самой катего-

⁶ В таком механическом подходе к пониманию природы города справедливо обвиняли Г. Чайлда некоторые из его оппонентов (см., напр.: Adams, 1966, p. 11 f.; Wheatley, 1972, p. 611 f.).

рии города.⁷ Конечно, можно еще долго спорить о том, что же считать этим наиболее важным или сущностным признаком города (одно перечисление мнений, уже высказанных по этому вопросу, вероятно, заняло бы не один десяток страниц). Тем не менее, ориентируясь на известные высказывания классиков марксизма (см. в особенности: Маркс, Энгельс, т. 3, с. 49 сл.; т. 21, с. 163), а также на некоторые, на наш взгляд, достаточно авторитетные суждения современных ученых (Bagby, 1958, p. 163; Sjöberg, 1965, p. 56; Кошеленко, 1983, с. 222 сл.), мы можем сейчас определить город в самом широком значении этого слова, прежде всего как устойчивую форму территориальной консолидации гетерогенного населения, непосредственно не занятого в сфере сельскохозяйственного производства.⁸ Необходимо иметь в виду, что этот главный, сущностный признак города обычно появляется в достаточно ясно выраженной форме, предполагающей окончательно определившуюся дихотомию города и деревни как двух антагонистически противоположных типов поселения, лишь на сравнительно поздних стадиях развития основных общественных формаций Древнего Мира, но никак не в момент их зарождения в начале бронзового века.⁹ Следовательно, в данный момент наша задача заключается в том, чтобы попытаться наметить хотя бы самую общую, во многом, конечно, лишь предварительную, еще нуждающуюся в дальнейшей доработке и уточнениях схему начальных этапов процесса урбанизации, предшествующих возникновению собственно города (ср.: Redman, 1978, p. 182 ff., 202, 224).

Наиболее ранний из этих этапов и соответствующий ему тип поселения может быть обозначен условным термином «квазигород» (ср.: Sjöberg, 1965, p. 56, 58). Под квазигородом мы подразумеваем земледельческое поселение, обладающее некоторыми чисто внешними признаками, которые сближают его с городом.¹⁰ Такими признаками могут считаться 1) наличие более или менее

⁷ Против тенденций такого рода вполне оправданно выступает О. Г. Большаков (1984, с. 9 сл.; там же см. ссылки на работы, в которых эти тенденции проявились наиболее отчетливо).

⁸ Мы сознательно выбираем здесь эту достаточно широкую формулировку, принимая во внимание, что «население, непосредственно не занятое в сфере сельскохозяйственного производства» может означать и людей, занимающихся различными видами несельскохозяйственного труда, т. е. ремесленников, рабочих, торговцев и т. п., и людей, вообще не причастных к материальному производству, т. е. представителей господствующих классов, обслуживающих их рабов и свободных, интеллигенцию, представителей государственной администрации, военных, священнослужителей, наконец, деклассированные элементы (Sjöberg, 1965, p. 56). Заметим попутно, что в древности, в особенности в странах античного мира, эта вторая категория городского населения численно нередко лишь немногим уступала первой или даже превосходила ее.

⁹ В противном случае мы должны были бы зачислить в разряд «городов», как это, впрочем, обычно и делается, множество относительно крупных поселений, в которых люди, занятые обработкой земли и другими видами сельского труда, составляли подавляющее большинство или во всяком случае весьма значительную часть населения (ср.: Hammond, 1972, p. 8; Trigger, 1972, p. 577; Сайко, 1973, с. 17; Berger, 1983, S. 110 f.; Grundmann, 1984, S. 83 ff.). Многие авторы склонны думать, что ни Древний Восток, ни даже античный мир никогда не знали настоящего антагонизма между городом и деревней или же узнали его лишь в сравнительно позднее время (см.: Humphreys, 1972, p. 766; Штаерман, 1973, с. 7; Оппенхейм, 1980, с. 111; Андреев, 1983, с. 275; ср.: Дьяконов, 1973, с. 32 сл.; Кошеленко, 1983, с. 222, 245).

¹⁰ В известном смысле аналогом квазигорода можно считать географически гораздо шире распространенное городище: в нем некоторые авторы видят особую форму первобытного поселения, из которого или на основе которого непосредственно вырастает город (см., напр.: Саваренская, 1984, с. 7). Понятия эти, однако, нельзя расценивать как вполне тождественные, поскольку они принадлежат к двум разным таксономическим рядам. Городище пред-

массивных оборонительных сооружений; 2) компактная застройка всей площади поселения, при которой почти не остается места для садов и приусадебных участков, как в обычных деревнях, хотя могут существовать специальные загоны для скота; 3) более или менее правильная планировка, нередко с ясно выраженной сеткой кварталов и улиц; 4) наличие элементов коммунального благоустройства, например вымостки улиц, колодцев, дренажных стоков и т. п.; 5) более или менее благоустроенные жилища, отличающиеся от обычных деревенских хижин в чисто архитектурном плане и по уровню бытового комфорта; 6) наличие более или менее ясно выраженного ритуального центра в виде открытой церемониальной площадки, или закрытого святилища, или, наконец, комбинации того и другого. Из этих шести признаков, выделяющих квазигород среди всех других видов и форм первобытных земледельческих поселений, совершенно обязательными должны быть признаки лишь второй и пятый. Все остальные в зависимости от конкретных условий места и времени могут либо появляться, либо исчезать. Как показывает практика, уже нескольких десятков каменных двух- и трехэтажных домов, компактно сгруппированных на небольшом пространстве, бывает вполне достаточно для того, чтобы такое поселение могло произвести на непредубежденного путешественника, впервые увидевшего его со стороны, или на производящего раскопки археолога впечатление настоящего, хотя и небольшого города.¹¹

Исторически квазигород представляет собой весьма устойчивую форму человеческого общежития, без сколько-нибудь существенных изменений переходящую (там, где для этого существуют благоприятные условия) из одной эпохи в другую (ср.: Myres, 1944, p. 9 ff.; Eppen, 1953, S. 21 f.). В сущности, если вдуматься, не столь уж велика разница между такими его разновидностями, разделенными огромными, исчисляемыми тысячелетиями хронологическими промежутками, как, например, неолитические поселения Анатолии Чатал Гюйюк и Хаджилар, с одной стороны, и многие деревни, существовавшие на той же территории в эпоху римского, византийского и затем османского владычества, — с другой. Во многом такая жизнеспособность квазигорода объясняется его идеальной приспособленностью к определенному роду естественной среде, характерной в основном для гористых и засушливых районов Передней и Центральной Азии, Кавказа, Средиземноморья, Северной Африки и Центральной Америки. Во всех этих регионах основными факторами, определявшими выбор места для поселения, его характер и структуру, во все времена оставались крайняя изрезанность рельефа, ограниченность пригодных для обработки земельных массивов, большие природные запасы камня и глины при сравнительном дефиците строительного леса и, наконец, сравнительная редкость источников питьевой воды. Все эти обстоятельства, несомненно, способствовали широкому распространению квазигорода в пределах обширной географической

ставляет собой особый род археологических памятников, которым в конкретной исторической действительности могли соответствовать самые разнообразные виды и формы поселений: укрепленные земледельческие поселки, т. е. квазигорода, общинные и племенные убежища, резиденции племенных вождей (примитивные замки), наконец, протогорода и ранние города (ср.: Filip, 1969, Bd 2, S. 69 f.).

¹¹ Классическим примером квазигорода могут считаться мексиканские пуэбло. Американский археолог Роув относит их к особой категории «поселений городского типа» (urban settlements), видя их главное отличие от собственно города в том, что основную массу их населения составляли охотники, рыболовы, земледельцы и скотоводы (цит. по: Wheatley, 1972, p. 613).

зоны, простирающейся от Испании и Марокко на западе до Тибета и Непала на востоке.¹² Повсюду на этой территории мы встречаем практически один и тот же тип поселения (хотя, разумеется, в весьма многообразных его вариантах), характеризующийся чрезвычайно плотной застройкой, тенденцией к развитию жилого массива скорее в вертикальном, чем в горизонтальном направлении (преобладание так называемых «башенных жилищ»), особой заботой о неприступности поселения (Джандиери, Лежава, 1976).

Разумеется, необходимо учитывать не только экологическую, но также социальную и экономическую обусловленность важнейших специфических особенностей квазигорода. Одной из главных предпосылок возникновения этой формы поселения следует считать переход от охоты и собирательства к оседло-земледельческому образу жизни, с чем обычно связывается резкое увеличение плотности населения и его концентрация в пунктах, наиболее благоприятных с хозяйственной точки зрения (Массон, 1981, с. 119 сл.). Уже на ранних стадиях эпохи неолита появляются поселения квазигородского типа, которые и по занимаемой ими площади, и, видимо, также по численности населения превосходят даже некоторые из так называемых «городов» более позднего времени (ср.: Redman, 1978, p. 206 ff.; 215). Примером может служить уже упомянутый Чатал Гюйюк в Анатолии, площадь которого составляла около 13 га (Мелларт, 1982, с. 83). Судя по всему, квазигород возникает еще в условиях вполне жизнеспособного первобытнообщинного строя и если в дальнейшем продолжает существовать как особый вид поселения также и в некоторых классовых обществах, то лишь в тех, где традиции первобытной эпохи были особенно сильны и где сохранялся особенно мощный слой свободного или полусвободного крестьянства. По своей социальной природе квазигород может быть квалифицирован как поселение земледельческой общины, внутренне еще очень слабо дифференцированной. Типичная для поселений этого рода стандартность жилой застройки, отсутствие построек, которые могли бы быть отнесены к разряду «особняков», «вилл» или «господских домов», свидетельствуют о принципиальной социальной однородности занимающих их коллективов. Конечно, с течением времени в этой изначально однородной и неподвижной социальной среде должны были происходить определенные изменения, появлялись зачаточные формы имущественной стратификации и хозяйственной специализации. Однако среди основной массы общинников еще очень долго продолжали сохранять свою силу традиции первобытной солидарности и равенства. Для подавляющего их большинства основным способом жизнеобеспечения оставалось примитивное сельское хозяйство. Возникавшие в отдельных семьях зачатки ремесленной специализации, как правило, не подымались выше уровня домашних подсобных промыслов или же так называемого «общинного ремесла» (Массон, 1972, с. 10 сл.; 1976, с. 62 сл.; Сайко, 1973, с. 69). Всем этим, собственно говоря, и обеспечивалось длительное выживание квазигорода в качестве особой формы поселения.

Промежуточное положение между квазигородом и собственно городом занимает еще один специфический тип поселения, который мы предложили бы

¹² Эта зона дает наиболее впечатляющие и вместе с тем исторически наиболее устойчивые образцы поселений квазигородского типа, хотя отдельные их экземпляры и даже целые «гнезда» можно встретить и далеко за ее пределами. Едва ли не самым северным из поселений этого рода может считаться знаменитая Скара Бра на одном из островов Оркнейского архипелага у берегов Шотландии.

обозначить также в достаточной степени условно термином «протогород». Термин этот уже давно и теперь уже достаточно широко используется в научной литературе, варьируясь с такими словосочетаниями, как «ранний город», «первый город» и т. п., без сколько-нибудь четкого смыслового разграничения между ними. Обычно под протогородом понимается некая зачаточная форма собственно города, отличающаяся от его более зрелых, окончательно определившихся форм не столько качественно, сколько количественно, по степени выраженности, в общем, одних и тех же признаков или в более редких случаях — по полноте их «ассортимента» (Mumford, 1960, p. 230 f.; Hammond, 1972, p. 151; Renfrew, 1972, p. 402; Массон, 1981, с. 108, 119). Нам кажется, однако, что протогород был в значительной мере явлением *sui generis* со своими специфическими особенностями, отличающими его в равной степени и от предшествующего ему квазигорода, и от сменяющего его собственно города. Исторически протогород как особый переходный тип поселения соответствует эпохе классового образования и становления государства (политогенеза), хотя во многих районах Древнего Мира он продолжает существовать также и на стадии раннеклассовых общественных формаций, вплоть до их окончательного изживания. Основными предпосылками его зарождения могут считаться: 1) относительно высокий уровень развития общественного производства, в особенности сельского хозяйства, обеспечивающий появление прибавочного продукта и создающий условия для его концентрации в определенных местах; 2) далеко продвинувшаяся социальная стратификация общества по имущественному и статусному признакам; 3) политическая интеграция первоначально обособленных земледельческих общин и образование хотя бы примитивного государственного аппарата; 4) развитая специализация (профессионализм) в ремесле, военном деле, культовой практике и т. п.

В отличие от квазигорода, являющегося, по крайней мере в своей первоначальной форме, поселением изолированной общины, протогород уже с самого начала выступает в роли объединяющего (интегрирующего) центра целого района или округа, занимая главенствующее положение внутри в одних случаях сравнительно простой, в других же — весьма сложной иерархии поселений. Уже на ранних стадиях своего развития протогород создает вокруг себя своего рода «силовое поле», распространяя свое влияние на все окружающие его поселения и удерживая их под своим контролем.¹³ Так происходит потому, что в отличие от рядовых поселений сельского или квазигородского типа, выполняющих в рамках такой иерархии, как правило, простейшие, чисто производственные функции, протогород даже и в наиболее примитивной (первичной) своей форме способен выполнять уже и иные, иногда довольно сложные задачи экономического, социального, политического, военного и идеологического характера, причем с течением времени число этих задач все более увеличивается (ср.: Trigger, 1972, p. 579 ff.; Массон, 1977, с. 6; 1980, с. 23 сл.). Этому многообразию функций, выполняемых протогородом в пределах возглавляемой им иерархии поселений, обычно соответствует и разнородность его населения. Оно намного сложнее, разнороднее по своему социальному, профессиональному

¹³ В их простейшей форме такого рода системы расселения засвидетельствованы, с одной стороны, археологически для южного Двуречья и Туркмении (Adams, Nissen, 1972, p. 18; Adams, 1972, p. 742; История Древнего Востока, 1983, ч. 1, с. 107 сл.; Массон, 1976, с. 142 сл.), с другой — этнографически для некоторых районов Тропической Африки (Община в Африке, 1978, с. 232 сл.).

и этническому составу, чем население любого, даже самого крупного квазигорода. Естественно, что чем больше сам протогород и чем более важное место занимает он в общей системе поселений того или иного района или государства, тем сложнее выполняемые им общественные функции и тем сложнее и разнообразнее состав его населения.

Как поселение с ярко выраженными признаками экономического, политического и идеологического центра определенного округа, района или даже целого государства протогород, несомненно, стоит в том же типологическом ряду, что и собственно город. Неудивительно, что их постоянно смешивают друг с другом, хотя в действительности они представляют собой две сильно различающиеся исторические категории. Даже в своих наиболее зрелых, можно сказать, классических формах, обладающих наиболее полным набором урбанистических признаков, протогород все же остается особым, еще достаточно архаичным типом поселения, не тождественным городу в самом точном значении этого слова. Важнейшая специфическая особенность протогорода, отличающая его от собственно города, заключается в том, что, несмотря на отмеченную выше гетерогенность его населения, его основную массу составляли, как правило, крестьяне-земледельцы, сохранявшие при переселении в город свои права членов поземельной общины и, что особенно важно, свою землю и основной род занятий — земледелие и скотоводство.¹⁴ Таким образом, формально став «горожанином», крестьянин переносил в новую среду обитания свой хозяйственный и житейский уклад, подвергшийся лишь незначительным изменениям в результате неизбежного приспособления к этой среде.

Классическим примером таких крупных агломераций земледельческого населения могут служить так называемые «города» древнего Шумера, по крайней мере в той их форме, в которой они возникли и существовали еще на заре истории Двуречья в IV—III тыс. до н. э. Как признают такие авторитетные исследователи шумерской цивилизации, как Фрэнкфорт, Эдмс, Оппенхейм (Frankfort, 1951, p. 57 f., 63 f.; Adams, 1972, p. 739, 743 f.; Оппенхейм, 1980, с. 113 сл.), подавляющее большинство их обитателей было так или иначе занято в сфере сельскохозяйственного производства.¹⁵ Сейчас довольно трудно понять, что заставляло древних земледельцев южного Двуречья бросать насиженные места в каких-нибудь хуторах или деревушках и перебираться в огромные человеческие скопища типа Урука или Лагаша, жертвуя привычками и даже удобствами, связанными с нормальной сельской жизнью. Не исключено, что во многих случаях это переселение крестьян в так называемые «города» осуществлялось принудительно, не столько ради них самих, ради их удобств и житейских потребностей, сколько в интересах государства, стремившегося держать под своим контролем максимум рабочей силы, не давая ей распыляться в пространстве, а главное — не уступать ее, так же как и обрабатываемую ею землю, враждебным государствам. Создается впечатление, что только такого рода стимулы могли вызвать к жизни такие на первый взгляд противоестественно огромные скопления земледельческого населения, какими были «первые города»

¹⁴ Применительно к «ранним городам» эта особенность была отмечена уже Г. Чайлдом (Childe, 1950, p. 11; Чайлд, 1956, с. 255; см. также: Berger, 1983, S. 114).

¹⁵ К тому же мнению склоняется, судя по всему, и И. М. Дьяконов, который в своем очерке о Двуречье протописьменного периода берет в кавычки сам термин «город» (История Древнего Востока, 1983, ч. 1, с. 139).

Шумера.¹⁶ Вероятно, именно постоянная напряженность, существовавшая между расположенными в близком соседстве номовыми государствами, создавала в этой части Двуречья эффект, подобный действию двух электродов, погруженных в ванну с раствором, и стимулировала рост поселений протогородского типа. Напомним для сравнения, что в Египте, где очень рано сложилось единое централизованное государство в масштабе целого речного бассейна, протогородские центры то ли так и не вышли из полужембрионального состояния, то ли, будучи лишенными достаточно четких контуров, незаметно сливались с окружающей их сельской местностью (Wilson, 1960, p. 124 ff.; Hawkes, Woolley, 1964, p. 417; Hammond, 1972, p. 76; ср.: Kemp, 1972; Саваренская, 1984, с. 12 сл.).

Едва ли существенно иными были пути, по которым шел процесс градообразования также и в других частях древней ойкумены. Даже в государствах античного мира поселения протогородского типа, т. е. с преимущественно крестьянским населением, в течение достаточно долгого времени занимали доминирующее положение. Именно так можно понять известное высказывание Маркса в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» (Маркс, Энгельс, т. 46, ч. 1, с. 470): «История классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии». Ф. Энгельс называл республиканский Рим «крестьянским городом» (Маркс, Энгельс, т. 20, с. 164, 647). Еще в сравнительно недавние исторические периоды «города» с преимущественно земледельческим населением, т. е., в сущности, опять-таки протогорода, были известны в ряде районов Мезоамерики и Центральной Африки («города» майя и ацтеков, «города» йорубов и пр.; см.: Кочакова, 1968, с. 65 сл.; Trigger, 1972, p. 577; Община в Африке, 1978, с. 232 слл.; Гуляев, 1984, с. 40 слл.).

Все эти примеры достаточно ясно показывают, что, где бы и в каких конкретных условиях ни возникал протогород, его основным конституирующим (градообразующим) элементом всегда оставалось крестьянство, организованное в поземельные и большесемейные общины (ср.: Массон, 1976, с. 142 сл.). Иначе говоря, тот тип поселения, который мы привыкли называть «ранним городом», в действительности представлял собой специфическую форму территориальной консолидации земледельческого населения. Такая консолидация или то, что греки называли «синойкизмом», могла происходить как спонтанно, в силу внутренней потребности первичных — сельских — общин в политическом сплочении (чаще всего в целях совместной самозащиты), так и искусственно, под нажимом высшей государственной власти. Чаще всего (особенно на Востоке) основным ядром, вокруг которого формировался протогород, было наиболее почитаемое в данной местности святилище, что дает основание ряду авторов говорить об особой интегрирующей роли религиозных центров на начальных фазах процесса градообразования (Mumford, 1960, p. 226, 230, 237; Adams,

¹⁶ Такой крупный авторитет в области археологии Двуречья, как Р. Эдмс, обращает внимание на «в сущности искусственный характер ранних месопотамских городов, по крайней мере с социально-экономической точки зрения». По его словам, «это были своего рода сплавы, созданные специально для того, чтобы увеличить экономическое благосостояние, а также наступательную и оборонительную мощь очень небольшого, политически сознательного верхнего слоя . . . большая часть населения была привязана к городу только в различающихся степенях принуждения, была лишь косвенно затронута многими наиболее характерными городскими институтами и лишь с известным преувеличением может быть охарактеризована как существенно урбанизированная в своих взглядах на жизнь» (Adams, 1972, p. 743; см. также: История Древнего Востока, 1983, ч. 1, с. 139).

1966, p. 121, 125 ff., 148 f.; Hammond, 1972, p. 38; Оппенгейм, 1980, с. 113 сл.; Berger, 1983, S. 128 f.). Однако как бы ни протекал и какие бы формы ни принимал сам этот процесс, в то время он еще не мог привести к четкому территориальному размежеванию двух основных групп производящего населения: наиболее многочисленной группы, занятой в сфере сельского хозяйства, и менее многочисленной группы, находящейся вне этой сферы. Следовательно, здесь не могла еще возникнуть сколько-нибудь ясно выраженная противоположность между городом и деревней. Оба эти типа поселения пока еще составляли единое целое, которое мы и называем «протогородом».¹⁷

В связи с этим следует обратить внимание также и еще на одно немаловажное обстоятельство: в раннеклассовых обществах, с которыми обычно связывается весь комплекс представлений о так называемой «городской революции», процесс отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства, в котором основоположники марксистской исторической науки видели первооснову антагонизма города и деревни (Маркс, Энгельс, т. 2, с. 49 сл.; т. 21, с. 163), протекал по большей части чрезвычайно замедленными темпами. Об этом свидетельствует целый ряд характерных фактов. В раннединастическом Шумере, так же как и в некоторых других государствах древней Передней Азии, даже высококвалифицированные ремесленники, занятые в храмовых и дворцовых хозяйствах, получали за свою работу земельные наделы и, следовательно, должны были в той или иной степени заниматься хлебопашеством, садоводством и другими видами сельского труда. Как справедливо заметил по этому поводу И. М. Дьяконов (1968, № 4, с. 9, примеч. 39), «говоря о разделении труда между ремеслом и земледелием, не следует абсолютизировать понятие этого разделения». Добавим от себя, что такая абсолютизация тем более опасна, что основную массу ремесленного населения в древнейших классовых обществах, где бы они ни возникали, составляли, по всей видимости, не специалисты высокой квалификации или full-time specialists, как называл их Г. Чайлд, а люди, занимающиеся всевозможными домашними промыслами в перерывах между работой на полях или выпасом скота, т. е., в сущности, полуремесленники-полукрестьяне.¹⁸

¹⁷ Небольшие земледельческие поселки, деревни и хутора, составлявшие в совокупности то, что весьма условно может быть названо «сельской периферией» протогорода, едва ли могут считаться его противовесом в социальном и экономическом планах. Скорее они были его, так сказать, продолжением и развитием, его хозяйственными «филиалами» или «аванпостами», вынесенными в зону непосредственной производительной деятельности основной массы его населения, или, иначе говоря, звеньями одного пространственного континуума. Не случайно в некоторых странах Древнего Мира четкая грань между так называемым «городом» и его сельской округой нередко отсутствовала. Одно здесь незаметно переходило в другое. Подвергнутая археологическому изучению, такая система расселения у одних исследователей создает впечатление почти полного отсутствия настоящих городских центров, у других же, напротив, — впечатление огромных мегалополисов, протянувшихся на многие километры. Так воспринимаются некоторыми авторами, например, «столичные города» древнего Египта: Мемфис и Фивы (Саваренская, 1984, с. 12, 18), церемониальные центры древних майя (Гуляев, 1984, с. 54 сл.; ср.: Willey, 1960, p. 44 f.). С другой стороны, некоторые шумерские «города», например Урук, поглощали в процессе своего становления все расположенные в непосредственной близости от них поселения сельского типа, образуя вокруг себя зону «свободной земли», простирающуюся на 15 километров от стен «города» (Adams, 1972, p. 739, 742 f.; Adams, Nissen, 1972, p. 17 ff.; Дьяконов, 1973, с. 32; Redman, 1978, p. 266 f.).

¹⁸ Разграничить так называемое «домашнее» или «общинное ремесло» и ремесло специализированное, профессиональное как в синхроническом, так и в диахроническом планах, — задача не менее трудная, чем проведение четкой демаркационной линии между первым городом и предшествующим ему негородом. На чисто археологические трудности решения

Вся эта масса производителей была рассеяна по множеству сельских и домашних (большесемейных) общин и уже в силу своей зависимости от этих общин, а также и в силу привязанности к своим земельным наделам не имела возможности свободно передвигаться и скапливаться в тех или иных местах, если только такому перемещению не подвергались сами общины, в состав которых входили ремесленники этой категории.

Что же касается сравнительно немногочисленных мастеров высокой квалификации, живших в основном за счет своей профессии, то они тоже были сильно ограничены в свободе передвижения, поскольку в своем подавляющем большинстве находились под контролем и в распоряжении дворцовой или храмовой администрации, которая, скорее всего, и определяла места для их поселения. При этом часть специалистов такого рода могла размещаться в самом дворце или храме или же где-то в непосредственной близости от него, другая же, возможно, более многочисленная их часть расселялась по окрестным городкам или деревням либо попеременно с обитавшими там земледельцами, либо в особых «рабочих поселках». Такая система существовала, например, в Угарите, где состоявшие на царской службе специалисты, так сказать, высокого класса получали от дворца в условное держание земельные наделы и селились в тех общинах, где находилась выданная им земля. Так, литейщики меди и бронзы проживали в 12 различных селениях, разбросанных по территории Угаритского государства (Гельцер, 1965, с. 58). В хурритской Аррапхе засвидетельствованы специализированные общины (димту) ткачей, гончаров, кузнецов, плотников, торговцев и даже писцов. Такие общины имели землю в коллективной собственности и вели на ней свое хозяйство. Число общин было ограничено: каждая специальность была представлена только одной общиной на всю страну (Янковская, 1981, с. 306 сл., 315, 321). Последнее обстоятельство свидетельствует, во-первых, об активном вмешательстве государства в спонтанный процесс развития ремесленной специализации, во-вторых, о том, что на определенном этапе развития древневосточных и иных подобных им цивилизаций такая специализация отнюдь не обязательно имела своим следствием скопление ремесленников различных профессий в городских центрах (ср.: Trigger, 1972, p. 583).

Итак, мы видим, что в древнейших классовых обществах ремесленники отнюдь не были теми свободно блуждающими индивидами, из скоплений которых в более поздние времена, согласно общепринятым воззрениям, постепенно вырастали средневековые европейские города. Очевидно, должен был пройти немалый исторический срок, прежде чем ремесленная прослойка смогла, наконец, выдвинуться на первый план как более или менее самостоятельный и достаточно весомый благодаря своей численности и социальному престижу градообразующий элемент.¹⁹ На ранних этапах урбанизации, падающих на

этой проблемы в свое время обратил внимание В. М. Массон (1970, с. 20). Как указывал тот же автор в другой своей работе (Массон, 1972, с. 117), о настоящей специализации ремесленного производства и отделении его от сельского хозяйства можно говорить только применительно к периодам развитой и поздней бронзы, т. е. не ранее II тыс. до н. э. О длительном сосуществовании домашнего ремесла с ремеслом специализированным см.: Сайко, 1973, с. 69 сл.

¹⁹ Вряд ли можно согласиться с Э. В. Сайко (1973, с. 17), которая, неодобрительно отзываясь об авторах, «акцентирующих внимание на слабости и низком уровне ремесла и торговли в период становления города», пытается парировать их доводы с помощью такого рассужде-

IV—III тыс. до н. э., такая роль ей была еще явно не под силу. Отдельные ремесленные мастерские, иногда даже целые их комплексы (так называемые «ремесленные кварталы»), открытые в некоторых достаточно древних поселениях Передней и Средней Азии, например в Ярм-Тепе (северный Иран), Алтын-Депе (Южная Туркмения) и др., упоминания о различных ремесленных профессиях в древнейших клинописных текстах вряд ли могут существенно изменить эту картину, ибо даже и в тех местах, где уровень концентрации ремесленного производства был особенно высоким, сами ремесленники составляли лишь незначительное меньшинство в общей массе по преимуществу земледельческого населения «раннего города».²⁰

Пожалуй, в еще меньшей степени могут претендовать на роль основного градообразующего элемента на ранних этапах урбанизации представители прослойки профессиональных торговцев. В древнейших государствах Двуречья они были преимущественно торговыми агентами крупнейших храмов или зависели от дворцовой администрации (Дьяконов, 1968, № 4, с. 9; Оппенгейм, 1970, с. 12 сл.; Даидамаев, 1973, с. 65), причем упоминания о них встречаются лишь в довольно поздних письменных источниках. Во II тыс. до н. э. во многих городах Передней Азии появляются особые купеческие кварталы — карум (Оппенгейм, 1970, с. 12; Дьяконов, 1973, с. 50). Такие кварталы, однако, ни в коем случае не могут считаться структурным ядром древневосточного «города» хотя бы уже потому, что, как правило, они возникают намного позже самого «города», в качестве его своеобразных придатков. Нередко они находились вне черты городских стен вблизи от пристани, где размещались склады товаров. В известном смысле это были самостоятельные социальные организмы, очень слабо связанные с городской общиной. Как указывает Н. Б. Янковская (1981, с. 42), «возникновение карума (при малоазийских и сирийских городах. — Ю. А.) ничего не меняло в структуре местного города-государства».

Хорошо известно, какую большую роль играла в становлении средневекового европейского города рыночная торговля. Именно рынок был в эту эпоху тем интегрирующим, структурообразующим центром, который стягивал к себе первоначально разрозненных свободных ремесленников и торговцев, организуя их в новое социальное единство — город (Еппен, 1953, S. 67, 300; Пиренн,

ния: «Известно, что первые города очень часто мало чем отличались по своему виду, объему от деревни. Хозяйства древнейших городов носили полунатуральный характер. Ремесло не всегда занимало в нем по объему основное положение. Более того, сами ремесленники могли располагаться со своими лавками за пределами городов. Однако не объем развивающегося явления, а тенденция и возможность его развития являются определяющими». Рассуждая таким образом, можно прийти к выводу, что «первым городом» могла быть палеолитическая охотничья стоянка, так как уже и там были свои специалисты, скажем, по обработке кремня или кости и, следовательно, существовала тенденция к обособлению ремесла от всяких иных видов хозяйственной деятельности. Если сравнивать относительно вяло протекавший процесс ремесленной специализации по степени его воздействия на урбанизацию на наиболее ранних ее этапах с такими факторами, как развитие светской и духовной власти, развитие военного дела одновременно в его оборонительном и наступательном аспектах, то преимущество, несомненно, окажется на стороне этих последних (Город, 1963, с. 546; Berger, 1983, S. 114 f.; Саваренская, 1984, с. 7 сл.; Гуляев, 1984, с. 40 сл.).

²⁰ Как справедливо указывает И. М. Дьяконов (История Древнего Востока, 1983, ч. 1, с. 129), «город» в древности «всегда был центром не только и даже не столько ремесла и торговли, сколько сельскохозяйственного производства». Также и В. М. Массон (1975, с. 12; 1977, с. 7; 1980, с. 25) считает, что «генетически наиболее древней» из всех функций «раннего города» была функция «центра земледельческой округи».

1957, с. 178 сл.). Однако формула свободного рыночного хозяйства едва ли способна дать вполне адекватное объяснение той экономической ситуации, которая может считаться более или менее характерной для протогородских поселений Передней Азии и сопредельных с нею районов древней ойкумены. В большинстве случаев, как было уже указано, основным структурным ядром протогорода с самого момента его возникновения был храм, позже уступивший свое место дворцу или же выступавший в комбинации с ним как единый дворцово-храмовый комплекс.²¹ Вместе с примыкающими к нему домами жреческой знати и высших сановников государства храм или дворец образывал внутри основного жилого массива протогорода какое-то подобие аристократического анклава или сэттльмена, занимающего обособленное положение среди домов рядовых общинников. Передко эта обособленность еще более подчеркивалась посредством возведения особой внутренней стены, превращавшей дворец или храм вместе с группировавшимися вокруг него постройками в настоящую цитадель или город внутри города (Mumford, 1960, p. 233; Оппенхейм, 1980, с. 133). Именно здесь, в пределах этого анклава, по преимуществу концентрировалась правящая элита номового государства. Сюда же в кладовые и житницы дворцов и храмов стекалась основная масса производимого на его территории прибавочного продукта, обычно поступававшая в виде разного рода податей и повинностей, которыми было обложено окрестное земледельческое и ремесленное население. Здесь же значительная часть этого продукта подвергалась перераспределению или же поступала в обменный фонд для приобретения предметов чужеземного импорта.²²

В качестве так называемых «редистрибутивных центров» дворцы и храмы выполняли в древнейших классовых обществах Востока и Запада функции экономической интеграции, отчасти предвосхищающие рыночные функции

²¹ Хронологическое соотношение храма или дворца с «ранним городом» остается одной из нерешенных урбано-археологических проблем. Вероятно, в ряде случаев монументальные сооружения такого типа предшествовали протогороду в качестве изолированных ритуально-административных центров, которые существовали в окружении беспорядочно разбросанных по окрестностям земледельческих поселений. В некоторых регионах Старого и Нового Света (Египет, возможно, также Хеттское царство, древнее Перу, государства майя) системы такого рода не были окончательно изжиты еще и в эпоху расцвета сложившихся здесь древнейших цивилизаций (кроме литературы, указанной выше, в примеч. 17, см.: Вгау, 1972, p. 912 ff.; Березкин, 1977, с. 17 сл.). Однако чаще дворцово-храмовый комплекс, по-видимому, возникал одновременно с протогородом в качестве его интегральной, жизненно важной части.

²² Именно дворцово-храмовые комплексы древней Передней Азии и некоторых сопредельных с ней стран (Индия, ахейская Греция, Крит), на наш взгляд, более всего отвечают тому определению города, которое было сравнительно недавно предложено О. Г. Большаковым и В. А. Якобсоном (Дьяконов, Якобсон, 1982, с. 3; Большаков, 1984, с. 10; ср., впрочем: Childe, 1950, p. 11 f.; Sjöberg, 1965, p. 55; Массон, 1981, с. 120; Berger, 1983, S. 110). Согласно этому определению, город представляет собой «населенный пункт, основной функцией которого является концентрация и перераспределение прибавочного продукта». Но в поселениях протогородского типа обе эти функции выполнялись в основном храмом или дворцом. Основная масса населения протогорода, не принадлежащая к этим двум, по выражению Л. Оппенхейма, «великим организациям», была затронута операциями этого рода лишь в минимальной степени. Ее основным уделом был, вне всякого сомнения, тяжелый физический труд на полях и в ремесленных мастерских. В другие исторические эпохи функции концентрации и перераспределения прибавочного продукта могли выполняться и социальными организациями, весьма далекими от города в собственном значении этого слова, например феодальными поместьями, монастырями, армиями во время завоевательных походов, акционерными обществами и т. д. Таким образом, и как универсальное определение города дефиниция Большакова и Якобсона представляется нам методологически не вполне корректной.

позднейших городов (Polanyi, 1960, p. 341 ff.; Adams, 1966, p. 121 ff.; Renfrew, 1972, p. 296 f.; Berger, 1983, S. 127). В этом смысле дворцово-храмовый комплекс может считаться воплощением и носителем собственно урбанистического начала в том сложном симбиозе элементов города и деревни, который был основой протогорода в любом из его вариантов. Тем не менее это урбанистическое начало проявлялось здесь в весьма специфических и архаичных формах. Подобно средневековому феодальному поместью или монастырю дворцово-храмовый комплекс представлял собой, в сущности, всего лишь одно, хотя достаточно крупное и широко разветвленное хозяйство, паразитировавшее за счет зависимого от него производящего населения. В то время как экономика собственно городского типа всегда базируется на сложном взаимодействии множества самостоятельных хозяйственных единиц, как правило, связанных между собой через посредство рынка, в экономической жизни протогорода рыночная торговля, судя по всему, могла играть лишь второстепенную роль, поскольку ее развитие сдерживалось контролем дворцовой администрации и прямым вмешательством государства в процесс свободного обращения товаров. Как верно заметил В. М. Массон (1981, с. 114), весьма популярная среди западных исследователей «торговая модель» древневосточной урбанизации «в применении к столь ранним обществам является модернизацией и преувеличением», поскольку «так называемая торговля велась без всеобщего эквивалента и затрагивала лишь ограниченную сферу тогдашних производств, направленных на удовлетворение потребностей зажиточной верхушки общества, а иногда вообще ограничивалась транспортировкой сырья».²³

То особое, практически близкое к монопольному положение, которое дворцово-храмовое хозяйство занимало в экономике почти всех известных нам древнейших классовых обществ, с течением времени неизбежно должно было привести к усилению изначально заложенных в нем паразитических тенденций в ущерб выполняемым им общественно-полезным функциям интегрирующего характера. Таким образом, дворец или храм постепенно превращались в помеху на пути дальнейшего углубления процесса урбанизации, и перерастание протогорода в настоящий город оказывалось возможным лишь там, где удавалось тем или иным способом ограничить всевластие государственного экономического сектора (такая ситуация сложилась в ряде государств Передней Азии во II—I тыс. до н. э.; см.: Дьяконов, 1968, № 4, с. 21), либо там, где этот сектор с самого начала по тем или иным причинам не смог сформироваться, как это было в странах античного мира.

Настоящее обособление города от деревни, т. е. более или менее четкое территориальное размежевание двух основных демографических категорий — населения, постоянно занятого в сфере сельскохозяйственного производства, и населения, стоящего в силу тех или иных причин вне этой сферы, может быть реализовано лишь в условиях вполне развитого, окончательно порвавшего

²³ Можно, вероятно, согласиться с Л. Мамфордом в том, что в древности «рынок был побочным продуктом» концентрации населения в «городах», а не наоборот: «Именно притягательная сила города приводит сюда торговца, который отнюдь не может считаться создателем города» (Mumford, 1960, p. 236; см. также: Дьяконов, 1968, с. 21; Hammond, 1972, p. 40 f.; Янковская, 1973, с. 20; Berger, 1983, S. 118, 126). Даже авторы, оспаривающие известный тезис К. Поляни о преобладании «безрыночной торговли» в очагах древнейших цивилизаций Старого Света, признают известную недоразвитость и вторичность рыночного обмена в общей системе сложившихся здесь экономических отношений (Gledhill, Larsen, 1982, p. 204).

с традициями родового строя классового общества. В таком обществе свободное или полусвободное крестьянство как особый класс либо вообще исчезает, либо сильно сокращается в численности. Значительная его часть подвергается интенсивной социальной эрозии и деградирует, превращаясь либо в подневольных сельских работников, лишенных собственности, т. е. в рабов или прикрепленных к земле арендаторов, либо в сельский и городской пролетариат. Подневольные сельские работники, как правило, не живут в городе, поскольку все они так или иначе привязаны к земле, которую они обрабатывают. Вероятно, именно по этой причине доля земледельцев в составе городского населения резко сокращается или даже совсем сходит на нет, как это было, по всей видимости, в эллинистических государствах и еще позже — в Римской империи. Подавляющее большинство городских жителей теперь составляют люди, не принимающие непосредственного участия в сельскохозяйственном производстве, несмотря на то что многие из них вплоть до самого конца античной эпохи владели землей и жили за счет получаемой ими в различных видах земельной ренты. Так в самом общем виде можно представить превращение протогорода в собственно город, хотя конкретные пути и формы этой трансформации, несомненно, должны стать предметом специальных эмпирических исследований историков и археологов.

Типологическое сходство эгейских цивилизаций II тыс. до н. э. с более или менее синхронными, а также и более ранними цивилизациями Передней Азии, уже и раньше казавшееся возможным, стало совершенно очевидным, после того как были прочитаны документы микенских дворцовых архивов. Наглядно представленное в табличках линейного B письма централизованное дворцовое хозяйство с его рабочими отрядами, широко разветвленным бюрократическим аппаратом, сложной системой учета трудовых и натуральных повинностей окрестного населения находит свои достаточно близкие аналогии в шумерских, хеттских, хурритских, угаритских и иных древневосточных текстах. Это не вызывающее сомнений сходство основных форм социально-экономической и политической организации позволяет расценивать цивилизации Крита и микенской Греции как один из перифирийных вариантов столь типичной для всей эпохи бронзы дворцово-храмовой цивилизации, возникший в зоне контактов Востока и Запада, на стыке ареала древнейших классовых обществ Передней Азии с отсталой варварской Европой.²⁴ Учитывая все это, уже а priori можно было бы ожидать, что основные звенья типологического ряда ранних форм урбанизации, т. е. квазигород, первичная и более зрелая формы протогорода,²⁵ и на греческой почве возникали в той же самой последовательности

²⁴ Это мнение, достаточно широко распространенное в современной научной литературе, в свое время пытался оспорить акад. Тюменев (1959), аргументируя свою особую позицию тем, что сама специфика природных условий Эгейского мира, резко отличающая его от стран так называемых «речных культур», будто бы с самого начала предопределила невозможность возникновения в этом регионе централизованных государственных хозяйств передневосточного типа. Однако, как теперь хорошо известно, такие хозяйства существовали в III—II тыс. до н. э. не только в Египте и Двуречье с их широко разветвленными ирригационными системами, но и во многих районах, где таких систем не было, например в Сирии, Финикии, Анатолии, Закавказье и т. д. (ср.: Массон, 1980, с. 31 сл.; История Древнего Мира, 1982, т. 1, с. 43 сл.).

²⁵ По своим внешним признакам первичная форма протогорода может почти не отличаться от непосредственно предшествующего ей квазигорода, что делает крайне затруднительным разграничение этих двух типов поселения на конкретном археологическом материале. Тем

(хотя, вероятно, не без некоторых локальных модификаций), в которой они появились задолго до этого в странах Древнего Востока. Проверка этой рабочей гипотезы, собственно, и составляет основную цель предпринимаемого нами исследования.

* * *

В настоящей монографии мы сочли целесообразным ограничить рамки своего исследования лишь частью довольно сложного географического ареала, известного в науке под общим наименованием Эгейский мир. Основное внимание будет уделено поселениям островной зоны Эгейды, включая в первую очередь Крит и острова Кикладского архипелага. Такой выбор продиктован некоторыми соображениями общего порядка, и прежде всего тем, что и в эпоху бронзы, и в более поздние исторические периоды островной мир эгейского бассейна играл особую роль в общем развитии всего региона, выполняя благодаря общезвестным особенностям своего географического положения функции типичной контактной зоны, через посредство которой осуществлялись экономические и культурные связи материковой Греции с противоположащим побережьем Малой Азии и более удаленными районами азиатского и африканского континентов. Это особое положение на стыке двух резко различающихся между собой частей древней ойкумены, по всей видимости, было тем главным фактором, который обусловил ярко выраженный динамизм культурного развития островной зоны. Процесс урбанизации начался здесь намного раньше и в целом шел более быстрыми темпами в сравнении даже с наиболее передовыми районами материковой Греции. Во всяком случае самый первый в пределах всего региона вариант протогородской цивилизации сложился на Крите и на Кикладских островах еще в первой половине II тыс. до н. э. На материке этот рубеж был достигнут лишь в следующей половине того же тысячелетия. К тому же материковая Греция уступает Криту и вообще островной зоне также и в степени изученности как отдельных поселений, так и всей системы расселения, существовавшей в пределах каждого из этих районов в эпоху бронзы. Построение более или менее полных типологических рядов как диахронического, так и синхронического плана в настоящее время возможно только на материале островных поселений, что и вынуждает нас отдать им предпочтение перед поселениями материковых областей юга Балканского полуострова.

Весь доступный нам археологический материал расположен в определенной хронологической последовательности сообразно с основными стадиями, или фазами, на которые сейчас принято делить эпоху бронзы, или — в грубо приближительном переводе на абсолютную хронологию — весь временной отрезок, включающий III—II тыс. до н. э. Конечно, мы хорошо сознаем, что сама эта система периодизации представляет собой не более, чем общепринятую условность. Знакомство с конкретными археологическими данными убеждает в том, что и название всей этой эпохи в целом, и названия отдельных ее периодов (периоды ранней, средней и поздней бронзы) в общем неадекватны основным стадиям в эволюции эгейской металлургии, хронологические рамки которых все

не менее между ними существует важное качественное различие, состоящее в том, что ранний протогород, несмотря на внешнюю непрезентабельность его облика, уже выполняет функции интегрирующего центра, объединяющего вокруг себя целое «гнездо» зависимых от него поселений, тогда как квазигороду такие функции обычно несвойственны.

еще остаются сильно «размытыми». Переходы со стадии ранней бронзы на стадию средней бронзы (около 2000 г. до н. э., согласно общепринятой периодизации) и со стадии средней бронзы на стадию поздней бронзы (около 1600—1500 гг. до н. э.) не были ознаменованы никакими принципиальными новшествами в самих способах добычи и обработки металла или серьезными изменениями в ассортименте изготовленных из него изделий. Такие сдвиги происходили, судя по всему, очень медленно и постепенно, отнюдь не скачкообразно и, что особенно важно, не в одно и то же время в разных районах (см. общий обзор развития эгейской металлургии в книге: Branigan, 1974; см. также: Renfrew, 1972, p. 308 ff.; Müller-Karpe, 1974, Bd III, TBd I, S. 427 f.).

По существу деление всей истории Эгейского мира на три основных эпохи, или периода (ранней, средней и поздней бронзы), лишь с незначительными отклонениями дублирует эвансовскую периодизацию истории минойского Крита, в которой также сменяют друг друга в строгой последовательности три периода: раннеминойский, среднеминойский и позднеминойский, под другими названиями повторяющиеся на материке (раннеэлладский, среднеэлладский, позднеэлладский) и на островах Эгейского моря (раннекикладский, среднекикладский, позднекикладский).

Как известно, при создании своей хронологической таблицы Эванс взял за ее основу установленную им последовательность керамических комплексов, зафиксированных во время раскопок в Кноссе и в некоторых других критских поселениях. Продолжительность существования каждого такого комплекса, так же как и время его вытеснения каким-либо другим комплексом, определялась с помощью открытых в данном археологическом контексте предметов египетского импорта, датировка которых считалась надежно установленной. Практическая проверка периодизации Эванса, и прежде всего попытки датировать с ее помощью конкретные археологические памятники или археологически засвидетельствованные события, выявили многочисленные органически заложенные в ней дефекты и аномалии. Ее теоретическая ущербность, так же как и плохая приспособленность к решению конкретных практических задач эгейской археологии, неоднократно отмечалась в научной литературе (см., напр.: Schachermeyr, 1964, S. 38 ff.; Müller-Karpe, 1980, Bd IV, TBd I, S. 113 ff.).

Тем не менее троичная схема Эванса до сих пор продолжает оставаться своеобразным эталоном, на который так или иначе ориентируются создатели большинства существующих сейчас периодизаций эпохи бронзы не только на Крите,²⁶ но и в других субрегионах Эгейского мира, включая материковую Грецию и островную часть Эгеиды. Само собой разумеется, что периодизации эти очень далеки от абсолютного единства. Хронологические рамки отдельных периодов и соответственно основные вехи истории минойского Крита или микенской Греции нередко сильно сдвигаются в них вверх или вниз по временной шкале. Особенно велики расхождения в оценке продолжительности раннеминойской эпохи, или эпохи ранней бронзы. Амплитуда колебаний в определении начала этой эпохи составляет целую тысячу лет — от 3400 г. до н. э., по Эвансу, до 2400 г., по Хатчинсону (Schachermeyr, 1964, S. 46). В датировке более позд-

²⁶ По словам К. Ренфрю (Renfrew, 1972, p. 54), «несмотря на эти трудности, система Эванса работает на Крите, в сущности, потому, что бронзовый век Крита как целое представляет развитие единой культуры». К сказанному, вероятно, следовало бы добавить, что система эта «работает» в значительной степени просто за неизменением лучшей.

них периодов колебания составляют обычно не более 50—100 лет и все более уменьшаются по мере приближения к нашему времени.

В 1950-е—60-е годы некоторыми археологами были предприняты попытки усовершенствования хронологической системы Эванса посредством введения в нее новых точек отсчета для каждой эпохи или периода, каковыми теперь были признаны крупнейшие сейсмические и всякие иные катастрофы, роль которых в истории критской и других эгейских цивилизаций, бесспорно, была чрезвычайно важна. Одновременно весь имеющийся в наличии археологический материал был соотношен с основными строительными фазами, выявленными во время раскопок таких крупных дворцовых комплексов, как Фест, Маллия, Кносс и др. В соответствии с этим принципом вся история минойского Крита была разделена на четыре периода, или эпохи: преддворцовый период — 2600—2000 гг. до н. э.; период старых дворцов — 2000—1700 гг.; период новых дворцов — 1700—1400 гг.; последдворцовый период — 1400—1150 гг. (Platon, 1966, p. 106 sq., 222 sq.; ср.: Levi, 1961, 1962). По существу все эти нововведения носили характер чисто внешней «перелицовки» старой эвансовской схемы, поскольку основные принципы периодизации и датировки отдельных археологических объектов и комплексов при этом почти не изменились. Да иначе и быть не могло, ибо никто из «новаторов» не собирався отказываться от использования керамики в качестве основного датировочного материала со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В последние десятилетия продолжалась интенсивная работа по уточнению хронологических границ, разделяющих основные периоды и эпохи в истории отдельных субрегионов Эгейского мира, а также по совершенствованию методов датировки уже накопленного материала. Наряду с предметами египетского и вообще восточного происхождения при установлении абсолютной хронологии отдельных археологических комплексов (поселений, некрополей и т. д.) все шире используется метод радиоуглеродного анализа, впрочем, далеко не всегда приносящий приемлемые с чисто археологической точки зрения результаты (Renfrew, 1972, p. 217 ff.; Branigan, 1973, p. 352 ff.; Betancourt, Weinstein, 1976).

В нашем исследовании мы не могли обойтись без использования разновременных публикаций и обобщающих трудов, авторы которых придерживаются подчас сильно различающихся систем периодизации и соответственно разных методов датировки описываемых ими памятников, и это, естественно, располагает к компромиссам и к более или менее «либеральным» оценкам бытующих в науке хронологических условностей. Иными словами, в своей работе мы просто вынуждены были ориентироваться на некое, безусловно, весьма растяжимое и изменчивое хронологическое consensus omnium, сложившееся в эгейской археологии за последние 20—30 лет.

ЧАСТЬ I

ЭПОХА
РАННЕЙ
БРОНЗЫ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В переводе на абсолютную хронологию эпоха ранней бронзы в Восточном Средиземноморье и эгейском регионе охватывает все или по крайней мере большую часть III тыс. до н. э. Это определение, как, впрочем, и вся используемая в этой книге хронология, носит во многом условный характер. Вытеснение меди и камня бронзой в технологии эгейских обществ было весьма длительным процессом, который не успел в полной мере завершиться даже и к концу III тыс. По данным К. Брэннигена (Branigan, 1974, p. 74), на Кикладах только после 2200 г. бронза становится безусловно доминирующим индустриальным металлом. Из нее было изготовлено почти 100 % всех подвергнутых анализу артефактов, относящихся к хронологическому промежутку между 2200 и 1700 гг. до н. э. На Крите для этого же самого времени металлографический анализ выявил лишь около 60 % бронзовых изделий, причем 25 из них было изготовлено из так называемой «мышьяковистой бронзы». Исходя из этого основная часть III тыс. в Эгейском мире может быть охарактеризована в равной мере и как начало эпохи бронзы, и как завершение предшествующей эпохи халколита или энеолита (ср.: Matz, 1954, S. 196 ff.; Schachermeyr, 1955, 28 ff., 153 ff.; 1964, S. 19 f.; Caskey, 1971, p. 771; Renfrew, 1972, p. 196 ff., 311 ff.; Branigan, 1974, p. 1 ff.; Hood, 1978, p. 20).¹

Производившееся в недавнее время археологическое обследование островов Эгейского моря и всего Восточного Средиземноморья в целом показало, что лишь незначительная их часть (менее 20 %) была заселена еще до начала III тыс., т. е. в эпоху неолита и халколита. К концу того же III тыс. было заселено уже более 70 % островов того же региона (Cherry, 1985, p. 18). Освоение островных мостов Эгеиды обитателями материка, перебравшимися на острова частью с востока — с территории Малой Азии, частью же с запада — из прибрежных районов материковой Греции, стало возможным лишь после того, как население Эгейского мира в достаточной степени овладело навыками мореплавания и научилось строить вместительные и надежные суда, сначала

¹ Г. Мюллер-Карпе (Müller-Karpe, 1974, Vd III, T Vd 1, S. 145 ff.) включает в постулируемый им «медный век» не только все III тыс., но и значительную часть II тыс., совпадающую с так называемым «среднемикойским» и «среднеэладским» периодами.

весельные, а затем (с конца III тыс.) — также и парусные (ibid., p. 21; Renfrew, 1972, p. 356 f.). Можно предполагать, что эта колонизация островной зоны была обусловлена достаточно широким спектром демографических и экономических причин, в числе которых на первом месте, вероятно, следует поставить естественный прирост населения в прибрежной полосе Эгейды и связанную с ним потребность в освоении новых земельных массивов, затем поиски мест, удобных для рыбной ловли, а также месторождений дефицитных видов сырья, таких, например, как медь, золото, обсидиан, за которым еще в эпоху неолита снаряжались специальные экспедиции на о. Мелос, где были расположены особенно богатые его залежи (Renfrew, Cann, Dixon, 1965; Cherry, 1985, p. 14). Занятия торговлей и пиратством едва ли могли сыграть сколько-нибудь заметную роль в появлении на островах первых постоянных поселений. Скорее сами эти промыслы начали развиваться в пределах Эгейского бассейна как побочный результат процесса колонизации. Но как бы то ни было, именно прочное заселение отдельных островов и целых архипелагов было обязательным условием превращения всего этого района в контактную зону, впервые связавшую между собой берега Азии и Европы, хотя значение этого факта для эпохи ранней бронзы не следует преувеличивать.

Вопреки мнению Фр. Шахермайра, писавшего в ряде своих работ об образовании в III тыс. до н. э. некоей «анатолийско-эгейской культурной общности», или «койне» (Schachermeyer, 1954a, S. 1410 f.; 1955, S. 222; 1964, S. 19 f.), на основе, с одной стороны, близкого этнического и языкового родства населявших этот обширный ареал племен, с другой — тесных экономических связей, существовавших между металлдобывающими внутренними районами Анатолии и активно потреблявшими этот металл прибрежными районами и островами эгейского бассейна, культурное развитие региона шло в эту эпоху крайне неравномерно и носило в целом дискретный характер.

Вся островная зона Эгейды распадалась в то время на несколько более или менее четко разграниченных между собой культурных ареалов. Некоторые из них явно тяготели в своем развитии к близлежащим районам, материковой Греции или Малой Азии, составляя с ними, в сущности, единое культурное целое. Так, острова северо-восточной части Эгейского бассейна, в частности Лемнос и Лесбос, были тесно связаны с наиболее мощным культурным очагом этого времени в северо-западной Анатолии — Троей I—II. Их культура обычно квалифицируется как одно из ответвлений культуры Трои-Гиссарлыка. Ближайшие к материковой Греции острова западной Эгейды, например Эгина или Эвбея, практически едва ли могут быть отделены от основной зоны распространения так называемой «раннеэлладской культуры». В то же время некоторые группы островов развивались более или менее спонтанно и обособленно, создав свою собственную оригинальную культуру, независимую как от ближайших материковых областей, так и от других островов того же региона. Именно такой характер носила так называемая «кикладская культура», принадлежащая к числу наиболее значительных и своеобразных явлений в общем культурном развитии Эгейского мира в III тыс. до н. э. Совершенно особое положение среди других культур региона занимала также и раннеминойская культура Крита.

Время наивысшего расцвета основных культур Эгейского мира, которое приходится на вторую половину III тыс. до н. э., в основном на хронологический отрезок, лежащий между 2500—2300/2200 гг., хотя некоторые авторы

продлевают его до самого конца тысячелетия. было вместе с тем и временем наиболее ясно выраженной их дифференциации. Формы и типы керамики, ювелирных изделий, печатей, скульптуры, погребальных сооружений, жилищ и поселений заметно различаются между собой даже в пределах таких сравнительно небольших культурных зон, как Крит или острова Кикладского архипелага, не говоря уже о более обширных субрегионах Эгейского мира. Более или менее стандартными остаются в пределах всего региона лишь некоторые наиболее простые виды металлических изделий: топоры, резцы, ножи, книжки и т. п. (подробную характеристику материальной культуры этого периода см.: Renfrew, 1972). Тем не менее внимательный анализ имеющегося археологического материала позволяет разграничить внутри региона как в географическом, так и в хронологическом планах несколько наиболее активных очагов экономического и культурного прогресса, каковыми могут считаться северо-западная Анатолия или Трояда с прилегающими к ней островами Лесбосом, Лемносом, Хиосом и др.; Кикладский архипелаг; северо-восточный Пелопоннес (в основном районы Арголиты и Коринфа) и ставший уже в начале III тыс. одним из важных центров эгейской металлургии Крит (Branigan, 1974, p. 102 ff.; общий обзор культуры этих районов см.: Renfrew, 1972).

Ренфрью отмечает целый ряд важных экономических и социальных сдвигов в жизни эгейских обществ, свидетельствующих об их постепенном переходе со стадии неолитической трибы на стадию дворцовой цивилизации. Такими предпосылками зарождения цивилизации были, в его понимании, с одной стороны, освоение металлургии бронзы и тесно связанное с ним развитие ремесленной специализации (Renfrew, 1972, p. 483 ff.), с другой — хозяйственная специализация отдельных субрегионов Эгейского мира и отдельных районов внутри них, которую Ренфрью связывает прежде всего с внедрением в сельское хозяйство (еще в начале III тыс. до н. э.) так называемой «средиземноморской триады», т. е. комбинации злаковых культур с масличными и виноградом (*ibid.*, p. 488 ff.). Хозяйственная специализация в свою очередь влекла за собой, с одной стороны, развитие внутрорегиональной торговли (Ренфрью в отличие от многих других авторов, касавшихся этой проблемы, склонен к явному уменьшению роли переднеазиатской торговли и вообще переднеазиатских влияний в развитии эгейских культур), с другой — формирование так называемых «редистрибутивных систем» в масштабах сначала отдельных общин, затем трибы, чифдом (вождества) и, наконец, государства. В конечном счете обе эти тенденции действовали в одном направлении, и, в сущности, сама местная торговля представляла собой не что иное, как «редистрибутивный обмен» (*ibid.*, p. 473). Одновременно со всеми этими экономическими переменами — и, видимо, в какой-то степени в зависимости от них — происходила перестройка основных социальных структур (общины, племена и т. д.). Появляются симптомы, свидетельствующие о скоплении богатства в руках отдельных индивидов и семей, о зарождении имущественной и статусной стратификации эгейских обществ, об их постепенной трансформации в социальные структуры иерархического типа, т. е. чифдом и ранние государства (*ibid.*, p. 370). Роль всеобъемлющего катализатора во всех этих процессах играла, по мнению того же автора, война, в то время особенно в островной зоне Эгеиды еще практически неотделимая от пиратства. Способствуя быстрому обогащению как отдельных лиц, так и целых общин, она вместе с тем ускоряла их политическую интеграцию, что нашло свое выражение в появлении укрепленных поселений нуклеарного типа, а также

оказывала благоприятное воздействие на развитие специализированного ремесла, особенно в таких его отраслях, как изготовление оружия и кораблестроение (ibid., p. 390 ff.). В отличие от Шахермайра, который готов был видеть в каждой новой группе керамики, открытой на островах или в материковой Греции, свидетельство появления в этих местах каких-то новых этнических элементов, оценивая всю эпоху ранней бронзы как время почти непрерывного передвижения все новых и новых племен через Балканский полуостров, Анатолию и островной мир Эгеиды (Schachermeyr, 1955, S. 153 ff.; 1964, S. 19 ff.), Ренфрью, относясь в целом скептически к такого рода миграционистским и диффузионистским теориям, квалифицирует отдельные культуры, сложившиеся на территории Эгейского мира в течение III тыс. до н. э., как продукты местного, по преимуществу спонтанного развития (Renfrew, 1972, p. 476 ff.).

Нам думается, что в высшей степени суммарно изложенная здесь концепция известного английского археолога дает в целом вполне удовлетворительное объяснение динамики культурных процессов, составляющих в совокупности своеобразный пролог к истории эгейских цивилизаций эпохи средней и поздней бронзы (ср.: Массон, 1974, с. 199 сл.; Christopoulos, 1974, p. 100 ff.; Bintliff, 1977, p. 138 ff., 155 ff.; Hood, 1978, p. 20 ff.). Вместе с тем концепция Ренфрью нуждается в известных оговорках, которые необходимо сделать, прежде чем мы приступим к непосредственному рассмотрению проблемы эгейского урбанизма.

Прежде всего нельзя не учитывать, что далеко не все эгейские культуры эпохи ранней бронзы достигли в своем развитии стадии дворцовой цивилизации, которая была, в понимании Ренфрью, как бы их «общей целью». Некоторые из них еще в хронологических рамках III тыс. до н. э. либо вообще исчезли с исторической сцены, либо настолько трансформировались, что от их первоначального своеобразия почти ничего не осталось. Так было прервано (по-видимому, насильственно) развитие островной культуры северо-восточной Эгеиды с ее главными центрами на островах Лемносе, Лесбосе и Хиосе. Кикладская культура в южной части Эгейского бассейна почти полностью утратила свою первоначальную специфику и на долгое время перестала играть сколько-нибудь заметную роль в общем культурном развитии региона. Впрочем, даже и на завершающих стадиях своей эволюции обе эти культуры были еще довольно далеки от цивилизации дворцового типа. Во всяком случае в нашем распоряжении нет никаких данных, которые могли бы прямо указывать на приближение этого нового этапа социального и культурного развития. Там же, где признаки такого рода имелись в наличии, как это было, например, в Трое на восточном берегу Эгейского моря и в Арголиде на противоположном западном берегу, и где, видимо, уже успели сложиться некие прототипы дворцовых государств, главными центрами которых были хорошо укрепленные цитадели — Троя I—II, Лерна, Тиринф и др.,² эти ранние зачатки дворцовой цивилизации были насильственно уничтожены в результате, по всей видимости, очередного передвижения племен и процесс становления классов и государства был если и не совсем прерван, то во всяком случае надолго приостановлен.

² О том, что эти цитадели были не просто резиденциями племенных вождей, как часто определяется их статус, но, согласно теории Ренфрью, также и центрами довольно сложных редиистрибутивных систем, может свидетельствовать находка большого архива глиняных сленков с печатей в так называемом «доме черениц» в Лерне III (Renfrew, 1972, p. 390).

Итак, предпосылки и основные структурные элементы цивилизации (ее, как выражается Ренфрью, «субсистемы»), в течение долгого времени накапливавшиеся эгейскими обществами, в ряде случаев так и не нашли себе должного применения и преждевременно погибли, подобно семенам, брошенным в еще не увлажненную почву.³ Только на Крите, который в течение всего III тыс. как будто не играл заметной роли в общем культурном развитии Эгейского мира, семена цивилизации в конце концов дали всходы, хотя произошло это с довольно большим опозданием, поскольку процесс становления классового общества и первых государств растянулся здесь на весьма длительный срок, в основном уже выходящий за хронологические рамки эпохи ранней бронзы.

³ Заметим, впрочем, что в некоторых районах Эгейского мира, и прежде всего в его островной зоне, которой уделяет столько внимания К. Ренфрью, дворцовая цивилизация в ее наиболее характерных формах вообще едва ли могла сложиться просто в силу неблагоприятных для ее развития экологических условий (см. ниже). В эпоху бронзы в природной среде островов зарождались лишь культуры и общества, так сказать, «маргинального типа», тесно связанные с ведущими цивилизациями региона, но в то же время развивавшиеся в значительной мере независимо от них.

ГЛАВА 1

ПОСЕЛЕНИЯ ОСТРОВОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЭГЕИДЫ

Острова восточной части Эгейского бассейна — Лемнос, Лесбос, Хиос и другие — образуют, как было уже сказано, обособленный культурный регион, слабо связанный с островами центральной Эгеиды и в течение всей эпохи ранней бронзы тяготевший гораздо больше к северо-западной Анатолии и ее крупнейшему культурному центру Трое-Гиссарлыку. Развивавшаяся здесь археологическая культура (или, может быть, культуры) обычно расценивается как ответвление троянской культуры благодаря очевидному сходству основных типов керамики и некоторых других видов ремесленных изделий. В соответствии с этим хронология основных этапов культурного развития в этой части Эгейского мира сориентирована прежде всего с установленной Дерпфельдом и Блегеном хронологией первых пяти поселений, открытых при раскопках городища Гиссарлык.¹

В настоящее время известны и более или менее полно обследованы только два значительных поселения этого района: Полиохни на Лемносе и Ферми на Лесбосе. От остальных, например от Эмпорио на о. Хиос,² от поселения на месте самосского святилища Геры и других сохранились лишь незначительные фрагменты застройки, на которых мы не будем специально останавливаться.

Поселение Ферми на северо-восточном побережье Лесбоса было открыто в начале 30-х годов британской археологической экспедицией под руководством У. Лэмб. Поселение размещалось на небольшой возвышенности в непосредственной близости от моря, вследствие чего часть стоящих здесь древних строений была смыта прибоем. В процессе раскопок было выявлено пять строительных фаз, которым соответствовало пять поселений, существовавших в хронологическом промежутке с 3200/3100 по 2400/2350 гг. до н. э. (Lamb, 1936, p. 214). Две первые строительные фазы — Ферми I и II датируются концом IV — началом III тыс. (3200/3100—3000/2900 гг. до н. э.). В этот период поселение

¹ Общую характеристику культуры восточной Эгеиды в III тыс. до н. э. см.: Renfrew, 1972, p. 121 ff.

² Это поселение уже сейчас должно быть признано древнейшим (оно существовало непрерывно примерно с 6000 до 2000 г. до н. э.) и вместе с тем едва ли не самым крупным (по занимаемой площади оно превосходило даже Трои II) населенным пунктом в этой части Эгейского мира (Hood, 1982, p. 85 ff., 91).

Рис. 1. План поселения Ферми II на Лесбосе.

состояло из нескольких блоков прямоугольных, обычно вытянутых в длину помещений, расходящихся «всераз» в разные стороны от некоего общего центра (рис. 1). Лэмб называет такую планировку лучевой (radiating — *ibid.*, p. 12). Границы между блоками на прилагаемых планах улавливаются с трудом, чему виной как чрезвычайная плотность застройки, так и плохая ее сохранность. Довольно трудно понять, где проходили «улицы», о которых упоминает Лэмб (*ibid.*). На плане даже лучше сохранившегося Ферми II для них как будто не остается места. Поселение (или, вернее, обследованная его часть) лишено ясно выраженных границ, так что и общая его конфигурация, и размеры остаются практически неустановленными (ср.: Sinos, 1970, S. 27).

От первой строительной фазы не сохранилось никаких следов оборонительных сооружений. Лэмб заключает отсюда, что в этот период поселение занимала «мирная земледельческая община, не опасавшаяся никакого нападения» (Lamb, 1936, p. 12). В домах «I города» характерной чертой были ряды углублений в полу, в которых найдены обломки пифосов. Они явно предназначались для хранения различных продуктов. Судя по всему, эти примитивные кладовые устраивались прямо в жилых помещениях, хотя Лэмб (*ibid.*, p. 10) предпочитает называть их «store chambers». Интересно, что в более поздних слоях конструкции такого рода уже не встречаются, из чего можно заключить, что в Ферми II, III и т. д. запасы продовольствия хранились в каких-то общинных «амбарах», как это, по-видимому, было в Полнохии (см. ниже), хотя мы и не знаем, где они могли находиться.

Говоря о Ферми II, Лэмб упоминает о двух так называемых «бастионах», под которыми она подразумевает массивные каменные конструкции высотой до 0.55 м, фланкирующие вход в «город» на юго-западе поселения. Насколько эта догадка соответствует действительности, сказать пока трудно, ввиду того

что, как было уже замечено, общие контуры поселения едва ли можно считать твердо установленными как для первой, так и для второй строительной фазы. Во всяком случае дома, окружающие предполагаемый вход в «город», слишком далеко выходят за линию «бастионов», что было бы трудно объяснимо, если бы здесь действительно проходила линия укреплений (Lamb, 1936, plan 2). К тому же сама Лэмб приводит факты, которые прямо противоречат этой ее гипотезе. В следующей строительной фазе — IIIa (Ферми III в целом датируется периодом 3000/2900—2800/2700 гг. до н. э.) конструкции типа «бастионов» или «башен» появляются также и внутри поселения в виде пристроек к некоторым домам (ibid., p. 24 f., plan 3). Высказав вначале предположение, что это могли быть остатки второго кольца укреплений, защищавшего какое-то пространство внутри «города», Лэмб затем сама отказывается от этой догадки и тут же предлагает другое объяснение, полагая, что утолщенная стена с выступами была в действительности частью улицы, рампы или дамбы. Эта конструкция продолжала существовать также и в следующей строительной фазе (IIIb), проходя примерно по той же линии. Вообще строительные остатки Ферми III довольно скудны, что сильно затрудняет реконструкцию общей планировки поселения в этот период. Скорее всего, она мало изменилась в сравнении с предшествующими строительными фазами. Во всяком случае ориентации сохранившихся фрагментов домов по сторонам света как будто остается в целом той же самой.

Общая ориентация поселения начинает заметно меняться на переходе от IIIb строительной фазы к IVa, т. е. где-то около 2800/2700 г. до н. э. При этом в его центральной части сохраняются, правда, в сильно фрагментарном виде постройки, сориентированные, как и в первых трех фазах, по оси север—юг и запад—восток. В это же время на «окраинах» появляются дома с иной ориентацией — северо-восток—юго-запад. Эти новые «кварталы» отличаются от старых также и своей планировкой — уже не радиальной (веерообразной), а вписанной в более или менее строго выдержанную сетку прямоугольников (ibid., plan 4). Анализируя эту ситуацию, Лэмб пришла к выводу (ibid., p. 29), что центральная часть поселения была занята в этот период сильно уменьшившимся в числе населением «старого города», в то время как на «окраинах» жили появившиеся, видимо, уже после 2800/2700 г. новопоселенцы (fresh inhabitants), строившие свои дома уже по иному принципу. Отсюда следует, что строительные фазы III и IVa практически в течение некоторого времени сосуществовали в рамках одного и того же поселения.

Радикальное изменение планировки поселения происходит в следующей строительной фазе — IVb.³ Теперь ортогональная сетка «кварталов», или блоков домов, довольно четко сориентированная по оси северо-восток—юго-запад, охватывает всю площадь, занятую поселением (остатки застройки Ферми III, таким образом, окончательно исчезают), которая в этот период как будто несколько уменьшается (Lamb, 1936, p. 35). Поселение не имеет никакого ясно выраженного центра. На плане (ibid., plan 5 — наш рис. 2) ясно различимы два больших блока, состоящих из вытянутых в длину строго параллельно друг другу помещений (многие из них разделены внутренними перегородками на более короткую и более длинную части). В юго-западной части поселения

³ Лэмб не дает точной датировки этой фазы. Оба последних периода в истории Ферми (IV и V фазы) она относит к промежутку между 2800/2700—2400/2300 гг. до н. э., не указывая, где проходит граница между ними.

Рис. 2. План поселения Ферми IV.

сохранился фрагмент еще одного такого же блока, вероятно, уничтоженного эрозией почвы. Эти «кварталы» отделяются друг от друга двумя улицами — широкой и узкой, идущими по основной оси поселения опять-таки параллельно друг другу. Кое-где на них сохранились следы вымостки.

Внутри блоков отдельные помещения могли сообщаться между собой (это особенно ясно видно на плане блока КЗ в юго-западной части поселения), из чего можно заключить, что домами здесь были не эти длинные и узкие камеры, как полагает сама Лэмб, а целые комплексы, включающие по несколько таких камер. Правда, разграничить эти комплексы внутри «кварталов» довольно трудно. Немало напрашивается поэтому мысль, что каждый «квартал» был, в сущности, одним большим домом. Лэмб высказывает также предположение (*ibid.*, p. 35 f), что Ферми IV было окружено стеной, хотя ее остатки, сохранившиеся местами вдоль юго-западного края поселения, не производят впечатления оборонительного сооружения и могут быть интерпретированы как-то по-другому.

Последнее, пятое, поселение в Ферми территориально несколько уступало своему ближайшему предшественнику, занимая площадь около 4500 м² (Renfrew, 1972, p. 237, tabl. 14.V), но зато, как указывает Лэмб (Lamb, 1936, p. 43), было гораздо лучше распланировано и построено. Улицы стали шире. Планировка домов заметно усложнилась, а в их внутреннем устройстве появились признаки некоторого комфорта. Приблизительно в центре «города», на перекрестке двух улиц, образовалось свободное пространство, возможно, выполнявшее функции площади. Наконец, что особенно важно, поселение обзавелось в этот

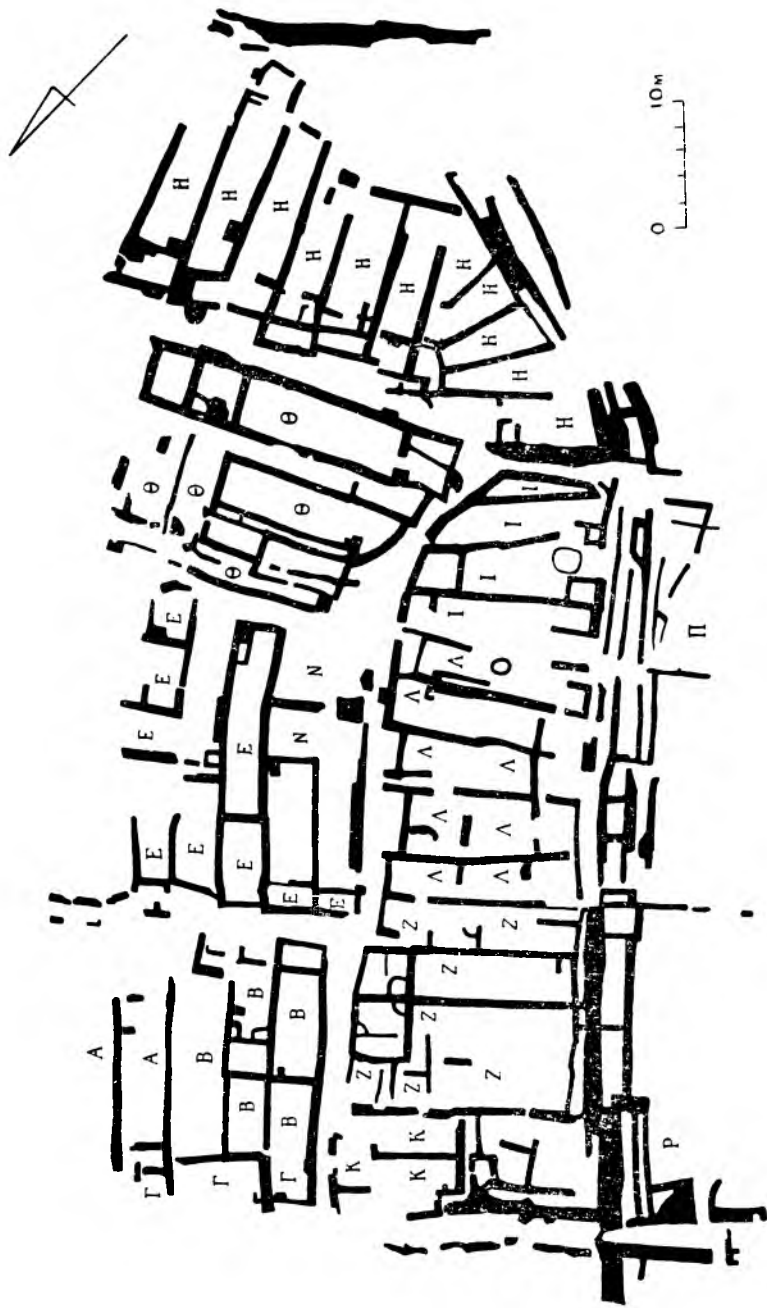

Рис. 3. План поселения Ферма V.

период довольно сложной системой укреплений. Судя по прилагаемому плану (*ibid.*, plan 6 — наш рис. 3), планировка поселения на этом этапе его развития существенно изменилась, хотя ориентация по сторонам света осталась прежней (на плане заметен лишь небольшой сдвиг к востоку). Увеличилось число «кварталов» и разделяющих их улиц. «Кварталы» теперь сильно различаются между собой по величине. Самый большой блок K Z I, занимающий всю юго-западную часть поселения, протянулся вдоль оборонительной стены (тыловые части его домов пристроены практически вплотную к ней) и с двух сторон был ограничен узкими проходами, ведущими к «городским» воротам. Разделение этого блока на четыре жилых комплекса, обозначаемых литерами K, Z и I, остается, в общем, довольно проблематичным, поскольку эти комплексы соединялись между собой проходами. Своей «фасадной» частью большой блок обращен к длинной продольной улице, пересекающей почти все поселение в направлении с северо-запада на юго-восток и круто поворачивающей на юго-запад между комплексами I и H. К северо-востоку от этой, видимо, главной улицы располагались еще три «квартала» АВГ, EN и Θ, разделенные двумя короткими поперечными улицами. Юго-восточную часть поселения занимал «квартал» H, также упирающийся своей тыльной стороной в «городскую» стену.

Линия стены сохранилась вдоль западной и юго-западной границ поселения. В других местах она разрушена морем и эрозией почвы. Судя по уцелевшим фрагментам, оборонительные сооружения Ферми V состояли из одной внутренней стены толщиной около 2 м и двух или даже более того внешних стен (*Lamb, 1936, p. 44*). Высота стены в ее сохранившейся части не превышала 1.1 м. Материалом для ее постройки служили плиты или небольшие куски сланца и известняка, промежутки между которыми заполнялись землей. В стене были устроены двое ворот довольно сложной конструкции. Западные ворота фланкировались сторожевой башней и еще одной стеной, построенной перпендикулярно к главной. Некое подобие бастиона было устроено также и перед южными воротами. Узкий проход, ведущий внутрь поселения, был здесь с обеих сторон ограничен сильно утолщенными стенами домов, очевидно, также включенными в состав системы оборонительных сооружений.

В Ферми V не обнаружено никаких следов пожара или другой катастрофы. Скорее всего, поселение было просто покинуто своими обитателями в силу каких-то неизвестных нам причин. Как указывает Лэмб (*ibid.*, p. 52), это произошло еще до того, как был изобретен гончарный круг (керамика, изготовленная с его помощью, характерна для завершающей фазы в истории Трои II, которая, видимо, просуществовала несколько дольше, чем поселение в Ферми). После этого места, где стояло поселение, оставалось незаселенным вплоть до начала периода средней бронзы.

Завершая свою книгу, Лэмб дает следующую краткую, но выразительную характеристику хозяйственной жизни обитателей Ферми I (*ibid.*, p. 208): «Доисторические фермиоты были мирной пастушеской общиной, жившей в хорошо построенных каменных домах значительного размера без каких-либо укреплений. Они владели обычными домашними животными: козами, свиньями, небольшими собаками и, вероятно, быками. Свои запасы они пополняли за счет охоты и рыбной ловли. Вероятно, они обрабатывали землю, выращивая зерно для хлеба, который они выпекали в своих печах. . . Мясо и молоко — наиболее очевидные компоненты их рациона. . . Их ремесленные занятия показывают разные степени умения. В обработке металла они достигли лишь примитивного

уровня, в обработке камня явно деградировали, в гончарном деле проявили предприимчивость и артистизм, в ткачестве делали то, что соответствовало их нуждам. Короче, их развитие было (для своего времени) вполне нормальным». Судя по данным, приводимым в той же книге, охарактеризованная таким образом экономика Ферми в основе своей мало изменилась за почти тысячелетнюю историю «города», хотя с течением времени постепенно расширялись его связи с внешним миром, в особенности с Троядой, в сфере влияния которой это поселение оказалось уже в очень раннее время. Постепенно увеличивалось также употребление металла. Оно становится особенно заметным в Ферми III, от которого сохранились не только мелкие поделки вроде булавок, но и крупные предметы из меди, например кельты и резцы (Lamb, 1936, p. 165 ff.). Судя по находкам терракотовых тиглей и литейных форм (ibid., p. 157), выплавка и обработка меди производилась в самом поселении. Обитатели Ферми, однако, так и не научились получать бронзу. Изделия из драгоценных металлов на территории поселения практически также не встречаются, если не считать небольшого фрагмента серебряной проволоки (ibid., p. 165).

Еще один важный центр культуры раннебронзового века был открыт в Полихнии, на восточном побережье о. Лемнос. Поселение раскапывалось итальянскими археологами в течение целого ряда лет: сначала в 1931—1936 гг. и затем, после длительного перерыва, в 1951—1960 гг.⁴ Полихния размещалась на невысоком холме, господствующем над неглубокой, но надежно защищенной от северных ветров бухтой, которая в древности могла служить удобной корабельной стоянкой (Bernabo-Brea, 1964, p. 17). Раскопки показали, что это место было заселено начиная уже с эпохи халколита. Первые следы обитания здесь восходят к самому началу III тыс. до н. э. (так называемый «черный период», или «догородская фаза»). От этого времени дошли фрагменты нескольких овальных или, может быть, круглых построек, в совокупности, по-видимому, составлявших небольшую деревню, размеры и точную планировку которой установить не удалось⁵ (ibid., p. 24, 54 sgg., 86, 93 sgg.). Деревня эта существовала довольно долго (обнаружено всего семь слоев застройки, перекрывающих друг друга) и около 2750 г. до н. э. уступила место поселению уже иного, как считает Бернабо-Бреа, «городского» типа.

Первый «город», относящийся к так называемому «синему периоду»⁶ (между 2750—2500 гг. до н. э. — ibid., p. 24 sgg., 117 sgg., 175 sg., 243 sgg.), состоял из более просторных, прямоугольных в плане жилищ и был обнесен оборонительной стеной, огибающей по периметру подножие холма. Раскопки открыли более 1/3 ее общей протяженности. На восточном склоне холма не сохранилось никаких следов стены, так как эта часть поселения сильно пострадала от размывания берега. Лучше всего сохранился отрезок стены на юго-западном склоне холма. Ее высота достигала здесь 3.5—4.5 м, хотя первоначально она составляла, по-видимому, не менее 5—5.5 м (ibid., p. 119). В некоторых местах к стене

⁴ Подробный, хотя, к сожалению, и незавершенный отчет о раскопках и публикацию основной массы археологического материала можно найти в кн.: *Bernabo-Brea L. et al. Poliochini: Citta preistorica nell' isola de Lemnos. Roma, 1964. Vol. 1. Ps 1—2.*

⁵ Материал этого периода получен путем глубокого зондирования холма, производившегося в различных местах, и поэтому не дает целостной картины поселения.

⁶ Принятые Бернабо-Бреа условные цветовые обозначения отдельных периодов соответствуют раскраске принадлежащих этим фазам строительных остатков на общих планах поселения.

были пристроены просторные помещения, которые, как полагает Бернабо-Бреа, могли использоваться как общественные житницы или как арсеналы (*ibid.*, p. 117). В стене было устроено несколько ворот, ведущих внутрь «города». Главные ворота фланкировали две квадратные башни. В дальнейшем эта стена была засыпана сбросовой землей. Новая стена, построенная в конце «спящего периода», проходила уже не вдоль подножия холма, а по склону, образованному сбросами. Однако она также просуществовала недолго. Поселение постепенно разрасталось и уже не уместилось в кольце стен. На южном и юго-западном склонах некоторые дома вышли за его пределы, но затем были разрушены, может быть, ввиду угрозы вражеского нападения (*ibid.*, p. 121).

С наступлением следующего, так называемого «зеленого периода» (2500—2400 гг. до н. э. — *ibid.*, p. 25, 271 sgg., 385 sgg., 417 sgg.), вне черты старой оборонительной стены на западном склоне холма возник новый жилой квартал, для защиты которого была сооружена специальная новая стена. Еще позже, в течение так называемого «красного периода» (2400—2200 гг. до н. э. — *ibid.*, p. 25, 271 sgg., 317 sgg., 465 sgg.), кольцо укреплений было еще более расширено и усилено постройкой двух мощных полукруглых бастийонов, опять-таки на западном склоне холма. Эта новая стена может считаться вместе с тем и последней. Она продолжала существовать также и в течение всего следующего, «желтого периода» (2200—2100 гг. до н. э. — *ibid.*, p. 25). В это время поселение достигло в своем территориальном развитии предела, дальше которого оно пойти не смогло (рис. 4). План поселения в его сохранившейся части восходит в основном именно к «желтому периоду» (Schachermeyr, 1962, S. 204). Площадь, занятая Полиохни, в это время составляла около 15 000 м², превосходя среди кикладских поселений даже площадь самого большого из них — Филакопи I (Renfrew, 1972, tabl. 14 V). Около 2100 г. до н. э. Полиохни было разрушено землетрясением и в дальнейшем уже никогда больше не восстанавливалось.

За шесть или семь веков своего существования Полиохни неоднократно подвергалось перестройкам, охватывавшим как все поселение, так и отдельные его части. Как указывает Бернабо-Бреа (Bernabo-Brea, 1964, p. 30), число строительных фаз внутри каждого из четырех основных периодов, а также и в различных пунктах на территории поселения могло сильно колебаться. Для «спящего периода» таких фаз установлено семь или восемь, для «зеленого» — две или три, для «красного» — от четырех до восьми, для «желтого» — от двух до трех. Во многих случаях дома Полиохни сохраняли свою планировку почти неизменной на протяжении столетий, несмотря на то что их стены и крыши неоднократно ремонтировались. С другой стороны, известны случаи, когда целые кварталы (писулы) подвергались радикальной перестройке, причем старые жилища сносились до основания, чтобы освободить место для новых построек (*ibid.*, p. 26).

В целом планировка Полиохни, по-видимому, не претерпела за это время каких-то принципиальных изменений. Определяющим фактором здесь всегда оставалась конфигурация холма, на котором стояло поселение. Отсюда — вытянутое по линии, несколько отклоняющейся к востоку от оси север—юг, расположение всего массива жилой застройки. Отсюда же, видимо, и вогнутая (подковообразная) форма его основной части: самая высокая и крутая часть холма оставалась незастроенной. Планировка Полиохни не отличается особой правильностью. Основной принцип, положенный в ее основу, — максималь-

Рис. 4. План поселения Полиохни («желтый» период) на Лемносе.

ная компактность в размещении жилых домов и укреплений в пределах крайне ограниченного пространства, пригодного для их постройки. Основную часть поселения составляли различающиеся по величине и очертаниям конгломераты жилых помещений, или так называемые «инсулы», между которыми были проложены узкие извилистые проходы. Эти проходы соединялись с двумя главными улицами, пересекавшими поселение в двух разных направлениях. Одна из них, короткая, но широкая, пересекала все поселение поперек, разделяя его на две неравные части. На западе эта улица завершалась воротами в «городской» стене. По восточному краю холма вдоль основной оси поселения была проложена другая, более длинная улица, соединявшаяся с первой. Дома, стоявшие вдоль восточной ее стороны, не сохранились. Небольшие расширения на северном и южном концах этой улицы Бернабо-Бреа называет «площадями» (Bernabo-Brea, 1956, p. 144). На каждой из этих площадей были устроены общинные колодцы, вырубленные в скале и достигавшие очень большой глубины. Здесь же были открыты остатки дренажной системы, предназначенной для стока дождевой воды. Еще одно большое свободное пространство видно на плане «желтого периода» в юго-западном углу поселения, между линией оборонительной стены и расположенными здесь инсулами. Назначение этой площади остается неясным. Дальше к северу инсулы практически вплотную примыкают к стене, так что разграничить оборонительные сооружения и жилые или хозяйственные помещения здесь довольно трудно.

Структура отдельных инсул отличается большой сложностью. Их главное ядро обычно образует большой мегарон, открывающийся чаще всего на юг и через «вестибюль» связанный с просторным, нередко вымощенным двором. К мегарону примыкают с разных сторон жилые помещения и кладовые, иногда разделенные небольшими внутренними двориками (Bernabo-Brea, 1956, p. 146). Как указывает Бернабо-Бреа, в некоторых случаях жилой дом практически мог занимать целую инсулу. Однако чаще инсулы делились на два или большее число домов, составлявших вместе одну структурную единицу в общей планировке поселения, но не имевших между собой непосредственного сообщения. Некоторые инсулы состояли из целого ряда небольших жилищ, каждое из которых включало мегарон и несколько комнат. «Любопытно, — замечает далее Бернабо-Бреа, — что в таких случаях, как эти, разные жилища, кажется, строились одновременно, то есть они составляли одну структурную единицу» (ibid.).

По мнению того же автора (ibid., p. 153), большие дома Полиохни по сложности своей планировки не знают себе равных во всем Эгейском мире эпохи ранней бронзы, не исключая и таких поселений, как Троя или Ферми, и уступают в этом отношении лишь более поздним критским дворцам. Правда, в то время, когда Бернабо-Бреа писал свою статью, еще не были известны такие хронологически и типологически более близкие к инсулам Полиохни архитектурные памятники, как коммунальное жилище в Миртосе или же так называемый «квартал М» в Маллии, о которых мы еще будем говорить далее. В известном смысле Полиохни позволяет представить, как выглядели древнейшие «города» Крита: та же Маллия, Кносс, Фест до того, как в них были построены первые дворцы.

В самом Полиохни, судя по всему, не было здания, которое функционально и по своим размерам могло бы претендовать на то, чтобы считаться дворцом. Бернабо-Бреа это особо подчеркивает (ibid., p. 153), указывая вместе с тем, что

среди жилой застройки Полиохии можно выделить несколько особенно больших и богатых домов, состоявших из двадцати или даже более того помещений, с вымощенными дворами, и наряду с ними более скромные жилища, включавшие в свой состав только мегароп с добавлением еще одного или двух помещений. Сразу вслед за этим, однако, делается важная оговорка. Провести четкую грань между богатыми и бедными домами, оказывается, не так-то легко, поскольку в общем жилом массиве поселения они строились практически в тесном соседстве, нередко вплотную друг к другу (*ibid.*, p. 153 f.). Кроме того, большие многокомнатные дома время от времени делились на жилища меньшего размера. Согласно предположению Бернабо-Бреа, это могло быть следствием раздела имущества между сыновьями после смерти отца, что, в общем, довольно правдоподобно. Большие дома или инсулы Полиохии могут, таким образом, свидетельствовать о том, что здесь существовала особая форма социальной организации, которая в этнографии обычно квалифицируется как большесемейная или домовая община.⁷ Бернабо-Бреа, видимо, и сам склоняется к той же мысли, ссылаясь в качестве возможной аналогии на знаменитое описание дома Приама в гомеровской «Илиаде» (*ibid.*, p. 154). Отсюда следует, что постулируемое им разделение инсул на большие и малые или богатые и бедные дома может носить лишь достаточно условный характер. Этнографические параллели (Косвен, 1963, с. 62 сл.) подсказывают, что занимающая отдельную инсулу большая семья могла оставаться более или менее целостным социальным организмом также и после смерти ее главы, несмотря, видимо, на свойственную составляющим ее малым семьям тенденцию к известной бытовой обособленности. Едва ли случайно, что почти в каждой из инсул Полиохии основные хозяйственные помещения (житницы для хранения зерна и других продуктов, стойла для вьючных животных, обычно устраивавшиеся в «вестибюле» перед входом в мегарон, закуты для свиней, внутренние дворы, в которых, по вполне вероятному предположению Бернабо-Бреа, женщины занимались приготовлением пищи, ткали и пряли шерсть, стирали и т. д., мастерские и т. п.), как правило, размещаются в самом большом из составляющих ее домов. Отсюда нетрудно сделать вывод, что все эти помещения находились в совместном пользовании всех обитателей инсулы,⁸ в сознании которых продолжало жить чувство их общей принадлежности к одному родовому коллективу. Аналогичным образом как место сбора и совместных трапез всей семейной общины мог использоваться и мегарон большого дома (ср.: Bernabo-Brea, 1956, p. 154).

Все это, разумеется, не означает, что в общине, занимавшей Полиохии, безраздельно господствовал первобытный принцип всеобщего равенства. Вероятно, какие-то, пусть хотя бы зачаточные, формы социального и имущественного неравенства здесь уже были известны. В одинаковой мере они могли разбиваться как внутри отдельных большесемейных коллективов, например в виде разделения этих коллективов на старшие и младшие ветви, различающиеся между собой и по оказываемому им почету, и по доле получаемых ими жизненных благ, так и в масштабах всей общины в отношениях между состав-

⁷ Как жилища больших семей (*extending families*) были недавно охарактеризованы дома поселения Эмпорио на Хиосе, во многом сходные с домами Ферми и Полиохии (Hood, 1982, p. 118 f.).

⁸ Бернабо-Бреа (Bernabo-Brea, 1956, p. 154) полагает, что обитатели небольших домов хранили свое зерно в общественных житницах, устроенных в «городской» стене, но это кажется маловероятным.

ляющими ее большими семьями. Золотые и серебряные украшения, найденные в разных местах на территории поселения⁹ и, скорее всего, выполнявшие здесь, как и в других эгейских обществах эпохи ранней бронзы, функции знаков социального престижа, могут восприниматься как свидетельство того, что в общине полнохитов уже начала складываться прослойка родовой знати.

Бернабо-Бреа, несомненно, был прав, полагая, что возведение «городских» стен Полиохии, так же как и устройство общественных жилищ и колодцев, прокладка и мощение улиц, сооружение дренажных стоков и другие работы, осуществлявшиеся в интересах всех жителей поселения, требовали довольно высокого уровня коммунальной организации (Bernabo-Brea, 1956, p. 154 f.). В его представлении, община полнохитов, которую он предпочитает называть «государством» или даже «полисом», располагала весьма значительной властью по отношению к своим «гражданам». Она могла налагать определенные ограничения на права проживавших в «городе» «частных собственников», например требовать споса принадлежащих им жилых или хозяйственных строений, если они мешали прокладке новой улицы. Итальянский археолог впадает даже в известное преувеличение, утверждая, что сложные правовые отношения, существовавшие внутри общины как между отдельными домовладельцами, так и между «частными лицами» и «полисом», должны были регулироваться специальным сводом законов. Высказывая такую мысль, Бернабо-Бреа явно забывает об огромной временной дистанции, отделяющей его полнохитов от греческого города-государства V—IV вв. до н. э.

Полученный при раскопках Полиохии археологический материал дает определенные основания для суждений (разумеется, только вполне гипотетических) о существовавшей здесь форме общинного самоуправления. По мнению Бернабо-Бреа, она была ближе к республиканскому, нежели к монархическому строю (ibid., p. 154). Реальная власть была сосредоточена в руках собрания или совета «старейшин» (видимо, глав больших семей), собиравшихся на свои заседания в помещении так называемого «булевертия». Это вытянутое в длину сооружение с двумя рядами каменных сидений, тянувшихся вдоль одной из стен, было открыто в числе других пристроек к оборонительной стене в юго-западном углу поселения. Бернабо-Бреа относит его к наиболее раннему («синему») периоду в истории Полиохии (Bernabo-Brea, 1964, p. 177 sgg.). Предлагаемая им интерпретация представляется нам в общем довольно правдоподобной, тем более что другие ее версии пока как будто отсутствуют. Правда, на первый взгляд несколько странным может показаться сам выбор места для постройки такого рода — на самом краю поселения, не в центре, где ей, казалось бы, надлежало быть. Однако, если вдуматься, то включение «булевертия» в состав довольно сложного комплекса общественных сооружений, связанных с «городской» стеной, должно быть признано достаточно оправданным с точки зрения самих обитателей Полиохии, поскольку заседавшие здесь «старцы градские», вероятно, в первую очередь должны были решать вопросы, связанные с распределением запасов продовольствия, хранившихся в расположенных неподалеку общинных житницах, а также с возведением и ремонтом фортификационных сооружений.

⁹ Особый интерес представляет клад, найденный в помещении 643 «желтого периода». Входящие в его состав украшения несколько напоминают предметы из знаменитого троянского клада, хотя и уступают им в мастерстве исполнения (Bernabo-Brea, 1957, p. 206 sg.; Renfrew, 1972, p. 381).

Экономической основой устойчивого процветания Полнохнии на протяжении ряда столетий было, по всей вероятности, сельское хозяйство, и прежде всего земледелие, о чем могут свидетельствовать хотя бы внушительные размеры открытых здесь общественных и частных жилищ, если, конечно, идентификация этих помещений в книге Бернабо-Бреа соответствует действительности. Определенную роль в жизнеобеспечении полнохнитов играло, видимо, также и скотоводство, и, как и всюду на островах Эгейды, рыбная ловля. Ряд фактов свидетельствует о развитии ремесленного производства, и в частности металлургии. Отдельные предметы из меди, свинца и серебра найдены уже в слоях, относящихся к «первому городу» («синий период» — Bernabo-Brea, 1964, p. 591 sgg.). Их общее количество заметно увеличивается в следующих далее слоях «зеленого» и особенно «красного» и «желтого» периодов. В это время появляются уже и первые изделия из бронзы. Особенно впечатляет большой клад бронзового оружия и орудий труда, найденный при раскопках так называемого «помещения 829» и датировемый «красным периодом» (*ibid.*, p. 659 sgg., tab. CLXXI—CLXXIV; Renfrew, 1972, p. 325 f.). В свой состав он включает четыре целых книжала и фрагменты еще трех плохо сохранившихся, три шила с костяными ручками, пять плоских топоров и еще один топор с цилиндрическим обухом, а также нож с гибким клинком. О том, что предметы такого рода вполне могли быть изготовлены в самом Полнохнии, свидетельствуют по-разному датировемые находки литейных форм, тиглей и медных шлаков (Bernabo-Brea, 1964, p. 591, 698). Судя по этим находкам, в некоторых домах Полнохнии обработка металла могла быть своего рода наследственным промыслом, передававшимся, как это нередко бывает, от отцов к сыновьям в каждом новом поколении. Так, литейные формы, датировемые «синим» и «зеленым» периодами, были найдены вместе с остатками шлака в одном и том же мегароне № 605, что позволяет говорить об известном уровне специализации ремесленного производства. Впрочем, преувеличивать значение подобного рода находок, учитывая их во многом случайный характер, по-видимому, также не следует. Вполне вероятно, что выплавкой и обработкой металла для собственных нужд занимались если не все, то по крайней мере многие из обитателей Полнохнии. Более высокого профессионализма требовали в то время лишь немногие отрасли ремесленного производства, такие, как, например, ювелирное мастерство, о развитии которого в Полнохнии может свидетельствовать уже упоминавшийся клад золотых и серебряных украшений из помещения 643 и некоторые другие находки того же рода.

Территориально Полнохнии последнего, «желтого», периода более чем в три раза превосходит Ферми (15 000 м² против 4500 м²). Не приходится сомневаться в том, что это поселение было занято более многочисленной, более богатой и, видимо, также более развитой в социальном и культурном отношении общиной (полнохниты, например, уже умели выплавлять бронзу, которой еще не знали обитатели Ферми).

И все же, несмотря на столь существенные различия между ними, нам думается, что и Ферми, и Полнохнии должны быть отнесены к одной и той же категории древнейших земледельческих поселений, которую мы называем «категорией квазигородов». Высказывая такое суждение, мы неизбежно вступаем в противоречие с авторитетным мнением самих первооткрывателей этих двух поселений, которые без каких-либо оговорок зачислили их в разряд «городов», хотя бы и небольших (Лэмб постоянно употребляет в своей книге

термин «town», которому у Бернабо-Бреа соответствует слово «citta»). Их примеру в основном следует и такой крупный авторитет в области эгейской археологии, как К. Ренфрью. Правда, соблюдая некоторую осторожность, он относит и Полиохни, и Ферми к поселениям «протогородского» (proto-urban) типа, ставя их в этом плане в один ряд с Троей I—II (Renfrew, 1972, p. 127, 129; ср.: Блаватская, 1966, с. 35). К сожалению, в своей книге Ренфрью нигде не объясняет, какой смысл он вкладывает в само понятие протогорода. Исходя из самих контекстов, в которых у него встречается этот термин, можно догадаться, что основное различие между собственно городом и протогородом заключается лишь в их сравнительных размерах. Протогород, по Ренфрью, это просто маленький город и ничего больше. Именно так охарактеризованы им Полиохни и Ферми. В его понимании, это были «small towns» в отличие от Трои, которую он называет «fortress» («крепость» — *ibid.*, p. 129). Здесь же Ренфрью указывает на два основных признака, с помощью которых протогород, или, что то же самое, маленький город, можно отличить от поселений более примитивного типа. Такими признаками, присущими в равной мере и Ферми, и Полиохни, он считает, во-первых, «выстроенные из камня укрепления» и, во-вторых, «контролируемое использование внутреннего пространства» (видимо, имеется в виду более или менее правильная планировка этих двух поселений). Несколько ниже (*ibid.*, p. 129) к этим двум признакам добавляется еще один — каменные дома с довольно сложной планировкой, резко отличающиеся от синхронных с ними жилищ «традиционного типа» в других районах Эгейского мира, например в Ситаграх (восточная Македония).

Со своей стороны, нам хотелось бы заметить, что ни один из этих признаков уже в силу их чисто внешнего (формального) характера не может служить критерием при разграничении протогорода или небольшого города и исторически предшествующего ему негорода, что бы мы ни понимали под этим последним. Сложенные из камня или кирпича оборонительные стены, более или менее рациональная организация пространства внутри черты стен, благоустроенные дома, поднимающиеся над обычными стандартами первобытного жилища, — все это в той или иной мере характерно уже для целого ряда неолитических и халколитических поселений на территории Передней Азии и Балканской Греции. Примерами могут служить Иерихон в Палестине, Чатал Гюйюк и Хаджилар в Анатолии, Телль эс-Савван и Шога Мами в северной Месопотамии, Димини и Сескло в Фессалии. Некоторые из этих поселений и по занимаемой ими площади, и по численности населения намного превосходят и Полиохни, и тем более Ферми. Но если допустить, что все они уже были протогородами или даже настоящими городами, нам пришлось бы перенести в глубины эпохи неолита весь сложный комплекс социальных и экономических процессов, связанных с возникновением поселений протогородского типа (ср.: Redman, 1978, p. 208 f.).

Если взять само понятие протогорода в его исторически сущностном, отнюдь не формальном значении (см. Введение), не так уж трудно убедиться в том, что ни Ферми, ни Полиохни, ни другие однотипные с ними поселения эпохи ранней бронзы никак не могут быть подведены под эту дефиницию. Относя их к исторически более ранней и примитивной категории квазигорода, мы имеем в виду следующие основные моменты. Во-первых, протогород как особая форма поселения, характерная преимущественно для раннеклассового общества, предполагает довольно высокий уровень социальной стратификации. Общины,

занимавшие Ферми и Полиохни, явно еще не успели достигнуть в своем развитии такого уровня. Как было уже отмечено, внутренняя структура обоих поселений, в общем, довольно-таки однородна. Здесь нет ничего похожего на типичное для большинства протогородов разделение всего жилого массива поселения на аристократический сеттлмен и кварталы бедноты и простонародья (ср.: Блаватская, 1966, с. 35; 1976, с. 8). Различия между «богатыми» и «бедными» или большими и малыми домами Полиохни носят, как это признает и сам Бернабо-Бреа, пытавшийся их найти, достаточно условный характер, поскольку и те и другие, по всей видимости, были включены в состав крупных жилых комплексов (инсул), принадлежавших большесемейным общинам. Во-вторых, мы не располагаем данными, которые позволили бы утверждать, что ремесленное производство в этих двух общинах уже переросло стадию домашнего ремесла и находилось в руках полностью занятых мастеров-профессионалов, без чего невозможно представить себе протогород даже в его элементарной форме. Судя по тому, что почти в каждой инсуле Полиохни имелась своя домашняя житница и хотя бы небольшое стойло для скота, все это поселение должно было представлять собой не что иное, как очень плотно укомплектованное скопище крестьянских дворов, все обитатели которого были так или иначе заняты в сфере сельского хозяйства. Наконец, в-третьих, в нашем распоряжении нет никаких фактов, которые можно было бы расценивать как указание на то, что и Ферми, и Полиохни выполняли функции политических, военных и религиозных центров по отношению к определенному округу или району. Оба поселения скорее производят впечатление обособленных, самодовлеющих общин, никак не связанных с другими общинами на территории того же Лесбоса или Лемносa, если предположить, что таковые там действительно существовали. В этом отношении и Ферми, и Полиохни резко отличаются от таких синхронных с ними поселений, как Троя I—II в Малой Азии или Лерна III на Пелопоннесе. Обитатели этих двух цитаделей, несомненно, держали под своим контролем обширные окрестные территории и вместе с тем, вероятно, могли в случае военной угрозы представлять подвластному им населению право убежища в стенах своих твердынь. Ни в Ферми, ни в Полиохни не удалось открыть ни одной постройки, которую можно было бы поставить в один ряд с большим троянским мегароном или же с так называемым «домом черепиц» в Лерне (оба эти сооружения по праву считаются резиденциями каких-то носителей светской, а может быть, также и духовной власти). Мощные укрепления Полиохни, лишь немногим уступающие стенам Трои I—II, насколько, конечно, мы можем судить о них по фотографиям и планам в книге Бернабо-Бреа, скорее всего, предназначались лишь для защиты жителей самого этого поселения — едва ли для укрытия каких-то беженцев из окрестных деревень (вся площадь городка была так плотно застроена, что им здесь просто негде было разместиться).¹⁰ То же самое можно, по-видимому, сказать и о больших общинных житницах, устроенных в стенах Полиохни. Хранившиеся в них зерно, вероятно, служило резервным фондом на случай войны или неурожая,

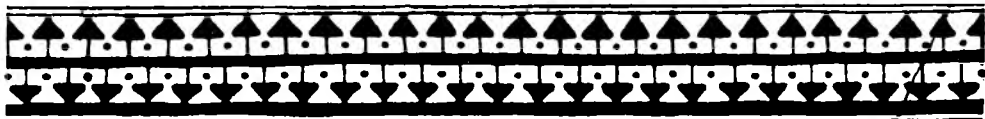
¹⁰ С другой стороны, едва ли есть основания сомневаться в том, что жители Полиохни, численность которых, вероятно, составляла никак не менее тысячи человек, могли обойтись своими силами при постройке укреплений, защищавших их «город». Цитадели Трои и Лерны, напротив, могли быть сооружены лишь с привлечением рабочей силы откуда-то извне.

но в этом фонду вряд ли имел доступ кто-либо помимо самих полиох-
нштов¹¹

Таким образом, у нас нет ни одного факта, который мог бы указывать на то, что Подпохни и Ферми были связаны отношениями господства и подчинения с какими-то другими поселениями. Между тем, как было уже замечено, прото-город в точном значении этого слова не может существовать вне рамок более или менее сложной иерархии поселений, в которой он обычно занимает положение узлового структурообразующего звена всей системы. Следовательно, оба эти поселения могут быть отнесены только к категории квазигородов.

¹¹ Бериабо-Вреа высказывает предположение, что хлеб, хранившийся в общинных житницах, поступал в Полиохни в виде налогов, не поясняя, кто мог платить такие налоги. Эта мысль, как нам кажется, не имеет под собой абсолютно никакой почвы.

ГЛАВА 2 | ПОСЕЛЕНИЯ КИКЛАДСКОГО АРХИПЕЛАГА

Первые признаки появления постоянного населения на Кикладах относятся к эпохе неолита, хотя следы поселений этого времени до сих пор удалось обнаружить лишь в очень немногих местах, среди которых наибольший интерес представляют остатки жилых комплексов, открытые на островке Салпагос близ Антипароса (начало V тыс. до н. э. — Evans, Renfrew, 1968) и на мысе Кефала на северо-западном побережье о. Кеос (конец IV—начало III тыс. до н. э. — Caskey, 1962, p. 264 ff.; 1964, p. 314 ff.; 1966, p. 364; 1971, p. 391; Renfrew, 1972, p. 75 f.).

Формирование самобытной кикладской культуры начинается на рубеже IV—III тыс. до н. э., с переходом от эпохи неолита к эпохе ранней бронзы. В это время на островах наблюдается весьма значительный прирост населения, о чем свидетельствует прежде всего резкое увеличение числа могильников. К 1976 г. было известно уже около 35 некрополей, относящихся к раннекикладскому I периоду, или, если использовать периодизацию, разработанную К. Ренфрю, к периоду «культуры Гротта-Пелос»,¹ т. е. примерно между 3200 и 2700 гг. до н. э. (Renfrew, 1972, p. 147 ff.; 1976, S. 20 f.). Самый крупный из этих некрополей — Кампос тис Макрис на Наксосе — включает 56 могил (Renfrew, 1972, p. 158; 1976, S. 22; Doumas, 1973, p. 559 ff.), хотя обычная норма для могильников этого времени составляет 10—15 могил (Bintliff, 1977, pt II, p. 555).

Хозяйственный уклад и способы добывания основных средств существования остались в этот период в основном теми же самыми, что и в эпоху неолита. Правда, К. Ренфрю высказывает предположение, что носители культуры Гротта-Пелос уже культивировали оливу и виноградную лозу, чем, по его мнению, и объясняется наблюдавшийся в это время прирост населения (Renfrew, 1976, S. 24). Однако эта гипотеза нуждается в тщательной проверке. Поселения РКИ периода известны гораздо хуже, чем первоначально, по-видимому, сопутствовавшие им некрополи (Renfrew, 1972, p. 157; ср.: Bintliff, 1977, pt II, p. 555). Сохранившиеся следы застройки чрезвычайно скудны и, как правило, не дают возможности составить даже приблизительное представление о первоначальном облике самого поселения. К тому же датировка этих архитектурных

¹ Ср.: Coleman, 1974, p. 333 ff.; Barber, McGillivray, 1980, p. 141 ff.

фрагментов сопряжена с большими трудностями и вызывает серьезные разногласия между авторами, касавшимися этого вопроса. Так, греческий археолог Хр. Думас склонен датировать почти все древнейшие строительные остатки, обнаруженные в разное время на островах Парос и Наксос, начальной стадией периода «культуры Керос-Сирос», что примерно соответствует РКII периоду, т. е. промежутку времени между 2700—2400 гг. до н. э. (Doumas, 1972a, S. 151 ff.; 1972b, p. 227 f.), в то время как Ренфрью относит их в целом к более раннему времени, определяемому им как период «культуры Гротта-Пелос» (Renfrew, 1972, p. 150; 1976, S. 22; ср.: Barber, McGillivray, 1980, p. 145). Однако, как указывает Ренфрью (Renfrew, 1972, p. 153 ff.), в большинстве своем следы поселений этого времени сводятся лишь к более или менее значительным отложениям керамики.

Согласно предположению, высказанному Думасом (Doumas, 1972a, p. 152 f.; 1972b, p. 228), небольшие могильники периода Пелос-Лаккудес, что приблизительно соответствует периоду Гротта-Пелос в хронологической шкале Ренфрью, были оставлены «кочующими семьями, передвигавшимися с места на место в поисках пищи для себя и пастбищ для своего скота». Почти полное отсутствие следов постоянных поселений в слоях этого периода греческий археолог объясняет тем, что обитатели Кикладского архипелага жили в это время по преимуществу в маленьких хижинах, сплетенных из ветвей и обмазанных глиной. Вполне вероятно, что эти примитивные сооружения не оставили после себя почти никаких следов, особенно если учесть, что значительная часть древнейшего почвенного покрова островов была уничтожена многовековой эрозией, вызванной непрерывно прогрессирующей дефорестацией. Многие из ранних поселений архипелага находились прямо на побережье и были, по-видимому, просто смыты морем (ср.: Renfrew, 1972, p. 157). Как указывает далее Думас (Doumas, 1972a, p. 156 f.; 1972b, p. 228), новый тип жилища — небольшой прямоугольный дом, сложенный из каменных плит и состоящий из одной-двух комнат, появляется на Кикладах на начальной стадии периода «культуры Керос-Сирос», во всяком случае еще до середины III тыс. до н. э. Отдельные образцы построек такого типа открыты на Паросе (Пиргос, Ависсос), Наксосу (Панорм, Авдхели), Керосе. По мнению Думаса, эти дома нигде не образовывали более или менее компактных укрепленных поселений, но строились обычно вразброс в окрестностях некрополей наподобие одиночных изолированных ферм или усадеб (Doumas, 1972b, p. 228). Занимавшие их общины, однако, постепенно увеличивались в размерах, на что указывает многократное последовательное использование одних и тех же могил в ряде некрополей этого времени.

Периодом расцвета кикладской культуры принято считать время около середины III тыс. до н. э. Продолжительность и хронологические рамки этого периода пока еще не установлены с достаточной точностью и остаются предметом дискуссии между авторами, так или иначе касавшимися этой проблемы. Ренфрью и Думас в основном отождествляют его с периодом «культуры Керос-Сирос», помещая саму эту культуру где-то в промежутке между 2700 и 2400/2300 гг. до н. э. (Renfrew, 1972, p. 147 ff.; 1976, S. 21; Doumas, 1972a, p. 158 ff.). Согласно периодизации, принятой Дж. Кэски, это был РКII период (Caskey, 1971a, p. 796), по Барберу и Мак-Джилливрэю, РКИIIА период, что приблизительно соответствует завершающей фазе периода «культуры Керос-Сирос» в хронологической шкале Ренфрью и Думаса (Barber, McGillivray, 1980, p. 150,

tabl. 1). Судя по ряду признаков, это было время значительных социально-экономических сдвигов в жизни эгейских обществ. Археологические данные позволяют говорить о весьма заметном приросте населения на всей территории, занятой островами Кикладского архипелага.² Об этом свидетельствует в первую очередь разрастание старых и появление целого ряда новых некрополей. Самый крупный из них, в Халандрини на о. Сипрос, насчитывает свыше 500 могил (Renfrew, 1972, p. 179; 1976, S. 24). Чрезвычайно богатый и разнообразный погребальный инвентарь, обнаруженный при раскопках кикладских некрополей этого времени, включает в свой состав высококачественную керамику различных видов и типов, разнообразные сосуды из камня, глиняные и каменные светильники, наконец, знаменитых кикладских идолов, основное назначение которых, очевидно, заключалось в том, чтобы сопутствовать погребенным в их странствиях по загробному миру и служить им защитой. Весьма разнообразен ассортимент найденных в могилах изделий из металла. Широко представлены различные виды оружия, в основном бронзовые кинжалы и наконечники копий. Реже встречаются металлические орудия труда. Примером может служить любопытный набор плотницких инструментов, открытый в Кинфосе на Делосе (Branigan, 1976, S. 120 ff.). В погребениях периода расцвета кикладской культуры обнаружено также большое количество всевозможных украшений из камня, кости, раковин, бронзы и серебра. Особенно часто встречаются бусы из полудрагоценных камней, серебряные гвоздеобразные заколки для одежды, браслеты и диадемы (Sapouna-Sakellarakis, 1976, S. 126 ff.). Некоторые могилы особенно выделяются среди прочих своим богатством (Renfrew, 1976, S. 26).

Все эти факты свидетельствуют о появлении в кикладском обществе зачаточных форм ремесленной специализации, хотя мы и не можем, конечно, с уверенностью утверждать, что абсолютно все предметы, найденные в островных могильниках, были изготовлены руками полностью занятых ремесленников-профессионалов. Вероятно, такое предположение было бы справедливо лишь по отношению к некоторым особенно сложным изделиям из металла и камня. Несомненно, прав К. Ренфрю, полагающий, что начиная с периода «культуры Керос-Сипрос» война и пиратские набеги становятся регулярным промыслом среди мужской части населения архипелага наряду с рыболовством и отчасти, видимо, также торговлей (Renfrew, 1972, p. 262 ff., 392 ff.; 1976, S. 26 f.). На это прямо указывают и уже упоминавшиеся находки оружия в кикладских могилах, и изображения кораблей на некоторых предметах вроде так называемых «кикладских сковородок», и, наконец, впервые появившиеся на островах в это же самое время укрепленные поселения, о которых будет сказано несколько ниже. Анализ погребального инвентаря позволяет также об известном усложнении социальной структуры кикладского общества. Найденные в могилах украшения типа уже упоминавшихся диадем и браслетов, вероятно, могут быть расценены как свидетельство начинающегося расслоения первоначально совершенно однородного коллектива первобытной родовой общины и образования в ее среде привилегированной прослойки знати, хотя преувели-

² Шахермайр даже склонен был думать, что в этот период население архипелага было гораздо более многочисленным, чем «в наши дни» (Schachermeyr, 1954a, S. 1414), что кажется маловероятным.

чивать значение подобного рода находок, по-видимому, не стоит (ср.: Renfrew, 1972, p. 371 ff.; 1974, p. 79 ff.; 1976, S. 26).³

В одном ряду со всеми этими симптомами социально-экономического прогресса стоит и появление на Кикладах в этот же период (около середины III тыс. до н. э.) нового типа поселения. В своей суммарной характеристике поселений периода расцвета «культуры Керос-Спрос» Хр. Думас выделяет следующие их особенности: 1) как правило, поселение занимает естественный акрополь или укрепленную самой природой возвышенность; 2) чаще всего такая возвышенность находится в непосредственной близости от моря, хотя встречаются также и поселения, расположенные в глубине острова; 3) по крайней мере один из склонов холма, занятого поселением, крут и обрывист и поэтому практически неприступен для врага; 4) само поселение обычно обнесено оборонительной стеной, усиленной «бастионами»; 5) основной жилой массив поселения состоит из компактно сгруппированных и разделенных узкими коридорообразными проходами домов. Дома эти часто имеют криволинейную конфигурацию, хотя встречаются также и постройки прямоугольной формы (Doumas, 1972a, p. 164; 1972b, p. 228).

Особое место среди кикладских поселений занимает как своего рода эталонный археологический памятник городок Кастри близ Халандриани на о. Спрос. Поселение это было открыто Хр. Цунтасом еще в 1899 г. Позднее, уже в 60-е годы нынешнего столетия, его обследовала Э. М. Боссерт (Tsountas, 1899, s. 73 ff.; Bossert, 1967, S. 53 ff.; Doumas, 1972a, p. 158 ff.). В результате мы имеем сейчас достаточно ясное представление о расположении и планировке этого кикладского городка, чего, пожалуй, нельзя сказать о многих других поселениях этого же времени. Судя по описаниям Цунтаса и Боссерт, Кастри занимало северо-восточный склон высокого холма. Общая площадь поселения составляла около 3600 м². С трех сторон его окружала довольно мощная оборонительная стена (рис. 5), с четвертой (юго-восточной) стороны поселение было защищено крутым и обрывистым склоном холма. Длина стены в ее сохранившейся части — 71,5 м, высота — 1,34 м, толщина колеблется между 1,3 и 1,8 м. Снаружи к стене было пристроено шесть полукруглых «бастионов» или, может быть, башен. В стене были устроены три нешироких прохода, один из которых (в «бастионе В») закрывался специальной дверью. Несколькими ниже основной оборонительной стены перед линией «бастионов» сохранились остатки еще одной стены или, может быть, просто ограда, значительно уступавшей первой в мощности (толщина — от 0,9 до 1,15 м) и, видимо, также в высоте (в противном случае, как указывает Цунтас, нападающие враги легко могли бы перепрыгнуть с одной стены на другую — Tsountas, 1899, s. 120). Вся эта сложная конструк-

³ В своей статье 1974 г. Ренфрю, основываясь главным образом на находках украшений в кикладских некрополях, предлагает квалифицировать островные общества III тыс. до н. э. как «индивидуализированные вождества» (individualizing chiefdoms). В этом плане он ставит их в один ряд с более поздними дворцовыми государствами минойского Крита и микенской Греции, а также с аналогичными политическими образованиями у кельтов, древних майя и т. п. Этот вывод, однако, представляется нам чересчур носпешным. Специфика исторического развития кикладских обществ, на наш взгляд, как раз в том и заключалась, что утверждение персонального могущества и власти племенных вождей шло здесь гораздо более замедленными темпами, чем в смежных районах Анатолии, Балканской Греции, на Крите и на Кипре, причем это относится не только к III, но в значительной мере еще и ко II тыс. до н. э. Особую значимость приобретают в этой связи данные, полученные при раскопках поселений.

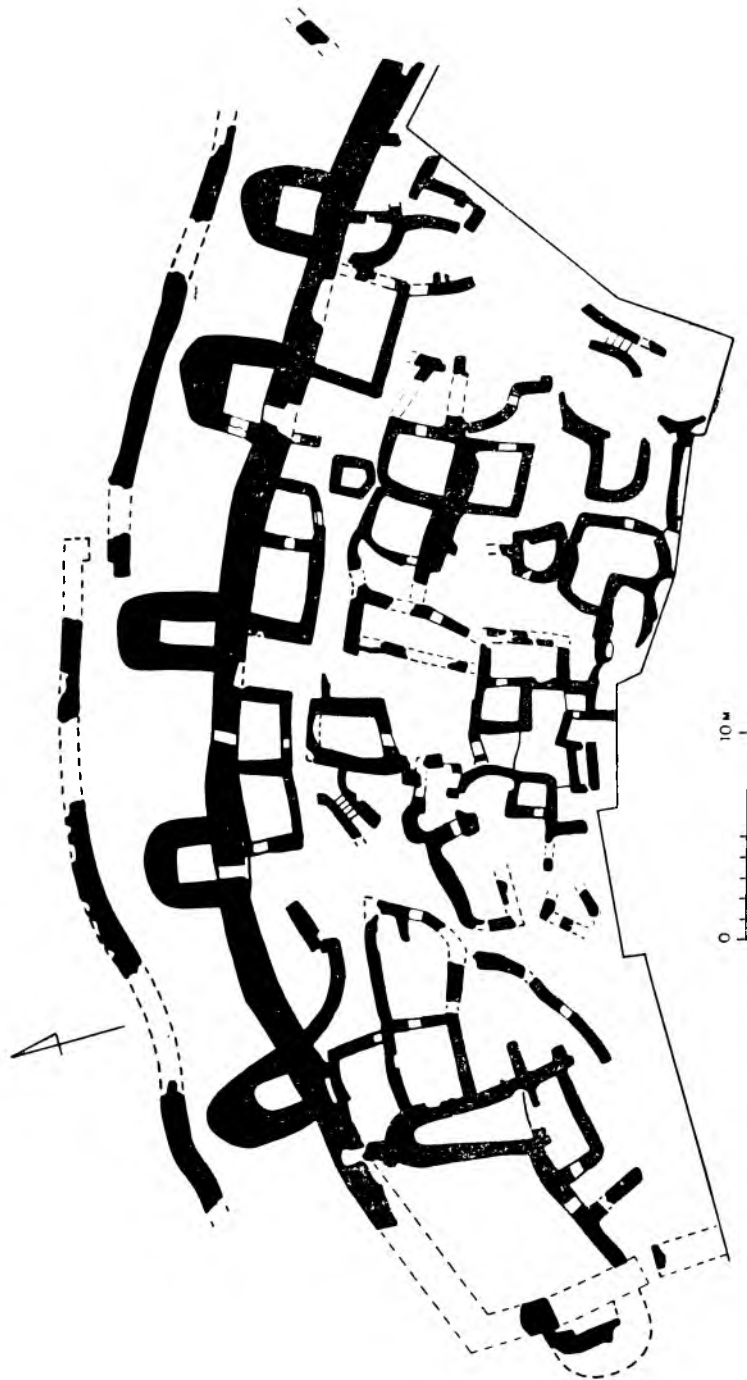

Рис. 5. План поселения Кастри (Халандриани) на Кипре.

ция оборонительных сооружений Кастри была явно рассчитана на защиту поселения от внезапного нападения со стороны моря. Даже преодолев первую из стоявших перед ними преград, нападавшие должны были потратить еще немало времени и сил для того, чтобы перебраться также и через вторую стену. Внутреннее пространство поселения между оборонительной стеной и обрывом было довольно плотно и без всякой видимой системы застроено небольшими, неправильной формы домами с тонкими стенами, сложенными из мелких плит песчаника. Некоторые из этих домов были вплотную пристроены к оборонительной стене.

Среди обитателей Кастри были люди, которые владели ремесленными навыками и занимались выплавкой и обработкой меди и бронзы то ли для собственных нужд, то ли для нужд всей общины. Во время раскопок в одном из домов (№ 11) были найдены частицы медного шлака вместе с обломками плавильного тигля и очагом, из чего можно заключить, что в поселении была своя кузнечная мастерская (Tsountas, 1899, s. 124, fig. 35—37; Bossert, 1967, fig. 3—5). В этом же доме был обнаружен целый набор инструментов, сделанных из бронзы, камня и кости, в том числе восемь бронзовых резцов и лезвие пилы. Ремесленник, которому принадлежали все эти орудия труда, мог быть не только кузнецом, но также и резчиком по камню или по дереву (Renfrew, 1972, p. 315). В другом доме были открыты две формы для отливки топоров и резцов и еще один тигель со следами свинца.

В остальном жилия застройка Кастри отличается поразительным однообразием: ни один из обследовавших это поселение археологов не упоминает о каких-либо индивидуальных особенностях в архитектуре и характере отдельных жилищ. Можно, таким образом, предполагать, что в среде обитателей Кастри еще не было сколько-нибудь резких социальных различий и контрастов, а жизненный уровень основной их массы был еще очень невысок. К нескольким иным выводам пришел К. Ренфрю после тщательного изучения материала из раскопок расположенного неподалеку и, вероятно, принадлежавшего той же самой общине некрополя в Халандриани (Renfrew, 1974, p. 81 f.). В его представлении, община, занимавшая Кастри вместе с его окрестностями, была довольно четко стратифицирована по имущественному признаку. Свое конкретное выражение это нашло в том, что некоторые наиболее ценные виды изделий в составе погребального инвентаря, например медные щипчики, медные и серебряные заколки, расписная керамика и т. п., оказались сконцентрированными в 32 наиболее богатых могилах из общего числа около 500 могил. В то же время в этих могилах сравнительно редко встречаются наиболее дешевые виды изделий, такие, как обычная (без росписи) керамика. Сопоставив все эти данные, Ренфрю, казалось бы, с полным основанием заключает: «Мы не могли бы надеяться на более ясное свидетельство в пользу того, что концепция богатства (the concept of wealth) сознательно поддерживалась в это время». На это мы можем, однако, возразить, что даже если такая концепция действительно существовала среди обитателей Кастри, сфера ее действия, скорее всего, была здесь крайне ограниченной. Вполне возможно, что само понятие богатства простиралось лишь на те немногие предметы, которые считались личным имуществом отдельных членов родовой общины и вместе с тем использовались как знаки их социального престижа, выделявшие их среди общей массы общинников. Как неотъемлемая часть личности погребенного они следовали за ним в могилу, где и были спустя тысячелетия обнаружены археологами. Можно с большой до-

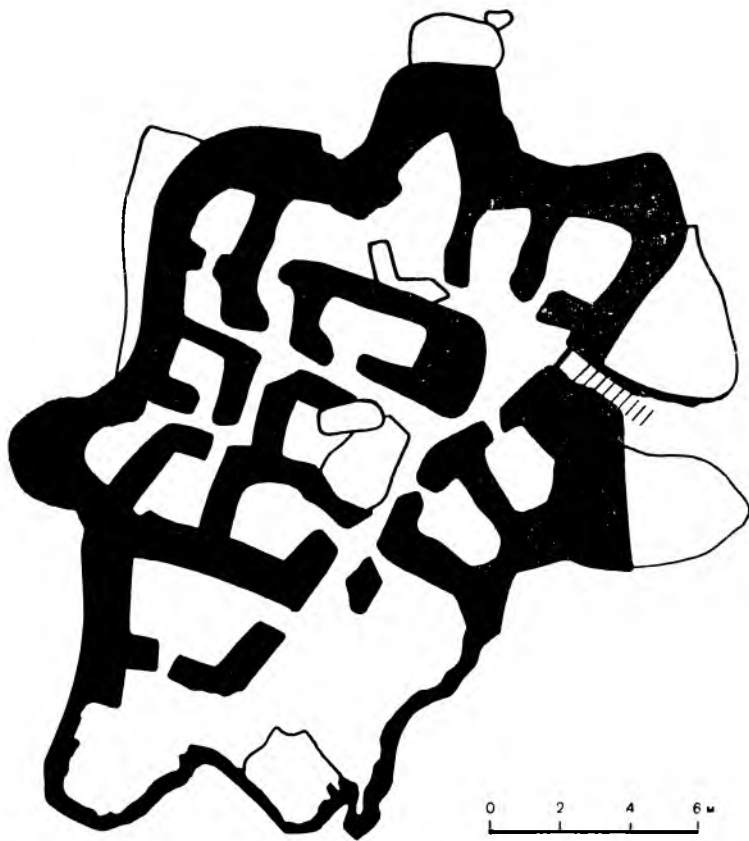

Рис. 6. План поселения Панорм на Наксосе.

лей вероятности предполагать, что 32 богатые могилы, на которые Ренфрю ссылается в подтверждение своего основного тезиса, принадлежали родовым старейшинам или главам большесемейных общин. В повседневной жизни различия между ними и рядовыми общинниками могли быть не столь уж значительными и, скорее всего, сводились лишь к немногим привилегиям вроде права носить некоторые особо ценившиеся виды украшений или пользоваться расписными сосудами вместо заурядных горшков. Богатство такого рода носит скорее символический характер и, конечно, еще не может считаться настоящей частной собственностью. Если наши предположения в какой-то мере оправданы, противоречие между глубоко «эгалитарным» характером поселения на акрополе Кастри и более или менее ясно выраженной дифференцированностью близлежащего некрополя должно быть признано мнимым.

Еще одно укрепленное поселение, относящееся к периоду расцвета «культуры Керос-Сиро», было открыто Хр. Думасом в окрестностях Панорма на Наксосе, на холме Корфари тон Амигдалион (Dumas, 1964, s. 411 ff.; 1972a, p. 165 f.). Его общая площадь составляла всего лишь около 500 м². Оборони-

тельная стена толщиной около 1 м опоясывала, по-видимому, все поселение, хотя полная ее протяженность и конфигурация пока не установлены ввиду незавершенности раскопок (рис. 6). По существу же эта стена не может считаться самостоятельным фортификационным сооружением, как стена Кастри, поскольку она была образована, как это ясно показано на плане Думаса, сплошной линией наружных стен жилых домов. Сами эти дома, насколько мы можем судить о них по тому же плану, не были достаточно четко разграничены между собой и, следовательно, не могут считаться обособленными планировочными единицами. Все поселение, таким образом, воспринимается как большое коммунальное жилище наподобие более или менее синхронного с ним жилого комплекса в Миртосе на востоке Крита (см. о нем ниже). Полукруглые выступы наружной стены или «бастионы», как называет их Думас, здесь были, по-видимому, так же как и сама стена, интегральной частью основного жилого массива и могли использоваться как жилые или хозяйственные помещения. Все население такой «цитадели» вполне могло состоять из одной-единственной большой семьи. Впрочем, немногим больше оно было, по-видимому, и в Кастри, и в других кикладских поселениях этого периода (ср.: Doumas, 1972b, p. 227).

Кроме Кастри и Панорма, к той же категории раннекикладских городков-акрополей могут быть отнесены и некоторые другие поселения. В их число Думас включает, например, Кинфос на Делосе, Гротту и Кастраки на Наксосе, Пиргос и Парэкию на Паросе, поселение на островке Даскалейо близ Кероса и др. (Doumas, 1972a, p. 162 ff.; 1972b, p. 228 f.; 1976, S. 33). Правда, все эти поселения были обследованы археологами лишь частично. Восстановить их планировку по обнаруженным в них разрозненным фрагментам жилой застройки и оборонительных сооружений сейчас практически невозможно. Тем не менее само их местоположение на возвышенностях с более или менее крутыми и обрывистыми склонами, вероятно, говорит в пользу их сближения с Кастри и Панормом.

В этот же период мы встречаемся и с несколько иным типом поселения, для которого характерно местоположение на низком, выдающемся в море выступе береговой полосы. Ренфрю даже склонен считать этот тип поселения наиболее распространенным в пределах Эгеиды на протяжении всей эпохи ранней бронзы (Renfrew, 1972, p. 260). Число поселений-акрополей было в это время, как он полагает, сравнительно невелико (ср.: Matz, 1954, S. 205 f.; Bintliff, 1977, pt II, p. 555; Barber, McGillivray, 1980, p. 149). Несколько шире этот, как он его называет, «Kastro type» распространился в Эгейском бассейне лишь в эпоху средней бронзы. В действительности мы не располагаем достаточным количеством археологических данных, которые позволили бы утверждать, что поселения на мысах в III тыс. до н. э. численно преобладали над всеми другими. Наиболее известные их образцы — Маника на Эвбее и Аскитарио на восточном побережье Аттики — находились за пределами зоны распространения кикладской культуры. Внутри же этой зоны единственным примером поселения такого типа может служить Айя Прини на Кеосе, от которого сохранились лишь фундаменты нескольких жилых домов, обнаруженные под более поздним «городом» эпохи средней бронзы (Caskey, 1970, p. 339 ff.; 1971b, p. 359 ff.).

Повторяя мысль, которая была высказана в свое время Цунгасом, Ренфрю квалифицирует укрепленные поселения на возвышенностях типа Кастри или Панорма как временные убежища (strongholds), в которых могли укрыться в случае опасности обитатели других открытых поселений, размещавшихся где-то внизу на равнине или же прямо на морском берегу (Renfrew, 1972, p. 176;

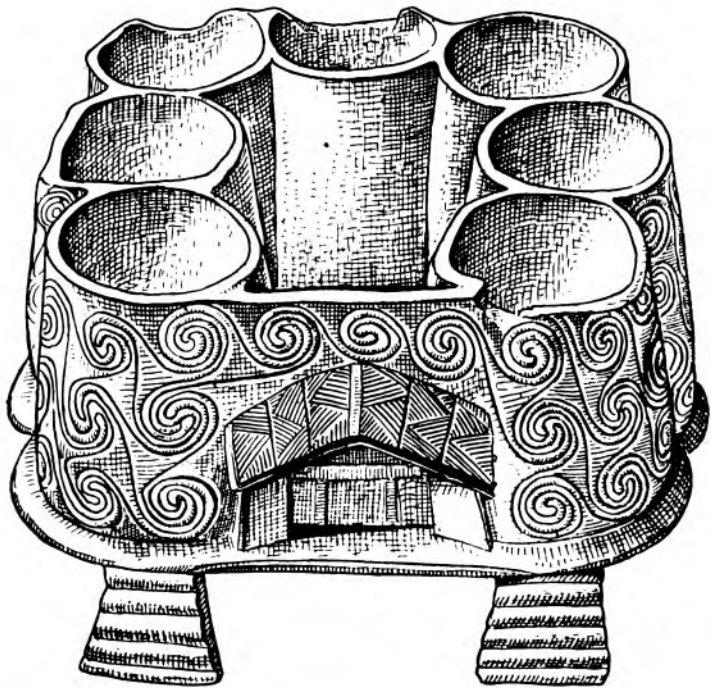

Рис. 7. Каменный сосуд с о. Мелос с ячейками, воспроизводящими (жилые?) башни.

см. также: Caskey, 1971a, p. 796). Гипотеза эта, однако, сейчас едва ли может быть подкреплена сколько-нибудь репрезентативным археологическим материалом. Насколько нам известно, вблизи Кастри, Панорма и других раннекикладских «цитаделей» пока еще не удалось обнаружить ни одного соответствующего им поселения открытого типа. Более правдоподобным представляется нам мнение Хр. Думаса, который расценивает Кастри и другие подобные ему поселения как укрепленные деревни, занятые небольшими общинами, состоявшими из нескольких семей, возможно, связанных между собой узами родства.

Кроме открытых при раскопках строительных остатков мы располагаем и некоторыми другими источниками, заключающими в себе информацию о кикладских поселениях эпохи ранней бронзы. Такими источниками могут считаться некоторые произведения кикладского искусства, и прежде всего уникальный каменный сосуд (возможно, пиксида) с о. Мелос (рис. 7). Нетрудно догадаться, что мастер, вырезавший из мягкого камня (хлорита) этот загадочный предмет, пытался воспроизвести какой-то довольно сложный архитектурный комплекс, состоящий из семи цилиндрических ячеек, напоминающих башни.⁴ Эти ячейки

⁴ Вполне вероятно — это предположение высказывалось в литературе неоднократно, что первоначально каждая ячейка имела конусовидную «крышу», потом утраченную. Такие «крыши» встречаются на некоторых других кикладских сосудах примерно того же времени, что и мелосская пиксида (см. о них выше).

сгруппированы вокруг замкнутого пустого пространства (внутренний двор?) и объединены общей оградой, имеющей один, тоже общий, вход в виде ворот с портиком, перекрытым двухскатной крышей. Все это сооружение располагается на скругленной платформе, поддерживаемой четырьмя рифлеными ножками. Что именно хотел воспроизвести резчик, изготовивший сосуд, остается загадкой. Мнения ученых, так или иначе касавшихся этого вопроса в своих работах, уже давно разделились. Согласно наиболее распространенной сейчас интерпретации, мелосский сосуд представляет собой не что иное, как модель зернохранилища (Oelmann, 1925, S. 19 ff.; Marinatos, 1946, p. 342; Press, 1964, S. 218; Sinos, 1971, S. 35; Renfrew, 1972, p. 288; Hood, 1978, p. 138). Цилиндрические ячейки сосуда действительно имеют некоторое сходство с башнеобразными житницами древнего Египта, известными по целому ряду изображений, как скульптурных, так и графических. Поддерживающие сосуд ножки находят свое функциональное оправдание, если предположить, что его реальным прототипом была приподнятая над землей свайная конструкция, основное назначение которой заключалось в том, чтобы предохранить зерно, сыпанное в житницы, от почвенной влаги и грызунов (Oelmann, 1925, S. 24). Существует, однако, и другое мнение, сторонники которого склонны видеть в мелосской модели воспроизведение какой-то жилой постройки, возможно, даже целой группы связанных между собой жилищ (Pfuhl, 1905, S. 336, 349; Bulle, 1907, S. 45; Schuchhardt, 1914, S. 289 ff.; 1919, S. 151; Demargne, 1964, fig. 57; Matz, 1964, p. 92; 1973, p. 148 f.). Наконец, в одной из последних работ, посвященных этому своеобразному произведению кикладского искусства, оно было квалифицировано как макет некоего культового сооружения (Höckmann, 1975, S. 269 ff.; Thimme, 1976, S. 515).

Выбирая наиболее правдоподобный из трех возможных вариантов интерпретации мелосской модели, мы, по-видимому, должны учитывать прежде всего, в какой мере каждый из них соотносится с теми археологическими данными, на которых в настоящее время базируются наши представления о кикладской архитектуре III тыс. до н. э. Сразу же заметим, что среди архитектурных памятников этой эпохи нет ни одной постройки, которую можно было бы с уверенностью отнести к категории зернохранилищ или же культовых сооружений.⁵ Круглые, изнутри облицованные камнем ямы для сыпки зерна, или, как их называют обычно, «кудуры», впервые появляются на Крите спустя почти полтысячелетия после периода акме кикладской культуры. Египетские аналогии, к которым обычно обращаются сторонники версии «зернохранилища», едва ли что-нибудь могут доказать, в особенности если учесть, что маленькие и бедные кикладские общины вряд ли располагали такими запасами зерна, для которых могли бы понадобиться большие житницы египетского типа. Для хранения хлеба и других продуктов им, судя по всему, вполне хватало обычных пифосов или же небольших сыпных ям, устраивавшихся прямо в домах. Святницы, которые хотя бы отдаленно напоминали своей конструкцией мелосскую модель, в истории эгейской архитектуры вообще неизвестны.

Тем не менее заключенная в этой модели конструктивная идея — идея замкнутого пространства, со всех сторон обнесенного стеной с каким-то подобием башен, отнюдь не чужда кикладской архитектуре, насколько мы теперь ее

⁵ Примеры, которые приводят в поддержку каждой из этих двух гипотез Маринатос (Marinatos, 1946) и Хекман (Höckmann, 1975), на наш взгляд, далеко не бесспорны.

себе представляем по материалам раскопок. Тот же принцип достаточно отчетливо выражен и в планировке двух наиболее изученных рапнекикладских поселений — Кастри и Панорма, о которых мы уже говорили выше. Правда, в первом из них кольцо оборонительных стен не было полностью замкнуто. Здесь в этом не было особой необходимости, поскольку, как было уже сказано, с одной (юго-восточной) стороны поселение было надежно защищено естественным обрывом. Однако в Панорме стена с полукруглыми «бастionsами» охватывала, по-видимому, все это маленькое поселение. Проникнуть внутрь поселения здесь можно было только через единственный узкий проход.

Вполне допустимо, что мастер, создавший мелосский сосуд, пытался передать в своей работе то общее впечатление, которое мог на него произвести городок-акрополь типа Кастри или Панорма или, что еще более вероятно, целый ряд таких городков, виденных им в разных местах. При этом он постарался выделить в архитектуре своего городка как наиболее важный конструктивный элемент, определяющий внешний облик всего поселения, группу башен с заключенным внутри нее свободным пространством, которое может восприниматься как намек на охваченную кольцом стен внутреннюю территорию поселения, занятую жилыми домами. Правда, сами эти дома на модели отсутствуют. Возможно, резчик просто не хотел их воспроизводить, чтобы не дробить образ «города» слишком мелкими и, в его понимании, второстепенными деталями. Заметим попутно, что аналогичные приемы упрощенной трактовки городского пейзажа применялись неоднократно и в древневосточном, и в античном, и в средневековом искусстве до того, как были открыты законы перспективы.

Впрочем, мы допускаем, что здесь возможно и несколько иное объяснение, если предположить, что создатель модели имел в виду не башни в собственном значении этого слова как специальные фортификационные сооружения, а особого рода башенные жилища. В древности жилые постройки такого типа были распространены практически по всему Средиземноморью (вспомним хотя бы знаменитые нураги о. Сардиния), а также и во многих странах Передней Азии (Джандиери, Лежава, 1976, с. 7 сл.). Одной из их разновидностей могут считаться «башенные дома» минойского Крита, известные по так называемой «городской мозаике» из Кносского дворца (Evans, 1921, p. 301 ff.). На островах Кикладского архипелага сооружения такого рода археологически до сих пор не выявлены. Тем не менее вполне вероятно, что нечто подобное могут изображать каменные сосуды или пиксиды кикладского производства, которым изготовившие их резчики придали сходство с какими-то круглыми постройками. Это сходство особенно усиливается благодаря наличию у некоторых из них конусообразных крыш (Thimpe, 1976, Abb. 338, 359, 361, 362). Можно предположить, что реальным прототипом для этих сосудов послужили обычные круглые хижины, сплетенные из ветвей или тростника. Но в этом случае они должны были бы иметь некое подобие дверного проема, который у них почему-то отсутствует. Отсутствие такой важной детали можно объяснить тем, что эти каменные модели воспроизводят не обычный жилой дом, а именно башенное жилище, в котором вход устраивается, как правило, где-нибудь высоко над землей (проникнуть в него можно только с помощью приставной лестницы) и делается как можно более незаметным (Джандиери, Лежава, 1976, с. 90 сл.).⁶

⁶ Жилища такого типа могли иметь не только круглую, но и овальную форму, напоминая уже не башню, а целый форт или блокгауз. Об этом свидетельствует оригинальная пиксида с о. Наксос (Сидорова, 1972, с. 42, рис. 30).

В зависимости от конкретных местных условий жилые башни могли строиться как поодиночке, так и целыми группами, образуя небольшие поселения. Простейший вариант такого поселения — группу всего из двух башен, связанных между собой двумя перегородками, очевидно, имитирующими дощатый или бревенчатый забор, изображает пиксида с о. Керос (рис. 8). Дальнейшее развитие той же конструктивной идеи воплощает уже знакомая нам мелосская модель, воспроизводящая, как было уже сказано, целый укрепленный городок.

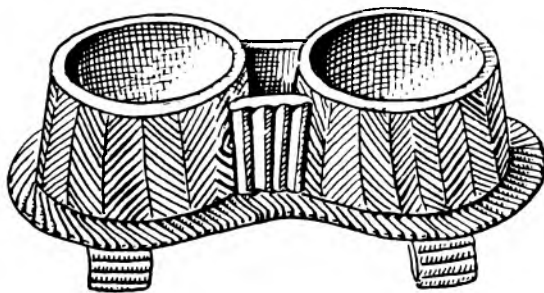

Рис. 8. Пиксида с о. Керос, воспроизводящая группу из двух башен.

Абсолютно стандартные башенки посажены на этой модели в ячейки, расположенные почти вплотную друг к другу, как патроны в обойме, — принцип группировки жилого массива, который пока не находит прямых аналогий среди археологически выявленных кикладских поселений III тыс. до н. э. Во всяком случае этот тип поселения в целом уже соответствует той характеристике квазигорода, которая была дана во Введении. Рядом с ним и Кастри, и тем более Панорм производят впечатление более примитивных и архаичных форм архитектурной организации пространства. В первом из этих двух случаев речь может идти всего лишь об укрепленной деревне, в которой довольно хорошо продуманная система фортификационных сооружений сочетается с крайне примитивной жилой застройкой, явно не достигающей уровня квазигорода. Во втором случае все поселение, как было уже сказано, в сущности, сведено к одному коллективному жилищу, по всей вероятности, занятому большой семьей или какой-то другой группой кровных родственников. Как бы то ни было, даже и эти немногочисленные примеры убеждают нас в чрезвычайном многообразии форм и типов раннекикладских поселений.

Основная сближающая их черта состоит в том, что все они, хотя и по-разному, были укреплены и занимали стратегически выгодные пункты, отчасти защищенные самой природой. Несомненно, прав К. Ренфрью, полагающий, что эта забота обитателей кикладских городков и деревень о защите от нападения извне лучше, чем что-либо другое, свидетельствует о нарастании в этот период военной напряженности и широком распространении пиратства (Renfrew, 1972, p. 262 ff.; ср.: Doumas, 1972a, p. 170; 1972b, p. 229). Постоянная угроза со стороны моря вынуждала обитателей островов не только выбирать для поселения места, надежно защищенные самой природой (тип акрополя или кастро), и возводить вокруг них оборонительные стены, но и стягиваться из одиночных, далеко отстоящих друг от друга «хуторов» и «усадеб» (эта форма поселения, как было уже замечено, по-видимому, наиболее типична для РКИ периода или же периода «культуры Гротта-Пелос») в более крупные укрепленные деревни. Разумеется, ни эта нуклеация, ни строительство укреплений, даже таких сложных, как укрепления Кастри, сами по себе еще не дают нам права называть эти поселения «городами» или хотя бы «протогородами» (ср.: Schachermeyr, 1954a, S. 1414; Блаватская, 1976, с. 8).

Согласно категорическому утверждению Барбера и Мак-Джилливрея (Barber, McGillivray, 1980, p. 150 f.), все известные сейчас раннекикладские поселения, за исключением Парэкии и, может быть, также Даскалейо, были покинуты своими обитателями в течение РКIIA периода, т. е. еще до завершения эпохи ранней бронзы. Единственными поселениями следующего RKIIB периода, о которых мы имеем хоть какую-то информацию, могут считаться та же Парэкия на о. Парос и Филадельфия I на Мелосе. Примерно так же оценивают ситуацию, сложившуюся на Кикладах в конце III тыс. до н. э., и некоторые другие авторы, в том числе Кэски, Думас и Ренфрью (Caskey, 1971a, p. 794 f.; Doumas, 1972a, p. 168 f.; 1972b, p. 229; 1976, S. 33 f.; Renfrew, 1972, p. 186 ff.; 1976, S. 27 f.). Все они отмечают как наиболее очевидный факт резкое сокращение общей численности кикладских поселений в сравнении со временем около середины III тыс.⁷ Это обстоятельство заставляет думать о своего рода демографическом спаде на всей территории архипелага. Ренфрью прямо говорит об «обезлюдении» (depopulation) ряда островов в конце III—начале II тыс., связывая его опять-таки с деятельностью пиратских дружин (Renfrew, 1972, p. 264; ср.: Doumas, 1972a, p. 170; 1972b, p. 229).

Судя по описаниям археологов-первооткрывателей и прилагаемым к ним планам, от обоих известных сейчас поселений PKIIB периода уцелело лишь очень немногое. В основной своей части и Филадельфия I, и Парэкия были «стерты» позднейшей застройкой. Филадельфия за свою более чем тысячелетнюю историю неоднократно перестраивалась. В результате от самого первого из возникших на этом месте поселений сохранились лишь «изолированные строительные остатки», по которым только в немногих случаях и всегда с очень большой степенью приблизительности удастся восстановить планировку отдельных жилых домов этого периода. Планировка всего поселения практически невозможна (Atkinson et al., 1904, p. 26, 35 ff.). Тем не менее можно предполагать, что это было довольно крупное поселение, возможно, превосходящее по занимаемой им площади (10 800 м²) все прочие поселения того же времени, не говоря о более ранних. Как указывает Эткинсон (ibid., p. 35), остатки построек первого периода были разбросаны почти по всей территории позднейшего «города», хотя остается неясным, насколько компактно были они расположены и чем были заполнены разделяющие их пустые пространства (ср.: Doumas, 1972b, p. 229).⁸ В ряде случаев линии стен домов I и II периодов, как это ясно видно на общем плане поселения (Atkinson et al., 1904, pl. 1), практически совпадают или же идут параллельно друг другу на небольшом удалении, что позволяет говорить

⁷ По данным Барбера и Джилливрея (Barber, McGillivray, 1980, p. 147, tabl. II), в настоящее время известно всего семь мест на территории архипелага, где могли существовать поселения RKIIB периода. Однако в большинстве из них (кроме Филадельфии и Парэкии) весь археологический материал сводится к незначительным находкам керамики на поверхности земли.

⁸ Ренфрью, как нам кажется, сильно опережает реальный ход событий, утверждая, что уже Филадельфия I было «поселением подлинно городского типа (echte Stadtsiedlung) с сеткой улиц, продолженных между тесно поставленными домами на каменном фундаменте и подчиненных (общему), пожалуй, прямоугольному плану. Это был большой прогресс в сравнении со скорее органически выросшими, чем правильно спланированными поселениями предшествующего периода» (Renfrew, 1976, S. 27 f.; см. также: Renfrew, 1972, p. 186). На наш взгляд, эта характеристика, да и то с известными оговорками, может быть отнесена только к Филадельфии II и III, т. е. к поселениям эпохи средней и поздней бронзы (ср.: Bintliff, 1977, pt. II, p. 541, где Филадельфия I квалифицируется всего лишь как «более значительная деревня» в сравнении с более ранними мелкими поселениями на том же Мелосе).

об определенной преемственности планировочных решений. Сам Эткинсон, однако, как будто не придает этому обстоятельству особого значения. «Вообще говоря, — пишет он, — не существует никакой связи между стенами различных периодов. Совершенно очевидно, таким образом, что все постройки дважды были снесены и город отстраивался заново без учета его прежней планировки».

В синхронном Филакопи I поселении в Парэкии, по признанию исследовавшего его О. Рубенсона, был открыт лишь «ein winziger Ausschnitt» из общей площади, занятой древней жилой застройкой (Rubenson, 1917, S. 3).

Как указывают Кэски, Барбер и некоторые другие исследователи (Caskey, 1970, p. 342; 1971a, p. 799; Evans, 1973, p. 22 f.; Gimbutas, 1973, p. 132; Barber, 1974, p. 48), конец эпохи ранней бронзы ознаменовался на Кикладах, как и повсюду в Эгейском море, резким разрывом культурной традиции и последовавшей за ним «культурной фрагментацией» (формулировка Барбера). Вполне логично было бы связать этот разрыв с очевидно происходившими в это время (в основном около 2300 г. до н. э.) широкомасштабными неурядицами и перемещениями населения, о чем свидетельствуют слои разрушений, зафиксированные в разных местах на территории материковой Греции, Анатолии и даже Крита, хотя этот остров, по-видимому, пострадал меньше, чем другие районы Эгейды. Таким образом, уже отмеченное сокращение численности поселений на Кикладах должно расцениваться как феномен скорее упадка, нежели прогресса. Спокойная эволюция в сторону постепенного укрупнения уже существующих поселений или же слияния нескольких мелких поселений в одно крупное здесь едва ли в это время была возможна и практически нигде, кроме Мелоса, археологически не засвидетельствована. Впрочем, даже и для Мелоса это довольно трудно продемонстрировать с полной наглядностью, поскольку мы почти ничего не знаем о поселениях, предшествовавших Филакопи I. Предположения Думаса о мирном процветании островных поселений под эгидой правителей Крита (Doumas, 1972a, p. 170; 1972b, p. 229) также явно не вяжутся с картиной общего упадка кикладской культуры в последней четверти III тыс. до н. э. Имеющиеся в нашем распоряжении данные скорее заставляют думать, что в этот период процесс урбанизации на Кикладах был насильственно прерван и возобновился лишь после длительной паузы уже в иных исторических условиях и соответственно в иных формах.

ГЛАВА 3

КРИТСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ III ТЫС. ДО Н. Э.

Следы человеческого обитания встречаются в различных местах на территории Крита начиная с эпохи неолита. Правда, до сих пор здесь не удалось найти ни одного поселения, которое можно было бы сравнить по его значимости и масштабам с такими классическими памятниками неолитического времени, как анатолийские Чатал Гюйюк и Хаджилар или же фессалийские Димини и Сескло. За одним исключением, от всего огромного хронологического промежутка с VII по IV тыс. до н. э. до нас дошли лишь изолированные, как правило, крайне примитивные постройки, по всей видимости, представляющие собой случайные остатки одиночных «ферм» или «хуторов» (Branigan, 1970a, p. 37). Сооружения такого рода открыты, например, в Катсамбе на северном побережье острова и в Магасе на восточной его оконечности (ibid.; Sinos, 1971, S. 17, Abb. 40—41). Следует также иметь в виду, что не только в эпоху неолита, но еще и в начале периода ранней бронзы, т. е. уже в III тыс. до н. э., значительная часть населения Крита ютилась в горных пещерах или же в легких тростниковых жилищах, не оставивших после себя никаких следов (Branigan, 1970a, p. 34, 41, fig. 4).

Довольно крупное неолитическое поселение, возможно уже превышавшее по своим размерам одиночную «усадебку», существовало на территории, занятой позднее Кносским дворцом. Его следы были обнаружены прямо под поверхностью центрального дворцового двора. Здесь было вскрыто по крайней мере десять строительных горизонтов, составляющих четыре хронологические фазы: две для раннего неолита и еще по одной для среднего и позднего (Hood, 1971, p. 22 f., fig. 5). Сменявшие друг друга поселения существовали на этом месте непрерывно на протяжении почти четырех тысячелетий. Постепенно накапливавшиеся строительные остатки образовали жилой холм типа переднеазиатских теллей, на котором и был впоследствии воздвигнут дворец (ibid.). Особый интерес представляют жилища поздненеолитического времени. Они представлены комплексом из трех домов с довольно сложной внутренней планировкой (Evans, 1928, p. 7 ff.). По-видимому, как утверждает Брэнниген (Branigan, 1970a, p. 39), полагающий, что все три поздненеолитических дома в Кноссе были объединены в один большой блок, или «квартал», что довольно близко напоминает так называемую «агглютинирующую» или «конгломератную» форму застройки, типичную для

минойских поселений более позднего времени. Вполне возможно также, что этот «квартал» был лишь частью какого-то большого поселения, приближающегося по типу к более или менее синхронным с ним неолитическим квазигородам Передней Азии.

Насколько позволяют судить эти отрывочные и, конечно, весьма далекие от полноты археологические данные, так называемая «неолитическая революция» протекала в разных районах Крита (а, возможно, также и внутри этих районов) крайне неравномерно. В зависимости от в высшей степени разнообразных природных условий острова, в особенности же — от характера почв и их увлажненности земледелие и скотоводство развивались здесь с разной степенью интенсивности, что влекло за собой и весьма неравномерный рост населения, и довольно значительные локальные различия в уровнях его концентрации. В то время как в одних местах этот процесс остановился на «пороге» небольших «усадеб» или «хуторов», запертых изолированными семейными общинами, в других местах он продвинулся много дальше, достигнув уровня нуклеации больших семей и образования более сложных социальных организмов — деревенских поземельных общин (вероятно, на родовой основе).

С наступлением эпохи бронзы критское общество вступает в новую фазу своего развития, характеризующуюся прежде всего заметным ускорением темпов роста населения на острове, особенно в центральной и восточной его частях, что можно объяснить общим улучшением условий жизни в связи с широким внедрением в экономику изделий из металла, прогрессивными сдвигами в сфере сельского хозяйства и ремесла и т. п. (Cadogan, 1986, p. 154 f.). О значительном росте населения, а также и о довольно высоком уровне его концентрации свидетельствует широкое распространение общинных некрополей с усыпальницами, предназначенными для массовых захоронений. Раскопки выявили два основных типа таких усыпальниц: 1) толос, или купольная гробница (основная зона распространения — район равнины Месара близ южного побережья Крита); 2) склеп-осуарий (преимущественно восточный Крит). Встречаются и смешанные формы, сочетающие элементы как того, так и другого типа, например в недавно открытом некрополе Арханеса — центральный Крит, недалеко от Кносса (Пендлбери, 1950, с. 79 сл.; Branigan, 1970a, p. 152 ff.; 1970b; о раскопках в Арханесе см.: Hiller, 1977, S. 101 ff.; Sakellarakis, 1980). Как правило, местоположение некрополя служит ориентиром, указывающим на близость поселения (в некоторых случаях он размещается прямо на границе поселения), а вместимость усыпальниц позволяет составить хотя бы приблизительное представление о численности его обитателей. К сожалению, от самих поселений, сопутствовавших некрополям, сохранилось лишь очень немного.

В большинстве случаев они просто стерты позднейшей застройкой. Так, по-видимому, обстоит дело с многочисленными земледельческими поселками раннеминойского периода на равнине Месара, от которых остались только их сводчатые усыпальницы. Сами они, как склонен был думать Дж. Пендлбери (Пендлбери, 1950, с. 76), похоронены под постройками современных деревень, занимающих в большинстве своем те же самые (топографически наиболее выгодные) места на равнине, что и их отдаленные предшественники.

Тем не менее общее число мест со следами строительной деятельности, относящимися к эпохе ранней бронзы, намного превосходит соответствующую цифру для эпохи неолита, несмотря на большую продолжительность последней. Остатки жилищ и керамические отложения раннеминойского, преимущест-

венно РМН периода (между 2400—2200 гг.; Platon, 1966, p. 222) обнаружены в Кноссе, Фесте, Айя Триаде, Маллии, Гурнии, Палекастро, Припинатикос Пиргос, Като Закро, на островах Псира и Мохлос. Можно предполагать, что все эти поселения, ставшие впоследствии важными центрами минойской культуры, за исключением, может быть, только Кносса и Феста, заселенных уже в эпоху неолита, возникли именно в это время (Branigan, 1970a, p. 36 ff.; Warren, 1972, p. 271 ff.; Hiller, 1977, S. 77 ff.). Правда, в своем подавляющем большинстве строительные остатки раннеминойского периода дошли до нас в очень плохой сохранности. Чаще всего это лишь случайно уцелевшие фрагменты стен и оснований домов, по которым очень трудно составить ясное представление о целостной архитектурной конструкции хотя бы одного жилища, а тем более восстановить первоначальный облик всего поселения.

В настоящее время лишь немногие памятники эпохи ранней бронзы позволяют, во-первых, более полно оценить возможности минойской строительной техники этого периода, а, во-вторых, представить хотя бы в самых общих чертах образ жизни древнейших обитателей Крита. Такими памятниками могут считаться жилой комплекс в Миртосе, расположенный в восточной части острова, недалеко от его южного побережья, и во многом сходный с ним комплекс в Василики на перешейке Гиерапетра.

Поселение в Миртосе было открыто в 1967 г. английской археологической экспедицией под руководством П. Уоррена. Очень плотно застроенное поселение располагалось на вершине довольно крутого холма Фурну Корифи, на высоте около 70 м над уровнем моря. На плане в книге Уоррена (рис. 9) отчетливо виден сложный конгломерат строений, состоящий из приблизительно 90 помещений разной конфигурации (чаще всего неправильной) и вместимости. Сам автор особо подчеркивает (Warren, 1972, p. 11), что открытое им поселение представляло собой «единый большой строительный комплекс», разделенный внутри двумя узкими проходами. Один из них шел от южного входа к центру поселения, другой, пересекаясь с ним, шел с запада на восток. «Поселение, — отмечает Уоррен (ibid.), — никоим образом не кажется разделенным на отдельные дома, так как комнаты и помещения непосредственно продолжают друг друга (при этом в некоторые из них можно было попасть только с крыши). Здесь нет очевидного деления на блоки или особенно большие дома, как в планировке позднеминойских городов типа Гурнии и Палекастро». В некоторых местах сплошная линия наружных стен поселения образует какое-то подобие оборонительной стены, полукольцом охватывающей весь комплекс (это особенно заметно на южной и западной сторонах поселения, где холм имел более пологие склоны — ibid.). Внутри поселения Уоррен выделяет ряд помещений со специфическими функциями. Сюда относятся кладовые и рабочие помещения в северной части комплекса, помещения, которые могли использоваться для занятий прядением и ткачеством, расположенные в основном в центральной части, склады, кухня и рабочие комнаты в юго-восточной части, большие комнаты, служившие, по всей видимости, для жилья, к западу от южного прохода и, наконец, стоящее особняком помещение под № 92 в юго-западном углу комплекса, в котором Уоррен склонен видеть святилище (ibid., p. 11, 260, 265).¹ Особый интерес представляет помещение гончарной мастерской (№ 49).

¹ Основным доводом в пользу такой идентификации этого помещения послужил найденный здесь антропоморфный сосуд, изображающий женское божество.

Рис. 9. План раннеминойского поселения Миргос (Фурну Горифи).

На полу в этой комнате было найдено девять гончарных дисков (восемь из них приводились в движение рукой, а один уже действовал по принципу свободного вращения — *ibid.*, p. 262 f.).

Некоторые из помещений комплекса были лишены крыши, представляя собой открытые площадки или внутренние дворики. В основном они располагаются вблизи от центра поселения (помещения № 30, 45 и 69). Особое внимание Уоррен уделяет помещению № 45, находившемуся на стыке двух проходов. Здесь, по его мнению, могли устраиваться общие собрания жителей Миртоса. И функционально, и в чисто архитектурном плане эта площадка может рассматриваться как отдаленный прообраз центрального двора в позднейших мийских дворцах.

В своей книге Уоррен решительно оспаривает мнение Брэнигена, квалифицирующего поселение в Миртосе как «господский дом» или «усадебу» (*mansion*) по аналогии с другим таким же комплексом в Василики (Branigan, 1970a, p. 48 f.). Сам Уоррен более склонен оценивать открытый им комплекс как поселение деревенского типа, во многом превосходящее такие поселения более позднего времени, как Гурия («прото-Гурия») (Warren, 1972, p. 267, также 260). Планировка Миртоса «предполагает социальную организацию, основанием которой была какая-то крупная общественная ячейка — клан или триба, живущая общиной, может быть, еще не разделенная на отдельные семьи и совершенно лишенная какого-либо ясно выраженного вождя или правителя» (*ibid.*). Если исходить из того, что все население Миртоса составляло, согласно подсчетам самого Уоррена, что-то около 100 или 120 человек (*ibid.*, p. 267), то такие термины, как «клан» или «триба», едва ли применимы для определения характера существовавшей здесь социальной организации. Скорее речь может идти о каком-то подобии патриархальной большой семьи, которая в лучшем освещенных письменными источниками общественных формациях Передней Азии была наиболее распространенной формой низовой социально-экономической организации (Дьяконов, 1968, № 3. с. 7 слл.; Янковская, 1982, с. 13 слл.).² Однако в целом в своих суждениях о социальной природе открытого им поселения Уоррен стоит, как нам кажется, гораздо ближе к истине, нежели явно грешащий модернизацией Брэниген.

Не находя в планировке поселения на холме Фурну Корифи никаких признаков, которые могли бы указывать на социальное расслоение обитавшей здесь общины, Уоррен вместе с тем допускает, что жители поселка могли быть разделены на несколько обособленных групп по чисто функциональному принципу (Warren, 1972, p. 266). Некоторые из них занимались только ремесленным трудом — делали посуду, ткали и красили шерсть. Другие обрабатывали землю, пасли скот и обеспечивали пропитанием общинных ремесленников и самих себя. Уоррен готов даже думать, что среди обитателей Миртоса были и такие, которые совершали путешествия в другие районы Крита, выступая в роли торговых агентов своей общины. В целом нарисованная здесь картина организованной трудовой деятельности первобытной коммуны не лишена правдоподобия, хотя нам кажется, что сейчас еще трудно судить о степени профессионализации ремесленного труда, а тем более торгового предпринимательства внутри этого примитивного и, судя по всему, изолированного от внешнего

² О различных типах общинных жилищ в родо-племенных обществах Евразии см.: Джандиери, Лежава, 1976.

мира социального организма. Наличие в общинном жилище ряда помещений, которые на основании сделанных в них находок (гончарные круги, пряслица) могут быть признаны мастерскими, бесспорно, свидетельствует о каких-то начатках ремесленной специализации, но вовсе не обязательно означает, что в этих помещениях работали полностью занятые мастера-профессионалы — гончары или ткачи, не занимавшиеся больше никаким другим трудом (ср.: Янковская, 1982, с. 37 сл.).

Отказываясь признать жилой комплекс в Миртосе просто усадьбой, принадлежащей единоличному владельцу, Уоррен в то же время находит в его планировке ряд признаков, сближающих эту постройку с более поздними минойскими дворцами. Подводя итог своим наблюдениям, он делает достаточно категоричный общий вывод: «Эти признаки сходства не следует преувеличивать, но наличие единого большого архитектурного комплекса с несколькими различающимися помещениями, устроенными для специфических целей, предполагает, что происхождение дворцов следует искать именно здесь, в поселениях, подобных Миртосу и Василики, с точки зрения архитектурной лишь отчасти, с точки зрения экономической в полной мере» (Warren, 1972, p. 261). Соображения о возможных путях генезиса критских дворцовых ансамблей, высказанные здесь П. Уорреном, несомненно, заслуживают самого внимательного изучения. Однако прежде чем заняться вплотную этой весьма сложной и спорной проблемой, мы должны принять во внимание еще некоторые дополнительные факты, касающиеся критских поселений эпохи ранней бронзы.

До раскопок в Миртосе эталонным памятником раннеминойского времени считался архитектурный комплекс в Василики, открытый еще в начале нынешнего века американским археологом П. Сигером (первые публикации см.: Seager, 1907; Boyd-Hawes, 1908). Существовавшее здесь поселение имеет весьма длительную и сложную историю, в которой многие существенные моменты остаются пока непроясненными по причине незавершенности раскопок. Из всех открытых на этом месте строений наибольший интерес представляет так называемый «дом на вершине холма», первоначально датированный РМII периодом. Еще недавно некоторые авторы готовы были видеть в нем если не самый первый по времени из критских дворцов, то во всяком случае его ближайший прототип (Matz, 1956, S. 37; Hutchinson, 1962, p. 145; Schachermeyr, 1964, S. 56; Branigan, 1970a, p. 48; Hood, 1971, p. 50; Sinōs, 1971, S. 34; Warren, 1973, p. 44). Такому впечатлению во многом способствуют внушительные размеры этой постройки, как она изображена на плане Сигера (длина каждого из двух ее крыльев составляет около 30 м), а также четкий геометризм ее очертаний, действительно напоминающий планировку более поздних минойских дворцов и вилл. Кроме того, и сами конструктивные приемы, использованные строителями комплекса в Василики, например применение каркаса из деревянных балок для внутреннего крепления стен, обмазка внутренней поверхности стен красной штукатуркой, которая наряду с чисто эстетическим эффектом имела еще и конструктивное значение, скрепляя недостаточно прочную основу стены и т. д., кое в чем предвосхищают строительную технику, применявшуюся при возведении дворцовых зданий (Branigan, 1970a, p. 46 f.). Такие детали, как предполагаемое наличие второго этажа, по крайней мере в юго-восточной части комплекса, а также светового колодца (так идентифицируется помещение № 39 в том же крыле), далее обширная вымостка вдоль наружной стены северо-западного крыла, опять-таки оправдывают сближение «дома на вершине холма» с дворцом. Но особенно

важно то обстоятельство, что на плане Сигера оба крыла здания образуют как бы половину разрезанного паискошь замкнутого прямоугольника, составляющего наиболее фундаментальный элемент в планировке критских дворцов. В связи с этим было высказано предположение, что первоначально комплекс в Василики имел еще два крыла, замыкавшие внутренний двор с севера и с юга (Hutchinson, 1962, p. 145; Branigan, 1970a, p. 44 f.).

Сравнительно недавно (уже в 70-е годы) греческий археолог Зоис начал новые раскопки на том же самом месте с целью проверки правильности выводов Сигера (Zois, 1982a, S. 331—36; 1982b, S. 211 f.; Hiller, 1977, S. 82 f.; отдельные сообщения: AR, 1972—1973, no 19, p. 31 ff.). В результате выяснилось, что то, что Сигер принимал за одно здание Г-образной конфигурации, в действительности представляет собой результат совмещения двух разновременных построек: более раннего «красного дома» и более позднего «западного дома» (оба они относятся к разным фазам одного и того же периода — РМІВ; рис. 10).

В процессе раскопок Зоисом был сделан и еще один важный вывод. Он убедился в том, что большой мощеный двор (его площадь составляет свыше 400 м²), примыкающий с запада к «красному дому», никак не мог принадлежать этой застройке. В действительности он был подлинным архитектурным центром всего РМІВ поселения, представляя собой некое подобие деревенской площади, к которой с разных сторон вели дороги также со следами вымостки (Zois, 1982b, S. 22). Если эта догадка греческого археолога соответствует реальному положению вещей,³ то раскопки в Василики открывают перед нами еще один тип раннеминойского поселения — деревню или, может быть, квази-город. К сожалению, раскопки эти пока еще не завершены и реконструкция общей картины поселения хотя бы одного лишь РМІВ периода сейчас едва ли возможна. Крайне неясной остается также и его история. Хотя в непосредственной близости от основного комплекса из двух домов были обнаружены остатки других построек — частью более раннего времени, частью более позднего,⁴ находки эти в целом слишком фрагментарны, чтобы, основываясь на них, можно было составить сколько-нибудь ясное представление об эволюции поселения за все время его существования.

Как бы то ни было, теперь совершенно ясно, что основной довод в пользу если не прямого отождествления, то во всяком случае сближения раннеминойского «дома на вершине холма» с дворцом, по-видимому, теряет свою силу, поскольку сходство планировочного решения (к тому же лишь частичное) возникло здесь чисто случайно — как результат иллюзий первооткрывателя.

Можно, однако, предположить, что, отличаясь от позднейших дворцов в чисто архитектурном плане, комплекс в Василики был близок к ним функционально. Согласно Брэннигану, он не мог быть ничем иным, кроме «господской усадьбы» (mansion — Branigan, 1970a, p. 44; ср.: Schachermeyr, 1964, S. 56). Как и другой аналогичный комплекс в Миртосе, он принадлежал, скорее всего, некоему «важному лицу» (им мог быть или богатый купец, или даже «социальный и политический лидер целого района» — Branigan, 1970a, p. 49). В своей

³ Известные сомнения вызывает то обстоятельство, что более поздний из двух домов комплекса — «западный» — был поставлен прямо на территории двора или площади, что было бы странно, если бы это место действительно имело значение для всей общины (ср.: Cadogan, 1986, p. 156).

⁴ Фрагменты домов РМІА периода обнаружены к северу и к югу от основного комплекса (Zois, 1982b, S. 213).

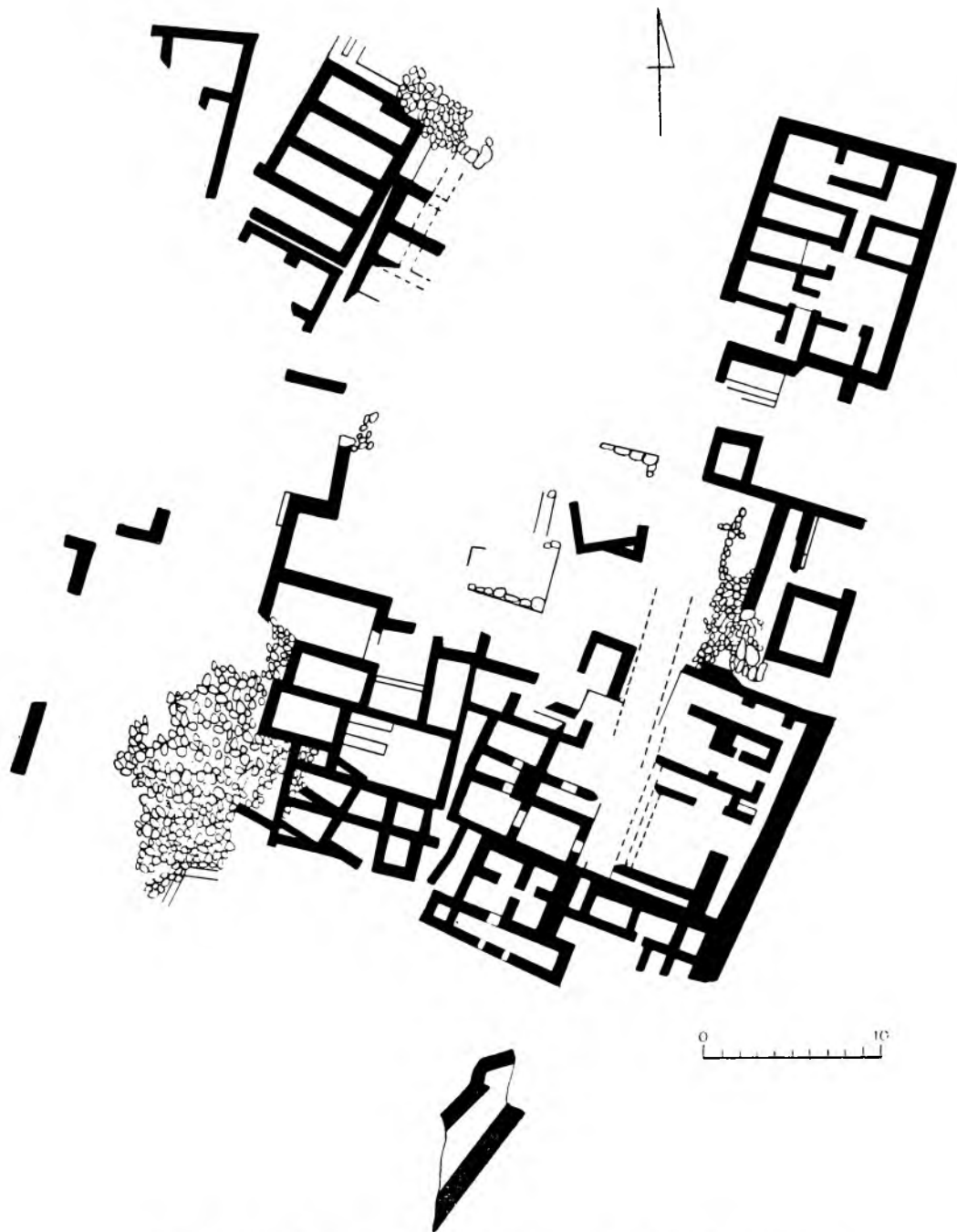

Рис. 10. План рахемшойского поселения Василівки (по Зонсу).

оценке «дома на вершине холма» Брэниген вольно или невольно ориентируется на такие широкоизвестные памятники эпохи ранней бронзы, как Лерна или Троя II. Господствующее положение этих двух цитаделей в иерархии поселений соответствующих районов Арголиды или Троады не вызывает особых сомнений. О Василики или Миртосе этого никак нельзя сказать с полной уверенностью. Даже если предположить, что, занимая стратегически господствующее положение на возвышенностях, эти два центра раннеминойской культуры господствовали также и политически над какими-то равнинными поселениями, само это господство отнюдь не обязательно должно было воплощаться в фигуре какого-то персонального лидера, хотя его существование нельзя считать и абсолютно исключенным. В конкретных исторических условиях той эпохи его носителем мог быть только коллектив — род или большесемейная община.

Признание принципиальной однотипности двух раннеминойских поселений, Миртоса и Василики, на чем особенно настаивает Брэниген, говорит скорее против его основного тезиса, нежели в его поддержку. Характерные признаки общинного жилища выражены в архитектуре и планировке Миртоса настолько ясно, что было бы по меньшей мере нелогично пытаться выдать эту хаотичную постройку, довольно близко напоминающую мексиканское пуэбло или берберскую касбу, за дворец или виллу некоего минойского «лендлорда». Тот же принцип первобытного эгалитаризма угадывается и в планировке жилого комплекса (или комплексов) в Василики, насколько мы можем теперь (после недавних раскопок Зонса) ее себе представить.⁵ Среди его помещений нет, пожалуй, ни одного, которое выделялось бы среди всех прочих или своим из ряда вон выходящими размерами, или особой роскошью внутреннего убранства. Хотя планировка «красного» и «западного домов» уже не так стихийно хаотична, как в Миртосе (в целом она более правильна), их архитектура отличается той же грубой простотой. В ней нет ничего такого, что могло бы указывать на особую замкнутость, элитарность обитавшей здесь социальной группы.

Миртос и Василики, в сущности, единственные поселения раннеминойской эпохи, о которых мы имеем хотя бы приблизительное представление. Все остальные, хотя общее число их, как было уже указано, могло быть довольно большим, известны гораздо хуже и пока что не поддаются сколько-нибудь четкой классификации. Тем не менее Брэниген находит возможным говорить по крайней мере о двух основных типах раннеминойских поселений: «усадеб» (mansion) и «деревни» (Vignan, 1972, p. 751 f.). К категории «усадеб» он относит, как это ясно уже из вышесказанного, Василики и Миртос, «деревнями» же считает известные главным образом по керамическим отложениям и незначительным строительным остаткам поселения РМ1-II периодов в Кноссе, Фесте, Эллене (центральный Крит), в Приниатикосе Пиргос и на о. Мохлос (восточный Крит). Согласно Брэнигену, эти два типа поселения различались между собой не только планировкой и характером застройки, но также и собственными их обитателями способами ведения хозяйства. Поэтому «деревни» чаще всего располагались вблизи от моря — там, где были хорошие корабельные стоянки, тогда как для «усадеб» выбирались места подальше от побережья — там, где был избыток хорошей земли. Надо сказать, что факты, которые приводит Брэниген, никак не укладываются в разработанную им схему. Обе так называемые «усадеб» — Миртос

⁵ Впрочем, еще до раскопок Зонса некоторые исследователи сумели верно оценить характер этой постройки (Lawrence, 1951, p. 84; Warren, 1972, p. 267, n. 2).

и Василики — находились в непосредственной близости от моря и вполне могли иметь свои «гавани»; из «деревень» же по крайней мере три — Кносс, Фест и Элленес — располагались как раз в глубине острова.

Вообще же, если учесть крайнюю скудость имеющегося материала, классификация Брэннигена может быть принята лишь в качестве предварительной рабочей гипотезы и с весьма существенными оговорками. В нашем, да и не только в нашем понимании (сходных взглядов придерживаются, судя по всему, Уоррен и Зоис: Warren, 1972, p. 267; Zois, 1982b, S. 212 f.), то, что Брэнниген называется «усадьбами» и «деревнями», в действительности можно было бы квалифицировать как два разных типа первобытного земледельческого поселения: моногенный, т. е. состоящий только из одного большого жилища, и полигенный, т. е. состоящий из нескольких или даже многих больших и малых жилищ. Реальное представление о первом из этих типов дает Миртос, о втором — Василики (после раскопок Зоиса стало совершенно очевидно, что это поселение никак не может считаться «усадьбой», что бы мы ни понимали под этим термином). Определить более точно характер других поселений раннеминойского времени, даже таких крупных, как Кносс или Фест, в настоящий момент практически невозможно. Судя по площади разброса керамики этой эпохи на их территории, а также исходя из того, что нам теперь известно об их дальнейшей судьбе, можно предполагать, что уже в III тыс., особенно ближе к его концу, и Кносс, и Фест (а возможно также Маллия и Като Закро) были местами, где концентрировалось весьма значительное (конечно, по тогдашним масштабам) население. Мы не знаем, однако, где и как жило это население: в больших коммунальных жилищах типа Миртоса, которые могли располагаться на территории будущих дворцов и в их ближайших окрестностях группами или гнездами, или же в более крупных деревнях типа Василики с относительно большой площадью сплошной застройки.⁶

Согласно предположениям Брэннигена (Branigan, 1970a, p. 42; Zois, 1982b, S. 213), деревня РМ I-II периодов в Фесте занимала значительную часть дворцового холма и имела площадь около одного акра (более 4000 м²), намного превосходя «усадьбу» в Миртосе (ее площадь всего около 1200 м²). Однако ее центром была опять-таки «усадьба» или «дом деревенского сановника» (village dignitary), стоявший на самой вершине холма. Основная часть раннеминойского поселения, находившегося на месте, занятом позднее Кносским дворцом, была, по выражению того же Брэннигена (ibid., p. 43), «сметена» во время его постройки. Многочисленные черепки РМ II периода были выброшены вместе с землей при выравнивании места, отведенного под дворец (Пендлбери, 1950, с. 75). От этого времени вблизи от дворца уцелели лишь незначительные фрагменты жилой застройки (Branigan, 1970a, p. 42 f.; Evans, 1972, p. 116 f.). Непосредственно на территории, занятой дворцом, сохранилось лишь одно сооружение, относящееся к преддворцовой эпохе, а точнее (если принять датировку А. Эванса) — к самому концу III тыс. до н. э., или РМ III периоду. Мы имеем в виду так называемый «гипогей», или внушительных размеров (высота около 16 м, диаметр более 8 м) ульевидную подземную камеру, открытую под южным портиком дворца. В понимании самого Эванса, это было скрытое от посторонних глаз помещение кордегардии, охранявшей подземный вход в первоначальный дво-

⁶ Согласно расчетам П. Уоррена, раннеминойский Кносс занимал как минимум 27 000 м², хотя застройка поселения, возможно, еще не была сплошной (Warren, 1984, p. 40).

рец (Evans, 1921, p. 104 ff.). Предположение это, судя по всему, столь же беспочвенно, как и многие другие романтические иллюзии, которыми склонен был тешить себя великий археолог в поисках объяснения своих фантастических открытий. Каково бы ни было действительное назначение этого загадочного сооружения — служило ли оно царской усыпальницей, подземной житницей или же, наконец (существует и такое мнение), обиталищем священных змей и одновременно святилищем типа позднейших крипт (Schachermeyer, 1964, S. 81, 119, 168; Graham, 1972, p. 13, n. 11), в любом из этих случаев уже сами его размеры и затраченный на его строительство труд множества людей могут свидетельствовать о том, что Кносс в этот период уже был довольно крупным поселением и к тому же держал под своим контролем обширную сельскохозяйственную территорию в самом центре Крита.

При крайней ограниченности и нерепрезентативности имеющегося археологического материала разработка даже весьма приблизительной типологической схемы, охватывающей критские поселения эпохи ранней бронзы, остается практически неразрешимой задачей. В настоящий момент можно говорить лишь о некоторых общих тенденциях, определявших принципы застройки и выбор места в известных нам поселениях этого времени. Наиболее характерной их особенностью может считаться конгломератная, или агглютинирующая, застройка всей площади поселения: при ней тесно сдвинутые жилища и хозяйственные помещения образуют практически сплошной массив (конгломерат), в котором очень трудно, если не невозможно, отличить отдельный дом от комнаты или группы комнат. При последовательном проведении этого принципа целое поселение (правда, очень небольшое) могло оказаться сведенным к одному-единственному коммунальному жилищу, как мы наблюдаем это в Миртосе. Каковы бы ни были древнейшие истоки этой особой формы архитектурной организации пространства, не вызывает сомнений ее прямая зависимость от той конкретной историко-географической ситуации, которая сложилась на Крите во второй половине III тыс. до н. э. Во многих случаях максимальная компактность застройки всей площади поселения диктовалась уже самим выбором места. Подавляющее большинство известных сейчас поселений раннеминойского времени размещалось на возвышениях — холмах или небольших плаго, нередко с крутыми обрывистыми склонами. Согласно указанию греческого археолога Ст. Алексиу, такое местоположение занимало по крайней мере 21 поселение этого периода, включая Миртос и Василики и исключая Кносс и Фест (Hiller, 1977, S. 89). Эта тенденция была подмечена также С. Худом и П. Уорреном, по наблюдениям которых, в течение раннеминойской эпохи по всему Криту происходило перемещение населения с равнины на возвышенности (Hood, Warren, Cadogan, 1964, p. 51; ср.: Branigan, 1970a, p. 64).

В понимании Алексиу, появление на территории острова большой группы укрепленных поселений типа естественных акрополей, или, как он их называет, «преддворцовых цитаделей», было прямым следствием «серии внутренних конфликтов, закончившихся лишь после установления супрематии Кносса» (Hiller, 1977, S. 89).⁷ Это предположение представляется нам в общем достаточно

⁷ Оборонительные сооружения раннеминойского времени почти неизвестны. В виде исключения можно упомянуть лишь поселение Мегалой Схиной (или Скюйной) на юге Крита, где, согласно сообщениям все того же Ст. Алексиу (Alexiou, 1967, s. 483), была открыта оборонительная стена, сохранившаяся на высоту до 1 м, которая огибала по окружности

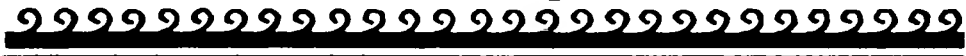
правдоподобным. Быстрый рост населения, с одной стороны, и почти неизменно сопутствующее ему нагнетание межобщинной напряженности — с другой, — ситуация довольно типичная для периодов, непосредственно предшествующих формированию ранних государств (другим, еще более ярким примером может в этом плане служить среднеэлладский период в истории материковой Греции). Однако наряду с соображениями собственной безопасности эта тяга древнейших обитателей Крита к местам, «пространственно ограниченным их собственной конфигурацией», могла диктоваться также и мотивами иного порядка. Немалую роль должно было играть их бережное отношение к земле — их основному источнику средств существования. Вероятно, именно стремление сохранить в неприкосновенности возможно большие площади пахотной земли и вынуждало их строить свои жилища наиболее компактно на вершинах непригодных для обработки каменистых плато. В локализации небольших минойских поселений эта тенденция отчетливо прослеживается еще и в гораздо более поздние времена, когда первоначальные усадебные участки давно ушли в прошлое и на Крите воцарился всеобщий мир.⁸ Наконец, необходимо учитывать и такой немаловажный фактор, как традиционная солидарность первобытной родовой общины. Страшная теснота и скученность, царившие в таких поселениях раннеминойской эпохи, как Миртос и Василики, были естественным выражением этого чувства и, видимо, также *conditio sine qua non*, т. е. условием, без которого оно попросту не могло бы существовать.

поселение вместе с некрополем на общей площади около 1 га. Однако говорить о характере этой «цитадели» до появления подробной публикации было бы преждевременно.

⁸ На это указывала уже Г. Бойд-Хэйвз в своей книге о Гурнии (Boyd Hawes, 1908, p. 21).

ЧАСТЬ II

ЭПОХА
СРЕДНЕЙ
И ПОЗДНЕЙ
БРОНЗЫ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Название «эпоха средней и поздней бронзы» (в переводе на абсолютную хронологию весь этот временной отрезок приблизительно соответствует II тыс. до н. э.), в сущности, столь же условно, как и название предшествующей ей эпохи ранней бронзы. Как было уже замечено, границы между тремя основными фазами эпохи бронзы — периодами, или эпохами, ранней, средней и поздней бронзы — слишком растяжимы и едва ли могут быть сейчас четко фиксированы на хронологической шкале. Реальной основой периодизации истории Крита и других островов Эгейды во II тыс. до н. э., так же как и датировок «расположенных» в этих хронологических пределах археологических памятников, остается поэтому также и здесь разработанная Эвансом и усовершенствованная другими учеными схема чередования различных типов и форм минойской керамики. Тем не менее сейчас уже трудно усомниться в том, что именно II тыс. было в истории эгейских обществ эпохой бронзы в самом прямом и точном значении этого термина, поскольку именно в это время бронза заняла безусловно доминирующее положение в различных отраслях общественного производства, за исключением, может быть, только сельского хозяйства,¹ и стала ведущим индустриальным металлом.

Археологически достаточно надежно документированный переход эгейской металлургии в конце III—начале II тыс. до н. э. на новый, качественно иной уровень развития,² по всей видимости, был тем основным толчком, который намного ускорил темпы экономического и социального прогресса эгейских обществ и дал возможность, по крайней мере тем из них, которые находились в тот момент в особенно благоприятных условиях, наконец преодолеть важный исторический рубеж, отделяющий эпоху варварства от цивилизации. Только теперь им удалось в полной мере реализовать тот экономический и культурный

¹ Находки медных и тем более бронзовых сельскохозяйственных орудий — лемехов, мотыг, серпов — представляют чрезвычайную редкость даже в слоях второй половины II тыс. до н. э. (Блаватская, 1976, с. 62 сл.). С другой стороны, в некоторых поселениях уже микенского времени, например в Мальте (северная Мессения), еще встречаются орудия, изготовленные из камня или кости и почти ничем не отличающиеся от своих неолитических предшественников (Valmin, 1938, p. 339, 360, 365).

² Этот переход был связан прежде всего с широким внедрением в производство бронзы, состоящей из сплава меди и олова, взамен использовавшейся в более раннее время чистой меди или так называемой «мышьяковистой бронзы» (Branigan, 1974, p. 71 ff.).

потенциал, который был накоплен ими в течение III тыс. Видимо, не случайно в авангарде этого поступательного движения почти сразу же оказался о-в Крит, до тех пор не игравший сколько-нибудь заметной роли в общем культурном развитии региона. По своему географическому положению этот гористый, сильно вытянутый в длину остров представляет как бы естественный форпост Эгейского мира, выдвинутый далеко на юг в сторону африканского и сиро-финикийского побережий Восточного Средиземноморья. По-видимому, именно в начале эпохи средней и поздней бронзы или даже несколько раньше здесь возник в связи с бурным ростом эгейского мореплавания один из самых оживленных морских перекрестков древней ойкумены. Находки изделий восточного, в основном египетского, происхождения (каменных сосудов, скарабеев, печатей и статуэток из слоновой кости, фаянсовых бус и т. п.) в критских поселениях и некрополях свидетельствуют об интенсивных торговых контактах минойцев со странами Передней Азии. Некоторая часть этого материала датируется еще III тыс. до н. э., но основная его масса приходится уже на первую половину следующего II тыс. (Schachermeyr, 1964, S. 77 ff.; 1967, S. 10 ff., 30 ff.; Renfrew, 1972, p. 444 ff., 455 ff., 471 ff.).

Минойцы отнюдь не были просто приобретателями предметов восточного импорта, пассивно ожидавшими прибытия новых партий заморских товаров, оставаясь на своей территории, но, напротив, сами активно «выходили на связь» со своими партнерами, совершая плавания к берегам Египта, Кипра, Сирии. Об этом свидетельствуют найденные во всех этих районах образцы критской керамики, основная масса которой датируется первой половиной II тыс. (Kantor, 1947, p. 17 f.; Schachermeyr, 1964, S. 80). Значительную часть приобретенных ими в странах Востока предметов роскоши и дефицитных видов ремесленного сырья критские мореплаватели затем с большой выгодой для себя перепродавали жителям других островов Эгеиды и обитателям материковой Греции. Таким образом, за несколько столетий Крит стал крупнейшим центром транзитной торговли в Восточном Средиземноморье и вместе с тем новым важным звеном в системе взаимосвязанных культур этого региона.

Не приходится сомневаться в том, что одним из главных стимулов, побуждавших минойских мореходов совершать далекие и, конечно, сопряженные с большими опасностями и затратами плавания на восток, в особенности к берегам «медного острова» Кипра, была потребность в металле, и прежде всего в основных компонентах бронзы — меди и олове, месторождения которых на самом Крите были крайне незначительны и наверняка не могли обеспечить достаточным количеством сырья местную металлургию (Stos-Gale, Gale, 1984, p. 59). Медь и бронза были важнейшей частью критского и вообще эгейского импорта из стран Востока. Оба металла ввозились либо в виде слитков, либо в виде уже готовых изделий, преимущественно оружия — ножей, кинжалов, наконечников копий и т. п., что подтверждается археологическими находками предметов этого рода — как непосредственно восточного происхождения, так и изготовленных по восточным образцам местными эгейскими мастерами (Branigan, 1974, p. 117, 122 f.; ср.: Renfrew, 1972, p. 448 f., 472).

Разумеется, мы не должны представлять себе минойцев как безраздельных монополистов, на целый ряд столетий поставивших под свой контроль всю эгейскую торговлю металлами и другими материальными ценностями, вывозимыми из стран Востока. Во-первых, при всем своем могуществе правители Крита не могли помешать таким опытным мореплавателям, как обитатели Кикладских

островов, и даже более отсталым жителям прибрежных районов материковой Греции совершать полуторговые, полупиратские экспедиции к берегам Восточного Средиземноморья. Во-вторых, как показали данные металлографического анализа, в период поздней бронзы, т. е. приблизительно после 1600—1500 гг. до н. э., значительная часть меди, находившейся в обращении в пределах Эгейского бассейна, и в том числе на Крите, доставлялась не с Кипра, а из Лаврийских рудников, расположенных в Аттике (Stos-Gale, Gale, 1984, p. 62 f.). Ясно, что к этому источнику металла, находившемуся в самом сердце эгейского региона, имело доступ почти все его население, и только олово, второй из двух главных компонентов бронзы, по-прежнему приходилось ввозить откуда-то издалека.

Можно предполагать, что в эгейской торговле оловом и некоторыми другими дефицитными видами сырья, в том числе золотом, слоновой костью, черным деревом и др., Крит продолжал играть ведущую роль вплоть до начала общего кризиса и упадка минойской цивилизации в XV в. до н. э. И причину этого следует искать, как нам думается, не только в исключительно благоприятном географическом положении этого самого большого острова Эгейского моря, о чем мы уже говорили выше, но и в тех важных социальных и экономических переменах, которые происходили в это время в самом критском обществе. Судя по всему, процесс становления классового общества в его наиболее типичной для того времени форме дворцово-храмовой цивилизации, в эпоху ранней бронзы особенно быстро продвигавшийся к своей конечной цели в отдельных районах материковой Греции (Арголида, Мессения) и уже успевший принести здесь некоторые, пусть преждевременные плоды, но затем насильственно прерванный в своем развитии, теперь с еще большей силой и интенсивностью возобновился на Крите, первоначально заметно в этом отношении отстававшем от материка. На рубеже III—II тыс. до н. э. здесь сформировались первые редиистрибутивные системы, или, говоря иначе, ранние зачаточные формы дворцовых хозяйств, развитие которых в то время, по всей вероятности, происходило в рамках примитивных потестарных образований типа протогосударств, или, если использовать терминологию Ренфрю и некоторых других западных авторов, «вождеств» (chiefdom).

Сразу же следует подчеркнуть, что вопреки широко распространенным в науке представлениям появление на Крите первых дворцов или протодворцов вместе с тесно связанными с ними системами учета и перераспределения материальных ценностей, иерархиями светских и культовых должностей и т. п. отнюдь не должно восприниматься как некий мираж, внезапно возникший как бы из ничего и без всякой подготовки на пустынном, малонаселенном острове. Судя по некоторым признакам (подробней о них будет сказано ниже), процесс становления критских дворцовых государств и самих дворцов в качестве их главных жизненных центров растянулся на целый ряд столетий, начавшись в пока еще почти недоступных нашему непосредственному наблюдению глубинах эпохи ранней бронзы и завершившись в полной мере не ранее XVII в. до н. э. В начале II тыс. так называемые «дворцы» и их хозяйства представляли собой лишь небольшие разрозненные островки «плановой» экономики, со всех сторон окруженные множеством примитивных земледельческих общин, социальное и экономическое развитие которых шло крайне замедленными темпами.

Тем не менее создание первых редиистрибутивных систем вскоре принесло свои плоды. Даже простейшая хозяйственная организация такого рода, объеди-

нявшая материальные и человеческие ресурсы нескольких десятков общин, создавала условия для невозможного и невиданного доселе размаха торговых операций как на самом Крите, так и далеко за его пределами. Дворец, совмещавший в едином комплексе функции святилища, общественной житницы и своеобразного эмпория и к тому же державший под своим контролем обширную сельскохозяйственную территорию, имел несомненные преимущества как торговый контрагент перед любой компанией «частных предпринимателей», которая могла возникнуть в тот период в недрах минойского и вообще эгейского общества. Можно с уверенностью утверждать, что именно зарождение первых дворцовых хозяйств на Крите во многом определило успех минойской торговой экспансии как в самой Эгее, так и в странах Восточного Средиземноморья, хотя не менее справедливым, вероятно, следует признать и обратное умозаключение: именно потребность минойского общества в хорошо налаженной системе контактов с сырьевыми рынками Передней Азии, в особенности с ее металлодобывающими районами, была одним из главных стимулов, вызвавших к жизни дворцы и дворцовые хозяйства Крита.³ Мы не склонны вслед за К. Ренфрю отодвигать «коммерческий фактор», т. е. внешнюю торговлю, куда-то на самый задний план в построенной им модели генезиса эгейских цивилизаций, делая главный акцент на необходимости перераспределения (редистрибуции) местных ресурсов каждого субрегиона (Renfrew, 1972, p. 473; ср.: Geiß, 1974, S. 322 f.; Willetts, 1977, p. 67).⁴

В то же время мы отнюдь не сбрасываем со счета также и этот последний фактор, отдавая себе отчет в том, что дворцовое хозяйство как основная экономическая ячейка любой цивилизации бронзового века нуждалось для своего возникновения в обширных земельных массивах, пригодных для выращивания разнообразных сельскохозяйственных культур, и в пастбищах для различных пород крупного и мелкого скота. Видимо, именно по этой причине дворцовые хозяйства так и не сложились на Кикладах и других архипелагах Эгейского моря, несмотря на то что вся масса островов уже с самого начала эпохи средней и поздней бронзы находилась в сфере мощного влияния минойской цивилизации. И напротив, сравнительно слабо связанные с Критом и пребывавшие, по крайней мере в течение первых четырех столетий II тыс. (так называемый «среднеэлладский период»), в состоянии, близком к первобытной дикости, обитатели ряда областей материковой Греции (Пелопоннеса, Аттики, Беотии, Фессалии и др.) в конце концов сумели преодолеть свою отсталость и, используя достижения минойской культуры, создали во второй половине того же тысячелетия свой так называемый «микенский» вариант дворцовой цивилизации.

Появление по крайней мере двух очагов ранней государственности в тесных географических границах Эгейского мира неизбежно должно было привести

³ Показательно, что самое большое из всех известных до сего времени скоплений бронзовых слитков в виде растянутой бычьей шкуры (всего 19 экз. общим весом свыше полутоны) было найдено при раскопках так называемого «малого дворца», или «царской виллы», в Айя Триаде близ Феста (Graham, 1972, p. 50).

⁴ Признание торговли со странами Востока фактором второго или даже третьего порядка означает, в сущности, умаление значимости технологического фактора, т. е. в первую очередь эгейской металлургии, которая едва ли могла бы успешно развиваться без налаженных контактов с Кипром и другими районами Передней Азии (Месопотамией?), откуда, по всей видимости, в Эгее доставлялось олово. В этой связи особое значение приобретает факт синхронности возникновения первой дворцовой цивилизации и широкого распространения индустрии бронзы в пределах Эгейского мира.

к нагнетанию политической напряженности в этом регионе, выразившейся в соперничестве и борьбе за первенство между правителями минойского Крита и ахейскими державами материковой Греции. Как известно, борьба эта завершилась около середины XV в. до н. э. установлением на Крите ахейского владычества, после чего этот остров был включен в систему микенских государств на положении, скорее всего, одного из второстепенных ее членов. Впрочем, упадок, а затем и вырождение самой минойской цивилизации начались еще до утверждения новой ахейской династии в Кноссе. Смертельный удар, после которого ей так и не удалось уже оправиться, был нанесен ей, как принято сейчас думать, еще в первой половине XV в. Многие авторы вслед за Сп. Маринатосом связывают эту катастрофу, во время которой погибли почти все большие и малые критские поселения, за исключением Кносса, с грандиозным извержением Санторинского вулкана, хотя датировки и самого этого извержения, и, может быть, действительно связанных с ним тотальных разрушений на Крите до сих пор остаются предметом дискуссии (Doumas, 1974; Luce, Bolton, 1976; Schachermeyr, 1976, Bd 2, S. 86 ff.; Pichler, Shiering, Schock, 1980). Неясно также, почему культурный упадок, начавшийся после этих событий, имел все признаки необратимого процесса и возвращение минойской цивилизации на прежний путь развития оказалось в конце концов невозможным.

Зона эгейской урбанизации в эпоху средней и поздней бронзы во многом, хотя и не вполне, совпадает с зоной распространения дворцовых государств и составляющих их экономическую основу редиистрибутивных систем. Соответственно уже а priori можно предполагать, что место, занимаемое тем или иным минойским или микенским поселением в типологической шкале эгейской урбанизации, будет зависеть прежде всего от функций, выполняемых этим же поселением в рамках данной редиистрибутивной системы, охватывающей один из районов Крита, Пелопоннеса или Средней Греции. Однако этот принцип не всегда себя оправдывает. Как следует из уже сказанного выше, урбанизацией во II тыс. до н. э. были охвачены и те части Эгейского мира (основная часть островной зоны Эгеиды), где дворцовые государства и их хозяйства не могли сложиться в силу неблагоприятных экологических условий. Следовательно, мы вправе предположить, что оба процесса — урбанизация и становление дворцовых государств — не были вполне идентичны друг другу и что основное их направление в конечном счете зависело от иногда совпадающих, иногда же довольно сильно различающихся между собой комбинаций, быть может, одних и тех же факторов. Более подробно о соотношении этих двух процессов будет сказано в следующих главах.

ГЛАВА 1

ПЕРВЫЕ ДВОРЦЫ И РАННИЕ ПРОТОГОРОДА НА КРИТЕ

Критские поселения периода старых дворцов (2000—1700 гг. до н. э., по Маринатосу и Шахермайру — Schachermeyr, 1964, S. 46) намного превосходят богатством и разнообразием археологического материала предшествующие им поселения эпохи ранней бронзы. Уже само по себе это обстоятельство может расцениваться как свидетельство резкого увеличения численности населения на Крите, а также и повышения уровня его концентрации.¹ Некоторые из них представлены довольно значительными фрагментами жилой застройки, которые могут служить основой для попыток реконструкции их общей планировки, а также и для выяснения их исторической специфики. Нельзя, конечно, упускать из виду, что общее число таких фрагментов пока еще не столь уж велико (здесь действует все тот же постоянно мешающий работе археологов фактор: более поздняя застройка стирает следы более ранней) и в силу этого наши представления о минойской урбанизации первых веков II тыс. заключают в себе еще немало пробелов.

К сожалению, мы все еще лишены возможности проследить процесс эволюции хотя бы одного минойского поселения в критический период, примерно с 2200 до 2000 или 1900 г. до н. э., на который, согласно разделяемому многими авторами убеждению, падает генезис дворцовой цивилизации. Особенно остро и болезненно эта характерная для всей территории Крита нехватка конкретной археологической информации о событиях рубежа III—II тыс. до н. э. ощущается в самих дворцовых центрах, формировании которых мы все еще очень плохо себе представляем. По-видимому, именно эта неполнота археологической картины периода вызывает у ряда авторов ощущение внезапности появления первых дворцов и всей связанной с ними цивилизации (см., напр.: Graham, 1972, p. 229). Некоторые даже заключают отсюда, что это событие, в сущности, никак не было подготовлено предшествующим развитием минойского общества и, следовательно, может быть объяснено вмешательством какой-то внешней силы, например как результат прибытия на Крит в конце III или в начале II тыс. до

¹ По Браннигону (Branigan, 1970a, p. 66), общий прирост населения на Крите на рубеже III—II тыс. составил 40 %. Другие, по-видимому, столь же приблизительные цифры, иллюстрирующие общий ход этого процесса, приводит К. Ренфрю (Renfrew, 1972, p. 249 ff.).

п. э. каких-то посетителей повой, более высокой культуры (Palmer, 1961, p. 238 ff.; ср.: Schachermeyr, 1964, S. 56; Branigan, 1970a, p. 125).

Допуская известную правомерность концепций такого рода, нельзя, однако, не считаться с тем удручающим, но вместе с тем и совершенно непреложным фактом, что до сих пор мы еще просто не знаем, что происходило в Кноссе, Фесте, Маллии и Като Закро на рубеже III—II тыс. до н. э., какой тип поселения предшествовал в этих местах возникновению первых дворцовых ансамблей, как и когда возникли сами эти ансамбли и что они собой первоначально представляли. Как в новейшей, так и в более ранней литературе нет недостатка в гипотезах, авторы которых пытаются так или иначе ответить на все эти вопросы. Однако найти среди них хотя бы одну, в достаточной мере обоснованную фактическим материалом, чрезвычайно трудно.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение уже давно и пока что безуспешно ведущейся дискуссии о генезисе критской дворцовой архитектуры, укажем лишь, что в ней едва ли не с самого начала наметилась довольно четкая поляризация двух противоположных точек зрения. Одна из них восходит к самому основоположнику минойской археологии А. Эвансу. Во втором томе своего «Дворца Миноса» он писал: «Мы видим фактически более или менее одновременное введение на острове в разных его местах уже сведенной к некоему стереотипу модели. Отсюда было бы резонно заключить, что эта модель была заимствована из какого-то восточного источника» (Evans, 1928, pt 1, p. 269). Эта гипотеза получила свое дальнейшее развитие в работах таких известных археологов-востоковедов, как Л. Вулли, С. Ллойд и Дж. Меллаарт. В частности, Вулли, сравнивая открытый им дворец в Алалахе (Тель Атчана) с дворцами Крита, пришел к следующему весьма категорическому заключению: «Мы обязаны верить, что ученые эксперты, члены гильдий архитекторов и художников, были приглашены отправиться морем из Азии (возможно, из самого Алалаха, учитывая, что он имел свой средиземноморский порт) с тем, чтобы строить и украшать дворцы критских правителей» (Wolley, 1953, p. 77; Lloyd, Mellaart, 1956, p. 118 ff.; Palmer, 1961, p. 239 f.; Willetts, 1962, p. 17, 23; ср.: Lawrence, 1951, p. 81 ff.; Schachermeyr, 1964, S. 80 f.; Hood, 1971, p. 50; Naumann, 1971, S. 391; Willetts, 1977, p. 63; Cadogan, 1986, p. 168 f.).

Представление о восточном происхождении критской дворцовой архитектуры было решительно отвергнуто известным немецким искусствоведом Фр. Матцем, которого поддержал в этом вопросе американский историк архитектуры Дж. Грэхем. Подвергнув тщательному формальному анализу планировку минойских и более или менее синхронных с ними переднеазиатских дворцов, таких как дворцы Мари, Алалаха, Бейсесултана, Матц пришел к выводу о радикальном различии основных эстетических принципов, заложенных в этих двух типах архитектурных ансамблей. В то время как в критской архитектуре безраздельно доминирует принцип «конъюнктивности», т. е. динамической связи всех основных частей дворцового ансамбля, планировка дворцов Анатолии и Северной Сирии, с которыми их обычно сравнивают, подчинена прямо противоположному инъюнктивному принципу, что ведет к обособлению и замкнутости отдельных частей здания (Matz, 1962, p. 92 f.; 1973, p. 149). Несколько более гибкую позицию занял в развернувшейся дискуссии Дж. Грэхем. Допуская возможность заимствований и обмена идеями как с той, так и с другой стороны и указывая на целый ряд точек соприкосновения между дворцами Крита и Передней Азии как в общих принципах планировки, так и в использо-

вавшихся строителями дворцов конструктивных приемах, он тем не менее настаивает на коренной оригинальности минойской архитектурной традиции: «В рамках этого широкого сходства различия так глубоки и так прочно укоренены, что кто может положительно сказать, действительно ли один тип дворцовой архитектуры оказал влияние на другой в сколько-нибудь значительной степени?» (Graham, 1972, p. 230 ff.; см. также: Branigan, 1970a, p. 51 f.).

Конкретные археологические памятники,² на которые ссылается Матц в подтверждение своей гипотезы о сугубо автохтонном критском или общеэгейском происхождении планировки минойских дворцов с характерным для них свободным пространством в центре жилого массива, в действительности едва ли могут претендовать на то, чтобы считаться даже отдаленными прототипами дворцовых ансамблей. Тем не менее идея Матца еще и сейчас продолжает пользоваться довольно широкой популярностью и разделяется многими другими исследователями. Все они, как бы ни различались между собой их взгляды на стоящую перед нами проблему, убеждены в том, что истоки дворцовой архитектуры II тыс. следует искать в конструкциях рядовых жилых построек предшествующей эпохи. Общее число таких построек, как мы уже знаем, крайне невелико, и неудивительно, что внимание исследователей, специально занимающихся проблемой генезиса критских дворцов, сейчас сосредоточено главным образом на двух уже известных нам памятниках раннеминойского времени. Это так называемый «дом на вершине холма» в Василики и общинное жилище в Миртосе (Фурну Корифи). Как было уже отмечено, оба эти сооружения поразному оцениваются в новейшей литературе. Одни авторы (Хатчинсон, Матц, Худ, Шахермайр, Брэннген) готовы видеть в них (особенно в жилом комплексе Василики) то ли виллы (усадебь), то ли небольшие дворцы, от которых лежит прямой путь к настоящим большим дворцам II тыс. Однако другие исследователи (Лоуренс, Уоррен, Уиллетс, Зонс) относят их — и, как нам думается, с гораздо большим основанием — к категории коммунальных (клановых) домов, типичных для еще бесклассового общества. Означает ли это, что между интерпретируемыми таким образом комплексами Василики и Миртоса и позднейшими дворцами не могло быть никакой преемственной связи? В категорически отрицательной форме отвечает на этот вопрос греческий археолог А. Зонс, который, основываясь на результатах своих раскопок в Василики, предложил совершенно новую реконструкцию этого поселения. Для него дворец и коммунальное жилище — понятия взаимоисключающие. Следовательно, никакой генетической преемственной связи между ними быть не может (Zois, 1982b, S. 212 f.).

Многочисленные исторические и этнографические параллели подсказывают нам, что на ранних стадиях процесса классового образования «дворец», т. е. жилище вождя, и «большой дом», т. е. жилище большесемейной общины или одного из родовых сегментов, практически нередко совпадают. Как правило, в этом бывают заинтересованы сами вожди, которые хорошо сознают, что их сила и могущество находятся в прямой зависимости от силы и могущества их рода, и по-

² Таковыми памятниками он считает, например, уже упоминавшийся ранее хлоритовый сосуд с о. Мелос, изображающий поселение, или, в другой интерпретации, зернохранилище, а также овальную постройку в Хамези (восточный Крит) и др. (Matz, 1962, p. 92; 1973, p. 148 f.; ср.: Schuchhardt, 1914, S. 277 ff.; 1919, S. 149 ff.).

этому стараются жить там, где живет основная масса их сородичей.³ Поэтому в чисто теоретическом плане ничто не мешает нам квалифицировать архитектурные комплексы Василики и Миртоса как отдаленные прототипы или эмбриональные формы позднейших дворцовых ансамблей. В принципе каждый из этих комплексов мог быть, если этого так хочется Бранигену, резиденцией какого-нибудь local leader или village dignitary (Branigan, 1970a, p. 42), хотя, само собой разумеется, отнюдь не его частной усадьбой или виллой, поскольку и сам этот «лидер» в конкретных исторических условиях той эпохи мог действовать лишь как представитель какого-то коллектива.

Было бы опасно, однако, пытаться слишком форсировать достаточно медленные темпы развития такого архаически застойного общества, как минойское, забывая о большой временной дистанции (далее мы попытаемся показать, что она была еще больше, нежели ее обычно представляют), отделяющей критские дворцы XVI—XV вв. до н. э. от их более чем скромных прототипов в эпоху ранней бронзы. Дело, разумеется, не просто в числе столетий, составляющих этот переходный период, а в том, что за эти столетия в минойском обществе происходило постепенное накопление некоего нового качества, результатом которого был диалектический скачок на новую ступень развития, проявившийся, в частности, в появлении на Крите «классической» дворцовой архитектуры. Забегая несколько вперед, заметим, что эта архитектура никак не может быть выведена прямо и непосредственно из массовой жилищной архитектуры раннеминойской эпохи, хотя и связана с ней общностью целого ряда как конструктивных, так и формально эстетических элементов. Также и в чисто социальном плане минойский дворец середины II тыс. до н.э. невозможно расценивать как простую или же только увеличенную в несколько раз «репродукцию» общинного жилища эпохи ранней бронзы. Непонимание этого важного качественного различия между дворцом и предшествующим ему «большим домом» весьма ощутимо в работах некоторых зарубежных и отечественных авторов, активно выступающих против модернизации общественных отношений минойской эпохи (тенденция, которую мы всецело разделяем и поддерживаем).

Выше мы уже ссылались на рекомендацию английского археолога П. Уоррена искать происхождение дворца среди раннеминойских общинных жилищ типа комплексов, открытых в Миртосе и Василики (ср.: Branigan, 1970a, p. 48, 120). Логически рассуждая, мы должны были бы в этом случае признать, что и дворцы тоже были в некотором роде общинными домами, хотя сам Уоррен прямо нигде этого не говорит (ср.: Zois, 1982b, S. 209; Willetts, 1977, p. 63). Именно такой вывод был сделан в свое время известным советским исследователем минойского Крита Б. Л. Богаевским. Кносский дворец воспринимался им как «чрезмерное увеличение в ширину и в высоту ранее существовавших на поверхности Кносского холма общинных домов материнского рода» и в то же время как «часть общинного племенного поселка, коллективное поселение крупного и экономически мощного рода, возглавляемого начальником племени» (Богаевский, 1933, с. 700; 1936, с. 76, 78). Этот вывод был подкреплён у Богаевского с помощью широкого привлечения этнографических параллелей. Критские

³ Примерами такой гармонии интересов и самого образа жизни вождя и возглавляемого им родового коллектива могут служить йорубские агболе, башенные жилища Кавказа, Северной Африки и Аравийского полуострова, мексиканские пуэбло и тому подобные типы первобытных жилых комплексов (Морган, 1934; Кочакова, 1968, с. 73 сл.; Джаидиери, Лежава, 1976).

дворцы сопоставлялись с укрепленными поселками и общинными жилищами кавказских горцев, с мексиканскими пуэбло, в которых этот автор склонен был видеть типологически весьма близкие к дворцам формы первобытных поселений.

Лишь поверхностный наблюдатель может игнорировать колоссальные различия, существующие между минойскими дворцами в их классической форме и такими достаточно примитивными сооружениями, как те же мексиканские пуэбло или общинный дом, открытый П. Уорреном в Миртосе. Ни в одной из этих построек мы не найдем ничего, даже отдаленно напоминающего монументальные парадные лестницы, причудливо изгибающиеся коридоры, анфилады зал, предназначенных для торжественных церемоний и приемов, просторные портики и террасы, многоцветье фресковой живописи, короче говоря, всего того, что составляет эстетическую специфику критской дворцовой архитектуры эпохи расцвета минойской цивилизации. Но, может быть, такое сближение было бы более оправданно для более ранних стадий в эволюции дворцовых ансамблей? К сожалению, как раз об этих ранних фазах в истории дворцов, имеющих ключевое значение для понимания их генезиса, мы располагаем сейчас лишь самой скудной информацией, на основании которой трудно составить даже самое общее представление о ходе этого процесса.

В настоящее время в литературе почти безраздельно доминирует концепция, согласно которой первые дворцы внезапно появились в практически уже готовом виде еще в СМІ период, т. е. в самом начале II или даже в конце III тыс. (Lloyd, Müller, Martin, 1974, p. 195 ff.; Christopoulos, 1974, p. 146; Davaras, 1976, p. 87; Cadogan, 1986, p. 165). Уже тогда их планировка была подчинена одной и той же четко заданной конструктивной идее: в каждом конкретном случае все основные элементы дворцового комплекса были компактно сгруппированы вокруг центрального двора, вытянутого строго по стрелке компаса с севера на юг, и представляли собой единый самодовлеющий архитектурный ансамбль. Дальнейшее развитие могло идти лишь по линии усовершенствования и усложнения этого изначально выработанного плана, введения в него некоторых новых, первоначально отсутствовавших элементов, усиления и акцентировки монументальности дворцового здания, обогащения его декоративного убранства и т. д. В сущности концепция эта построена в значительной мере по методу обратной проекции: дворцовая архитектура периода расцвета со всеми ее наиболее характерными особенностями переносится в прошлое, к самым истокам минойской цивилизации, и уже здесь находит свое объяснение как некий изначально заданный исторический феномен. Но если сама по себе эта операция не требует особенно большого труда от тех, кто ее проделывает, найти конкретные археологические подтверждения ее правомерности — задача гораздо более трудная.⁴

До начала 60-х годов, когда появились первые сообщения о результатах работы экспедиции Д. Леви в Фесте, присущая многим археологам уверенность в принципиальной однотипности «старых» и «новых дворцов» покоилась главным образом на смелых реконструкциях начальных стадий в истории Кносского дворца, содержавшихся в первом томе знаменитой книги А. Эванса «Дворец

⁴ Это признают даже авторы, убежденные в том, что между «старыми» и «новыми дворцами» не было принципиальных различий в планировке и общем архитектурном решении ансамбля (Lawrence, 1951, p. 81 ff.; Demargne, 1964, p. 85; Platon, 1966, p. 36 sq., 139; Warren, 1980, p. 139).

Миноса». Согласно концепции Эванса, дворцовый ансамбль Кносса прошел в своем развитии несколько последовательных этапов. Древнейший из них он датирует концом раннеминойской эпохи. Единственное архитектурное сооружение, сохранившееся от этого времени, это так называемый «гипогей», о котором мы уже упоминали прежде. Открытие гипогея позволило Эвансу говорить о том, что уже в III тыс. (по крайней мере в конце этого периода) на Кносском холме существовал некий «локальный предшественник» дворцового комплекса, занимавший определенную часть его территории (Evans, 1921, p. 127; ср.: Cadogan, 1986, p. 159).

Гораздо более категоричен Эванс в своих суждениях о следующей стадии в эволюции дворца, падающей на СMI период. Уже в начале этого периода основная часть территории дворцового холма была обнесена массивной каменной оградой (*enceinte*) более или менее прямоугольной конфигурации. Тогда же была «срезана» верхушка холма, а на образовавшейся плоскости впервые разбит центральный двор (*ibid.*, p. 134). Одновременно неподалеку от северного входа во дворец была воздвигнута массивная каменная башня (*keer*), поставленная уступом со слегка округленными углами (*ibid.*, p. 136 ff.). Сам дворец в этот период еще не был единым зданием, а состоял из изолированных блоков-инсул, расположенных по периметру центрального двора на пространстве, обнесенном наружной оградой. На плане (*ibid.*, fig. 152), составленном архитектором экспедиции Эванса д-ром Файфом, различаются по крайней мере восемь таких инсул (рис. 11). Таким образом, в воображении Эванса первый дворец Кносса рисовался каким-то подобием средневекового замка или монастыря (характерно само его приращение к средневековой терминологии: «кпш», «донжон», «бейли» и т. п.), как подчиненный единому плану комплексу жилых и хозяйственных помещений, сгруппированных внутри общей оборонительной стены (Эванс решительно подчеркивает именно фортификационный характер этой «ограды», а также башни и самих инсул — *ibid.*, p. 139, 141).

Эта исходная схема дворцовой планировки подверглась радикальной переработке в начале следующего СMII периода. Дворец, как указывает Эванс, вступил в стадию «консолидации», в процессе которой конгломерат обособленных домов-инсул трансформировался в огромное здание, охватывающее со всех сторон центральный двор (*ibid.*, p. 142, 203 ff.; Пендлберн, с. 145 сл.). Проходы между инсулами были перекрыты и превратились во внутренние коридоры дворца. Дворец существенно вырос в размерах и приобрел очертания, сохранившиеся лишь с незначительными изменениями вплоть до ПMI-II периодов. С запада к нему был пристроен длинный ряд складов. В восточном склоне дворцового холма была вырыта глубокая выемка, достигающая самых нижних неолитических слоев. В нее были встроены нижние этажи так называемого «жилого квартала». После этого (в течение СMIII и ПMI-II периодов) отдельные части дворца еще продолжали перестраиваться, меняли свою планировку, элементы архитектурной отделки. Однако общий характер дворцового ансамбля оставался неизменным вплоть до его разрушения на рубеже XV—XIV вв. до н. э.

Почти каждый из этих тезисов Эванса вызывает вопросы, на которые трудно найти ясный и определенный ответ в тексте его прославленной книги. На плане д-ра Файфа показан лишь небольшой участок «ограды», окружавшей первоначальный дворец. Он проходит всего в нескольких метрах от стены западного фасада и, не доходя до западного портика, явно (судя по закругленной линии) делает резкий поворот на восток. Но в этом случае за пределами «ограды»

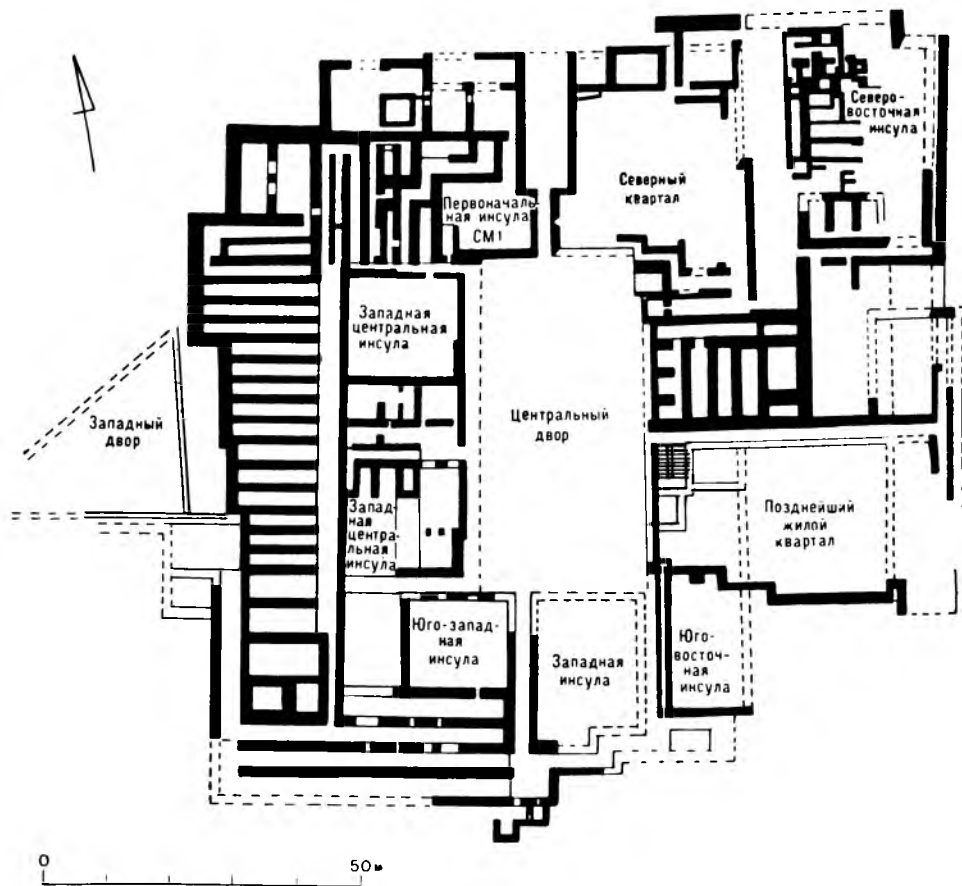

Рис. 11. Реконструкция первоначальной планировки Кюсского двора (по Эвансу).

наверняка оказались бы все три южные инсулы, обозначенные на том же плане. Позднее (после раскопок 1930 г. на территории западного двора) Эванс передвинул линию «ограды» дальше на запад так, чтобы она охватывала большую часть западного двора, и при этом придал ей совершенно иную конфигурацию. Далее, на плане Файфа достаточно ясно очерчены контуры всех восьми инсул, окружающих центральный двор. Однако систематического обоснования именно такого, а не какого-нибудь иного их расположения Эванс в своей книге нигде не дает. Единственное исключение сделано для уже упоминавшейся «сторожевой башни», также включенной в число инсул. Обо всех прочих сказано только, что они «ясно прослеживаются через все позднейшие изменения» и поэтому «легко поддаются методическому описанию» (Evans, 1921, p. 203). Столь категоричные заявления при отсутствии всякой серьезной аргументации невольно наводят на мысль, что автор просто «угадал» очертания инсул и их размещение, взгляды-ваясь в план позднего двора и не особенно заботясь о конкретном археологи-

ческом подтверждении своих догадок.⁵ Наконец, перемешанный керамический материал, извлеченный из так называемого «гипогея» под южным портиком дворца, едва ли может служить достаточным основанием для датировки центрального двора СМІ периодом (к этому времени относятся самые поздние из найденных здесь черепков — *ibid.*, p. 134), так как в принципе он мог происходить откуда угодно, например из уже упомянутой выемки в восточном крыле дворца с встроением в нее «жилым кварталом».

Неудивительно, что предложенная Эвансом реконструкция первоначального дворца вызвала серьезные сомнения у таких авторитетных специалистов, как Дж. Грэхем и Н. Платон⁶ (*Graham, 1972, p. 230; Platon, 1968, s. 135 sqq.; 1966, p. 140*). Едва ли, однако, заслуживает большего доверия противоположная тенденция, выражающаяся в поисках изначального единства дворцового ансамбля, с которой мы сталкиваемся у того же Платона. Гораздо более благоразумно поступает, как нам думается, Грэхем, открыто признающийся в своей неспособности дать читателю хотя бы приблизительное представление о начальных этапах в эволюции как Кносского дворца, так и всех других дворцов минойского Крита.

С чисто археологической точки зрения реальность второй ступени в схеме Эванса, или так называемой «консолидации дворца», в СМІ периоде представляется ничуть не более достоверной, чем предыдущая. Здесь также отсутствует систематическое обоснование наиболее важных положений, а предлагаемые датировки отдельных частей дворцового комплекса оставляют впечатление полной произвольности. Да и вообще после того как Л. Палмер в ряде своих работ, специально посвященных этой проблеме, наглядно продемонстрировал недостаточную корректность (чтобы не сказать — полную несостоятельность) эвансовской стратиграфии применительно к позднеминойскому или, может быть, уже микенскому дворцу Кносса, не внушают особого доверия и его хронологические выкладки, относящиеся к более ранним этапам в истории этого замечательного памятника критской архитектуры.⁷

Недавнее зондирование, предпринятое сотрудниками Британской археологической школы в Афинах, в западном крыле дворца увенчалось результатами, способными только обескуражить любого последовательного сторонника концепции Эванса. Выяснилось, что основание дворца почти во всей этой его части имеет под собой прямо и непосредственно слои РМІ-II и неолитического периодов. Слои среднеминойского периода вплоть до самого его

⁵ По словам самого Эванса (*ibid.*, p. 139), основным фактом, натолкнувшим его на мысль об исульной структуре раннего дворца, было открытие внутренней линии стены, сложенной из гипсовых ортостатов, в северо-восточной части комплекса помещений тронного зала. Эта стена проходила на небольшом удалении от наружной и, как полагает Эванс, более поздней стены того же комплекса и, поворачивая на запад, образовывала необычный скругленный угол, что и дало повод рассматривать всю эту конструкцию как часть изолированного здания — исулы. Догадка эта, может быть, и справедлива, но, во-первых, она не может служить достаточным основанием для реконструкции всей системы исул на территории дворца, во-вторых же, признав открытую им внутреннюю линию ортостатов ранней, Эванс не приво-дит никаких данных, которые могли бы обосновать ее датировку СМІ периодом.

⁶ Тем не менее сторонники «исульной» схемы Эванса все еще остаются в большинстве и пытаются с ее помощью реконструировать также и другие «старые дворцы» (*Matz, 1964, p. 95; Schachermeyr, 1964, S. 64 f.; Sinos, 1971, s. 46 sq.; Warren, 1980, p. 139*).

⁷ Палмер передвигает датировку «первого дворца» Кносса, а вместе с ним и всего СМ периода с 2000 к 1700 г. до н. э., ссылаясь на «новую низкую хронологию», разработанную Аштремом и Леви (*Palmer, 1969, p. 31, chronological table II; ср.: Palmer, 1961, p. 239 f.*).

конца (СМІІС периода) практически отсутствуют. Английские археологи объясняют это неожиданное обстоятельство тем, что после сильного пожара, уничтожившего дворец в СМІІВ периоде, все его западное крыло было построено заново, а строительные остатки предшествующего времени вынесены за пределы дворца.⁸ Но чего же стоят в таком случае любые реконструкции «первоначального дворцового ансамбля», будь то инсультная схема Эванса или же концепция изначальной сплошной застройки, принятая некоторыми другими археологами? Совершенно очевидно, что рассчитывать на восстановление хотя бы приблизительного плана «древнего дворца» или «дворцов» при имеющихся в нашем распоряжении чрезвычайно скудных археологических данных просто не имеет смысла.

Опыт раскопок Кносса и других дворцовых центров Крита подсказывает, что в настоящий момент можно ожидать лишь выявления небольших фрагментов первоначальной планировки на участках, менее всего пострадавших от позднейшей застройки и сохранивших благодаря этому более или менее четкую стратификацию археологических слоев. Такими относительно свободными от поздних напластований участками могут считаться дворцовые дворы: внутренний и западный. Выше мы уже упоминали об открытии группы неолитических домов под поверхностью центрального двора в Кноссе. В Фесте итальянским археологам под руководством Д. Леви удалось вскрыть значительную часть западного крыла «древнего дворца». Относительно хорошая ее сохранность, позволяющая представить общий контур и расположение довольно большой группы дворцовых помещений (правда, преимущественно подвальных), объясняется тем, что при постройке примерно на этом же месте более позднего «нового дворца» его западный фасад был передвинут на семь с лишним метров к востоку от той черты, по которой он проходил первоначально. Благодаря этому обстоятельству следы старой застройки сохранились под поверхностью сильно расширенного западного двора. В процессе раскопок выяснилось, что остатки стен «старого дворца» при каждой новой его перестройке не сносились, а только выравнивались. Промежутки между ними заполнялись строительным мусором и покрывались цементом. Эта конструкция служила фундаментом, на котором возводился очередной «вариант» дворца. Всего Леви насчитал в этой сложной «субструктуре» «нового дворца» три строительных фазы, вместе составляющие единый «протодворцовый период» (Levi, 1964, p. 4). В основании дворцового комплекса был выявлен еще один, наиболее древний слой, который Леви склонен связывать с периодом, непосредственно предшествующим его зарождению в конце III—начале II тыс. (ср.: Schachermeyr, 1964, S. 68).

Продолжительность всего «протодворцового периода» в Фесте составляет, согласно расчетам Леви, около трехсот лет — с 1850 по 1550 г. до н. э., что соответствует примерно СМІІ-III периодам по хронологической шкале Эванса.⁹ В течение всего этого временного отрезка во дворце, как думает Леви, произво-

⁸ Краткие отчеты об этих исследованиях см.: AR, 1973—1974, no 20, p. 34; 1974—1975, no 21; BCH, 1974, T. 98, p. 713; см. также: Hiller, 1977, S. 118.

⁹ По Леви, «новый дворец» Феста был построен только около 1550 г. или даже после этой даты, т. е. уже в течение ІІМІ периода. Леви, таким образом, сознательно противопоставляет свою концепцию истории дворцового ансамбля концепции Эванса, который относил постройку «нового дворца» в Кноссе к СМІІІ периоду. См. обоснование новой хронологии Леви в его статьях (Levi, 1961, 1962; ср.: Schachermeyr, 1964, S. 68).

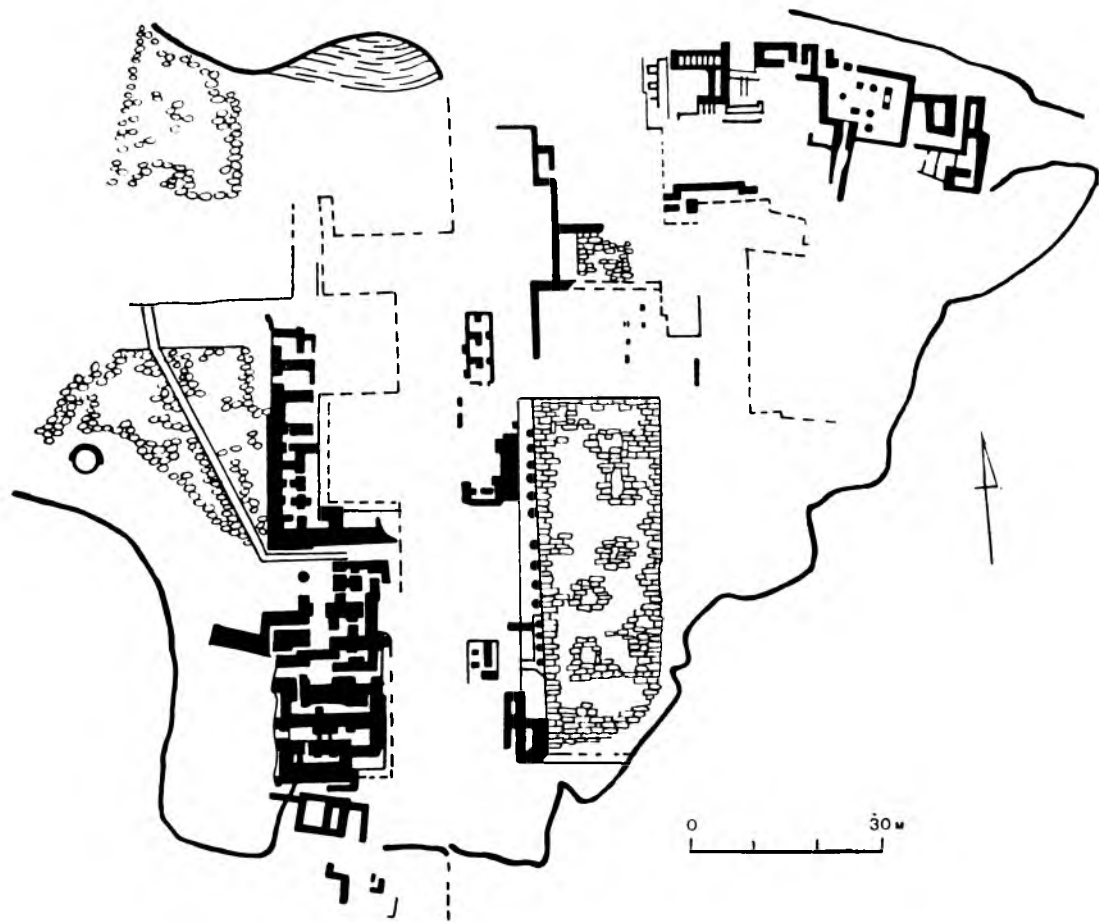

Рис. 12. «Старый дворец» в Фесте.

дильсь лишь незначительные перестройки отдельных помещений, во время которых могли перемещаться перегородки между комнатами, двери, лестницы, скамьи. хотя общий план комплекса, так же как и конструктивные приемы его строителей, за этот период почти не изменились. Далее мы увидим, что в этом вопросе Леви вступает в известное противоречие с самим собой: все-таки при переходе от второй строительной фазы к третьей имели место изменения, и весьма существенные.

Непосредственным результатом раскопок экспедиции Леви было открытие значительной части западного фасада «старого дворца» (рис. 12). К облицованной гипсовыми ортостатами стене фасада примыкал довольно большой и сложный комплекс внутренних помещений дворца. Большую их часть составляли неосвещенные подвалы. служившие хранилищами всевозможной утвари (Levi, 1964, р. 6). Здесь были найдены большие глиняные лампы, маленькие светильники, разнообразная керамика, включающая пифосы, амфоры, маленькие чашечки

с тонкими стенками типа так называемых «яичных скорлупок» и т. д. Встречаются и более ценные находки. Так, в помещении II были обнаружены печати и таблички с надписями, сделанными линейным письмом А. И то и другое принадлежит, как думает Леви, к первой строительной фазе. В соседнем помещении IV было обнаружено какое-то подобие каменного ложа со стеной росписью над ним, воспроизводящей занавес. Леви заключает отсюда, что здесь находилась спальня некоей дамы (*ibid.*, p. 7). Пол в этом помещении был општукатурен и расписан геометрическими узорами (первый образец такого рода декора в минойской архитектуре!). К югу от комплекса со «спальней» находилась группа небольших помещений, которые, по словам Леви, «представляют скромный эквивалент впечатляющей анфиладе кладовых в Кноссе». Здесь стояло несколько пифосов, в одном из которых были обнаружены виноградные косточки.

Показанная на планах (*ibid.*, fig. 1—2) линия фасада дворца имела несколько выступов и впадин, что вообще характерно для минойской дворцовой архитектуры. Дальше всех выдается за общую линию стены выступ, образуемый двумя так называемыми «бастионами», назначение которых остается неясным. Возможно, они должны были защищать расположенные по обе стороны от них входы во дворец. Третий вход в здание, расположенный несколько южнее двух первых, представлял собой, по определению Леви, «миниатюрного предшественника большой лестницы, которая поднимается к пропилеям нашего позднего дворца» (*ibid.*, p. 7). Ряд ступеней ведет отсюда к какому-то подобию вестибюля, окаймленному по стенам скамьями и имеющему бассейн для умывания. Под полом этого помещения был проложен главный дренажный желоб дворца. Южный угол западного фасада ограничивала толстая стена, отделенная узким проходом от находившихся дальше к югу построек (XVI—XIX), в которых Леви видит обычные дома, относящиеся к тому же времени, что и «старый дворец» (*ibid.*, p. 8).

Судя по всему, раскопки итальянских археологов вскрыли лишь небольшую часть какого-то крупного архитектурного комплекса (или, может быть, комплексов?), предшествовавшего «новому дворцу» Феста на занимаемой им территории. Подлинные размеры и планировку всего этого комплекса сейчас невозможно представить. Мы не знаем, как далеко простиралось на восток и на север (по крайней мере в двух первых строительных фазах, установленных Леви) так называемое «западное крыло» протодворца, существовал ли уже в это время центральный двор (говоря о начальных этапах истории дворца, соответствующих СМII периоду, Леви ни словом о нем не упоминает) и что находилось к востоку, северу и югу от него. Высказывалось предположение, что «старый дворец» по площади даже несколько превосходил сменивший его «новый дворец».¹⁰ При этом учитывалось не только пространство, занятое центральным двором и непосредственно окружающими его помещениями, но и так называемый «Nordosttrakt» — вытянутый в длину с запада на восток комплекс помещений, среди которых центральное положение занимает зал с колоннами или, может быть, двор перистильного типа (Sinos, 1971, s. 46). Этот комплекс действительно выходит далеко за пределы территории, занятой

¹⁰ Как думает сам Леви (*ibid.*, p. 4), во время последней перестройки дворца была сильно увеличена его этажность за счет сокращения занимаемой площади. См. также: Schachermeug, 1964, S. 69; Sinos, 1971, S. 46.

позднейшей дворцовой застройкой. Однако можно ли считать его интегральной частью древнейшего дворцового здания? Едва ли. Судя по его ориентации, заметно отклоняющейся от осевой линии как «старого», так и «нового дворцов», это было какое-то обособленное сооружение, может быть, из числа дворцовых пристроек или же кварталов минойского «города». К тому же датировка этого комплекса, открытого еще Л. Пернье, нуждается теперь в тщательной проверке (Schachtermeyr, 1964, S. 326, Anm. 6).

Одновременно с раскопками вдоль линии западного фасада «старого дворца» важное открытие было сделано в противоположной части западного крыла, выходящей к центральному двору: при пробных раскопках под полом так называемого «мужского мегарона» «нового дворца» (помещение № 2) было обнаружено большое (насчитывающее около 7000 экз.) скопление глиняных слепков с печатей. Как указывает Леви, в большинстве своем эти слепки использовались для запечатывания кувшинов «вероятно, содержавших дорогие вина, благовония и мази, присылаемые князьям Феста их подданными или же другими критскими князьями из более удаленных городов» (Levi, 1964, p. 9). Вместе с архивом слепков было найдено некоторое число табличек с надписями, сделанными линейным письмом А в его древнейшей форме. Вся керамика из этого слоя принадлежит к первой протодворцовой фазе. Находка эта, несомненно, представляет большой интерес для исследователей. Однако выхваченная из своего археологического «контекста» (в сущности, мы не знаем, где находилось и что представляло собой помещение архива) она мало что может нам сообщить о самом дворце.

Кроме самого дворца, итальянские археологи обследовали примыкающий к нему западный двор и расположенные на его периферии «городские кварталы» (рис. 13). Раскопки показали, что вымостка двора в течение протодворцового периода обновлялась по крайней мере трижды, что соответствует трем строительным фазам в истории самого дворца (*ibid.*, p. 6). С севера двор был ограничен подпорной стеной террасы, с которой, как полагает Леви, открывался доступ в помещения верхних этажей дворца. Вдоль стены, по-видимому ближе к концу протодворцового периода, была воздвигнута широкая каменная лестница, ступени которой, судя по всему, использовались для размещения зрителей во время всякого рода ритуальных представлений, устраивавшихся на открытой площадке двора (отсюда его наименование, принятое в литературе, видимо, по аналогии с более поздней конструкцией того же рода в Кноссе, — «театральный двор») (Pernier, 1902, p. 31—32; 1905, p. 355; Evans, 1902—1903, p. 109, и др.). Через весь двор наискось была проложена вымощенная камнем дорожка (серпантин), соединявшая «театральную лестницу» с северным входом во дворец.¹¹ Другая, более узкая дорожка пересекала двор в направлении с запада на восток. К югу от этой дорожки были расположены четыре круглые ямы — кулуры, облицованные изнутри камнем и первоначально, по-видимому, имевшие какую-то, вероятно также каменную, надстройку.

¹¹ Эванс (Evans, 1902—1903, p. 109) относил «театральную лестницу» Феста, так же как и весь западный двор, к более раннему времени, чем открытая им кносская «театральная площадка», датируя их приблизительно СМІ-II периодами. В новейшей литературе обычно даются более поздние датировки. Чаще всего это сооружение относят к СМІІІ периоду или к последней строительной фазе «старого дворца» в Фесте (Sinos, 1971, S. 46; Graham, 1972, p. 36; ср.: Branigan, 1979, p. 103).

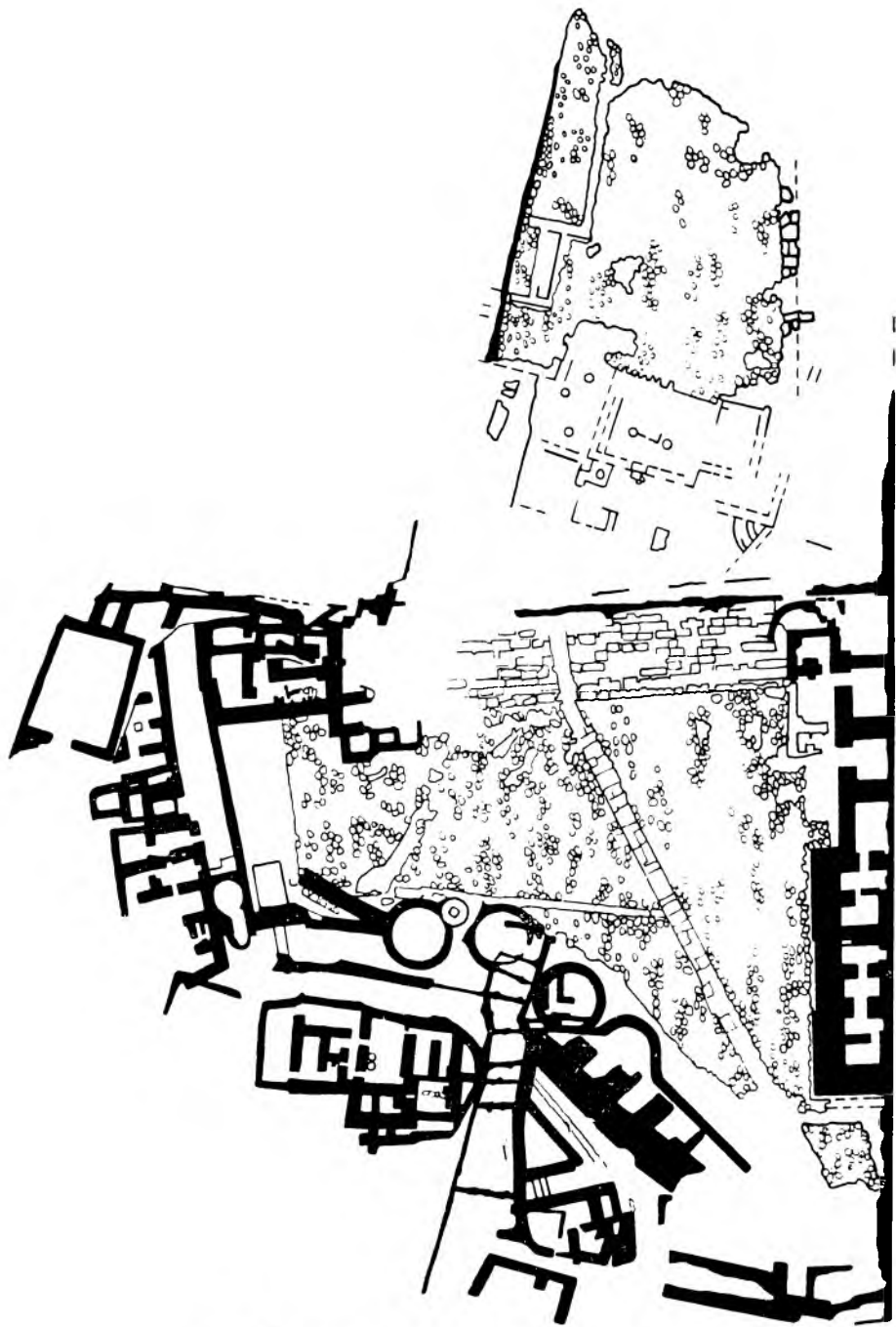

Рис. 13. Западный двор «старого дворца» в Фесте.

Д. Леви решительно расходится с Эвансом в оценке этих сооружений,¹² полагая, что они использовались главным образом как хранилища для различных припасов или как силосные ямы (Alexiou, 1971, S. 312). Сразу же за линией кулур вдоль юго-западного края «театрального двора» была устроена так называемая «рампа» — судя по описаниям Леви и других авторов, нечто вроде приподнятой, вымощенной камнем платформы (Levi, 1964, p. 6; Alexiou, 1971, S. 313; Hiller, 1977, S. 124 ff.), которая отделяла эту часть западного двора от другой, расположенной южнее и на более низком уровне. С севера и юга рампу ограничивали две опорные стены, одна из которых (северная) на отрезке, ближайшем к дворцу, имела особенно большую толщину и была еще укреплена поперечными контрфорсами. Как и весь западный двор, рампа по крайней мере трижды перестраивалась в течение протодворцового периода. К югу от ее западного отрезка были открыты руины дома, датируемого на основании найденной в нем керамики третьей протодворцовой фазой (Alexiou, 1971, S. 314). Вдоль нее в направлении с юга на север шел еще один отрезок ramпы, упирающийся в так называемый «западный бастион» (прямоугольное сооружение в северо-западном углу двора на одном уровне с «театральной лестницей»). По другую сторону от стены была проложена улица, идущая в том же направлении, что и рампа. Ее западная сторона была застроена домами, принадлежащими к первой фазе протодворцового периода (Hiller, 1977, S. 125). Единственный вход в «театральный двор» со стороны «города» был устроен, по всей видимости, в его юго-западном углу. Детали его устройства неясны, но, судя по плану, он представлял собой какое-то подобие коридора, идущего между двумя стенами и затем под прямым углом поворачивающего к северу, в проход между двумя кулурами.

Особое место занимает в истории «старого дворца» Феста третья строительная фаза, которую Леви датирует 1700—1550 гг. до н. э. После катастрофы, разрушившей дворец около 1700 г., в нем была произведена, как это признает сам Леви, значительная перестройка (Levi, 1964, p. 9). В частности, был продолжен длинный, вымощенный алебастровыми плитами коридор, соединивший западный и центральный дворы (он сохранился также и в «Новом дворце»). Тогда же был построен портик с деревянными колоннами на базах из цветного камня, ограничивавший с запада центральный двор. Сам этот двор в то время был расположен на оси, несколько отклоняющейся от оси «нового дворца», хотя его первоначальный уровень и пол, вымощенный многоугольными известняковыми плитами, также были сохранены в новом дворцовом комплексе (ibid.). Поскольку никаких фактов, подтверждающих существование этого двора в течение двух первых протодворцовых фаз, как будто не сохранилось (во всяком случае ни сам Леви, ни другие авторы о таких фактах нигде не упоминают), невольно напрашивается мысль, что впервые он был разбит именно во время перестройки 1700 г. (ср.: Branigan, 1979, p. 105). Вероятно, тогда же получил свое окончательное архитектурное завершение и западный двор. Это произошло после того, как в северной его части под подпорной стеной была воздвигнута монументальная «театральная лестница», впоследствии уступившая свое место еще более величественной лестнице дворцовых пропилей.

¹² Эванс квалифицировал открытые им во время раскопок западного двора Кносского дворца (примечательное совпадение!) четыре кулуры как всего-навсего помойные ямы или же как «слепые колодцы» для стока дождевой воды (Evans, 1935, vol. IV, pt 1, p. 63).

При всей их безусловной научной значимости раскопки итальянской археологической экспедиции в Фесте все же не привели к желаемому результату. Сколько-нибудь адекватное воссоздание начальных стадий в эволюции фестского дворцового ансамбля все еще остается за пределами наших возможностей. Нам трудно поэтому разделить убежденность тех авторов, которые, как, видимо, и сам Д. Леви, готовы верить в существование уже сложившегося дворцового комплекса, принципиально не отличающегося от хорошо известного «нового дворца», еще в I и II строительных фазах, т. е. в СМII период (по шкале Эванса). Как уже было отмечено, первые признаки, позволяющие говорить о возникновении такого ансамбля (сквозной коридор, соединяющий западный и центральный дворы, портик, обрамляющий с запада центральный двор), появляются лишь в III строительной фазе, т. е., согласно общепринятой периодизации истории минойского Крита, уже с наступлением эпохи «новых дворцов». В этом плане ситуация, которую мы наблюдаем в Фесте, вполне идентична ситуациям, фиксируемым в других дворцовых центрах Крита — Кноссе, Маллии и Като Закро.

Тем не менее мы ни в коей мере не склонны к недооценке той большой работы, которая была проделана в Фесте Д. Леви и его сотрудниками. Результаты ее при всей их неполноте и фрагментарности чрезвычайно важны. Судя по всему, раскопки вывели итальянских археологов к главному архитектурному центру раннего Феста. Насколько позволяют судить имеющиеся данные, его ансамбль складывался из трех основных элементов: протодворца, примыкающих к нему «городских кварталов» (правда, пока еще они представлены всего лишь несколькими домами) и так называемого «западного двора», который по существу представляет собой небольшую площадь, в одно и то же время соединяющую и разделяющую «город» и протодворец. Наиболее загадочной величиной в этой трехчленной формуле остается, пожалуй, архитектурный комплекс, который мы в значительной мере условно называем протодворцом.

Как было уже сказано, раскопки экспедиции Леви вскрыли лишь небольшую часть этого комплекса, непосредственно примыкающую к западному двору, к тому же в основном помещения цокольного этажа. Планировка и даже расположение других частей протодворца нам практически неизвестны. По находкам, сделанным внутри здания, трудно составить ясное представление об образе жизни и социальном статусе его обитателей. Тем не менее из ряда выходящие размеры протодворца (его западный фасад по длине лишь немногим уступает соответствующему фасаду «нового дворца»), монументальные формы его архитектуры (цоколь западного фасада уже в I—II строительных фазах был сложен из больших известняковых ортостатов, на которые опиралась каменная кладка верхней части стены) (Levi, 1964, p. 105), наконец, само его местоположение — непосредственно на главной «городской площади» Феста, с которой он, судя по всему, был тесно связан, резко выделяют эту постройку на общем фоне рядовых жилых кварталов поселения. И расположение, и архитектура протодворца позволяют говорить о его преемственной связи с «новым дворцом» Феста, хотя характер этой связи остается неясным, поскольку во многом неясен и характер самого протодворца.

Вполне возможно, что подобно «новым дворцам» Фестский протодворец был местом, где концентрировалась значительная часть сельскохозяйственной и ремесленной продукции, производимой в самом поселении и его окрестностях. На это могут указывать обнаруженные при раскопках кладовые с пифосами

для хранения вина и масла, а также уже упоминавшиеся кулуры западного двора. Каждая из них вмещала более 250 бушелей, т. е. 9075 л зерна (Vranigan, 1979, p. 104). Наряду с кладовыми в нижних помещениях протодворца могли находиться также и ремесленные мастерские, в которых работали, в частности, камнерезы и резчики по кости, а также кузнецы-бронзолитейщики (ibid.; ср.: Levi, 1964, p. 6—7). Найденные внутри того же комплекса помещений многочисленные образцы полихромной керамики, среди которых есть настоящие шедевры минойской вазовой живописи в стиле камарес (Levi, 1964, p. 7), наводят на мысль о том, что под контролем протодворца находилось также и гончарное производство (по крайней мере изготовление сосудов особенно высокого качества), даже если сами мастерские гончаров не располагались непосредственно на его территории. Особого внимания в этой связи заслуживает уже упоминавшийся архив глиняных слепков с печатей, в известном смысле предвосхищающий позднейшие дворцовые архивы Крита и микенской Греции. Немногочисленные таблички линейного письма А, найденные вместе со слепками, вполне могли использоваться для счетных записей подобно табличкам из архива Кносского дворца или же виллы в Айя Триаде. Что же касается самих слепков, то, каково бы ни было их реальное назначение (мысль о том, что их использовали в качестве ярлыков для запечатывания сосудов с вином и маслом, представляется наиболее правдоподобным, хотя и не единственно возможным объяснением — ср.: Matz, 1973, p. 160 f.), уже сам факт столь значительной их концентрации в одном месте на территории протодворца, пожалуй, дает нам право говорить об определенном рода организационных и координационных функциях, выполнявшихся его обитателями в сфере производства, из чего следует, что этот комплекс был не только хозяйственным, но также и административным центром подчиненной ему общины или, может быть, даже целой группы общин.

Как интегрирующий и координирующий центр, вокруг которого выкристаллизовывалась первичная редистрибутивная система и органически с ней связанная политическая структура протогосударства, «старый дворец» Феста, несомненно, может быть квалифицирован как принципиально новое явление в жизни минойского общества. Однако даже и выполняя эти важные новые функции, он в то же время по сути своей мог оставаться единым коммунальным жилищем аристократического (царского?) рода или большой семьи, представляя собой как бы некую промежуточную форму архитектурного комплекса, стоящую на полпути между большими общинными домами эпохи ранней бронзы и «новыми дворцами» периода расцвета минойской цивилизации. В этом смысле мы готовы согласиться с концепцией Моуренса, Уоррена и других авторов, на которую мы уже ссылались прежде, а заодно настаивать и на хотя бы частичной реабилитации «еретических» взглядов Б. Л. Богаевского.

Пожалуй, наиболее ясно новая социальная роль Фестского протодворца в качестве направляющего и организующего центра проявилась в сфере религии и культа.

Внимательное изучение плана раскопок экспедиции Леви показывает, что здание «старого дворца» составляло единый архитектурный комплекс вместе с так называемым «западным двором». Комплекс этот был в значительной мере обособлен от всего остального поселения. Весьма вероятно, что здесь находился главный ритуальный центр общины или, может быть, целой группы связанных между собой общин. Само положение западного двора на стыке «города» и прото-

дворца позволяет определить его как «зону контактов» между зарождающейся аристократической элитой и массой рядовых общинников. Учитывая чрезвычайно важную роль религии как интегрирующего фактора в жизни практически всех известных нам обществ эпохи бронзы, нетрудно догадаться, что эти контакты должны были осуществляться в основном в форме каких-то обрядовых действий и церемоний. «Ведущие партии» в них могли исполняться «людьми дворца», тогда как престономародье довольствовало ролью зрителей или, может быть, «хора и статистов», необходимых в церемониях с большим количеством участников. Какая-то часть зрителей, вероятно, располагалась на ступенях «театральной лестницы» подобно публике в позднейшем греческом театре.¹³ Другие могли занимать места по всей периферии западного двора на так называемой «рампе». Правда, основное назначение этого сооружения было, по-видимому, другим. Очень похоже, что здесь пролегал завершающий отрезок «священного пути», по которому участники торжественной процессии проходили из «города» на территорию ритуальной площадки. Во время раскопок на рампе были найдены следы вымостки того же типа, что и вымостка церемониального тротуара (серпантина), пересекающего двор в нескольких различных направлениях. Интересно, что один из отрезков этого тротуара углублялся внутрь здания протодворца через вход, который в то время мог считаться главным. Вполне возможно, что именно по этой дорожке выходили на «театральный двор» главные участники разыгрывавшегося здесь «спектакля». Сам протодворец мог в этой ситуации выполнять функции так называемой «скены» в позднейшем греческом театре, т. е. служить «задней кулисой» и одновременно хранилищем священной утвари, использовавшейся во время обрядового действия.¹⁴

По-видимому, не случайно оказались включенными в архитектурный ансамбль «театрального двора» также и уже упоминавшиеся кулуры. Согласно наиболее вероятным предположениям, в них хранили зерно и, возможно, какие-то другие продукты. Во время празднеств, устраивавшихся перед зданием протодворца на «театральной площадке», продукты, хранившиеся в кулурах, могли использоваться для приготовления ритуальных трапез. В самом вынесении зернохранилищ за пределы протодворца на открытый для общего доступа двор скрыт определенный идеологический «подтекст». Возможно, это должно было означать, что собранные общими усилиями запасы зерна могут быть использованы только для общественных надобностей, например для устрой-

¹³ Хотя сама эта конструкция, вероятно, относится к сравнительно позднему времени — к III протодворцовой фазе по периодизации Леви, ей вполне могло предшествовать какое-нибудь более примитивное сооружение того же рода, хотя бы в виде земляной насыпи с деревянными или дерновыми сиденьями.

¹⁴ В ритуальных целях могли использоваться и некоторые из внутренних помещений протодворца, хотя об их местоположении и устройстве нам ничего неизвестно. В виде исключения можно указать лишь на одно небольшое святилище, состоявшее из трех сообщающихся между собой помещений и, возможно, уже входившее в общий архитектурный комплекс «старого дворца» (Pernier, Banti, 1935—1950, vol. I, p. 195 sg.; vol. II, p. 573; ср.: Branigan, 1979, p. 104). Интересно, что это святилище имело выход непосредственно на ступени театральной лестницы, что служит лишним подтверждением сакрального характера этого сооружения. Во время раскопок экспедицией Леви было обнаружено лишь сравнительно небольшое количество культовой утвари, хотя некоторые ее образцы представляют исключительный интерес, как, например, два сосуда (кубок и так называемая «подставка для фруктов»), украшенных изображениями священных танцев в честь «змеиной богини» (Levi, 1964, fig. 24—25).

ства очередного празднества. Их размещение на дворе на виду у всех могло расцениваться как гарантия против присвоения общинного продукта «людьми двора» (ср.: Christopoulos, 1974, p. 146; Branigan, 1979, p. 104). Заметим для сравнения, что в «новых дворцах» сооружения такого типа обычно интегрируются самим дворцовым комплексом и тем самым, видимо, изымаются из ведения общины. Примерами могут служить комплекс из восьми кулур в юго-западном углу дворца Малли или ссыпные ямы в складах западного крыла Кносского дворца.

И сам «театральный двор», и примыкающий к нему протодворец тесно связаны с «городом» и, в сущности, как было уже сказано, составляют вместе с ним единый архитектурный ансамбль. «Городские» дома со всех сторон обступают протодворец и в некоторых местах, например с южной стороны, почти вплотную к нему приближаются. Как ясно показано на плане раскопок, дорога, проложенная по «рампе» в обход «театрального двора», непосредственно соединялась с сетью «городских» улиц, составляя как бы естественное их продолжение. Тем не менее взятые в своей совокупности протодворец и «театральный двор» создают впечатление определенной замкнутости и обособленности. Как справедливо замечает Брэнниген (*ibid.*, p. 105), та же «рампа» вполне могла использоваться и как ограждение двора, закрывающее на него доступ всем посторонним в тех случаях, когда «люди дворца» в силу каких-либо причин хотели избежать слишком тесного общения с простонародьем. Возможно, однако, что зарождающаяся тенденция социального размежевания между знатью и рядовыми общинниками опиралась здесь на гораздо более древнюю традицию сакральной обособленности священного места, каковыми могли считаться и «театральный двор», и по существу составляющий с ним единое архитектурное целое протодворец (ограждение территории святилищ было общим правилом как в крито-микенскую эпоху, так и в более поздние времена).

К сожалению, лишь очень немногое известно нам о жилищах рядовых обитателей раннего Феста. Как было уже сказано, раскопки итальянских археологов выявили фундаменты лишь нескольких «частных» домов, располагающихся по периферии западного двора и в некоторых местах подходящих почти вплотную к зданию «протодворца». Мы не знаем, кому принадлежали эти дома. Брэнниген думает, что их владельцы занимали высокое положение в социальной иерархии тогдашнего минойского общества (*ibid.*, p. 105). На это, по его мнению, указывают находки керамики исключительно высокого качества (возможно, даже ритуальных сосудов), а также некоторые особенности их архитектуры, свидетельствующие о подражании «дворцовой моде», в частности применение цветной штукатурки для обмазки стен, мощные световые колодцы и даже (по крайней мере в одном случае) конструкции типа портика. Ближе к окраинам поселились эти «фешенебельные» жилища богачей должны были, как считает Брэнниген, уступать место «кварталам бедноты», застроенным невзрачными маленькими домишками. Нам представляется, что имеющийся в наличии весьма скудный археологический материал пока еще не дает оснований для столь далеко идущих выводов (ср.: Levi, 1964, p. 10 f.; Alexiou, 1971, S. 314; Hiller, 1977, S. 125 f.).

Совершенно новую страницу в истории минойского урбанизма на одном из самых ранних ее этапов открыли раскопки в Малли, производившиеся сотрудниками Французской археологической школы в Афинах. После обследования ряда районов древнего «города» французские археологи уже в конце

50-х годов сосредоточили свои усилия на довольно большом участке, расположенном северо-западнее дворца на некотором удалении от его северной эспланады. Руководивший раскопками А. Ван Эффантер определил это место как «политический центр» Маллини (Van Effenterre, 1969). Здесь был открыт большой архитектурный комплекс, состоящий из нескольких разнообразных сооружений, в основном датированных периодом «старых дворцов», или СМІ-II (рис. 14). Структурным ядром этого комплекса сразу была признана так называемая «агора» — большая прямоугольная площадь или, может быть, двор размером 30 × 40 м². Заметим попутно, что своими размерами «агора» лишь незначительно уступает центральному двору Кносского дворца, но зато превосходит аналогичные дворы в Фесте и в самой Маллини. Первоначально вся площадь была окружена каменной оградой, основание которой было облицовано ортостатами из белого известняка. Ограда эта сохранилась не полностью. Лучшее всего она прослеживается вдоль северной стороны площади, где высота ее сохранившейся части достигает 1 м. Значительные отрезки уцелели также на восточной и южной сторонах. На западной стороне, судя по плану, не осталось никаких следов ограды. В ограде «агоры» было устроено трое ворот: двое на южной стороне и один на северной. Через эти последние ворота открывался проход на улицу, ведущую в сторону моря к некрополям Маллини.

Среди построек, окружающих «агору», особый интерес представляет так называемая «гипостильная крипта», расположенная неподалеку от юго-западного угла площади (Amouretti, 1970). Это сооружение состояло из пяти следующих друг за другом анфиладой помещений с оштукатуренными стенами. Все они были довольно сильно заглублены в землю (база колонны в первом из «залов» крипты находилась на 2.36 м ниже уровня древней почвы), причем пол крипты постепенно повышался с запада на восток (разница уровней между первым и последним «залами» составляла 0.54 м). Вход в крипту был устроен с западной стороны, где находилась лестница из двух маршей, расположенных под прямым углом друг к другу. На юго-востоке крипта соединялась с группой складских помещений, расположенных на несколько более высоком уровне, чем она сама. В первом из пяти «залов» крипты вдоль стен были устроены поставленные «покоем» каменные скамьи. Возможно, это помещение предназначалось для пиршеств и собраний. Косвенным подтверждением этой догадки служат многочисленные обломки сосудов типа кубков и чаш. Последний, пятый зал повторял визави устройство первого: те же скамьи вдоль стен и выход с лестницей в углу. По предположению Амуретти, крипта имела второй этаж, непосредственно сообщавшийся с «агорой». Ван Эффантер, не отвергая совершенно эту догадку, склоняется более в пользу простого перекрытия в виде искусственной террасы (Van Effenterre, 1969, p. 42; ср.: Lóyd, Müller, Martin, 1974, p. 201).

В числе других построек, окружавших «агору», следует отметить еще так называемый «изогнутый портик» (на западной стороне, к северу от крипты) (Van Effenterre, 1969, p. 51 sq.), довольно сложный комплекс «южных складов», пристроенных вплотную к южной ограде площади (ibid., p. 58), несколько домов на восточной стороне «агоры», образующих так называемый «квартал А» (ibid., p. 71). С севера «агора» была ограничена «Поперечной улицей», на пересечении которой с «улицей Некрополей» находилась небольшая площадь (placetta), разделяющая дома двух «городских кварталов» Маллини (ibid., p. 133 sqq.).

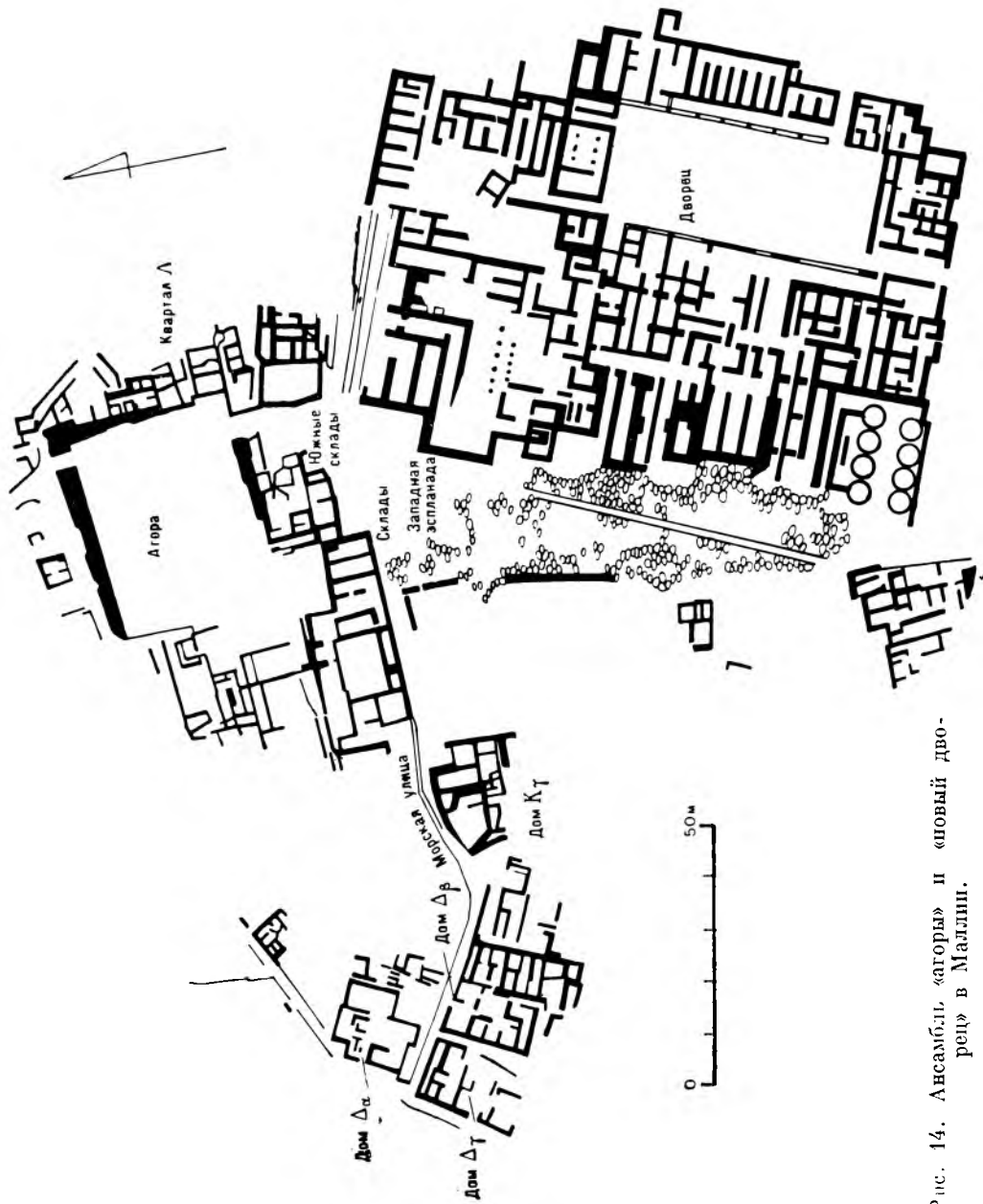

Рис. 14. Ансамбль «агоры» и «новый двор» в Малгани.

Согласно датировке Ван Эффантера (*ibid.*, p. 142), «агора» была устроена еще в СМІВ период, но продолжала существовать, хотя и с некоторыми изменениями, вплоть до периода «новых дворцов», или ПМІА. Среди сооружений, окружающих «агору», более или менее синхронны с ней «гипостильная крипта» и «изогнутый портик», что дает право считать их частями одного архитектурного ансамбля (*ibid.*, p. 52). «Южные склады», судя по найденной в них керамике, могли быть построены в конце периода «старых дворцов», т. е. на переходе от СМІІ к СМІІІ (*ibid.*, p. 58). Наконец, дома, составляющие «квартал А», датируются в широком диапазоне от СМІІВ до ПМІІВ, хотя под ними были открыты более ранние цоколи, относящиеся к тому же времени, что и сама «агора», и расположенные параллельно ее восточной стене (*ibid.*, p. 71).

Уже в предисловии к 17-му тому «*Etudes Crétoises*», посвященному ансамблю «агоры», Ван Эффантер (*ibid.*, p. X sq.) следующим образом определял назначение и характер этого замечательного памятника критской архитектуры: «Перед нами ансамбль, продуманно и тщательно сконструированный, интегрированный в план города одновременно посредством своей ориентации и своих связей с сеткой улиц, обнаруживающий сам по себе совершенно специфический род деятельности, о котором до настоящего времени мы не имели никакого представления, ввиду того что ни одного комплекса такого типа и такого значения до сих пор еще не было найдено на территории минойского Крита. Мы полагаем, что наиболее естественной гипотезой, объясняющей конструкцию этого ансамбля . . . , было бы предположение, что здесь находилось местопребывание преимущественно двух органов, хорошо засвидетельствованных в большинстве древних обществ: народного собрания и совета старейшин». Ван Эффантер, правда, не исключает и возможности другого использования этого комплекса: в качестве арены или театра для всякого рода представлений и церемоний, для игр и состязаний, в качестве торговой площади. Крипта с ее банкетными скамейками могла служить местом пиров, инициаций, собраний. Тем не менее, как полагает Ван Эффантер, «политическая гипотеза, согласно которой уникальный комплекс, открытый в Маллии, превосходит обычную для городов классической Греции комбинацию агоры и пританея или булеветерия, «остаётся единственной гипотезой, дающей определенный смысл одновременно обоим элементам (комплекса. — Ю. А.): гипостильной крипте и месту собраний».¹⁵

В других своих работах, опубликованных еще до выхода в свет 17-го тома «*Etudes Crétoises*» (Van Effenterre, 1963; Van Effenterre, Trocme, 1964), Ван Эффантер высказал мысль о своеобразном дуализме политико-религиозной структуры типичного минойского города, каковым, по его мнению, вполне может считаться Маллия. Этот дуализм проявляется себя в сосуществовании двух практически независимых друг от друга центров общественной жизни: политического, представленного комбинацией «агоры» с «гипостильной криптой», и религиозного, воплощением которого был дворец Маллии. Напомнив читателю, что в греческих полисах агора и пританей обычно находились в близком соседстве с храмом богини или бога-градодержателя, Ван Эффантер ставит последнюю точку над і: «Достаточно написать „дворец“ вместо храма божества-градодержателя,

¹⁵ Ср.: *ibid.*, p. 143: «Крипта и двор — только места собрания в самом простом и чистом виде. Только в них самих заключен весь смысл их существования. И это — самый сильный аргумент в пользу политической интерпретации».

или, иначе говоря, перейти от греческой религии города к мнойской религии, неоспоримым центром которой был дворец, для того чтобы предшествующая формула могла точно определить новый ансамбль в Маллии» (Van Effenterre, 1963, p. 14). И как итог всех этих размышлений в той же статье появляется непреложная констатация: «От первой половины II тыс. до Р. Х., от эпохи первых критских дворцов до эллинистической агоры и форума времен империи теперь установлена преемственность, достоверная связь» (ibid.).

Эта элегантная и вместе с тем «дерзкая» («audacieuse»), по определению самого Ван Эффантера) гипотеза вызвала довольно резкие возражения других археологов вскоре после того, как она была впервые сформулирована. Категорически отказался ее принять сам тогдашний директор Французской археологической школы Ж. До. «Камни Маллии, — писал он, — пока еще безмолвствуют, но ни топографическая протяженность этих открытий, ни их своеобразие не допускают, в моем понимании, никаких экстраполяций политического порядка в смысле преждевременной демократии» (Daux, 1963, p. 875; 1966, p. 1017). Сомнения в правомерности идентификаций Ван Эффантера были высказаны также Н. Платоном, Ст. Алексу, Дж. Грэхемом (Platon, 1968, s. 58; Alexiou, 1971, S. 316; Graham, 1980; ср. ответ Ван Эффантера «Agéne ou agora?»; Van Effenterre, 1980). Все трое сошлись на том, что площадь, открытая Ван Эффантером, скорее всего, служила ареной для игр с быками или же местом для театральных представлений. Что касается «крипты», то она, по предположению Алексу, могла использоваться как помещение для отдыха акробатов, участвующих в играх с быками. Более лояльно отнеслись к выводам французского исследователя К. Брэнниген и Р. Мартэн (Branigan, 1970a, p. 119; Lloyd, Müller, Martin, 1974, p. 201).

Не задерживаясь на неизбежно возникающих в этой связи исторических спекуляциях (щедрую дань им отдал в своих статьях сам Ван Эффантер), постараемся вникнуть в существо собственно археологической или, еще точнее, историко-архитектурной проблемы, поставленной перед наукой открытиями в Маллии. Квалифицируя ансамбль «агоры» как «политический центр» мнойского города, Ван Эффантер исходил из того, как ему представлялось, самоочевидного факта, что вся эта группа построек непосредственно не связана с расположенным к югу от нее дворцом и в то же время находится в тесной связи со всей сетью городских кварталов и улиц. Основываясь на этом непреложном факте, Ван Эффантер последовательно отвергает все иные возможности решения проблемы путем спонтанно напрашивающегося сближения «агоры» с внутренними дворами мнойских дворцов (Van Effenterre, 1963, p. 10 sq.). Важным доводом в пользу предложенной им идентификации французский археолог считает синхронность обоих архитектурных комплексов: дворца в двух основных его фазах и комбинации «агоры» и «крипты». В дополнение к этому он обращает внимание на тот весьма существенный, по его мнению, факт, что ориентация «агоры», вытянутой по оси с запада на восток, не совпадает с обычной ориентацией критских дворцов и их внутренних дворов по оси, идущей с юга на север (ibid., p. 11). Истолкование ансамбля «агоры» как памятника сакральной архитектуры представляется Ван Эффантеру абсолютно исключенным по той простой причине, что ни на самой «агоре», ни в расположенных вокруг нее постройках не было найдено во время раскопок ни одного предмета определенно культового назначения. «Мы не нашли ничего, — пишет он, — что выходило бы за пределы самого банального каждодневного обихода. Ни знаков на камнях или стенах, ни

алтарей, ни предметов культа, ни ритопов, ни столов для жертвоприношений. . . Следовательно, на нынешнем этапе раскопок новый ансамбль Маллии вполне заслуживает эпитета „гражданский“» (ibid., p. 12).

Насколько можно понять рассуждения Ван Эффантера в его статьях и книге, временем расцвета гражданской общины маллиотов, к которому как раз и относится формирование ансамбля «агоры», он склонен считать период «старых дворцов». С наступлением периода «новых дворцов» политическая ситуация в Маллии начинает меняться. Симптомами этих перемен Ван Эффантер усматривает в определенной трансформации самой «агоры» и связанных с ней «городских кварталов» (Van Effenterre, 1969, p. 143). На восточной стороне площади «частные» дома заходят за линию ограды. Этот факт «заставляет усомниться в том, что в эту эпоху она (т. е. «агора») еще сохраняла свое первоначальное значение». Следовательно, «использование ансамбля в духе его первоначального проекта не было особенно продолжительным». «Не означает ли это, — спрашивает самого себя и читателя Ван Эффантер, — что древнее равновесие властей и функций, которое поставило в среднеминойский период комбинацию „крипты“ и „агоры“ лицом к лицу с дворцом, в позднеминойский период отступило перед авторитарной царской властью, выросшей из накопления богатств в экономической системе дворца?».

Нам кажется, что в этих умозаключениях французского исследователя, фактически, может быть, и не совсем беспочвенных, заключено некое фатальное противоречие, подрывающее его же собственную концепцию. Следуя его логике, мы должны признать, что «политический центр» Маллии утратил свое первоначальное значение именно в тот период истории города, когда основные композиционные узлы его планировки — «агора» и дворец — обозначились особенно ясно и определенно. Но это неизбежно ставит под сомнение основной вывод Ван Эффантера (особенно обстоятельно раскрытый в его статье в «Revue historique») об исконном дуализме внутренней структуры минойского города, ибо наглядно продемонстрировать этот дуализм в той же Маллии позволяет лишь археологическая ситуация, зафиксированная для ПМ I периода, но никак не для СМ I-II. На наш взгляд, занимающий столь важное место в аргументации Ван Эффантера тезис о будто бы непрерывной синхронности дворца и «агоры» на протяжении чуть ли не всей минойской эпохи далеко не так бесспорен, как может показаться при первом к нему приближении. Дело в том, что само существование дворца в то время, к которому относится создание ансамбля «агоры», пока еще никак нельзя признать твердо установленным фактом, хотя многие исследователи подобно Ван Эффантеру убеждены в том, что в этот период он уже занимал то же самое место, где он был открыт экспедицией Шапутье и Демарня, и имел почти такую же конфигурацию (Пендлбери, 1950, с. 114; Demargne, 1964, p. 87; Schachermeyr, 1964, S. 71; Branigan, 1970a, p. 52 f.; Matz, 1973, p. 148; ср.: Platon, 1966, p. 139).

Начальный период в истории дворца Маллии, судя по всему, был крайне неясен для его первооткрывателей. Во всяком случае они неоднократно меняли свои суждения об этой фазе и в конце концов пришли к мысли, что первый дворец был построен в СМ I и оставлен в следующем СМ II периоде, второй же воздвигнут на новом фундаменте уже в СМ III периоде (Chapoutier F. et al., 1936, pt II, p. 49 sqq.; 1942, pt III, p. 74 sq.; ср.: 1928, pt I, p. 43 sqq.). Эту концепцию с некоторыми видоизменениями принимают теперь О. Пелон и некоторые другие авторы (Pelon, 1982a, p. 188; 1982b, p. 80 sb., со ссылками на работы дру-

гих авторов). Остатки того, что принято считать «первым дворцом», обнаружены лишь в немногих местах под полами «нового дворца», как правило, с помощью зондирования или небольших локальных раскопок в отдельных помещениях. В основном они локализируются в северо-западной части дворцового комплекса. Один из таких фрагментов предполагаемой древнейшей застройки был открыт под вымосткой III квартала. Судя по описанию, он представлял собой комплекс из нескольких помещений с оштукатуренными полами, канавками для стока воды и каменными «банкетками». В одном из этих помещений под №III, 2 были найдены два бронзовых меча, один из которых сохранил наверху из слоновой кости с золотой накладкой, изображающей вписанную в круг фигуру акробата (Tiré, Van Effenterre, 1966, p. 43; более подробно: Pelon, 1982a, p. 172 sqq.).¹⁶ На первый взгляд эта находка дает очень сильный аргумент тем, кто убежден, что эта группа помещений была действительно частью «старого дворца» Маллии: мало вероятно, чтобы такая вещь, по минойским стандартам экстракласса, могла попасть в руины обычного жилого дома. Однако датировка мечей вызывает споры. Многие специалисты относят их к периоду «новых дворцов» (см., напр.: Hood, 1978, p. 114; ср.: Demargne, 1964, p. 115, fig. 152). Но в этом случае мы должны признать, что либо сами они каким-то образом оказались в чуждом им археологическом «контексте», либо ошибочны расчеты французских археологов, датирующих помещение, в котором они были обнаружены, началом среднеминойского периода.¹⁷

Итак, у нас нет пока достаточных оснований для того, чтобы считать интегральными элементами «первого дворца» те немногочисленные строительные остатки СМІ-II периодов, которые удалось обнаружить в разных местах на территории «нового дворца» Маллии. В принципе они могли принадлежать и группе обычных жилых домов, занимавших известную часть территории будущего дворца. В этой связи следует заметить, что совсем необязательно искать постройку или постройки протодворцового типа на том же самом месте, где стоял и «новый дворец». Ведь ничто не вынуждает нас к мысли, что минойские строители должны были придерживаться в своей работе каких-то жестких правил исторической преемственности, действовавших на протяжении ряда столетий. В Маллии, как и в любом другом минойском поселении начала II тыс. до н. э., протодворец мог находиться где угодно: на месте будущего дворца, или где-то в ближайших окрестностях «агоры», или, наконец, на более удаленной ее периферии, в самой гуще «городских кварталов».

¹⁶ Вообще находки вещей, в том числе керамики, датировемых СМІ-II периодами, на территории дворца встречаются крайне редко. Пожалуй, чаще здесь можно встретить вещественные остатки раннеминойского периода или даже эпохи неолита (Daux, 1969, II, p. 1051 sqq.; Hiller, 1977, S. 127 f.).

¹⁷ Интересно, что на первом из этих двух вариантов решительно настаивает Ван Эффантер как единственный из оставшихся в живых свидетелей находки. По его словам, мечи оказались на полу склада в результате обвала верхнего этажа, где они, по-видимому, находились первоначально. В своей краткой заметке, посвященной этому вопросу, Ван Эффантер явно склоняется к мысли, что точная датировка этих редчайших образцов парадного оружия сейчас практически невозможна (Van Effenterre, 1982, pt I, p. 163 sq.). Пелон хотя и отстаивает прямо противоположную точку зрения, полагая, что эта находка должна быть связана со всем прочим материалом, обнаруженным в складах III квартала, все же колеблется в выборе точной датировки между «протодворцовой фазой» и «первым состоянием второго дворца» (Pelon, 1982a, p. 189). Аналогичные трудности вызывает и датировка другого набора парадного оружия, включающего церемониальный топорик в виде леопарда (найден в одном из помещений II квартала дворца).

После недавних раскопок в так называемом «квартале М» к западу от «агоры» последний из этих вариантов решения проблемы из разряда более или менее правдоподобных догадок перешел в разряд непреложно установленных научных фактов.

Рассмотрим более внимательно результаты этих раскопок. Более раннее обследование участков вдоль так называемой «Морской улицы», идущей в западном направлении от «агоры» и северной эспланады дворца, показало, что этот район «города» был довольно густо заселен в среднемшюское время, хотя никаких особенно примечательных сооружений этого периода, кроме случайно уцелевших фрагментов домов, здесь обнаружить на первых порах не удалось (Tiré, Van Effenterre, 1966, p. 58 sqq.). Замечательное открытие было сделано на одном из участков неподалеку от той же Морской улицы и в 150 м от дворца в 1965—1972 гг. Отряд французских археологов под руководством М. Пурса раскопал здесь большой архитектурный комплекс общей площадью около 2,5 тыс. м² (60 × 40), довольно точно сориентированный с «агорой» и «гипостильной криптой» и относящийся к тому же самому времени, т. е. к периоду «первых дворцов» (см. краткие отчеты о раскопках в ВСН за 1966—1972 гг. — т. 91—96, а также обобщающие сводки данных: Poursat, 1972, p. 178 sqq.; Hiller, 1977, S. 129 ff.). Весь комплекс состоит из двух смежных строений: западного (от него сохранились в основном подвальные помещения) и восточного, или главного, где открыты также и помещения первого этажа (рис. 15). В своей статье, посвященной раскопкам «квартала М», Пурса отмечает необычность его архитектурного решения. Для него характерны в одно и то же время чрезвычайная гибкость (*trés souple*) и чрезвычайная правильность планировки (*trés régulière*), что резко выделяет этот комплекс на общем фоне довольно беспорядочной жилой застройки того же периода (Poursat, 1972, p. 180; ср. план: ВСН, 1971, t. 95, pt II, p. 798—799). Далее автор статьи обращает внимание на большую сложность функциональной организации открытого им сооружения, что затрудняет точное определение его назначения и характера. Среди помещений «квартала М» он выделяет довольно многочисленные пиришественные и ритуальные залы, а также склады. В центральном секторе главного комплекса выделяется целый ансамбль помещений культового характера, группирующихся вокруг «люстрального зала» — обширного помещения прямоугольной формы с бассейном для ритуальных омовений посредине (размеры бассейна — 2,8 × 4 м²; в него ведет лестница из семи ступеней) (Hiller, 1977, S. 130). Рядом с ним находилось святилище с прямоугольным столом для возлияний в центре. Назначение других частей комплекса не поддается точному определению. Возможно, это были обычные жилые или хозяйственные помещения. Несколько мастерских было открыто в непосредственной близости от «квартала М» частью еще до раскопок Пурса (мастерская резчика печатей) (Dessenne, 1957, p. 693 sq.), частью во время этих раскопок (гончарная и бронзолитейная мастерские) (Cattling, 1981, p. 44; 1982, p. 54). Очевидно, все они были связаны с этим комплексом, составляя вместе с ним единое хозяйственное целое.

Известная архитектурная аморфность «квартала М» (то, что сам Пурса предпочитает деликатно именовать «гибкостью») удивительным образом сочетается с целым рядом конструктивных приемов и элементов, во многом уже вполне определенно превосходящих архитектуру позднейших дворцовых ансамблей. Сюда можно отнести каменные базы колонн, стены с тройными просветами, разделенные деревянными столбами, световые колодцы, ограниченные с двух сто-

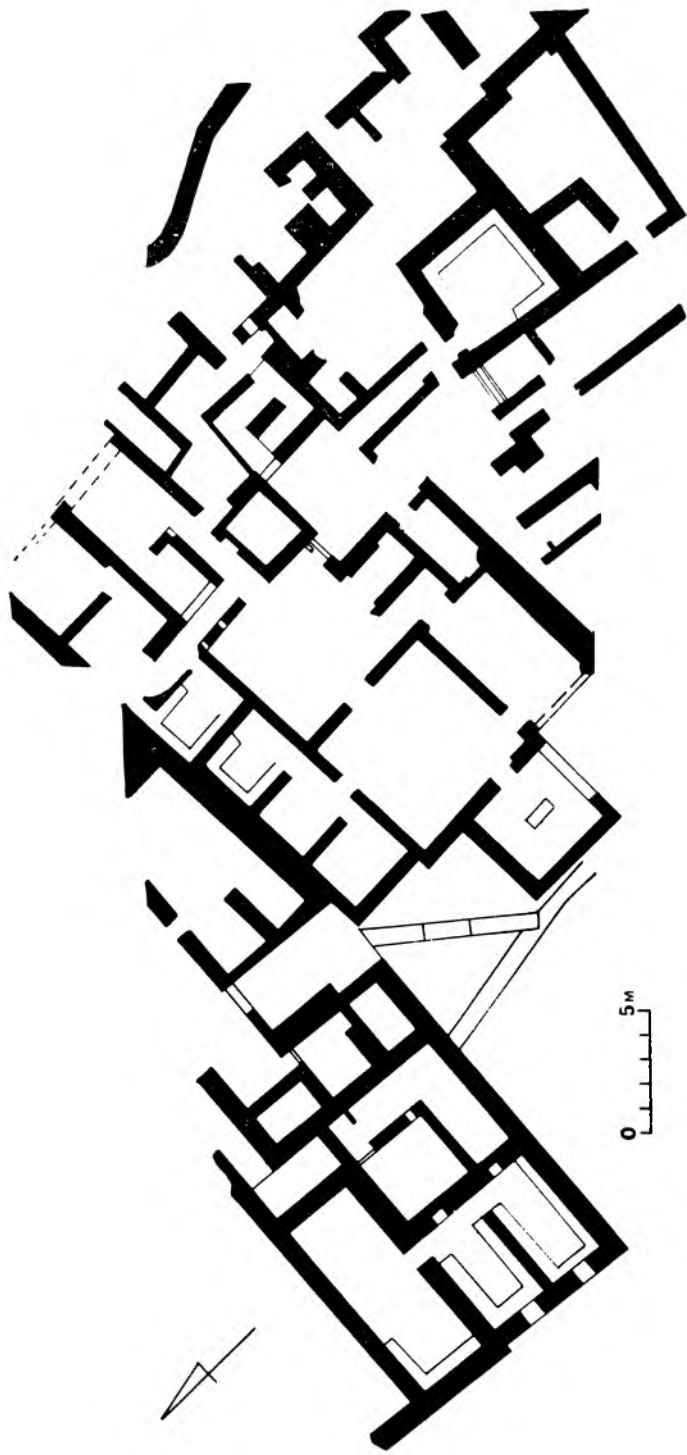

Рис. 15. «Квартал М» в Малли.

рон портиками, присутствие piano nobile, откуда происходят наиболее ценные находки: богатая керамика и документы архива. Все это, вместе взятое, создает впечатление «парадности и незаурядности этой постройки» (Poursat, 1972, p. 180). Впечатление это еще более усиливается при внимательном изучении сделанных в здании находок. Среди них видное место занимают великолепные вазы, расписанные в стиле камарес (до сих пор керамика этого типа в Маллии вообще не встречалась, теперь же можно с уверенностью сказать, что это поселение было одним из самых крупных центров ее производства) (Hiller, 1977, S. 133). Чрезвычайный интерес представляют иероглифические надписи, найденные в различных местах как в восточной, так и в западной части комплекса. Всего найдено 3 таблички, 12 «медальонов», 15 слепков с печатей и 2 иероглифических конуса. Конечно, на фоне огромного архива слепков, открытого в Фесте, эта коллекция производит довольно скромное впечатление, но, может быть, прав Пурса (Poursat, 1972, p. 182), полагающий, что она составляет лишь малую часть того, что здесь было первоначально. Во всяком случае близость специальной мастерской по изготовлению печатей делает это предположение весьма правдоподобным. После надписей и печатей наиболее ценной находкой, сделанной при раскопках «квартала М», может считаться парадный книжаль с инкрустированной золотой ручкой (ibid.). Оружие такого типа обычно встречается только во дворцах и в царских усыпальницах. Но можно ли считать дворцом это загадочное сооружение, которое его первооткрыватель обозначил просто греческой литерой М? В заключительной части своей статьи Пурса кратко касается этого вопроса.

Прежде всего он отмечает поистине полифункциональный характер открытого им здания: «„Квартал М“ представляет собой не только религиозную постройку, или группу конторских помещений, или комнат для жилья и приемов, но все это сразу, и сама сложность его функций создает в действительности образ, если подыскивать какие-то сравнения, близкий к тому, который мог бы вызвать дворец» (ibid., p. 184 sqq.; см. также: Hiller, 1977, S. 132 f.). Далее предлагаются два возможных объяснения этой парадоксальной по своей сути ситуации. 1. «Квартал М» мог быть «важной частной постройкой», т. е. независимой от дворца, например жилищем какого-нибудь высокого сановника или просто богатого горожанина. Самого Пурса эта гипотеза, по-видимому, не очень устраивает. Она вызывает у него по крайней мере два возражения. Во-первых, нам ничего неизвестно о существовании в эту эпоху на Крите «коммерческой аристократии». Во-вторых, ясно выраженная сориентированность «квартала М» с «агорой», т. е. с тем, что можно считать официальным центром Маллии, говорит против признания его просто частным жилым домом. Отсюда следует, что более предпочтительной оказывается вторая гипотеза. 2. «Квартал М» мог быть частью дворцового ансамбля. Далее следует еще несколько соображений в обоснование этой гипотезы (Poursat, 1972, p. 185). С одной стороны, структура первых дворцов еще далека от того, чтобы быть совершенно известной, и лишь тогда, когда будет можно уточнить протяженность первого дворца, его организацию и его функции, можно будет составить и более ясное представление о роли «квартала М». С другой стороны, недавнее открытие в Загро самостоятельных сооружений, которые могут рассматриваться как пристройки или службы дворца, создает возможность сравнения с открытиями в Маллии. Все это завершается следующим выводом: «Можно полагать, что в протодворцовую эпоху по крайней мере в некоторых местах могла развиваться организация, состоящая из ансамбля

раздельных построек, который отмечает в некотором роде этап в выработке мийской дворцовых структур».

Пурса можно, пожалуй, упрекнуть в том, что он недостаточно ясно и определенно сформулировал свою мысль, хотя отчасти его извиняет, конечно, крайняя неясность самой ситуации, с которой ему пришлось столкнуться. Судя по всему, он стремится к некоему компромиссу, не изгоняя совершенно, видимо, все еще владеющий его сознанием фантом «старого дворца», но пытаясь вместе с тем отвоевать достойное место для открытого им комплекса. Компромисс, очевидно, заключается в том, что «квартал М» становится как бы «малым дворцом» и в этом качестве включается в единую систему или ансамбль построек, группирующихся вокруг «большого дворца», все еще скрытого позднейшей застройкой, но, несомненно, существовавшего. Если мы правильно поняли основную идею французского исследователя, он тем самым лишь переносит в среднеминойскую Маллию хорошо известную схему ансамбля дворцовых построек, зафиксированную Эвансом для позднеминойского Кносса.

Еще один вариант компромиссного решения проблемы был предложен несколько лет спустя Ван Эффантером в его докладе на 4-м Критологическом конгрессе в Гераклоне (к сожалению, основное содержание доклада нам известно лишь по пересказу в книге Хиллера: Hiller, 1977, S. 134). В своих рассуждениях Ван Эффантер придает особое значение трем основным моментам. 1. Материал СМІ-II периодов, найденный до сих пор на территории «нового дворца» Маллии, количественно, да и качественно не идет ни в какое сравнение с синхронным материалом, происходящим из ближайших окрестностей дворца, в том числе из района «агоры» и «квартала М» (само существование «старого дворца» держится, как это признает теперь Ван Эффантер, на «сравнительно незначительных точках опоры»). 2. С точки зрения топографии и архитектурной «агора», «крипта» и «квартал М» образуют единый ансамбль, связанный общей ориентацией по сторонам света, из которого остается исключенным «старый дворец», если предположить, что он имел такую же ориентировку, как и «новый». 3. «Квартал М» рядом своих характерных признаков («складские помещения, благородное архитектурное убранство, мастерская резчика печатей, письменные документы, свидетельствующие об оживленной административной деятельности») «в известном смысле то ли превосходит, то ли заменяет дворцовую организацию». Со своей стороны «агора» имеет немало общего с центральным двором в позднейших дворцах, «хотя этим постройкам недостает последовательной внутренней организации дворцов в архитектурном плане». Перед нами снова встает вопрос о хронологическом соотношении двух ансамблей: должны ли мы признать, что дворец был старше или младше, или же, наконец, синхронен противостоящему ему комплексу «агоры» и «квартала М»? Опираясь на «общие и типологические основания», Ван Эффантер дает следующий ответ на этот мучительный для каждого археолога вопрос: «Постройки дворцового характера, составляющие квартал М, к которым мы присоединяем имеющие ту же самую ориентацию крипту, агору и склады (имеются в виду так называемые «южные склады». — Ю. А.), логически соответствуют состоянию, предшествующему первому дворцу Маллии. Необходимо также учитывать, что дворцовая система прошла в своем развитии два этапа, а это придает некоторую силу старой теории Эванса о первоначальных инсулах дворца Мипоса. . .». За этим, в общем, вполне логичным заключением следует, однако, несколько неожиданная и обескураживающая концовка доклада. Как указывает Хиллер, Ван Эффантер

решил «из соображений благоразумия (aus einsichtigen Gründen) признать одновременное существование уже упомянутого протодворцового комплекса и также «старого дворца». Этот вывод завершается такой сентенцией: «Важно то, что мийской общество выработало не одну систему организации (которая была бы известной нам подлинной дворцовой системой), но целых две».

В этих сбивчивых и противоречивых суждениях нетрудно угадать упорное нежелание французского археолога расстаться с его любимой идеей о двух центрах общественной жизни Маллии, которую он теперь пытается как-то приспособить к тому явно неожиданному для него повороту событий, который был создан открытием «квартала М». Если попытаться примирить два в общем взаимоисключающих тезиса в докладе Ван Эффантера: 1) «агора» и «квартал М» образуют единый ансамбль, логически (и, видимо, также типологически) предшествующий первому дворцу Маллии, и 2) оба эти архитектурных комплекса существовали одновременно, очевидно, в течение СМІ-II периодов, то необходимо будет признать, что первый из этих двух комплексов должен был возникнуть еще в раннемийскую эпоху. Если чисто логически такая догадка, вероятно, не может считаться абсолютно исключенной, археологически она представляется совершенно беспочвенной, да и сам Ван Эффантер как будто ни о чем подобном не помышляет: ведь это означало бы радикальную передатировку его же собственных открытий (ср.: Cadogan, 1986, p. 166 sq.).

Между тем выход из этого, казалось бы, тупикового положения напрашивается сам собой, если признать, что «старый дворец» Маллии находился совсем не там, где в XVII или XVI в. до н. э. был построен «новый дворец», открытый экспедицией Шапутье и Демария, и что этим «старым дворцом» был, конечно же, «квартал М». Психологический барьер, мешающий Ван Эффантеру, Пурса и некоторым другим археологам решительно и до конца встать на этот путь решения проблемы, совершенно очевиден. Его истоки явно коренятся в старом предвзвешенном, приверженцы которого были убеждены в том, что абсолютно все — как «новые», так и «старые» — дворцы Крита строились по одной и той же принципиальной схеме. Основным стержнем этой схемы всегда оставался вытянутый по оси север—юг центральный двор, на который как бы наращивались одна за другой все составные части дворцового ансамбля. Отсутствие такого двора в «квартале М», очевидно, и есть та главная помеха, которая лишает его права считаться «настоящим дворцом». Но на чем основана уверенность подавляющего большинства авторов, так или иначе касавшихся этой проблемы, в том, что планировка «старых дворцов» почти не отличалась от планировки пришедших им на смену где-то между 1700 и 1600 гг. до н. э. «новых дворцов»? Как было уже сказано, единственной основой этой фактически давно уже изжившей себя концепции остается совершенно произвольная «реконструкция» начальных стадий в развитии дворцового ансамбля в Кноссе, представленная в 1-м томе известной книги А. Эванса. Раскопки итальянских археологов в Фесте практически ничего не дали для обоснования этой концепции, так как здесь не удалось восстановить ни планировку «старого дворца», ни даже его конфигурацию. Первые признаки формирования архитектурного ансамбля дворца в его «классическом» варианте как в Кноссе, так и в Фесте относятся к СМІІ периоду, т. е. ко времени после 1700 г.

Результаты французских раскопок в Маллии могут быть восприняты как прямое доказательство несостоятельности общепринятых представлений о происхождении дворцовой архитектуры на Крите, поскольку вместо стандартного

дворцового здания, сгруппированного вокруг большого центрального двора, мы находим здесь крупный архитектурный комплекс, во многом, несомненно, напоминающий дворец, но с совсем иной, гораздо более хаотичной и примитивной планировкой. Эта постройка, датируемая первыми веками II тыс., типологически еще очень близка к большим общинным жилищам эпохи ранней бронзы. В ее архитектуре, так же как и в архитектуре жилых комплексов Миртоса и Вассилики, еще доминирует древний принцип «панизывания» жилых и хозяйственных помещений, благодаря чему все они превращаются в некое подобие огромного пчелиного улья. Вероятно, эта преемственность планировочных решений имела своей основой устойчивые традиции родового общегития, сохранявшие свою силу не только среди массы рядовых земледельцев и ремесленников Крита, но также и в среде формирующейся аристократической элиты минойского общества. Применительно к Маллии начала среднеминойского периода эта мысль находит свое достаточно веское подтверждение в таком любопытном памятнике, как усыпальница Хрисолаккос (расположена на побережье примерно в 0,5 км от центра Маллии) (Démargne, 1945, p. 25 sqq.; Tiré, Van Effenterre, 1966, p. 76 sqq.). В чисто конструктивном плане (она состоит из множества почти стандартных ячеек, рассчитанных, по всей видимости, на индивидуальные захоронения и замкнутых общей прямоугольной оградой) эта постройка представляет собой не что иное, как гипертрофированную форму типичного раннеминойского оссуария, или «дома мертвых», хотя богатство когда-то хранившегося в ней, но большей частью расхищенного сопровождающего инвентаря (само ее название «Хрисолаккос» означает буквально «золотая яма») дает основание некоторым авторам считать ее царской усыпальницей (Schachermeyer, 1964, S. 167; Tiré, Van Effenterre, 1966, 76 sq.). «Квартал М», обитателей которого, по всей видимости, хоронили именно в этом огромном склепе, демонстрирует и в особенностях своей архитектуры, и в собранном во время раскопок археологическом материале, в сущности, ту же самую двойственность, очевидно, являющуюся характерным симптомом переходной эпохи.

Довольно крупные жилые блоки, или, как их иногда называют, «городские виллы», существовали в Маллии и в более позднее время — в СМII—ПМI периодах. Некоторые из этих блоков, как показало их обследование, восходят к эпохе «старых дворцов» и, видимо, могут считаться «сверстниками» «квартала М», как, например, «дом Е», находившийся в 200 м к югу от западной эспланады дворца (Deshayes, Dessenne, 1959, p. 148; Tiré, Van Effenterre, 1966, p. 76). По площади (1400 м²) он не так уж сильно уступает «кварталу М», а своей «расползающейся» хаотичной планировкой, затрудняющей четкое функциональное членение жилого комплекса, во многом его напоминает (ср. рис. 28). В обоих случаях, несмотря на внешние признаки роскоши и богатства, совершенно очевидно «фамильное» сходство этих «вилл» с гораздо более скромными общинными жилищами эпохи ранней бронзы. Вполне возможно, что в начале II тыс. центральная часть Маллии была занята целым «гнездом» таких мегалокомплексов разной величины и вместимости, хотя только один из их числа (скорее всего, это был «квартал М») выполнял функции координационного центра первичной редуцированной системы и, следовательно, может быть назван «протодворцом». Архитектурной доминантой этой пространственной модели поселения была, несомненно, так называемая «агора». В сравнительно молодом и, по-видимому, еще не окрепшем протогосударстве маллиотов эта площадь, созданная на коммунальных началах общим трудом всех составляю-

щих сообщество родовых коллективов, призвана была стать наглядным свидетельством и воплощением их политического единства вопреки, вероятно, все еще очень сильным сепаратистским тенденциям внутри каждого из них. В этом смысле «агора», безусловно, может быть признана политическим центром Маллии, хотя из этого вовсе не следует, что наряду с ней здесь должен был существовать еще какой-то особый религиозный центр поселения. «Агора» вполне могла выполнять обе эти функции, тем более что в жизни минойского общества, как и всех других известных нам обществ эпохи бронзы, они теснейшим образом переплетались между собой, вследствие чего религия постоянно действовала как мощный фактор политической интеграции, а политические замыслы не могли реализоваться, если им не было придано подобающее религиозное оформление. Отсутствие предметов культового характера на самой площади и в окружающих ее постройках, натолкнувшее Ван Эффантера на мысль о том, что здесь занимались политикой в чистом виде и ничем иным, на наш взгляд, не может иметь решающего значения. Напомним для сравнения, что даже и во дворце Маллии, который Ван Эффантер без колебаний признает крупным религиозным центром, было найдено лишь весьма незначительное количество предметов культового реквизита (Rutkowski, 1972, p. 222 ff.), а на открытых местах — на территории центрального и западного дворов — их и вовсе не удалось обнаружить, хотя, по мнению большинства специалистов, именно здесь разыгрывались важнейшие церемонии, входившие в программу минойских религиозных празднеств. Нельзя не учитывать также и того немаловажного обстоятельства, что первоначальная конструкция «агоры» и примыкающих к ней построек нам практически неизвестна. Мы не знаем, например, чем была занята ее западная сторона, где не сохранилось почти никаких следов ограды из ортостатов. Может быть, здесь первоначально находилось какое-нибудь сооружение типа фестской «театральной лестницы», сообщавшееся на юге с «изогнутым портиком» и «криптой». При отсутствии целого ряда важных конструктивных элементов очень трудно составить мнение о подлинном характере и назначении всего этого архитектурного комплекса.

Странно, что в своем упорном стремлении к отождествлению минойского «города» с греческим полисом Ван Эффантер останавливается, можно сказать, на полпути. В принципе с той же легкостью, с которой он объявил открытую им площадь прямым аналогом греческой агоры и, стало быть, преимущественно местом всевозможных политических совещаний, он мог признать ее и обычным городским торжищем (в этом случае крипта, вероятно, должна была бы из подземного булевертия превратиться в заурядный винный погребок вроде того, который существовал, например, на приенской агоре). Между тем хорошо известно, что даже классическая греческая агора отнюдь не была исключительно средоточием «мирских» интересов, местом, где занимались только политикой и торговлей. В Афинах рыночная площадь была четко отграничена от так называемой «открытой площади агоры», где размещались важнейшие государственные учреждения, стояли алтари и храмы целого ряда богов, устраивались торжественные религиозные церемонии и процессии (Martin, 1951, p. 281). В древнейший период греческой истории религиозные функции агоры были выражены, по мнению такого авторитетного исследователя, как Р. Мартэн, еще более определенно (Martin, 1951, p. 39; 1974, p. 267 sq.). Тем более вероятным представляется нам преимущественно ритуальное использование «главной площади» Маллии, отделенной от наиболее ранних образцов,

греческой агоры более чем тысячелетним промежутком. Конечно, сейчас невозможно с уверенностью сказать, какого рода обряды и церемонии устраивались на этой обнесенной стеной площадке. Это могла быть и минойская тавромахия в ее древнейшем варианте, и другие ритуальные игры, танцы и песнопения. Еще более загадочным остается назначение «гипостильной крипты», вне всякого сомнения, тесно связанной с «агорой». Вполне возможно, что здесь действительно устраивались пиришества (пристроенные к стенам «банкетки», обломки кубков и чаш как будто и в самом деле падают на такую мысль). Но какого рода? «Политическая» гипотеза Ван Эффантера и здесь представляется нам отнюдь не самым лучшим и тем более не единственно возможным объяснением. Во всяком случае непонятная склонность старейшин Маллии устраивать свои заседания в каком-то подобии бункера или бомбоубежища при искусственном освещении сама нуждается в каком-то объяснении.

С другой стороны, уже давно известно удивительное пристрастие минойцев ко всевозможным подземным или надземным, но обязательно изолированным и не освещаемым помещениям. Их формы и размеры могли сильно различаться между собой (достаточно сравнить хотя бы огромный кносский гипогей с так называемыми «криптами» в богатых домах того же Кносса и других критских поселений), хотя их связь с обрядовой практикой минойцев не вызывает особых сомнений (Evans, 1901, p. 91 ff.; Nilsson, 1950, p. 236 ff.; Platon, 1954; Graham, 1972, p. 137 ff.; ср.: Rutkowski, 1972, p. 73 ff.). В самой Маллии помимо гипостильной крипты известны и другие подземные помещения (ср.: Amouretti, 1970, p. 87). Некоторые из них достигали весьма значительных размеров. Такова, например, группа так называемых «складов» в западном крыле «квартала М». Их общая площадь составляет 12×15 м. Они были заглублены в землю до 2 м и, видимо, так же как и залы «крипты», первоначально оштукатурены (Hiller, 1977, S. 131). Вполне вероятно, что аналогичные подземные залы существовали и на территории дворца Маллии, может быть, еще до того, как он был полностью построен. Один из них, площадью 7.2×7.35 м, входил в группу помещений, открытых под полом квартала III — там же, где были найдены уже упоминавшиеся парадные мечи (Pelon, 1982a, p. 168).

Как основной церемониальный центр Маллии и архитектурная доминанта всего этого поселения ансамбль «агоры» может расцениваться как близкий аналог более или менее синхронного с ним «западного двора» в Фесте, хотя вместе с тем между ними существовали и некоторые важные различия. В отличие от «западного двора» «агора» не была так тесно связана с находившимся на некотором удалении от нее протодворцом, если признать, что этим зданием действительно был «квартал М», и не составляла вместе с ним единого архитектурного ансамбля. Возможно, в этом обстоятельстве следует видеть косвенное указание на то, что в политическом устройстве ранней Маллии были еще достаточно сильны элементы примитивного республиканизма или первобытной демократии.

Кроме Кносса, Феста и Маллии нам известно еще свыше десятка критских поселений, в которых в ходе раскопок были выявлены строительные остатки СМ I—СМ II периодов. В их число входят Като Закро, Гурния, Палекастро, Псира, Василики на востоке Крита, Коммос, Апасокари, Монастираки, Калатиана, Праса и некоторые другие в центральной части острова. Однако практически во всех этих местах фрагменты жилой застройки, дошедшие до первых веков II тыс., настолько скудны, что пытаться воссоздать на их основе наи-

более характерные черты их внешнего облика и планировки было бы по меньшей мере нереалистично. По причине крайней ограниченности имеющегося археологического материала до сих пор остается открытым вопрос о расположении да и самом существовании «старого дворца» Като Закро (Platon, 1971, p. 236; Hiller, 1977, S. 140 f.). До сих пор не удалось определить, каковы были размеры и структура среднеминойских поселений в Гурнии, Коммосе, Василики, Калатиане и др. (ср.: Branigan, 1970a, p. 63; Sinos, 1971, S. 45; Soles, 1979, p. 151 ff.; Shaw, 1982, p. 166 ff.). Ясно, что сейчас еще рано говорить о том месте, которое могли занимать эти поселения в общей типологической шкале эгейского урбанизма.

Тем не менее в литературе нередко приходится встречать весьма оптимистические оценки критской урбанизации начала эпохи средней и поздней бронзы, явно опережающие реальный ход ее археологического изучения. Так, Р. Хатчинсон писал в 1962 г. о том, что «городская революция» на Крите в период «старых дворцов» «развивалась с поразительной быстротой» (Hutchinson, 1962, p. 161). Также и Брэнниген прямо связывал зарождение дворцовой цивилизации на Крите с появлением первых городов. «Городская жизнь, — писал он, — была теперь, конечно, хорошо установлена на Крите. Помимо дворцовых центров такие поселения, как Василики и Псира, были теперь процветающими городами (towns) скорее, чем деревнями» (Branigan, 1970a, p. 59). Он говорит (ibid., p. 120) о превращении раннеминойских деревень в города, а этих последних — в «города-государства (city-states) дворцовой эпохи». Сообразно с этим Брэнниген делит все население Крита в начале среднеминойского периода на три основные категории: горожане (towns-men), поселяне (villagers) и обитатели дворцов (ibid., p. 122). В другой своей работе, специально посвященной проблеме минойской урбанизации, Брэнниген выделяет два основных признака, которые, по его мнению, могут свидетельствовать о превращении критских поселений эпохи ранней бронзы в «настоящие города» (Branigan, 1972, p. 752).¹⁸ Это, во-первых, прокладка сети дорог, связывающих между собой разные части поселения, и, во-вторых, увеличение размеров самих поселений и соответственно занимающих их общин. Эти факты, несомненно, заслуживают внимания, так как, основываясь на них, можно сделать вывод об определенных сдвигах прогрессивного характера в эволюции критских поселений. Однако сами по себе эти сдвиги еще недостаточны для того, чтобы говорить о вступлении критского общества в фазу «городской революции». И прокладка дорог, и увеличение территории, занимаемой отдельными поселениями, еще не означают, что эти поселения уже превратились из деревень в настоящие города. Просто один тип земледельческого поселения мог уступить место другому, более организованному.

Говоря о специфике минойской урбанизации в начале эпохи средней и поздней бронзы, нельзя не считаться с тем, что она была, в сущности, лишь частью более широкого и сложного процесса социально-экономического развития критского общества. Несмотря на определенные сдвиги и изменения прогрессивного характера в металлургии, гончарном производстве, строительном деле, внешней торговле и мореплавании и т. д., которыми ознаменовался

¹⁸ О «подлинных городах» на Крите уже в начале эпохи средней и поздней бронзы говорят также и некоторые другие авторы (см.: Hutchinson, 1962, p. 161; Majewski, 1963, S. 29; Press, 1972, S. 59; Marinatos, 1973a, S. 30 ff.; Kolb, 1984, S. 51 f.). Ср. более осторожные суждения по этому вопросу: Hammond, 1972, p. 131 ff.

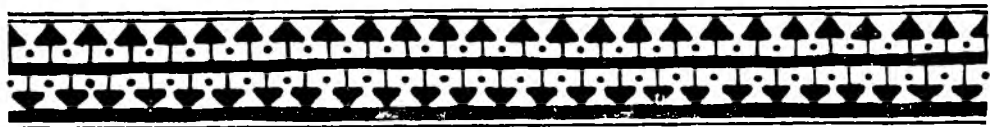
рубеж III—II тыс. до н. э., процесс этот шел в целом крайне замедленными темпами. Концепция внезапного зарождения дворцовых комплексов уже в самом начале среднеминойского периода подталкивает многих исследователей к мысли о столь же мгновенной трансформации всей минойской социальной системы и переходе ее на стадию зрелого классового общества и государства, которые в дальнейшем уже без особых изменений продолжали существовать вплоть до эпохи «новых дворцов». Уже а priori такое решение проблемы представляется нам в высшей степени неправдоподобным. Трудно допустить, чтобы критское общество эпохи ранней бронзы, судя по всему тому, что мы о нем знаем, основанное еще всецело на принципах первобытного эгалитаризма, могло в столь короткий исторический срок (каких-нибудь два или три столетия) и без каких-либо надежно засвидетельствованных в источниках промежуточных этапов трансформироваться в социальную структуру, наделенную всеми признаками вполне сложившегося классового общества. Общая археологическая картина начальных этапов среднеминойского периода говорит скорее против такого допущения, нежели в его поддержку. Вплоть до конца XVIII в. до н. э., т. е. до начала периода «новых дворцов», критская культура продолжала сохранять во многом еще довольно-таки архаичный облик древнейших земледельческих культур эпохи неолита и ранней бронзы. Это особенно бросается в глаза, если сравнивать ее с синхронными культурами Египта, Анатолии и Сирофиникийского побережья. Основными структурными ячейками минойского общества в этот период, как и в III тыс. до н. э., продолжали оставаться различные формы гентильных объединений — от племени до большой семьи. Об этом свидетельствует длительное выживание обычая коллективных захоронений (Renfrew, 1972, p. 431; Hiller, 1977, S. 95 ff.), так же как и коммунальных жилищ, характерных для предшествующей эпохи. Показательно, что даже самые крупные архитектурные сооружения CM периода, такие как «старый дворец» Феста, «квартал М» в Маллии, гробница Хрисолаккос в Арханесе (близ Кносса), в сущности, представляют собой не что иное, как гипертрофированные формы древних клановых жилищ и усыпальниц. Родовые и большесемейные общины, по всей видимости, могут считаться тем «строительным материалом», из которого в конце III—начале II тыс. до н. э. начали формироваться первые дворцовые государства.

Сам термин «дворцовые государства» оправдан в данном случае в той мере, в которой реальными экономическими, административными и ритуальными центрами этих ранних политических и хозяйственных сообществ могут быть признаны дворцы или, точнее, те их зачаточные примитивные формы (протодворцы), о которых мы можем сейчас судить лишь по двум крупным жилым комплексам, открытым в Фесте и Маллии. Сохраняя в самих своих архитектурных формах и внутренней планировке некоторые существенные черты коммунальных жилищ эпохи ранней бронзы, протодворцы функционально во многом уже превосходили пришедшие им на смену «новые дворцы». Так же как и эти последние, они были прежде всего организационными и координационными центрами, вокруг которых интегрировались сложные хозяйственные системы, включающие десятки земледельческих общин и занятых ими поселений. Подобно «новым дворцам» протодворцы Маллии, Феста и, вероятно, также Кносса являлись местами концентрации прибавочного продукта и квали-

фицированной рабочей силы (в основном ремесленников) и в то же время служили жилищами для правящей аристократической элиты.

Поселение, образующее непосредственное окружение протодворца, или, если можно так выразиться, ту «питательную среду», в которой рос и формировался этот своеобразный социальный организм, несомненно, может быть названо «протогородом», тем более что в какой-то степени оно также выполняло функции интегрирующего и организующего центра в той иерархии общин, которая представляла собой структурную основу минойского протогосударства. Кроме здания протодворца, важнейшим морфологическим признаком раннего протогорода может считаться комплекс ритуальных сооружений, иногда непосредственно связанный с протодворцом, иногда удаленный от него на некоторое расстояние. В обоих известных нам случаях (западный двор «старого дворца» в Фесте и «агора» в Маллии) весь этот комплекс сгруппирован вокруг обнесенной оградой площадки, вероятно, использовавшейся как место для устройства ритуальных танцев, минойской тавромахнии и других культовых церемоний. В связи с этим стоит заметить, что в начале II тыс. до н. э. огражденные ритуальные площадки уже не были абсолютно новым явлением в архитектуре Крита. Уже в эпоху ранней бронзы такие площадки, хотя, конечно, сильно уступающие по своим размерам той же «агоре» Маллии или «западному двору» Феста, устраивались в некоторых толсных некрополях на равнине Месара. Согласно предположениям Брэнигена, они предназначались в основном для ритуальных танцев, посвященных «змеиной богине», и в этом плане могут расцениваться как форма, предшествующая более поздним дворцовым дворам, использовавшимся преимущественно для тех же самых целей (Branigan, 1970a, p. 123; 1970b, p. 132). Нам думается, однако, что в этой эволюционной цепи культовых сооружений могло быть и еще одно промежуточное звено, которое ускользнуло от внимания английского археолога. Мы имеем в виду ритуальный комплекс, не связанный прямо и непосредственно с дворцом и в то же время, несомненно составляющий интегральную часть поселения, к тому же в значительной мере определяющий его структуру. Примером такого комплекса может служить все та же «агора» Маллии. Заметим также, что сам факт переноса главного центра ритуальной деятельности с кладбища на «городскую» площадь, или из «мира мертвых» в «мир живых», нуждается в каком-то объяснении, так как за ним, вне всякого сомнения, скрываются серьезные перемены не только в религиозном сознании минойцев, но и в их социальной жизни. Скорее всего, здесь следует видеть результат интеграции (своеобразного синойкизма) первоначально разрозненных родовых общин в рамках новой политической общности — протогорода и протогосударства. Создание нового ритуального центра, уже не связанного более с родовыми усыпальницами отдельных общин, в главном поселении всего сообщества было закономерным завершением этого процесса.

Какие поселения входили в состав иерархии, возглавляемой ранним протогородом? Имеющийся в нашем распоряжении археологический материал пока не дает возможности ответить на этот вопрос. Вполне вероятно, что в этой иерархии были представлены и квазигорода, и обычные деревни, и другие типы рядовых земледельческих поселений. Эти «нижние этажи» минойской урбанизации приоткрываются лишь на следующих ее этапах, хронологически совпадающих с периодом расцвета минойского Крита.

ГЛАВА 2

МИНОЙСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ В ПЕРИОД РАСЦВЕТА КРИТСКОЙ КУЛЬТУРЫ (СМIII—ПМII-II ПЕРИОДЫ)

Хронологические рамки периода расцвета критской культуры, или же, как его нередко теперь называют, «периода новых дворцов», устанавливаются лишь с очень большой степенью приближенности. Существуют весьма значительные расхождения между отдельными авторами в определении «ключевых дат» в истории периода, в оценке исторической значимости и продолжительности его основных фаз. Так обстоит дело, в частности, с начальной фазой периода расцвета. Большинство исследователей сейчас считает такой фазой СМIII период в хронологической шкале Эванса или — в абсолютной хронологии — время между 1700 и 1550 (по Эвансу, Маринатосу, Матцу и др.), 1580 (по Пендлбери, Милойчичу, Шахермайру), 1600 гг. до н. э. (по Платону), хотя Д. Леви начинает свой *late-palatial period* только с 1550 г. (Levi, 1964, p. 14; Schachermeyr, 1964, S. 46). В представлении некоторых авторов СМIII период был своего рода «мертвой полосой» в истории Крита. Так, Сп. Маринатос (Marinatos, 1973a, S. 34) определяет время между 1700—1600/1580 гг. до н. э. как «eine monumentale Zwischenperiode», в течение которого не было создано ни одной сколько-нибудь значительной постройки, «если не считать более или менее гипотетических частей Кносского дворца». Далее тот же автор пишет: «Установление точной даты восстановления отдельных дворцов все еще сопряжено с величайшими трудностями. Во всяком случае после 1600 г. четыре новых дворца были вновь отстроены на тех же местах частично с использованием старых руин и затем оставались в этом состоянии, пожалуй, вплоть до второго и теперь уже окончательного разрушения». В противовес этой концепции Шахермайр (Schachermeyr, 1964, S. 84) определяет СМIII период как «Hochblüte zwischen Katastrophen» и приводит ряд фактов, свидетельствующих о достаточно интенсивной строительной деятельности как в самих дворцовых центрах, так и за их пределами, а также об общем прогрессе минойской культуры и искусства, которые приходится как раз на это время. Также и некоторые другие авторы считают, что восстановление и перестройка дворцов начались почти сразу же вслед за постигшей их катастрофой, т. е. после 1700 г. (Platon, 1966, p. 159; Hood, 1971, p. 52). Тем не менее ситуация остается неясной. Неизвестно точное число катастроф, обрушившихся на Крит в промежутке между 1700 и 1600 гг. Одни исследователи насчитывают три таких

катастрофы, другие — только две. По всей видимости, невозможно установить и более или менее точные даты постройки четырех «новых дворцов», а также определить продолжительность разрыва, отделяющего эти сооружения от их предшественников (см. об этом ниже). Ввиду этого объединение СМIII и ПМI-II периодов в «эпоху новых дворцов», продолжавшуюся около трех столетий (с 1700 по 1400 г. до н. э.), видимо, нельзя расценивать иначе, как общепринятую условность. Хронологический отрезок, который можно было бы считать периодом собственно дворцовой цивилизации, судя по некоторым признакам, был далеко не столь продолжителен. В общей сложности он едва ли составлял более двухсот или даже ста пятидесяти лет. Тем не менее взятая как некое историческое целое «эпоха новых дворцов» соответствует, за исключением своего завершающего фазиса (ПМII периода), отмеченного всеми признаками упадка, более или менее непрерывной полосе прогрессирующего развития минойской культуры. Об этом свидетельствуют в первую очередь ясно выраженные тенденции экономического и демографического роста. О последней тенденции следует сказать особо.

По подсчетам Ренфрю (Renfrew, 1972, p. 232), общее число поселений на территории Крита составляет для всего периода поздней бронзы в расчете на 1 тыс. км² 35.7 против 23.2 для периода средней бронзы и 13.6 для периода ранней бронзы. Всего в этот период на Крите насчитывается 284 поселения, а общая численность населения определяется цифрой в 256 тыс. человек против 75 тыс. в период ранней бронзы. Плотность населения на 1 км² для трех основных фаз в истории эпохи бронзы составляет соответственно 9.18; 26.1; 31.3 человек. У нас нет твердой уверенности в том, что эти подсчеты американского исследователя в полной мере отвечают действительному положению вещей на острове, так как фактическая основа, на которой они построены, слишком ненадежна. Тем не менее в них можно видеть хотя бы приблизительное отражение динамики роста населения Крита в общих хронологических рамках эпохи бронзы. Косвенным подтверждением этих догадок служит так называемая «минойская колонизация» на островах Эгейского моря (Мелос, Фера, Кеос, Родос, Кифера), на побережье Малой Азии (Милет) и, может быть, также Балканской Греции (Hood, 1971, p. 52; Branigan, 1981; Doumas, 1982), хотя характер и масштабы этой экспансии остаются для нас во многом неясными.

В это же время в некоторых районах Крита исчезают ранее существовавшие здесь поселения, что может объясняться либо перемещением части населения в другие районы, либо его концентрацией в пределах тех же районов в немногих, но крупных населенных пунктах. Так, в частности, истолковывается в некоторых работах факт заброшенности большинства толосных могил района Месары при отсутствии в тех же местах видимых следов каких-либо других некрополей. Как думает Шахермайр (Schachermeyr, 1964, S. 51), жители поселений, которым принадлежали эти могилы, то ли принудительно, то ли по доброй воле были переселены в Фест — главный минойский центр всего этого района. Объяснение это кажется довольно заманчивым, хотя вряд ли его можно признать единственно возможным.

Минойские поселения периода расцвета поражают своим многообразием. Их конкретные формы, планировка, размеры и внутренняя структура, очевидно, зависели в каждом отдельном случае от весьма сложного взаимодействия целого комплекса объективных факторов географического, демографического, социально-экономического и иного характера. Определить долю каждого

из этих факторов в общем балансе взаимодействующих сил в подавляющем большинстве случаев не представляется возможным. Отсюда крайняя произвольность, а нередко и противоречивость в оценках одних и тех же поселений в современной научной литературе.

Наиболее обстоятельную классификацию критских поселений периода «новых дворцов» предлагает в одной из своих статей греческий археолог А. Зоис (Zois, 1982b, S. 207). Все известные ему поселения этого времени он делит на следующие пять типов, добавляя к ним в качестве шестого постройки культового или какого-либо иного характера и некрополи: 1) «большие дворцовые города, т. е. города с дворцом или правительственным зданием, которое ясно отличается от других построек своей величиной и устройством и явно представляет собой подлинное ядро и центр тяжести городской системы»; 2) «малые дворцовые города, т. е. небольшие города, которые имеют тот же общий вид, что и предыдущие, но в значительно меньших масштабах»; 3) «независимые крупные города, т. е. города, занимающие довольно значительную территорию, в которых, однако, по всей видимости, отсутствует ясно различимое здание особой важности, т. е. дворец или правительственная резиденция»; 4) «малые города и поселения, также без ясно выраженного правительственного здания»; 5) «сельские усадьбы, т. е. одиночные постройки в сельской местности, которые, очевидно, были малыми или большими сельскохозяйственными центрами». Вероятно, конкретные примеры поселений, которыми Зоис иллюстрирует каждый из пяти постулируемых им типов, представляются ему самому далеко не бесспорными. Поэтому он находит нужным завершить свой перечень следующей оговоркой: «Следует заметить, что многие из вышеупомянутых мест могут быть причислены к одному из шести типов лишь в предварительном порядке. Так, например, вполне возможно, что некоторые из построек, обозначенных выше как „сельские усадьбы“, при дальнейшем исследовании могут оказаться частями поселений».

Предварительный, эскизный характер схемы Зоиса обусловлен уже одним тем, что в своем подавляющем большинстве перечисляемые им населенные пункты в настоящее время обследованы далеко не полностью. Об очень многих из них приходится судить лишь по незначительным фрагментам их первоначальной застройки, нередко всего по одной-двум постройкам. Отсюда и проистекает та размытость граней между одиночными строениями типа так называемых «вилл» или «усадьб» и случайно открытыми блоками «городских» домов, о которой говорит Зоис. Впрочем, и планировка, и подлинные размеры не только малых, но даже и самых крупных поселений минойского Крита, таких, как Кносс или Фест, известны нам очень плохо. Неудивительно, что многие из выдвигаемых Зоисом идентификаций вызывают желание спорить. Так, поселение в Аяя Триаде попадает по его раскладке в разряд «малых дворцовых городов» вместе с Гурнией, Миртосом-Пиргосом, Ниру-Хани и некоторыми другими поселениями, несмотря на то что дворец Аяя Триады (обычно неправильно именуемый «царской виллой») и по размерам, и по величелипию своего архитектурного оформления стоит гораздо ближе к большим дворцам Кносса, Феста и Маллии, чем к скромным «городским виллам» Гурнии или Пиргоса. В то же время в группу «больших дворцовых городов» включены практически еще совсем не изученные поселения в Канли Каstellи и Ханиа Каstellи (западный Крит).

Нам кажется, что в этой ситуации было бы благоразумнее воздержаться от попыток создания некоей всеохватывающей типологии критских поселений, в которой были бы учтены абсолютно все зафиксированные в настоящий момент археологически населенные нукты минойской эпохи, а также и от стремления к чрезмерной типологической детализации. Поэтому предлагаемая нами принципиальная схема, в соответствии с которой будет вестись изложение в настоящей главе, значительно проще, чем схема Зонса.¹ Она включает всего лишь три пункта: 1) дворцовые центры; 2) периферийные, или рядовые, поселения (предполагается, что они образовывали периферию дворцовых центров в составе основных административных округов Критского государства); 3) сельские виллы. При характеристике каждого из этих трех типов мы используем лишь некоторые выборочно взятые примеры поселений, считаясь прежде всего со степенью их археологической изученности. Поселения, недостаточно изученные, точная идентификация которых в силу этого сейчас крайне затруднена, остаются за пределами настоящего обзора.

ДВОРЦОВЫЕ ЦЕНТРЫ

Дворцы были главными узловыми точками во всей социально-экономической и идеологической системе минойского общества. Однако их происхождение, даже если оставить в стороне уже подробно обсуждавшуюся выше проблему «старых дворцов», все еще вырисовывается крайне неясно. Именно с этим обстоятельством в значительной мере связаны те трудности в установлении верхней хронологической границы периода расцвета, о которых мы только что говорили. И в Кноссе, и в Фесте «новые дворцы» по крайней мере по одному разу подвергались разрушениям и перестраивались, причем основная часть первоначальной застройки была скрыта под более поздними конструкциями и теперь может быть обнаружена лишь посредством глубокого зондирования строительных горизонтов. Особенно сильно пострадал дворец СМIII периода в Фесте. При перестройке остатки его стен были срыты почти до основания, весь сопровождающий материал исчез (Schachermeyr, 1964, S. 89). Видимо, именно это обстоятельство и побудило Д. Леви начинать историю «нового дворца» с ПМI периода. В Кноссе в результате большой катастрофы (видимо, пожара) в конце того же СМIII периода многие части дворца были практически полностью разрушены и затем отстраивались заново (ibid.). По заверениям французских археологов, судьба третьего критского дворца в Маллии была не столь драматичной. За примерно 200 лет своего существования он ни разу не подвергся ни сколько-нибудь серьезным разрушениям, ни перестройкам. Тем не менее дата его постройки остается также весьма проблематичной. В путеводителе по французским раскопкам на Крите сказано, что он был построен в СМIII—ПМI периоды или же около

¹ Во многом сходную схему предлагает Бинтлиф (Bintliff, 1977, pt I. p. 155), подразделяя минойские поселения на дворцовые центры, «деревни-города» с меньшими административными комплексами и *villae rusticae*, имевшие «статус минойских дворцов или господских домов (*mansions*)». Согласно этой схеме, дворец остается структурным ядром поселения абсолютно во всех случаях, независимо от того, «подчиняет ли дворец окружающую его общину, как в Кноссе, или же он сам подчинен ей, как в Гурнии, или, наконец, он существует совершенно изолированно в сельской местности» (ср.: Hood, Warren, Cadogan, 1964, p. 52; Warren, 1980, p. 140).

1650 г. до н. э. (Tiré, Van Effenterre, 1966, p. 7). Как совместить крайнюю растяжимость первой из этих датировок с довольно значительной точностью второй, авторы путеводителя, к сожалению, не объясняют. В Като Закро зондирования, произведенные в разных местах на территории дворца, обнаружили следы конструкций СМНВ—ПМІА периодов, в которых руководитель раскопок Н. Платон склонен видеть остатки первой строительной фазы «нового дворца» (Hiller, 1977, S. 140 f.). Дворец в его теперешнем состоянии был, следовательно, построен уже ближе к концу ПМІ периода.

Сопоставляя сбивчивые и зачастую очень неясные показания археологов, обследовавших отдельные дворцы, мы вслед за Сп. Маринатосом все более склоняемся к мысли, что даже и самые древние из них едва ли могли быть построены задолго до 1600 г. до н. э. (Marinatos, 1973a, s. 33; см. также: Hood, 1978, p. 22). Правда, в этом случае возникает слишком большой (продолжительностью около столетия) временной разрыв между «новыми» и «старыми дворцами», что плохо согласуется с общепринятым представлением об их принципиальной однотипности. Однако, если попробовать отказаться от этой в значительной мере дискредитированной концепции, становится возможной более разумная и упорядоченная логическая организация известных нам немногочисленных фактов. Так, можно предположить, что существовавшие в Кноссе, Фесте, Малли и Като Закро постройки протодворцового типа (мегалокомплексы) после разрушившей их катастрофы около 1700 г. еще несколько раз перестраивались или отстраивались заново в течение СМІІІ периода. Однако от всех этих конструкций, как и от их предшественников более раннего времени (СМІ-ІІ периодов), сохранились лишь незначительные следы (такowymi, видимо, могут считаться «немногие гипотетические части Кносского дворца», по определению Маринатоса; а также базы колонн, поддерживавших портик, который, возможно, окаймлял с запада центральный двор Фестского дворца, хотя датировка его далека от абсолютной точности), поскольку основная их часть была, по всей видимости, уничтожена в процессе сооружения «новых дворцов» на рубеже XVII—XVI вв. или даже после этой даты. Правда, архаические мегалокомплексы, если и не в первоначальной своей форме, то во всяком случае близкой к первоначальной, могли после ряда перестроек и модификаций сохраниться в некоторых других поселениях, расположенных на периферии главных дворцовых центров. К этой категории «несостоявшихся дворцов», вероятно, могут быть причислены такие сооружения, как так называемая «царская вилла» в Айя Триаде и некоторые другие «городские» и «сельские виллы», расположенные в различных частях Крита.

Все же и при таком большом сдвиге во времени, если предположить, что принципиальная схема дворцового ансамбля появилась впервые на Крите не в конце III или начале II тыс. до н. э., как думает сейчас большинство авторов, так или иначе касавшихся этой проблемы, а примерно четырьмя столетиями позже, сам характер ее генезиса остается для нас во многом загадочным. Можно допустить, что она постепенно отрабатывалась и совершенствовалась в течение все того же СМІІІ периода в каком-нибудь одном из будущих дворцовых центров или же в нескольких сразу. Но никаких следов такого постепенного развития однажды удачно найденной идеи мы нигде не обнаруживаем. Возможно, более близок к истине Дж. Грэхем (Graham, 1972, p. 229 ff.), полагающий, что план дворцового ансамбля уже в более или менее готовом виде впервые возник в мозгу «некоего критского Дедала», который играл при дворе

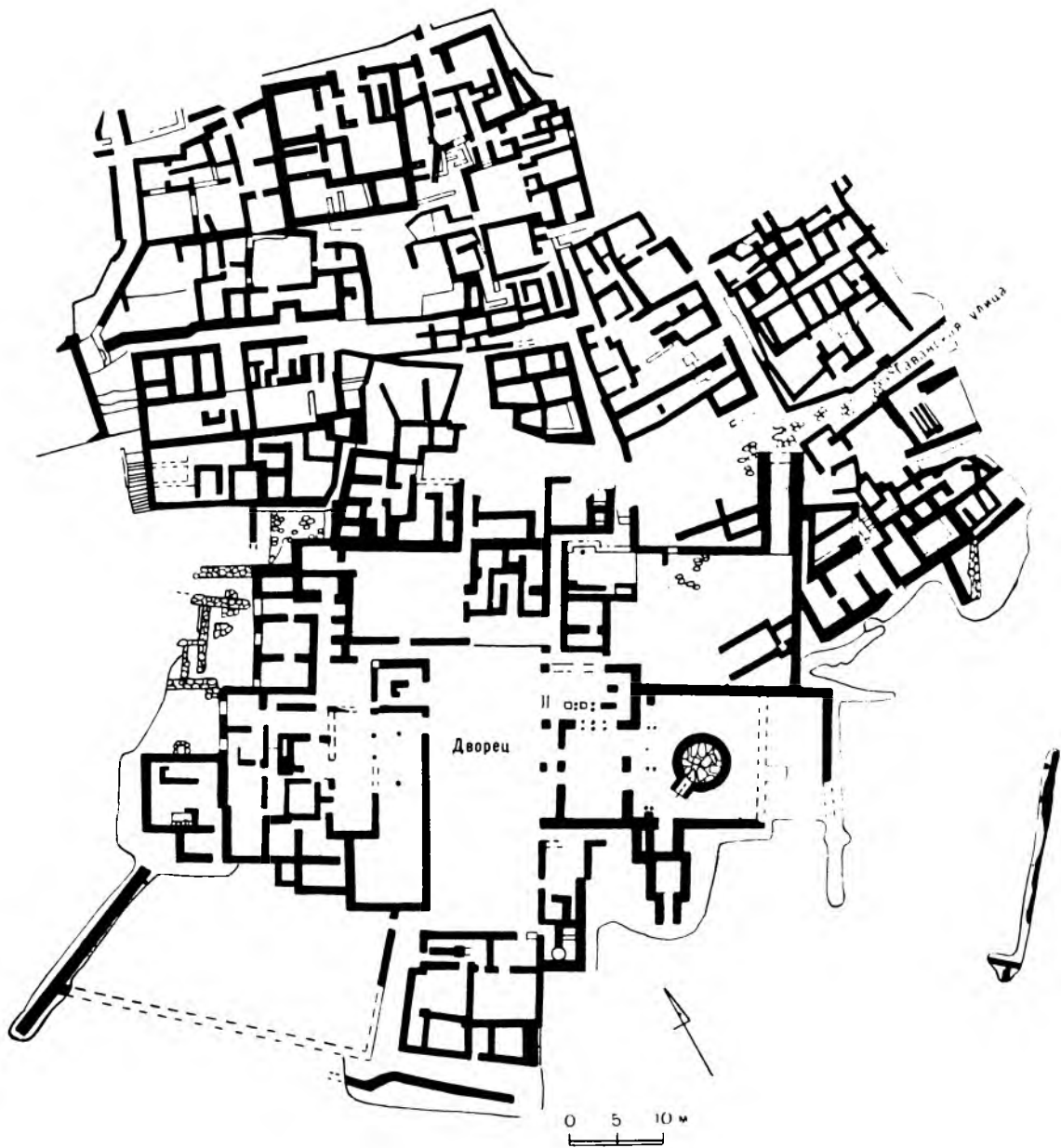

Рис. 16. Дворец и «городские» кварталы в Като Закро.

Миноса примерно ту же роль, что и великий зодчий Имхотеп при дворе фараона Джосера. Скорее всего, это произошло в Кноссе, где был создан самый большой и самый сложный из всех известных нам архитектурных комплексов этого рода. Поразительное единообразие принципиальной схемы всех четырех дворцов при довольно большой вариативности в размещении и устройстве отдельных частей здания, их одинаковая ориентация по сторонам света, использование в их планировке одних и тех же строительных модулей (так называемого «миноского фута») — все эти факты в их совокупности заставляют думать, что возникновение дворцовых ансамблей было результатом реализации широкой строительной программы, направляемой из одного центра, которым, по всей видимости, был все тот же Кносс (*ibid.*, p. 224 ff., 236).

Подтверждением этой догадки служат недавние открытия в Маллии и Като Закро. В обоих этих поселениях наблюдается явное несоответствие ориентации дворцового комплекса и подступающих к нему с севера «городских кварталов» (рис. 14, 16). В результате создается впечатление, что как в том, так и в другом случае дворец был насильственно «втиснут» в уже сложившийся ранее план поселения как некое инородное, органически чуждое данной архитектурной и социальной среде тело. Совершенно иную архитектурно-пространственную модель воплощает планировка маленькой Гурнии, к которой мы еще специально вернемся в дальнейшем. Ее небольшой дворец, конструктивно заметно отличающийся от четырех главных критских дворцов, был гармонично «вписан» в общий план поселения, составляя, судя по всем признакам, его важную неотъемлемую часть. Таким образом, есть все основания полагать, что из четырех известных нам сейчас дворцов по крайней мере два — дворцы Като Закро и Маллии — были сознательно смоделированы как уменьшенные копии большого Кносского дворца и внедрены прямо в центр двух крупных поселений, скорее всего, на место существовавших здесь ранее мегалокомплексов или жилищ местной знати, возможно, снесенных перед самой постройкой дворцов. Столь радикальное перекраивание исторически сложившейся планировки целых поселений, естественно, могло быть осуществлено только в условиях централизованного государства, управляемого достаточно сильной властью монархического или, может быть, олигархического типа. По всей видимости, ко времени постройки дворцов в Маллии и Като Закро такое государство уже сложилось на Крите и, вероятно, охватывало весь или по крайней мере большую часть острова.²

Достаточно ясно выраженная однотипность планировки четырех дворцовых комплексов, более или менее строго соблюдаемая идентичность основных ее элементов могут указывать на их близость друг другу также и в функциональном отношении. Грубо упрощая существо этой сложной проблемы, можно было бы, как это обычно и делается, квалифицировать Кносский дворец как резиденцию верховного правителя Крита — царя Миноса или, может быть, целой династии Миносов, если следовать позднейшей мифологической традиции, дворцы же Феста, Маллии и Като Закро — соответственно как резиденции местных правителей, наместников и вассалов верховного владыки Крита, возможно, принадлежавших к тому же царскому роду, что и он сам (Schacher-

² Полное отсутствие укреплений в критских дворцах и поселениях обычно воспринимается как косвенное указание на политическое единство острова (ср.: Platon, 1966, p. 158, 171 sq.; Hood, 1971, p. 116; Graham, 1972, p. 19 f.).

meyr, 1964, S. 119, 129). Однако одним только этим назначение дворцов, конечно, не исчерпывалось. В последнее время завоевывает все больше сторонников представление о полифункциональном характере дворцовых комплексов. Такого мнения придерживается, например, Дж. Грэхем (Graham, 1972, p. 235), который следующим образом объясняет чрезмерную сложность дворцовой планировки, представляющейся многим случайной и хаотичной: «Мы должны помнить, что эти дворцы служили множеству целей (одновременно). Они были не просто резиденцией суверена. Они были складами для царских богатств; факториями для производства высококачественных изделий, используемых царем; святилищами, где поклонялись богам, под опекой которых находился царь; административными учреждениями, где хранились государственные документы и протекала ежедневная рутинная работа управления, возможно, также судебными палатами, где монарх вершил суд над своими подданными. В дополнение (ко всему этому) они должны были выражать могущество и достоинство царя и содержать средства для достойного приема и угощения важных посетителей, как отечественных, так и зарубежных» (см. также: Schachermeyr, 1964, S. 118 ff., 222 ff.; Davaras, 1976, p. 241; Willetts, 1977, p. 67 ff.; Cadogan, 1986, p. 169; ср.: Faure, 1973, p. 188, 200 sqq.).

Можно предполагать, что эта характеристика в целом довольно верно передает истинное положение вещей, хотя нельзя не заметить, что акценты в ней все же сильно смещены в сторону традиционного восприятия дворца как частной резиденции царя. Однако даже если признать вместе с Грэхемом и другими авторами, в принципе разделяющими его точку зрения, что функции, выполняемые дворцом в жизни минойского общества, были действительно столь многообразны, если не сказать «универсальны», мы все равно не можем обойти стороной неизбежно возникающий в этой связи вопрос: что же все-таки следует считать первичным, основным ядром этого сложного комплекса разнородных функций? Учитывая ту чрезвычайно важную роль, которую обычно играет в процессе становления первичных цивилизаций того же типа, что и минойская, религия, которая выступает здесь в качестве интегрирующего и консолидирующего фактора (Bintliff, 1977, pt I, p. 148 ff.), а также типичное для таких цивилизаций совмещение светской и духовной власти в руках одних и тех же лиц, мы уже а priori должны были бы признать, что критские дворцы были в первую очередь своеобразными ритуальными комплексами, а уж вслед за этим крупными хозяйственными и административными (политическими) центрами. В пользу этой гипотезы говорит ряд соображений общего порядка. Укажем на некоторые из них.

Как известно, на Крите до сих пор не удалось найти никаких монументальных сооружений культового характера.³ Между тем это довольно странно, если учесть широкое распространение построек такого рода в ближайших к Криту районах Восточного Средиземноморья (Малая Азия, Сирия, Египет), а отчасти также и западного (Мальта) (Matz, 1962, p. 110). Сопоставления такого рода невольно наводят на мысль, что именно дворцы и заменяли в ми-

³ Почти все известные сейчас минойские святилища, как публичного, так и частного (домашнего) характера, отличаются очень скромными размерами (Rutkowski, 1972, passim; Hood, 1977, p. 158 ff.). Монументальное святилище на горе Юктас (к югу от Кносса) может считаться скорее исключением из общего правила (Davaras, 1976, p. 159 f.; Hiller, 1977, S. 170 f.).

нойской архитектуре практически отсутствующие храмы.⁴ С другой стороны, можно вспомнить, что именно храмы первоначально были во многих районах Передней и Юго-Восточной Азии, а также Мезоамерики главным средоточием как духовной, так и светской власти, практически предвосхищая почти все основные функции появившихся позднее дворцов. Так, очевидно, можно объяснить принципиальную однотипность дворцовой и храмовой архитектуры, не столь уж редкие случаи совмещения признаков постройки того и другого рода в одном архитектурном комплексе, наконец, ярко выраженные (даже и в сравнительно позднее время) сакральные функции дворцов, что и позволяет считать их особой разновидностью святилищ (Naumann, 1971, S. 389, 403, 405, 451; Оппенгейм, 1980, с. 131, 133). Важно принять во внимание также еще и то, что дворцы вообще едва ли могли бы быть построены, если бы их строители (а скорее всего, это были простые земледельцы и ремесленники, созданные из окрестных поселений) не воодушевлялись мыслью о том, что они строят дом для своего верховного божества. Всякое иное объяснение появления столь значительных архитектурных сооружений в обществе, еще далеко не порвавшим с традициями первобытнообщинного строя, представляется малоубедительным (Willetts, 1977, p. 69; ср.: Васильев, 1983, с. 46).

Косвенное указание на преимущественно сакральную природу дворцовых ансамблей можно видеть в самом их местоположении. Этот важный аспект проблемы был обстоятельно разработан американским историком архитектуры В. Скалли (Scully, 1963, p. 11 ff.). Путем внимательного изучения ландшафтов Кносса, Феста, Маллии и Гурнии он пришел к заключению, что выбор места для постройки дворца, а также его ориентация по сторонам света обычно определялись следующими двумя моментами. 1. Дворец, как правило, располагается в замкнутой со всех сторон долине, размеры которой могут быть различными, но конфигурация (вытянутый в длину прямоугольник) остается всегда одной и той же. Скалли называет этот тип ландшафта «естественным мегароном». 2. На осевой линии дворца к северу или к югу от него обычно можно видеть округлый или конический холм, а на некотором расстоянии от него на той же самой линии — гору с раздвоенной вершиной. Как считает Скалли, в понимании самих минойцев, все эти детали ландшафта были наполнены глубокой религиозной символикой и воспринимались ими как неоспоримое свидетельство присутствия самой великой богини — «матери-земли», в зоне которой и располагался дворец. Архитектура дворца должна была мыслиться в этом случае всего лишь как искусственное дополнение к тем естественным архитектурно-скульптурным формам, которые были созданы вокруг него самой природой. Как памятник синтетического сакрального искусства минойский дворец может быть понят лишь в тесной связи с ландшафтной архитектурой. Основное назначение дворца, по мысли Скалли, заключалось в том, чтобы служить постоянно меняющейся сценой и декорациями для сложного

⁴ Уже Эванс квалифицировал Кноссский дворец как святилище *par excellence*. Как жилище «царя-жреца» (*priest-king*), непосредственно связанного с великой минойской богиней в качестве живого воплощения ее consorta и сына в одно и то же время, он и не мог быть ничем иным, как совместным храмом этой божественной пары (Evans, 1921—1936. *passim*). Эта концепция в различных ее модификациях неоднократно воспроизводилась в литературе, дожив вплоть до нашего времени (см.: Matz, 1962, p. 110 f.; Willetts, 1962, p. 82 ff.; 1977, p. 68 f.; Van Effenterre, 1963, p. 42; 1970, p. 24 sq.; Schachermeyr, 1964, S. 125, 162; Platon, 1970, S. 172 ff.; Bintliff, 1977, pt I, p. 157; Pelon, 1984, p. 62; ср.: Nilsson, 1950, p. 189, 416; Faure, 1973, p. 188 sq., 199, 269; Christopoulos, 1974, p. 169; Waterhouse, 1974, p. 153 f.).

ритуального действия, разыгрывавшегося в его дворах, коридорах, внутренних покоях. Само это действие, в котором американский исследователь видит усложненную модификацию древних пещерных обрядов эпохи палеолита, было тесно связано с идеей лабиринта и включало в себя длительное движение процессии адорантов по бесконечным коридорам дворца, постоянные переходы из тьмы на свет и обратно, всевозможные испытания, которым подвергались участники шествия (в их число могли входить, например, «игры с быками», по всей видимости, устраивавшиеся в центральном дворе дворца). Сама планировка дворца, детали его внутреннего убранства как бы отразили в себе и запечатлели на долгое время основные перипетии этой праздничной церемонии или, скорее, целого цикла таких церемоний. Отсюда такие непеременимые элементы дворцовой планировки, как лабиринтообразные переходы, открытый двор, павильон, украшенный колоннами, и крипта с подпорным столбом.

Концепция Скалли включает в себе ряд спорных или неясных моментов, на которых мы сейчас не будем останавливаться. Возможно, религиозные функции минойского дворца выступают в ней в несколько гипертрофированном виде. Однако в ней есть, безусловно, и рациональное зерно, каковым может считаться идея гармонической сбалансированности дворцовой архитектуры с формами окружающего ландшафта, сбалансированности не столько эстетического (хотя этот момент, несомненно, также учитывался), сколько религиозно-символического порядка. Едва ли случайно, что наиболее значительные минойские горные святилища, или *peak-sanctuaries*, как их называют в англоязычной литературе, были открыты на г. Юктас, расположенной точно на оси Кносского дворца к югу от него, на Иде, занимающей точно такое же положение по отношению к Фестскому дворцу, только в противоположном северном направлении, и на Дикте, господствующей над долиной Маллии (Scully, 1963, p. 12 ff.; см. также: Dietrich, 1969, S. 157 ff.; Graham, 1972, p. 75, n. 3).

Первые святилища на вершинах гор появились на Крите то ли в течение периода «старых дворцов», то ли еще до его начала (Cadogan, 1986, p. 161). Ряд признаков, относящихся в основном уже к периоду «новых дворцов», свидетельствует о растущей заинтересованности критских царей в распространении своего влияния на местные культовые центры (Rutkowski, 1971, p. 18 f.). Со временем эта тенденция могла привести к институционализации культа в сельских святилищах «посредством назначения постоянных жрецов, которые были блюстителями священного места и представителями царской власти» (*ibid.*). Одновременно среди общей массы горных святилищ начинают выделяться некоторые особенно богатые и хорошо устроенные. Примерами могут служить уже упомянувшееся святилище на Юктасе, где все пространство вокруг вершины горы было обнесено массивной циклопической стеной, также на Петсофе (близ Палекастро), на Траосталосе (близ Като Закро) и в некоторых других местах. Во всех этих святилищах «подчинение центральной власти и превращение из мест локального сельского значения в места, имевшие общее значение для всех групп общества», завершилось, согласно мнению Рутковского, в хронологических рамках СМIII периода. Но как мы уже говорили, именно СМIII период может по ряду признаков быть квалифицирован как время окончательного вызревания критской дворцовой архитектуры или, точнее, самой идеи дворцового ансамбля. Таким образом, возникновение дворцов и устройство горных святилищ могут быть представлены как звенья одной цепи или же как два разных, но вместе с тем и тесно связанных между собой проявления

одного и того же процесса своеобразной «религиозной революции», главным итогом которой была широкая интеграция и реинституционализация древних родовых культов, слияние их в новые общекритские государственные культы (ср.: Bintliff, 1977, pt I, p. 148 ff.; Renfrew, 1981, p. 30; Cadogan, 1986, p. 161). Можно предположить, далее, что толчком, вызвавшим эту «революцию», стала грандиозная сейсмическая катастрофа рубежа XVIII—XVII вв. до н. э., в результате которой были уничтожены практически все большие и малые поселения минойского Крита. Колоссальное стихийное бедствие могло натолкнуть религиозное сознание минойцев на мысль о необходимости обращения к каким-то новым, более могущественным божествам и об устройстве для них новых, еще невиданных святилищ. Ответом на эту потребность, по-видимому, и стало создание системы ритуальных комплексов, расположенных частью за пределами поселения в горах, частью внутри самого поселения. Несмотря на пространственную удаленность, они мыслились как части мистически связанного целого с более или менее четким распределением сакральных функций внутри системы, хотя о характере этих функций мы можем сейчас лишь догадываться. В некоторых отношениях эта комбинация двух типов святилищ напоминает систему ритуальных сооружений, бытовавшую у древних майя: храм-пирамида (очевидно, искусственная замена священной горы) и храм-дворец, обычно с обширным внутренним двором или же «стадионом» для ритуальных игр (Кинжалов, 1971, с. 158 сл.).

В литературе иногда высказывается мнение, согласно которому непосредственное обследование дворцов будто бы не подтверждает гипотезу о преимущественно сакральном характере этих сооружений. Действительно, находки культовой утвари на территории дворцов встречаются сравнительно редко и, как правило, лишь в некоторых определенных местах, которые как по своему содержанию, так и по некоторым конструктивным признакам могут быть отнесены к категории святилищ или же специальных хранилищ священной утвари. Эти в общем довольно немногочисленные и скромно оформленные помещения почти ничем не отличаются от обычных домашних святилищ, открытых в некоторых «городских» домах и «загородных виллах». Мало вероятно, чтобы они могли использоваться как места для отправления какого-то официального культа (Rutkowski, 1972, p. 222 ff.). Что же касается так называемых «крипт» и «люстральных бассейнов», то их назначение остается пока неясным. В принципе они могли использоваться и для каких-нибудь житейских надобностей. Так, крипты могли служить обычными погребями или кладовыми, люстральные же бассейны, возможно, использовались просто для умывания. Эту мысль последовательно проводит и отстаивает в своей книге «Результаты места в Эгейском мире» Б. Рутковский (*ibid.*, p. 120, 230 f.). В результате предпринятых им изысканий автор приходит к выводу, что в минойских дворцах вообще «не было никаких регулярных, постоянных мест для совершения религиозных церемоний» (упоминавшиеся выше домашние святилища могли устраиваться где угодно и, видимо, легко перемещались с места на место) (*ibid.*, p. 222). Главные места для поклонения богам находились, согласно Рутковскому, «не в городах и деревнях. . . , но прямо в сельской местности: в горных святилищах, пещерах и сельских священных оградах» (*ibid.*, p. 231, 259).

Не вдаваясь в специальный разбор этой весьма своеобразной и как будто не получившей сколько-нибудь широкой поддержки концепции, укажем лишь

на некоторые моменты, явно идущие вразрез с построениями Рутковского (сам он эти моменты либо вообще игнорирует, либо пытается истолковать в духе своей теории). Относительная скудость ритуальной утвари, найденной как во дворцах, так и за их пределами — «в частных домах», не должна нас удивлять. Напротив, она вполне закономерна: при каждой новой катастрофе обитатели дворцов, вероятно, стремились спасти и унести с собой в первую очередь священные предметы, особенно, разумеется, те из них, которые имели наибольшую материальную и художественную ценность. Эти же предметы неизбежно становились главным объектом вождления грабителей, обшаривавших заброшенные дворцы. Наконец, многие из них могли просто погибнуть во время пожаров и землетрясений. Уцелели лишь некоторые образцы такого рода утвари, в основном благодаря тому, что в первые же минуты катастрофы они оказались заблокированными где-нибудь в подвальных помещениях дворца или виллы и остались одинаково недоступными как для своих хозяев, так и для пришедших позже грабителей. Рутковский совершенно сбрасывает со счета этот важный момент.

Точно так же пренебрегает он и другим, неоднократно отмечавшимся в литературе обстоятельством: в сущности, мы имеем лишь весьма смутные и неясные представления о расположении, устройстве и использовании верхних помещений дворцов. И в Кноссе (за исключением некоторых частей восточного крыла, составляющих так называемый «жилой квартал»), и в Фесте, и в Маллии, и в Като Закро по-настоящему изучен и обследован лишь нижний, цокольный этаж дворца, судя по всему, игравший в его жизни далеко не первостепенную роль. Согласно мнению, разделяемому целым рядом специалистов, его наиболее важные парадные залы, предназначенные для всякого рода торжественных церемоний и приемов, должны были находиться на втором и, может быть, на третьем не сохранившихся этажах дворцового комплекса. Там же могли располагаться и главные дворцовые святилища, являвшиеся средоточием официального культа, возможно, стояли большие (в рост человека или более) изображения богов (Graham, 1972, p. 31). Нельзя не считать также и с тем, что сама продолжительность функционирования дворцов в качестве крупных ритуальных комплексов была, по-видимому, не особенно значительной. Во всяком случае она не идет ни в какое сравнение с продолжительностью использования крупнейших греческих святилищ более позднего времени. Соответственно и отложения, сохранившие следы культовой деятельности, не могли здесь быть столь же мощными, как в этих последних.

Конечно, во всех догадках такого рода, вызванных стремлением заполнить пробелы в имеющейся в нашем распоряжении скудной и неполноценной информации, есть определенный элемент риска. Мы располагаем, однако, и другими достаточно вескими свидетельствами, подкрепляющими позицию тех исследователей, мнение которых пытается оспаривать Рутковский. Такими свидетельствами могут считаться фрески, украшающие стены внутренних помещений Кносского дворца. Если исключить из их числа так называемого «собиравателя шафрана» и некоторые анималистические мотивы вроде известной росписи, изображающей дельфинов и морских рыб, в спальне («будуаре») «жилого квартала», то практически все остальные фрески, о сюжете которых мы можем получить хотя бы приблизительное представление по сохранившимся фрагментам, изображают сцены, так или иначе связанные с кругом обрядовых церемоний и ритуалов. Таковы, например, сцены шествия адорантов, представленные

на фресках «коридора процессий», сцена ритуального танца женщин (жриц?) на одной из так называемых «миниатюрных фресок», многократно повторяющиеся сцены минойской тавромахии и многие другие сюжеты. Разумеется, было бы совершенно недопустимой модернизацией памятников древнего искусства, если бы мы попытались истолковать эти росписи как образцы «реалистической жанровой живописи» с сюжетами из жизни «большого света». Можно предполагать, что в представлениях самих минойцев существовала некая мистическая связь между фресками и теми реальными событиями, которые они воспроизводили. Весьма вероятно, что их основное назначение заключалось в том, чтобы закреплять и усиливать магический эффект обрядового действия. Само размещение фресок в пределах дворца вне видимой связи с идентифицированными помещениями святилищ может означать, что весь этот сложный архитектурный комплекс мыслился как своеобразный священный округ типа теменов позднейших греческих святилищ. Сообразно с этим священнодействия могли устраиваться в любой части дворца, не исключая, вероятно, и его так называемого «жилого квартала» в восточном крыле. По существу же весь уклад жизни дворцовой элиты был «насквозь ритуализирован», т. е. подчинен строгим обрядовым предписаниям, подобно тому как это можно было наблюдать во дворцах Египта, государства хеттов и других стран Передней Азии (ср.: Ардзинба, 1982, *passim*). Сакральная природа дворца проявляла себя также в разного рода священных символах, которыми были украшены его стены и, видимо, также крыши. Сюда относятся знаки лабриса (двойной секиры), изображения так называемых «рогов посвящения», щитов в виде восьмерки и т. д. (Willets, 1962, p. 82).

Анализ планировки четырех известных нам сейчас дворцовых ансамблей убеждает в том, что во всех этих четырех случаях главным структурообразующим элементом был центральный двор (рис. 14, 16—18). Как считает Дж. Грэхем, постройка каждого из дворцов начиналась именно с разбивки центрального двора, с тем чтобы в дальнейшем, используя четыре его стороны «как основные линии, развить вовне различные кварталы дворца» (Graham, 1972, p. 73, 226 ff.). Дворец, таким образом, рос изнутри, не вписываясь в четкие рамки какого-то заранее заданного контура, чем, по-видимому, и объясняется известная неупорядоченность его наружных фасадов.

Вероятно, с точки зрения самих минойских зодчих, это были даже не фасады в собственном значении этого слова, а, скорее, напротив, задние стены, отгораживающие дворец от окружающего его города, тогда как собственно фасадной стороной считались внутренние стены, выходившие на центральный двор (*ibid.*, p. 238 f.; Schachermeyr, 1964, S. 120). Отсюда же происходит, наверное, и очевидное пренебрежение, выказываемое теми же архитекторами, к решению проблемы «стыковки» «города» и дворца. Почти повсеместно, как это хорошо видно на планах раскопанных частей поселений в Кноссе, Фесте, Маллии и Като Закро (рис. 14, 16, 18, 19), «частные дома» практически вплотную подступают к наружным стенам дворца, причем нигде, за исключением разве что западного двора Феста, не видно даже попыток удержать эту беспорядочную массу жилой застройки на «почтительном удалении» от дворцового здания или же хотя бы эстетически сбалансировать одно с другим.⁵

⁵ П. Уоррен (Warren, 1984, p. 39) делает на этом основании весьма рискованный вывод об «относительном (?) отсутствии» в зрелом минойском обществе «деления на классы или на группы».

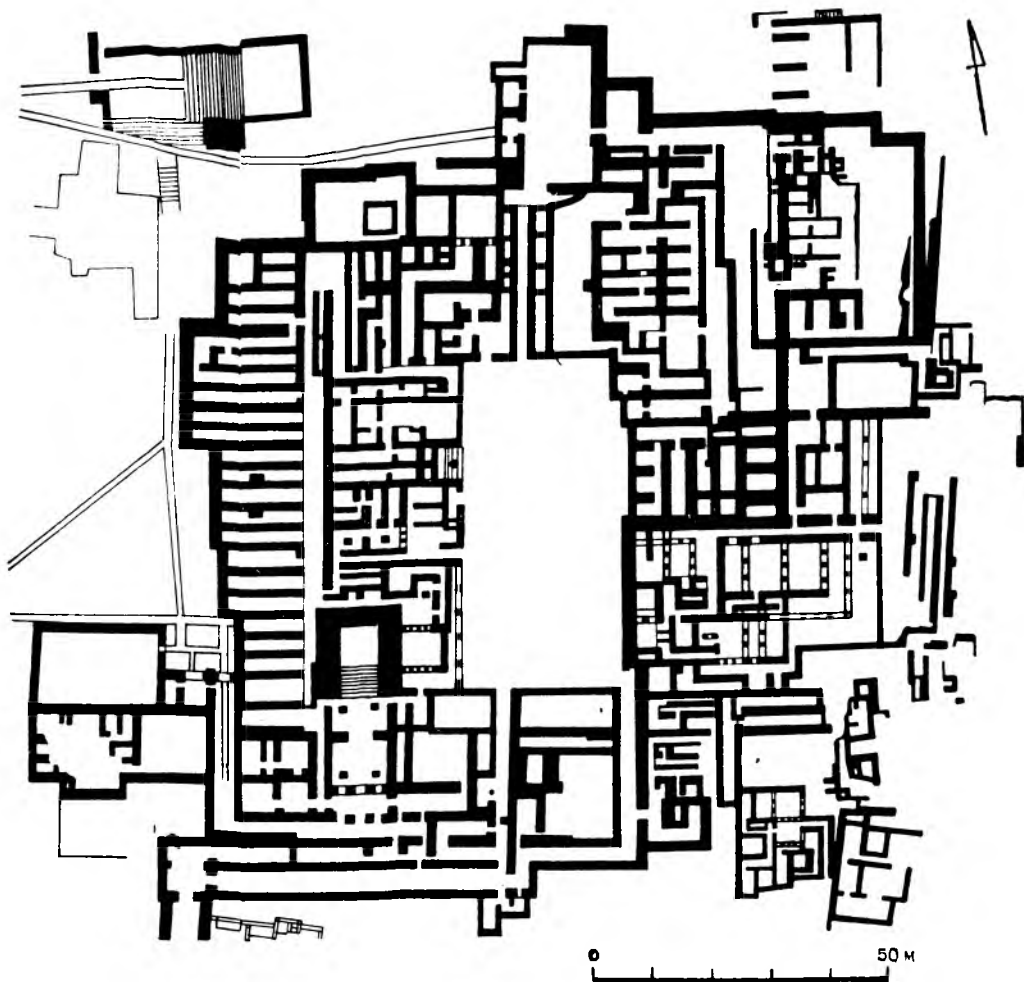

Рис. 17. «Новый дворец» в Киусе.

Являясь структурным ядром дворцового ансамбля в плане его архитектурной организации, центральный двор неизбежно должен расщепляться как такое же ядро и в плане функциональном, причем чисто эстетические соображения здесь явно должны были отступить на задний план перед соображениями утилитарного порядка (Graham, 1972, p. 238). Но что могло быть главным назначением этого двора? Непользование этого большого открытого пространства для чисто хозяйственных нужд представляется маловероятным (ср.: *ibid.*, p. 73). В этом случае должна была бы наблюдаться гораздо более значительная вариативность в устройстве самих дворов и соответственно окружающих их дворцов. Между тем, как указывает Грэхем (*ibid.*, p. 74 ff.), дворы по крайней мере трех дворцов — в Киусе, Маллии и Фесте (теперь к ним, видимо, без особых колебаний можно добавить и дворец в Като Закро) — «отличаются удивительным

сходством, которое в некоторых отношениях доходит почти до тождества». Это сходство заключалось в том, что все три двора были вымощены каменными плитами, снабжены одним или несколькими портиками (вероятно, с верхними галереями), устроенными вдоль длинных сторон двора, размещались на оси, идущей строго с севера на юг по стрелке компаса, и имели одинаковые размеры — около 24 м в ширину и 52 м в длину. «Эта стандартизация, — заключает Грэхем свои наблюдения, — могла означать, что двор был построен для каких-то определенных целей подобно футбольному полю или теннисному корту». Сам Грэхем специально рассматривает вопрос о функциях центрального двора в одном из разделов своей книги и в конце концов склоняется к мысли, что его основное назначение заключалось в том, чтобы служить «ристалищем» для участников мийской тавромахии (*ibid.*, p. 73 ff.). Некоторые конструктивные особенности

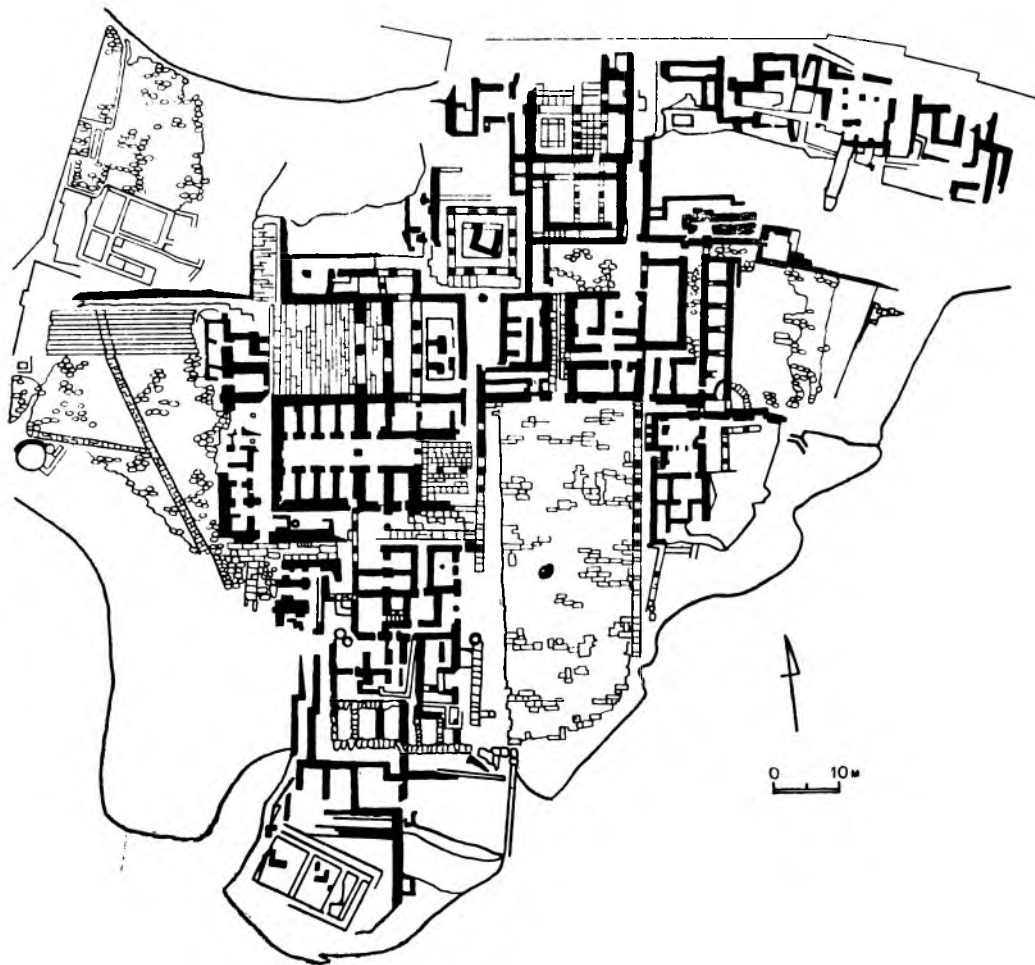

Рис. 18. «Новый дворец» в Фесте.

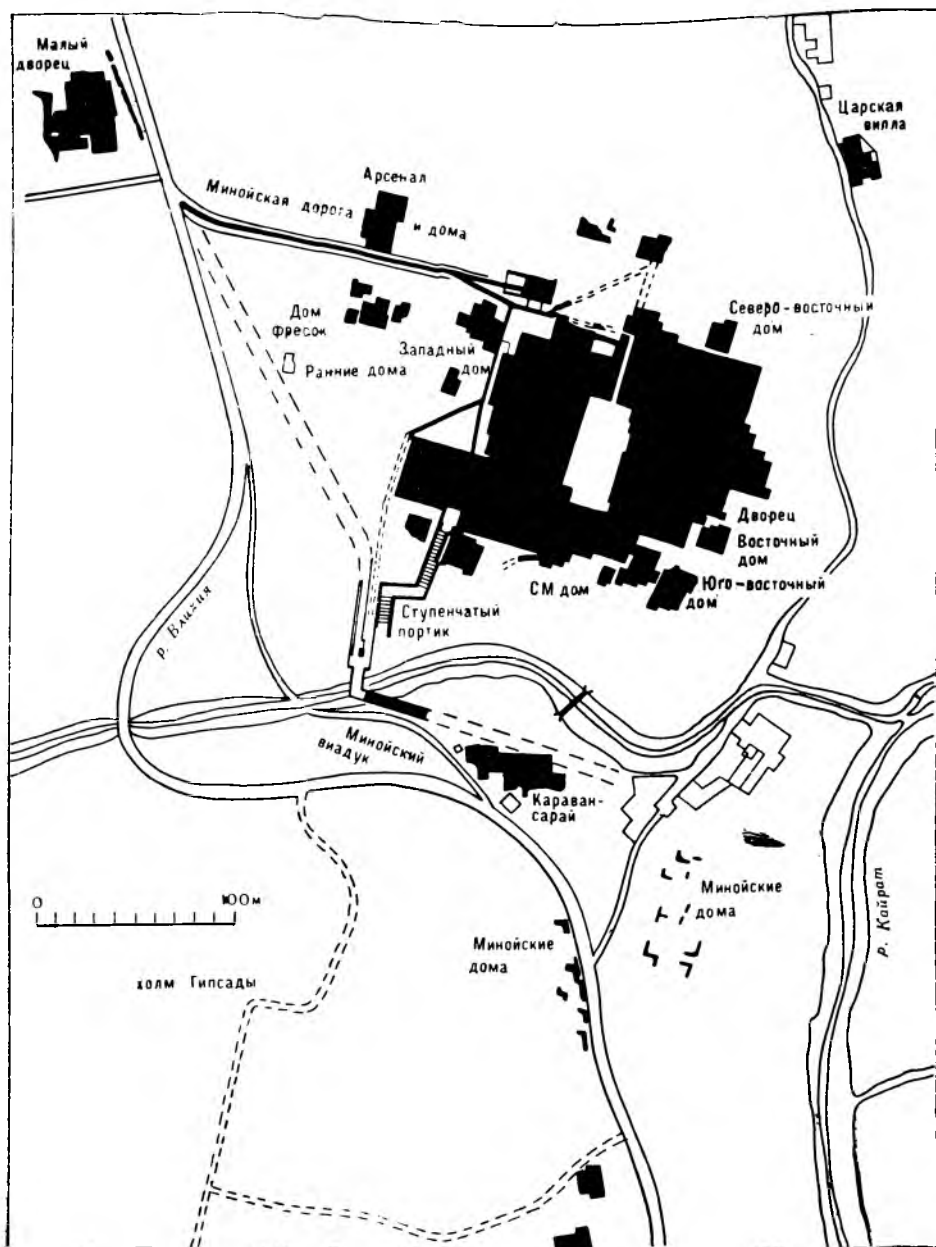

Рис. 19. Центральная часть Кносса в XVI—XV вв. до н. э. (по Эвансу).

в устройстве центральных дворов, например некое подобие барьера, ограждающее портик на северной стороне двора в Маллии, загадочная каменная платформа в северо-западном углу двора в Фесте и другие детали того же рода как будто подтверждают эту догадку американского исследователя, тем более что найти другое подходящее место, где могли бы устраиваться игры с быками, в самих дворцах или их ближайших окрестностях, пока не удалось. Тем не менее устройство коррида, видимо, все же не было единственным *raison d'être* центрального двора, обусловившим в высшей степени своеобразную планировку критских дворцов. Ведь и сама минойская коррида была, насколько мы можем сейчас о ней судить, лишь одним из «актов», хотя, вероятно, из числа наиболее важных, узловых, в составе годичного цикла обрядовых празднеств, призванных стимулировать плодородие земли и поддерживать весь мир в состоянии гармонии и равновесия. Можно предполагать, что не только тавромахия, но и многие другие важные эпизоды этого цикла разыгрывались именно во внутреннем дворе (ср.: *ibid.*, p. 74; Rutkowski, 1972, p. 232). По существу уже одного этого было бы достаточно для того, чтобы считать весь дворец священным местом и, если даже не постоянным обиталищем богов, как многие восточные и позднейшие греческие храмы, то во всяком случае местом, где они могли «являться» своим почитателям. Грэхем, как нам думается, справедливо обращает внимание на известную автономность центрального двора по отношению к самому дворцу (Graham, 1972, p. 74). В принципе он мог существовать даже и за пределами дворца, как это было, например, в Гурнии, или же вообще без дворца, во всяком случае без каких-либо видимых его признаков. Чтобы проиллюстрировать последнюю из этих возможностей, Грэхем ссылается на позднеминойское поселение в Плати (район Ласити, восточный Крит), где было открыто некое подобие прямоугольного двора или площади, расположенной то ли между несколькими блоками домов, то ли внутри одного жилого комплекса (на этот вопрос не удалось найти сколько-нибудь ясного и однозначного ответа ввиду незавершенности раскопок). Нам кажется, однако, что гораздо более яркий пример ситуации такого рода, на первый взгляд парадоксальной, а по существу вполне естественной, дает так называемый «политический центр» Маллии СМ1-II периодов (см. о нем выше). Образующая его структурную основу «агора» своими пропорциями и устройством (ограда из ортостатов, наличие по крайней мере одного портика с западной стороны) довольно близко напоминает центральный двор «нового дворца» Маллии, а размерами даже несколько его превосходит. При этом никаких следов сооружений дворцового типа в непосредственной близости от «агоры» обнаружить не удалось, а существование «старого дворца» примерно на том же месте, где будет позднее построен «новый», остается, как было уже указано, в высшей степени проблематичным.

Если предположить, как это уже и было нами сделано, что первый дворцовый ансамбль появился в Маллии лишь где-то на рубеже XVII—XVI вв., историческая преемственность этих двух сооружений — ансамбля «агоры» и «нового дворца» — становится вполне вероятной. Как указывает первооткрыватель «агоры» А. Ван Эффантер, с наступлением эпохи «новых дворцов» она приходит в упадок и, видимо, перестает использоваться в соответствии со своим первоначальным назначением (Van Effenterre, 1969, p. 143). Не означает ли это, что функции, некогда принадлежавшие «агоре», перешли теперь к структурно во многом повторяющему ее центральному двору маллийского дворца? Если попытаться несколько иначе сформулировать ту же самую мысль, придав ей еще боль-

шую заостренность, мы могли бы, пожалуй, сказать, что дворец узурпировал общинную ритуальную площадку, сделав ее своей интегральной частью и наглухо изолировав от всего остального поселения в черте своих же собственных стен (ср.: Press, 1964, S. 107, 238). К этому можно еще добавить, что и сам дворцовый ансамбль по-настоящему определился и приобрел свою классическую законченность форм только после этого акта узурпации. Иначе говоря, создатель первого дворца, которым был, по всей видимости, «дворец Миноса» в Кноссе, должен был ориентироваться в своих проектах на достаточно древний архитектурный канон общинного ритуального комплекса (Маллия дает нам сейчас лишь наиболее яркий образец такого комплекса, хотя нет никаких оснований считать его единственным). Основная идея этого «минойского Имхотепса» (или Дедала), отчасти, возможно, инспирированная восточными образцами, заключалась, по-видимому, в том, чтобы замкнуть этот комплекс сплоченным кольцом дворцовых построек, создав, таким образом, некое подобие обособленного священного города внутри уже существующего поселения. Такое решение проблемы генезиса дворцовой архитектуры представляется нам в настоящий момент наиболее естественным и логичным (ср.: Cadogan, 1986, p. 163).

При всем своем первостепенном и даже определяющем значении для общей структуры дворцового ансамбля центральный двор был лишь частью довольно сложной системы взаимосвязанных дворов, каждый из которых мог сообразно с обстоятельствами служить местом, где разыгрывались обрядовые действия. Особый интерес в этом плане представляют западные дворы Кносского и Фестского дворцов с их расположенными под углом друг к другу «театральными лестницами» и «церемониальными тротуарами» (рис. 17, 18). В отличие от центрального двора эти дворы были непосредственно связаны с окружающими дворец «городскими кварталами» и, очевидно, открыты для более или менее широкого доступа, в особенности в праздничные дни. Западные дворы и в Кноссе, и в Фесте, таким образом, еще сохраняли свое прежнее значение «зоны контактов» между представителями аристократической дворцовой элиты и массой «городского» населения, в чем можно видеть формально известную уступку традициям общинной (племенной?) солидарности, по сути же стремление той же элиты оставить за собой важное средство манипуляции сознанием масс. Появляясь перед народом во время праздничных церемоний, «люди дворца», естественно, старались держаться обособленно от него. Для этой цели, видимо, и были устроены на «театральных площадках» Кносса и Феста ряды ступеней, скорее всего, использовавшиеся подобно сидениям или местам для стояния зрителей на греческих стадионах и в театрах. Их сравнительно небольшая вместимость (не более нескольких сот человек)⁶ показывает, что они предназначались только для немногочисленной избранной части общества, отнюдь не для массового зрителя. Тем не менее устраивавшиеся здесь церемонии, по всей видимости, еще сохраняли свой традиционный характер массовых обрядовых действий эпохи первобытнообщинного строя. К участию в них, вероятно, допускались и рядовые общинники, хотя «ведущие партии», а также и общая «режиссура» в этих «спектаклях», скорее всего, были закреплены за «людьми дворца».

⁶ Согласно расчетам Эванса, кносская театральная площадка должна была вмещать около пятисот человек (Evans, 1928, pt II, p. 585; ср.: Дальский, 1937, с. 186 сл.).

Принципиально иной характер, надо полагать, носили ритуальные собрания, происходившие в центральных дворах тех же дворцов. Поскольку проникнуть в них извне можно было только через посредство сложной системы коридоров, собрания эти, по всей видимости, уподоблялись своеобразным «закрытым спектаклям», на которые допускались только обитатели самого дворца и специально приглашенные почетные гости из числа местной и чужеземной знати. Для широких масс «простонародья» доступ на них был закрыт. Можно предполагать, что именно здесь, на центральном дворе, — этой *sacra sacrorum* дворца — разгрывались наиболее важные и вместе с тем самые загадочные, окруженные глубокой тайной ритуалы минойского культа, например мистические сцены эпифании «великой богини», которые мы видим на многочисленных критских печатях, или же выступления одетых в маски танцоров, изображающих божественного быка Минотавра. Глухие отзвуки того мистического ужаса, который вызывали у непосвященных эти обряды и само место, где они происходили, дошли до нас в греческом мифе о Тезее.

Суммируя наши наблюдения над основными особенностями структуры дворцового ансамбля, мы можем определить ее как по преимуществу интровертную, т. е. обращенную вовнутрь, а не наружу, замкнутую на самое себя (ср.: Graham, 1972, p. 74). Эта форма архитектурной организации пространства как бы материализовала в себе ту сложную систему социально-психологических связей, которая составляла основу жизнедеятельности зрелого минойского общества. В значительной мере места, занимаемые в этой системе как отдельными индивидами, так и целыми социальными группами, зависели от распределения ролей в многоступенчатой иерархии ритуальных циклов разных уровней социальной значимости: родовых, общинных и общегосударственных. Размежевание двух основных зон ритуальной деятельности — открытой, расположенной на стыке дворца и «города», и закрытой, находящейся в самом сердце дворцового комплекса, — как нельзя более ясно отражает резко расширившийся разрыв между экзотерическими и эзотерическими элементами минойской религиозной обрядности, чему, несомненно, должен был сопутствовать быстрый рост религиозного профессионализма, в свою очередь влекущий за собой усиление и усиление статусных различий внутри общественного целого. Конечным итогом этих процессов, насколько можно о них судить, основываясь на аналогиях, взятых из истории других однотипных обществ, было, по всей видимости, образование иерархически организованной жреческой элиты или особой касты священнослужителей, монопольно распоряжавшейся всеми основными культами минойского государства. Как место, где в основном концентрировалась деятельность этой элиты, дворец противостоял окружающему его «городу», идеологически и политически господствуя над ним.

К сожалению, пока еще довольно трудно составить ясное представление о характере и основах симбиоза этих двух столь различающихся между собой социальных организмов. О самих дворцах мы знаем гораздо больше, чем о примыкающих к ним «городах». По сути дела систематическое изучение этих последних начинается только сейчас. Первым опытом, предпринятым в этом направлении, можно, по-видимому, считать продолжающиеся в настоящее время раскопки экспедиции Н. Платона в Като Закро. Но для их завершения потребуются, вероятно, еще многие годы. Во всех остальных случаях (в Кноссе, Фесте и Маллии) раскопки выявили лишь более или менее значительные фрагменты «город-

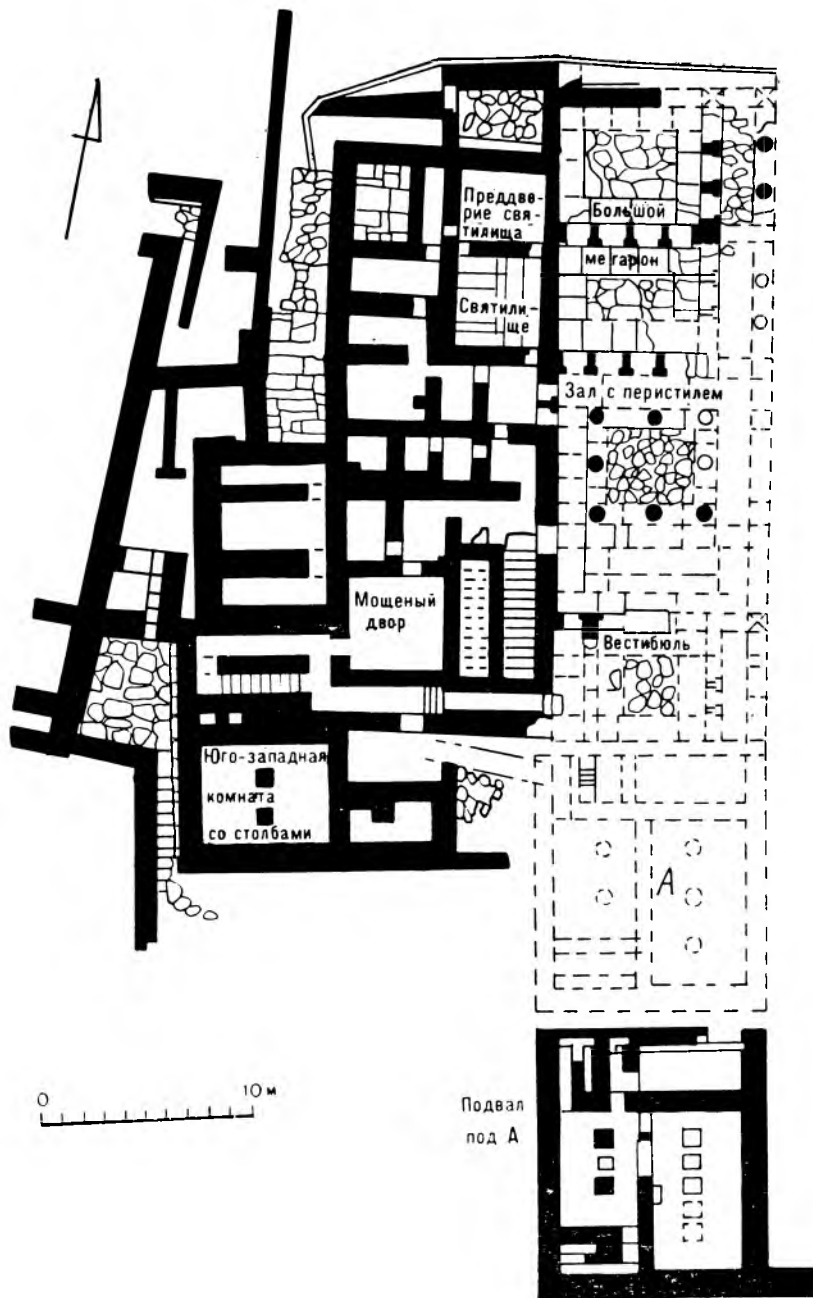

Рис. 20. «Малый дворец» в Кноссе.

ской» застройки, расположенные на разном удалении от дворца и дающие лишь весьма приблизительное представление об общем характере планировки этих «кварталов» и всего поселения в целом. Тем не менее учет и анализ этих фрагментов необходимы, поскольку, основываясь на них, мы можем судить (конечно, лишь в известных пределах) об образе жизни и социальном составе населения критских дворцовых центров.

По Эвансу, в Кноссе насчитывается всего «около дюжины домов новой эры, более или менее полно исследованных» (Evans, 1928, pt. I, p. 366). Вместе взятые, они дают «поистине поразительное представление о распространении благосостояния среди бюргерского класса Кносса в это время». В эту дюжину Эванс, по-видимому, не включает некоторые сооружения, в которых он склонен был видеть своеобразные придатки (филиалы) дворцового комплекса, использовавшиеся для всякого рода церемониальных и официальных надобностей или же просто для приятного времяпрепровождения. Сюда относятся так называемый «малый дворец» (Evans, 1928, pt. 2, p. 513 ff.), расположенный к западу от большого дворца (на удалении 230 м) и связанный с ним великолепно вымощенной «Священной, или Царской, дорогой» (рис. 20), «царская вилла» (находилась к северо-востоку от дворца) (ibid., p. 396 f.; рис. 21), «караван-сарай» (южнее дворца на другом берегу р. Кайрат), в котором Эванс видел «отель» для приезжающих в Кносс знатных чужеземных гостей (Evans, 1928, pt. I, p. 103 ff.), и некоторые другие постройки. Названия, придуманные Эвансом для всех этих зданий, способны скорее мистифицировать непредубежденного читателя, нежели помочь ему разобраться в существе ситуации. Их идентификация все еще остается весьма проблематичной (сейчас мы не можем с уверенностью сказать, были это жилые дома, или какие-то сооружения официального, может быть, культового характера, или же, наконец, нечто среднее между тем и другим), хотя их тесная связь с дворцом представляется достаточно очевидной. На это могут указывать и само их местоположение (почти всегда на очень небольшом удалении от дворца), и размеры (в некоторых случаях из ряда вон выходящие: так, «малый дворец» занимал площадь около 800 м²), и сложность планировки, основными элементами которой были залы, явно предназначенные для каких-то парадных приемов и церемоний, и великолепие их внутренней отделки, и сделанные в них богатые находки.

В категорию «частных домов» Эванс безоговорочно включает так называемый «южный дом» (Evans, 1928, pt. I, p. 373 ff.), сохранившийся на высоту целых трех этажей благодаря тому, что значительная его часть была встроена в выемку холма, и вместе с ним остатки еще шести домов того же периода, сгруппированных вблизи от юго-западного угла дворцового комплекса (почти вплотную к нему). По словам Эванса, «южный дом» «наилучшим образом воплощает нормальное представление о добротном бюргерском жилище начала новой эры как в Кноссе, так и где бы то ни было» (ibid., p. 389). Еще одна группа «частных домов» была открыта у юго-восточного угла дворца. В нее входили так называемый «дом алтарной завесы» (рис. 22) и расположенный рядом с ним «юго-восточный дом». Вероятно, к этой же категории может быть отнесен и «дом фресок» (Evans, 1928, pt. 2, p. 431 ff.), находившийся северо-западнее к югу от «Царской дороги», а также сравнительно недавно открытый «неисследованный дом» (в непосредственной близости от «малого дворца») (Hiller, 1977, S. 119 f.). Планировка всей этой группы построек подчинена, насколько мы можем о ней судить, определенному стандарту. В ней варьируются, хотя и в разных сочетаниях, по

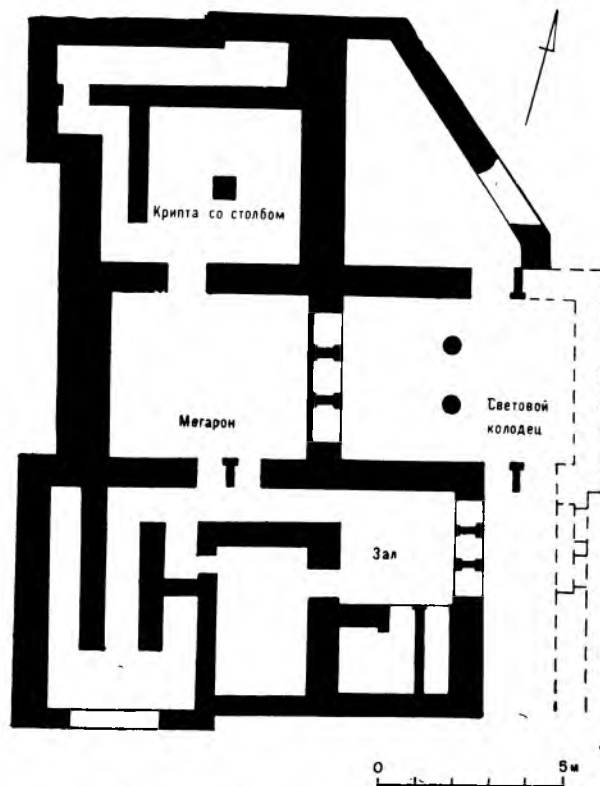

Рис. 21. «Царская вилла» в Кноссе.

сути дела одни и те же элементы: залы с колоннами или столбами, крипты, световые колодезцы, туалетные помещения и кладовые, как правило, небольшие. Повторяются также и основные формы архитектурных конструкций и декоративной отделки, в том числе сквозные перегородки между помещениями с тремя, иногда четырьмя проемами, подпорные столбы, окна, лестницы, полы, вымощенные гипсовыми плитами, в некоторых случаях («южный дом», «дом фресок») настенные росписи. Все это в целом создает впечатление обеспеченности и комфорта, даже с некоторыми претензиями на роскошь, и в этом плане нелегко провести четкую грань между теми постройками, которые Эванс относит к числу «придатков (аннексов) дворца», и теми, которые он столь же безоговорочно включает в разряд «бюргерских домов». «Южный дом», который сам Эванс склонен считать своего рода эталоном второй категории, по площади даже несколько превосходит «царскую виллу», да и в богатстве внутренней отделки мало в чем ей уступает. Учитывая все это, можно, по-видимому, в целом согласиться с той общей оценкой, которую дает домам в ближайших окрестностях Кносского дворца С. Синос (Sinon, 1971, S. 61): «Помимо общего сходства и отсутствия больших складских помещений, эти дома выказывают такие характерные черты, которые позволяют заключить о их частичном использовании в качестве сак-

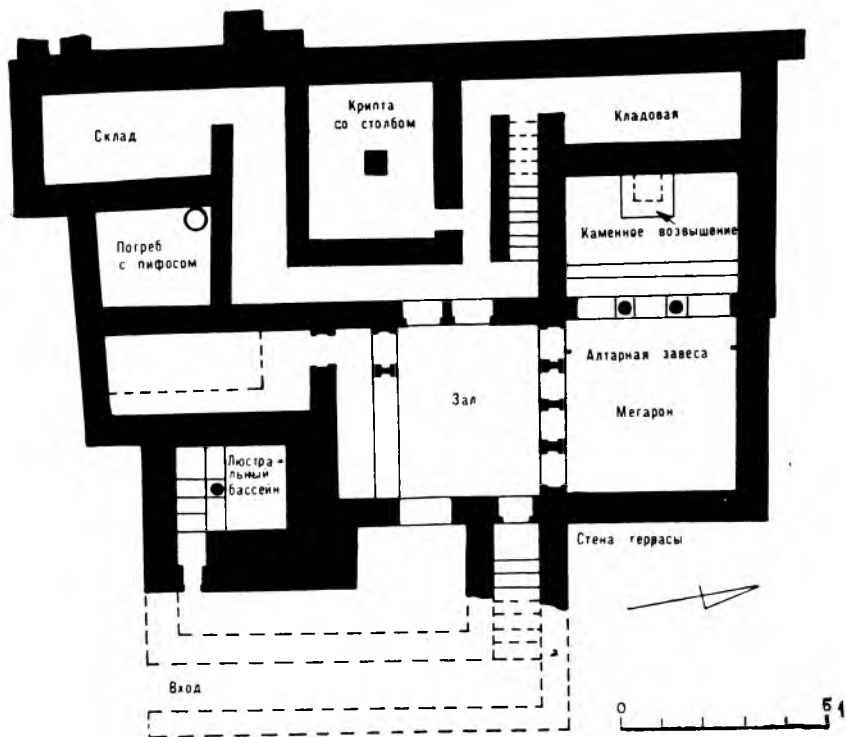

Рис. 22. «Дом алтарной завесы» в Кноссе.

ральных или административных зданий. В таком случае мы находим в городе такой величины, как Кносс, вокруг дворца дома, владельцы которых находились в прямой хозяйственной зависимости от резиденции правителя. Может быть, это были дома жрецов и правительственных чиновников, не обладающие признаками домов экономически независимых горожан, т. е. большими складами, мастерскими, может быть, также зарями (?), но зато имели великолепно отделанные парадные и приемные покои» (ср.: Marinatos, 1973a, S. 35; McEneaney, 1982, p. 6).

Имея весьма туманные представления о планировке центральной части Кносса, мы едва ли сумеем определить место, которое занимала вся эта группа домов «дворцовых функционеров» (Warren, 1980, p. 139, fig. 19.4), как их можно теперь назвать, конечно, в достаточной мере условно, в общей структуре поселения. В частности, учитывая их довольно значительную разбросанность по окрестностям дворца и удаленность друг от друга, невозможно с уверенностью сказать, составляли они вместе с дворцом некий обособленный аристократический анклав или селтльмен или же были, как некие вкрапления или островки, разбросаны среди массы жилищ рядовых «горожан». Явное предпочтение первому из этих двух вариантов решения проблемы отдавал сам А. Эванс (Evans, 1928, pt 2, p. 545 ff.). Во II томе «Дворца Миноса» он специально останавливается на вопросе о протяженности и планировке позднеминойского Кносса и

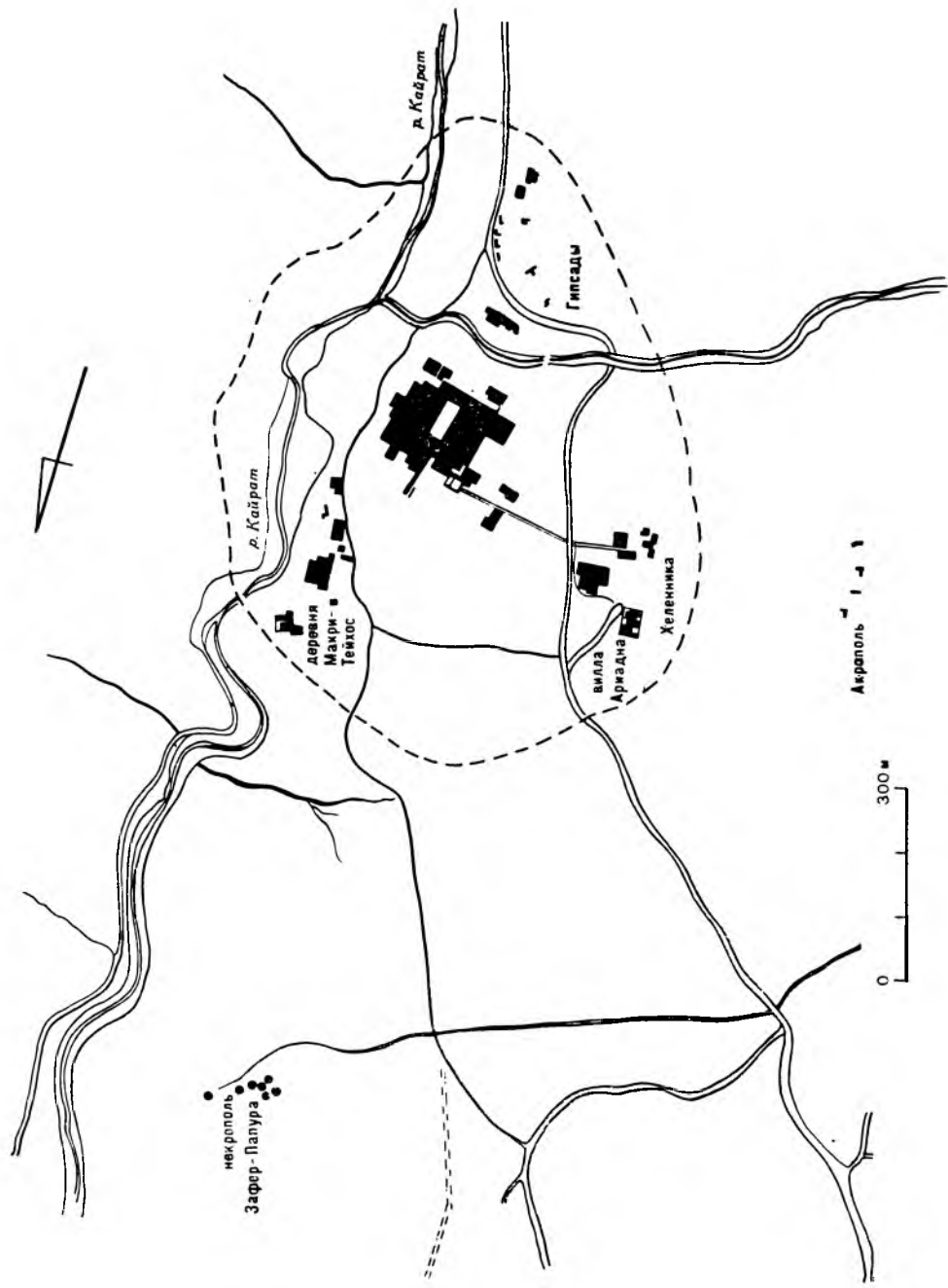

Рис. 23. Общій план Кносса (по Эвансу).

приходит к следующим выводам, нигде не оговаривая даже их гипотетичность. Общая протяженность минойского города в направлении с севера на юг определяется Эвансом в 1,5 км и примерно столько же в самой широкой части в направлении с востока на запад (ibid., p. 559). Приняв среднюю ширину поселения за 750 м, Эванс определяет общие размеры территории, занятой Кноссом, цифрой 1125 тыс. м² (ср.: Hood, Smyth, 1981, p. 10, fig. 2). Внутри этого пространства он довольно четко разграничивает две основные зоны. 1. «Внутренняя зона, застроенная особняками» (inner residential area), простирающаяся в радиусе около 400 м к югу и к западу от дворца. Раскопки выявили здесь в основном «хорошо построенные, свободно стоящие дома, которые, очевидно, принадлежали процветающему бюргерскому классу» (ibid., p. 560). На прилагаемом плане (рис. 23) восточная граница этой зоны проходит вдоль берега р. Кайрат на небольшом удалении от него, южная пересекает холм Гипсады неподалеку от двух домов (А и В), открытых Хогартом в 1900 г., западная граница достигает района, называемого Хелленика, недалеко от виллы Ариадна и северная пересекает дорогу, соединяющую Кносс с морем, неподалеку от деревни Макротейхос. 2. «Более бедная внешняя зона». На плане она охватывает в основном территорию к северо-западу от основной части города, проходя через южные склоны Гипсад, позднейший акрополь, район амфитеатра и далее к востоку до долины Кайрата. В этой зоне преобладают «скромные жилища», построенные из мелкого камня. Добротные блоки тесаного камня встречаются редко.

Далее Эванс указывает, что внутренняя зона была «подлинным минойским городом» (the true Minoan City). Внешняя зона имела «более пригородный характер» и «была населена людьми из более бедного класса, который представлен рядом могил некрополя Зафер Папура. Кносс, таким образом, состоял из трех основных элементов: дворца, собственно города, греческого *ἄστυ*, и пригородов, или *προάστειον*. Лучшие аналогии для последних, бесспорно, следовало бы искать в планах провинциальных городков (country towns), которые были открыты раскопками в Гурнии и Палекастро, где повсюду превалировала система блоков. Но центральная гражданская зона Кносса была построена на иных принципах». Поясняя, что означают эти «иные принципы», Эванс особо отмечает далее, что во внутренней зоне все дома стояли свободно на известном удалении друг от друга, а не скученно (практически вплотную друг к другу), как это наблюдается в небольших городках восточного Крита. Это обстоятельство, в котором Эванс усматривает даже результат действия некоего «сурового законодательства», начиная уже с «очень раннего времени», дает ему повод для сравнения центральной части Кносса с «нашими городами-садами» (our Garden Cities) (ibid.). Вскоре выясняется, однако, что это сравнение было несколько преждевременным, так как расстояния между соседними домами были там, где это удается установить, очень невелики (Эванс сам подчеркивает это): их едва хватало для прокладки дренажного стока (ibid., p. 561). Ни о каких садах здесь, конечно, не могло быть и речи.

Создается впечатление, что Эванс здесь, как, впрочем, и во многих других случаях, авторитарно «закрывает проблему», которая нуждается в гораздо более внимательном и всестороннем обсуждении и вообще едва ли может быть по-настоящему решена даже и в настоящий момент, хотя со времени выхода второй части второго тома «Дворца Миноса» истекло уже более полувека. «Белые пятна» на археологической карте Кносса все еще слишком велики, чтобы можно было всерьез приниматься за реконструкцию планировки этого, по-ви-

димому, самого крупного поселения не только минойского Крита, но и всего Эгейского мира. Все соображения Эванса о характере застройки двух основных зон критской столицы, а тем более основанные на этих соображениях расчеты численности ее населения⁷ могут быть приняты сейчас лишь в качестве предварительной рабочей гипотезы. Нельзя, однако, не признать, что в этих догадках великого археолога, несмотря на их сильную модернизирующую окраску, есть свое рациональное зерно.

Даже на теперешней, еще очень далекой от завершения стадии исследования можно считать вполне вероятным предположение, согласно которому Кносский дворец находился в самом центре довольно плотно застроенного поселения и не был отделен от него никаким «санитарным кордоном». Эванс, на наш взгляд, довольно удачно сравнивает дворец со средневековым кафедральным собором, со всех сторон облепленным домами горожан (Evans, 1935, pt 1, p. 77; см. также: Marinatos, 1973a, S. 35). вполне логично было бы далее предположить, как это и делает Эванс, что центральную часть поселения и соответственно ближайшие окрестности дворца занимали преимущественно дома людей, принадлежавших к высшему классу минойского общества. Сам Эванс явно не прочь уподобить их крупным буржуа или по крайней мере городскому патрициату эпохи средневековья, хотя в действительности это были, по-видимому, какие-то лица (сановники, жрецы?), тесно связанные с дворцом, само благосостояние которых, скорее всего, зависело от положения, занимаемого ими внутри дворцовой иерархии. Немногочисленные образцы принадлежавших им жилищ были открыты неподалеку от дворца, в основном с южной и западной стороны. Это — та «дюжина домов новой эры», на которой, в сущности, и базируются все расчеты Эванса. Все они действительно производят впечатление «особняков» (никаких следов типичной для критских поселений конгломератной застройки на территории, непосредственно примыкающей к дворцу, как будто не выявлено) и отличаются сравнительно небольшими размерами — от 220 до 130 м² при довольно значительной (до трех этажей) высоте (Evans, 1928, pt 2, p. 562). Дома такого типа были явно рассчитаны на одну сравнительно небольшую семью (Эванс называет цифру 8 человек, видимо, включая сюда также и прислугу). В этом отношении дома центральной части Кносса сильно отличаются от namного превосходящих их по площади коммунальных жилых комплексов предшествующего периода, а также и от некоторых синхронных с ними, но, очевидно, следующих архаической традиции построек в других поселениях Крита, например, отдельных домов в Маллии.

Как было уже сказано, планировка всего этого района, за исключением его основного структурного ядра, образуемого дворцом и другими непосредственно примыкающими к нему сооружениями, остается в общем неясной. Ничего определенного нельзя сказать о расположении улиц и кварталов. Во время раскопок экспедицией Эванса был расчищен только довольно большой (около 230 м) отрезок так называемой «Царской», или «Священной», дороги, соединявший большой дворец с малым (рис. 19). Дорога проходила по довольно плотно застроенной

⁷ Путем несложных расчетов с учетом средней площади жилых домов в каждой из двух зон, плотности их застройки и тому подобных факторов Эванс пришел к выводу (ibid., p. 562 f.), что население внутренней зоны Кносса составляло не менее 12 000 человек, тогда как во внешней зоне его численность должна была достигать 70 000 человек. Добавив к населению самого Кносса еще предполагаемое число обитателей его портового города, он получил для всего столичного района ошеломляющую цифру около 100 000 человек (ibid., p. 564).

местности. Строительные остатки различных периодов обнаружены и к северу, и к югу от нее (*ibid.*, p. 431). Можно предполагать, что «Царская дорога» была главной транспортной артерией Кносса, так как с нее открывался прямой путь на запад — в сторону моря. Вместе с тем дорога, несомненно, использовалась в церемониальных целях. Своим восточным концом она упиралась прямо в «театральную площадку» у самых стен дворца. Недавние раскопки археологов из Британской археологической школы в Афинах открыли вблизи от дороги несколько платформ, сложенных из массивных блоков известняка и гипса. Одна из них имела 18 м в длину и 5 м в ширину. Эти сооружения могли использоваться подобно ступеням «театральной площадки» — как места для зрителей во время всевозможных праздничных шествий (Catling, 1973, p. 27; 1974, p. 34).

Более удаленная периферия дворцовой округи изучена еще хуже, чем ее центральная часть. Эванс, вероятно, был недалек от истины, предполагая, что здесь селились в основном люди из низших слоев минойского общества, в престиже и богатстве сильно уступавшие обитателям аристократических районов кносского «сити». По всей видимости, это были рядовые крестьяне и ремесленники, обслуживавшие своим трудом дворцовую элиту. Процент ремесленного населения здесь мог быть довольно высоким, учитывая постоянную потребность в квалифицированном ремесленном труде такого крупного централизованного хозяйства, каким было, вне всякого сомнения, хозяйство Кносского дворца. Отчасти эту догадку подтверждают интересные открытия, сделанные сравнительно недавно на западной окраине Кносса, в районе так называемого «акрополя». Раскопки показали, что эта местность была заселена начиная уже с СМІА периода. Открытые здесь части построек датируются в основном СМІІ—ПМІА—В периодами. Особый интерес представляет помещение с остатками трех печей, служивших для производства мелкого известнякового порошка, из которого изготовлялась особого рода белая штукатурка для стенных росписей (Warren, 1981, p. 73 f.). Неподалеку был открыт небольшой дом, датируемый ПМІА периодом. Наиболее интересной находкой, сделанной в нем, было большое (более 50 штук) скопление пряслиц сферической и цилиндрической формы, из чего можно заключить, что в эпоху «новых дворцов» здесь находилась ткацкая мастерская (Catling, 1976—1977, p. 5 ff.; Catling H. W., Smyth, 1979, p. 4 ff.). У нас, однако, не может быть твердой уверенности в том, что этот «ремесленный квартал» был интегральной частью «большого Кносса», а не каким-нибудь обособленным поселком («городом-спутником»), расположенным в окрестностях дворцового центра. С аналогичными затруднениями мы сталкиваемся, в сущности, повсюду в тех местах на территории более или менее удаленной периферии Кносского дворца, где археологам удалось обнаружить следы строительной деятельности минойской эпохи.⁸ Представление Эванса о «предместьях» Кносса как зоне сплошной застройки, протянувшейся более чем на 700 тыс. м², таким образом, столь же произвольно (ср.: Kolb, 1984, S. 55), как и предлагаемые им оценки общей площади, занятой городом (1125 тыс. м²) и вычисленной сообразно с этой площадью численности его населения (около 82 тыс. человек) (Evans, 1928, pt 2, p. 559, 563 ff.). Завершая свои вычисления, Эванс заметил, что все предложенные им цифры могут быть легко увеличены. Но при той крайне скудной информации, которой мы теперь располагаем, они с той же легкостью могут

⁸ Все эти места с учетом результатов недавних раскопок отмечены на археологической карте Кносса, составленной С. Худом и Д. Смитом (Hood, Smyth, 1981).

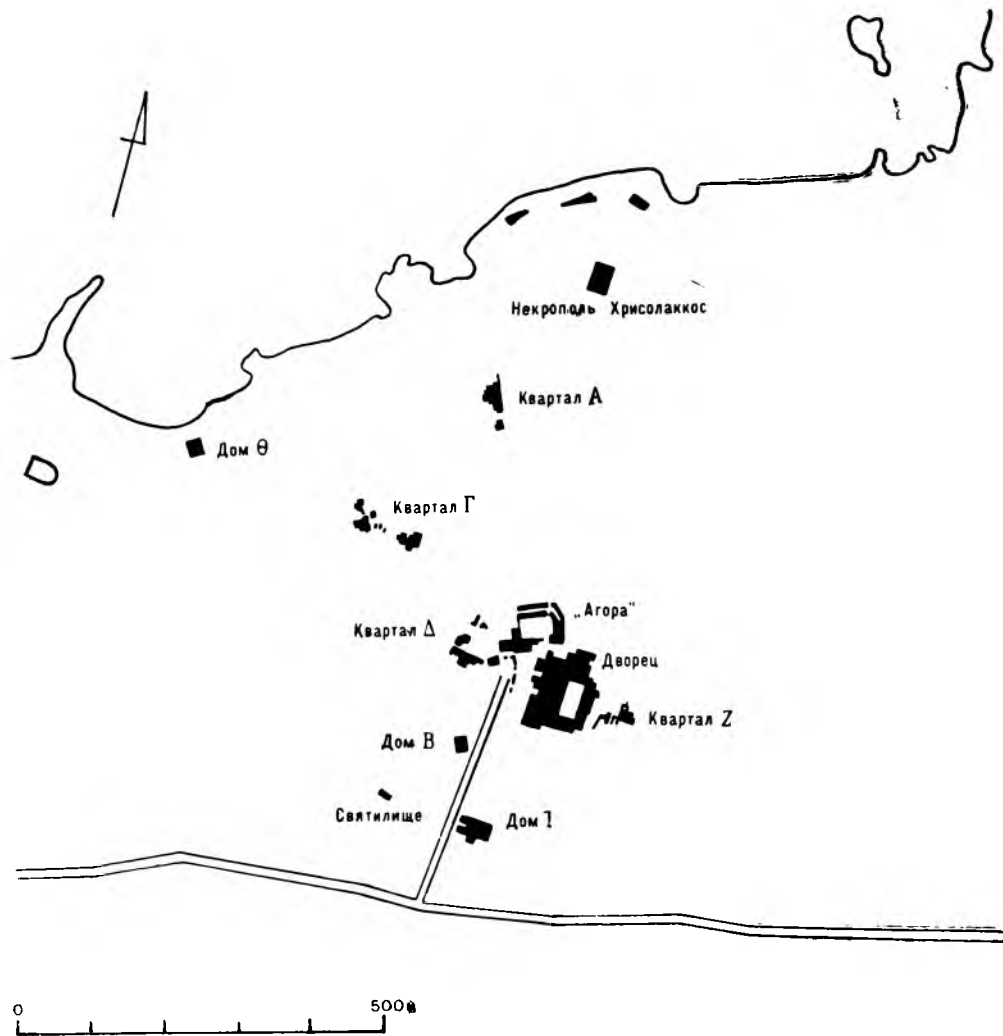

Рис. 24. Общий план Маллии.

быть и в несколько раз уменьшены (ср.: Demargne, 1964, p. 117; Renfrew, 1972, p. 238, 242; Hood, Smyth, 1981, p. 4).

Несмотря на ее слабую фактическую обоснованность, эвансовская реконструкция «большого Кносса» стала своеобразным эталоном также и для других дворцовых центров Крита. Так, согласно предположениям Д. Леви, «новый дворец» Феста «был окружен обширными площадями, занятыми гражданской жилой застройкой» (Levi, 1964, p. 10). Следы этой застройки, однако, удалось пока обнаружить только в двух местах: западнее дворца, на периферии театрального двора, и на юго-восточном склоне дворцового холма в районе, посвящем название Халара (ibid., p. 10 f.; Hiller, 1977, S. 124 ff.). Планировка и общий

характер этих двух районов, по-видимому, мало изменились в сравнении с эпохой «старых дворцов», в особенности с III ее фазой (по Леви), примерно соответствующей СМIII периоду. Во всяком случае строительные конструкции этой фазы почти повсюду обнаруживаются под постройками более позднего времени. Среди этих построек Леви особо выделяет «аристократический дом», открытый в районе Халары (Levi, 1964, p. 11; Alexiou, 1971, S. 322; Hiller, 1977, S. 126). Его стены были выложены из тщательно отесанных каменных блоков и обмазаны изнутри красной штукатуркой, пол вымощен гипсовыми плитами. Сохранилась, однако, лишь незначительная часть этой постройки, включающая несколько небольших помещений типа кладовых, коридор и заглубленное в землю помещение, напоминающее люстральный бассейн. Сам Леви склонен представлять себе центральную часть позднемикенского Феста по аналогии с «аристократическими кварталами» в ближайших окрестностях Кносского дворца. Однако данных, которые могли бы подтвердить эту догадку, все еще очень немного.

В Маллии постройка «нового дворца» сопровождалась частичной перепланировкой окружающих городских кварталов. Показательно, что дома и группы

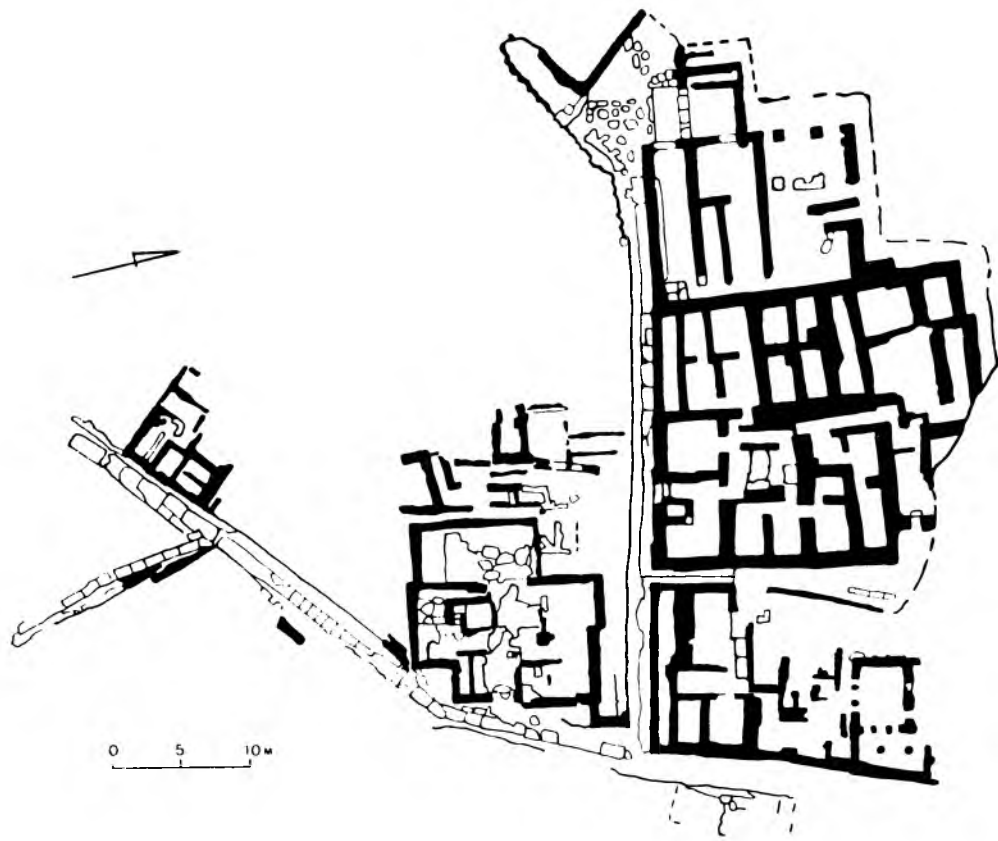

Рис. 25. Квартал Δ в Маллии.

домов, более или менее синхронные самому дворцу, как например дом Е к югу от дворца, дома «квартала Z» восточнее дворца и «квартала Δ» к западу от него, имеют и сходную с ним ориентацию по сторонам света (рис. 24). Как показали раскопки, при перестройке этих кварталов были перекрыты (частично или полностью — определить невозможно) проходившие здесь ранее улицы и, видимо, проложены какие-то новые коммуникации. Так, под домами квартала Z был открыт участок дороги, вымощенной известняковыми плитами, а также часть стены или, может быть, кольцевой ограды, которая, как думают французские археологи, окружала город или по крайней мере центральную его часть в период «старых дворцов» (Deshayes, Dessenne, 1959, p. 82 sq.; Tiré, Van Effenterre, 1966, p. 62 sq.). Однако перепланировка эта, видимо, не была доведена до конца. Во всяком случае она не затронула старый ритуальный центр Маллии — так называемую «агору» и непосредственно примыкающие к ней постройки. Они сохранили свою прежнюю ориентацию, не совпадающую с ориентацией дворца (рис. 14). Сама «агора» в своей основной части оставалась незастроенной, из чего можно заключить, что время от времени она еще продолжала использоваться для устройства каких-то церемоний, хотя рядом с таким крупным культовым центром, как «новый дворец», ее значение неизбежно должно было упасть.

Жилые дома Маллии поражают многообразием своих архитектурных форм и размеров, хотя общее их число не так уж велико. В некоторых случаях время, заметно различающиеся между собой размерами, планировкой, а также временем постройки, оказываются в близком соседстве друг с другом в составе одних и тех же кварталов. Так, в квартале Δ резко контрастируют более ранний (эпохи «старых дворцов») дом Δβ и более поздний (СМІІ—ІМІ периодов) дом Δα (Tiré, Van Effenterre, 1966, p. 57 sq.). Первый отличается крайней хаотичностью планировки, затрудняющей определение функционального назначения отдельных помещений (рис. 25). Второй, на сравнительно небольшой площади около 200 м², соединяет в компактном четко очерченном ансамбле все «классические элементы минойского дома» эпохи расцвета: вестибюль, мегарон, помещения «служб», небольшой люстральный бассейн (здесь учитываются только помещения первого этажа, хотя в доме был также и второй). Чем объяснить такую контрастность в архитектуре двух столь близко соседствующих построек: различием социального статуса их владельцев или же просто разделяющей их временной дистанцией? Ответить на этот вопрос сейчас едва ли возможно.

Интересно, что, уступая «патрицианским» домам центральной части Кносса в качестве архитектурной отделки (Graham, 1972, p. 63), жилые дома Маллии, по крайней мере в отдельных случаях, заметно превосходят их своими размерами. Таковы два дома, составляющих квартал Z (Deshayes, Dessenne, 1959, p. 7 sqq.; Graham, 1972, p. 63 ff.). Первый из них, дом Zα, имеет площадь 23×20 м², превосходя самые большие из аристократических домов Кносса. Дом четко делится на две половины, из которых меньшая (западная) была занята жилыми покоем, в том числе мегароном площадью 7×5.5 м² с открытой верандой и люстральным бассейном, большую же занимали «службы», в том числе помещения кладовых (рис. 26). Расположенный по соседству дом Zβ отличается своей не совсем правильной конфигурацией, представляющей комбинацию прямоугольника (северная часть жилого комплекса) с треугольником (южная часть) (рис. 27). Центральную часть дома занимало обширное (5×6 м²) помещение с поддерживавшей крышу колонной и постоянным очагом. Вокруг этого

«зала» располагались помещения кладовых, кухни, ткацкой мастерской (эта идентификация подсказана найденными здесь многочисленными пряслицами), мастерской или склада металлоизделий (здесь найдены двойные топоры, пилы, наконечники копий, скребки), а также мегарон и ванная комната. Самое крупное из открытых до сих пор в окрестностях дворца сооружений, если не считать «квартала М», уже не существовавшего более в период, о котором сейчас идет речь, это, безусловно, дом Е, расположенный примерно в 200 м к югу от западной эспланады дворца (рис. 28) (Deshayes, Dessenne, 1959, p. 91 sqq.; Graham, 1972, p. 67 ff.). Но занимаемой площади (50×28 м²) эта постройка находится где-то посредине между домами «квартала Z» и «кварталом М». Ввиду плохой сохранности стен и других конструкций планировка дома Е, впрочем, так же, как и его размеры, может быть определена лишь в самых приблизительных чертах. Любопытная особенность этого жилого комплекса, в известной мере сближающая его планировку с планировкой дворцовых ансамблей, состоит в том, что его центральную часть занимал мощный двор, окруженный портиками. Вокруг двора группировались разнообразные жилые и хозяйственные помещения, в том числе кладовые с пифосами, кузнечная мастерская, углубление в полу типа ботроса, возможно, предназначенное для ссыпки зерна, люстральный бассейн, некое подобие атрия с импльвием и остатками подпиравших крышу известняковых столбов. В одном из помещений к югу от центрального двора были обнаружены даже остатки фресковой росписи, пока единственные в Маллии. В доме найдены также отдельные фрагменты канализационных стоков.

А. Дессен, опубликовавший основной материал, полученный в ходе раскопок дома Е, в XI томе «Etudes Crétoises», относит его к особой разновидности памятников минойской архитектуры, занимающей промежуточное положение между «буржуазными виллами» и дворцами (Deshayes, Dessenne, 1959, p. 150). В эту же категорию построек Дессен включает «малый дворец» и «царскую виллу» в Кноссе, «виллы» Айя Триады, Тилисса и Склавокамб, «малые дворцы» Гурнии и Ниру Хани. В домах такого типа должны были жить, по его мнению, либо члены царских фамилий, либо какие-то высокопоставленные сановники, местные правители, во всяком случае лица, пользующиеся большим авторитетом и властью. Со своей стороны, Дж. Грэхем (Graham, 1972, p. 67) также допускает возможность сближения дома Е с кносским «малым дворцом» и другими сооружениями сходного типа, но тут же делает важную оговорку: «Тем не менее план этой постройки так не ортодоксален, что французские археологи все еще тщетно пытаются понять смысл этого лабиринта помещений, лишенного признаков правильной организации. . .» (ср.: McEnroe, 1982, p. 10, S. 23). Действительно, сопоставление хаотичной, как бы расплывающейся планировки дома Е с четкими, хорошо продуманными планами «малого дворца» в Кноссе или «вилл» в Тилиссе наводит на мысль о более архаичном и примитивном характере этой постройки. Данные раскопок, в общем, подтверждают эту догадку, так как из них следует, что в основной части дом был построен и обжит еще в СМІ-II периоде и в дальнейшем лишь перестраивался, меняя свою конфигурацию и, видимо, также ориентацию по сторонам света. Известная архаичность дома Е проявляется, в частности, в том, что в его плане разнообразные хозяйственные и, видимо, также обычные жилые помещения занимают гораздо больше места, чем помещения церемониального или парадного характера, составляющие главное структурообразующее ядро в планировке того же «малого дворца» в Кноссе. Едва ли мы ошибемся поэтому, предположив, что этот памятник замыкает собой

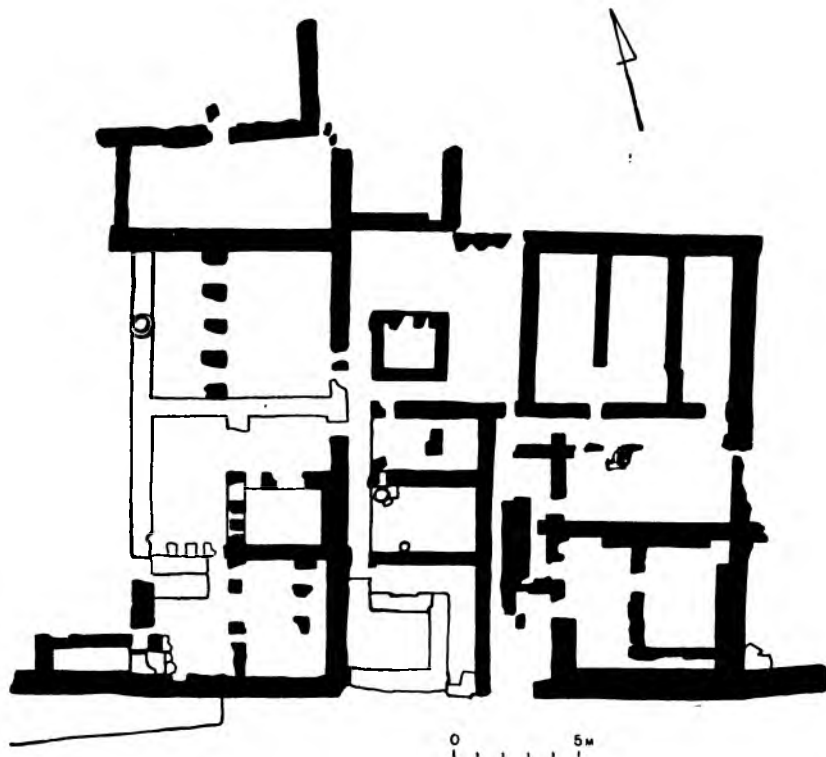

Рис. 26. Дом Zα в Маллии.

типологический ряд, начатый еще в раннеминойскую эпоху общинными жилищами Миртоса и Василики и продолженный в среднеминойское время мегалокомплексами типа «квартала М». В самой Маллии к той же разновидности модификаций родового жилища эпохи ранней бронзы могут быть, по-видимому, отнесены и некоторые другие постройки, например упоминавшиеся выше дома квартала Z. О дальнейшем развитии этой архитектурной традиции в других поселениях Крита будет сказано далее.

В Като Закро — последнем из четырех известных сейчас дворцовых центров — раскопки, производившиеся в основном в конце 60-х—70-х годах, выявили целый квартал жилых домов, расположенный к северу от дворца по склону холма (рис. 16). Уже сейчас можно видеть, что застройка поселения, по крайней мере в этой его части, носила ярко выраженный конгломератный характер, близко напоминающая планировку таких «городов» восточного Крита, как Гурния, Палекастро, Исира (Platon, 1971, p. 247). Дома строились практически вплотную друг к другу, а также к дворцовой стене, образуя сложные блоки, лишь в некоторых местах разделенные узкими проходами. В таких условиях довольно трудно определить с достаточной уверенностью точные границы отдельных жилых комплексов, а следовательно, и их конфигурацию, и размеры. Как было уже сказано, ориентация всей этой части поселения по сторонам света

заметно отличается от ориентации дворца. Хаотичность и аморфность ее застройки, свидетельствующие о явном нежелании владельцев отдельных домов считаться с какими-либо правилами или заранее заданным планом, резко контрастируют с четким геометризмом линий и общей упорядоченностью дворцового ансамбля. Дворец и «город» здесь явно игнорируют друг друга. Эта парадоксальная на первый взгляд ситуация получает вполне правдоподобное объяснение, если предположить, как мы это уже и сделали прежде, что дворец был насильно «втиснут» в уже задолго до этого сложившийся план «города», причем его строители, видимо, вообще не принимали в расчет этот план, а просто расчистили место для воздвигаемого ими здания, как прорубают просеку в лесу. Действительно, археологический материал периода «старых дворцов» встречается на территории северного квартала почти повсеместно, из чего можно заключить, что расположенные здесь дома в основных чертах повторяют застройку этого района, сложившуюся уже в начале II тыс. до н. э.

Учитывая все эти факты, нам трудно согласиться с мнением Н. Платона, полагающего, что открытые им дома были, в сущности, пристройками ко дворцу, в которых «квартировали» какие-то высокопоставленные сановники из числа дворцовой администрации (Platon, 1971, p. 248; Hiller, 1977, S. 142). Насколько можно судить по описаниям этих домов и прилагаемым планам (Hiller, 1977, S. 142 ff.), они ничем не напоминают жилища «дворцовых функционеров» в центральной части Кносса, с которыми их, видимо, пытается сблизить грече-

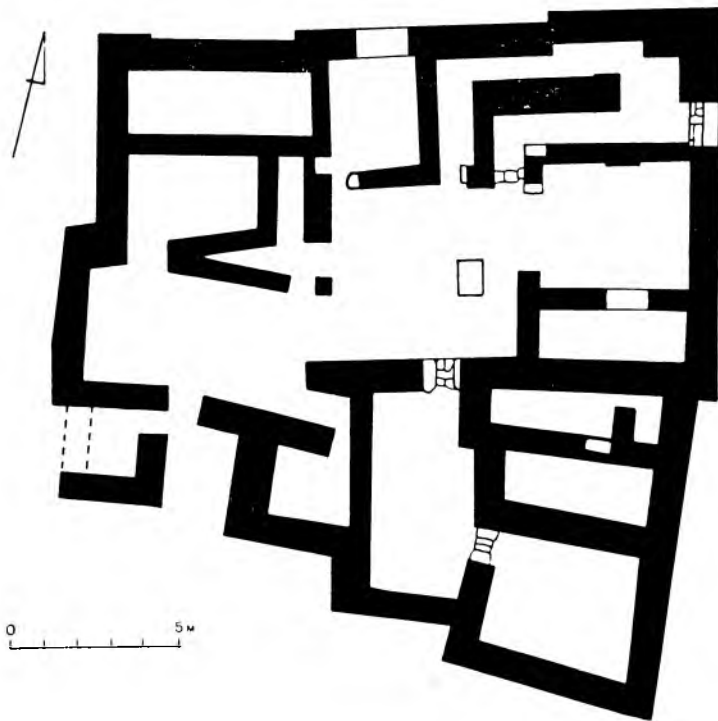

Рис. 27. Дом Z3 в Малии.

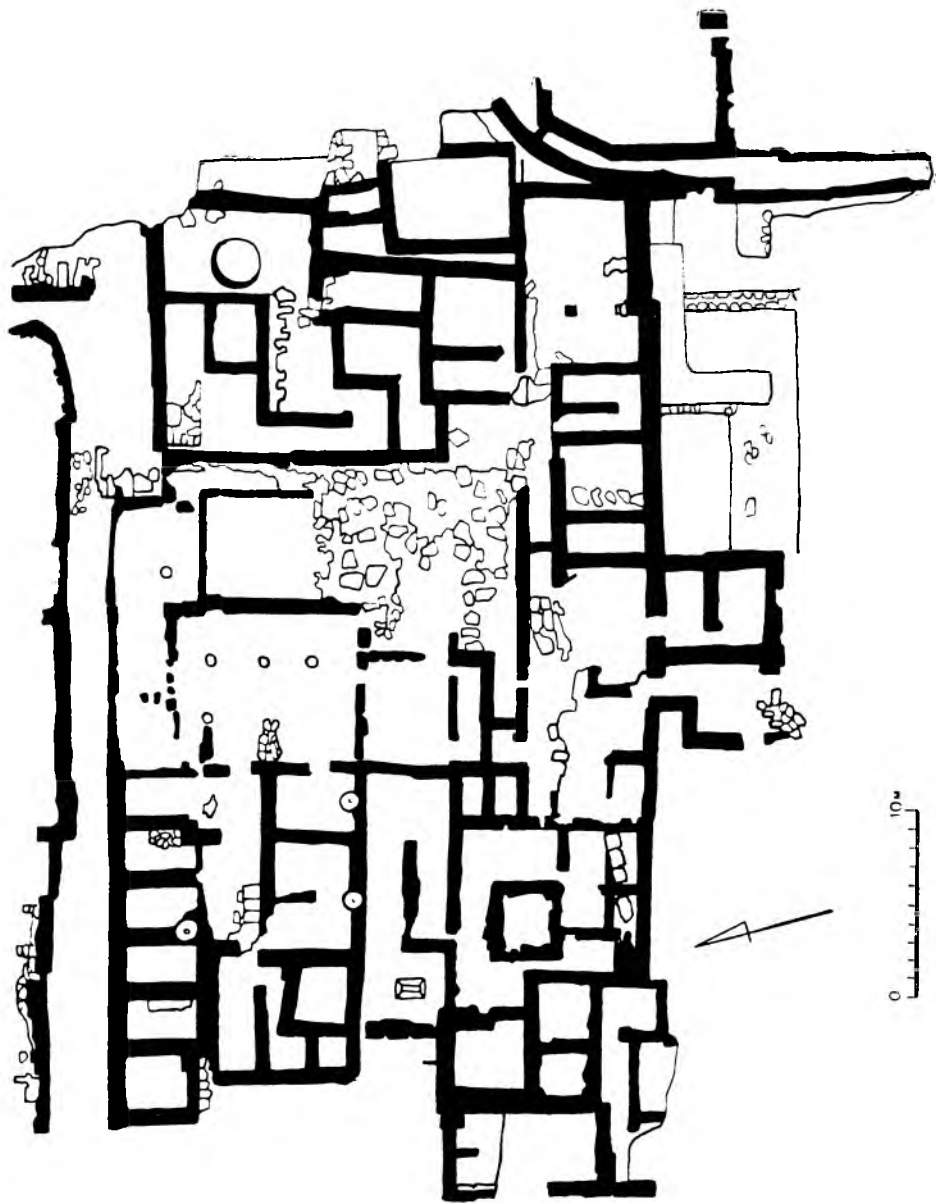

Рис. 28. Дом Е в Малли.

ский археолог. Их планировка отличается беспорядочностью, внешние контуры как бы размыты. В них отсутствуют парадные или ритуальные залы, зато много места занимают кладовые и другие служебные помещения. Несмотря на их близость к дворцу и довольно значительные размеры, эти дома производят в целом впечатление «частных» жилищ, принадлежавших отдельным, иногда, по-видимому, довольно большим семьям.⁹

Неподалеку от северного входа во дворец, в начале так называемой «Гаванской улицы» (*dromos tou Imanion*), были открыты две мастерские, судя по всему, располагавшиеся прямо под открытым небом (Hiller, 1977, S. 144). В одной из них, синхронной «новому дворцу», были найдены отщепы обсидиана и остатки бронзовых инструментов. Вероятно, здесь занимались обработкой камня. Плавильная печь и остатки шлаков, обнаруженные на соседнем участке, ясно показывают, что здесь находилась мастерская бронзолитейщика, как отмечает Платон, одна из самых больших в пределах всего Эгейского мира. Эта мастерская датируется более ранним временем, чем первая: она функционировала уже около 1600 г. до н. э., т. е. еще до постройки «нового дворца». Пока неясно, кому принадлежали эти два «предприятия»: входили они в состав дворцового хозяйства или же были связаны с одним или двумя из находившихся здесь же жилых комплексов. В любом из этих случаев само их наличие плохо вяжется с той картиной примыкающего к дворцу аристократического «селения», которую рисует в своем воображении Платон, говоря об этой части открытого им поселения.

Уже упоминавшаяся «Гаванская улица» прорезала по диагонали восточную часть северного квартала, связывая дворец с морским побережьем и расположенной на нем корабельной стоянкой. К 1977 г. эта улица была прослежена на расстоянии около 30 м при ширине 2,6 м. Вдоль северной ее стороны был устроен водосток. Керамика, найденная в домах, стоявших вдоль улицы, позволяет датировать ее прокладку еще периодом «старых дворцов» (*ibid.*).

Еще до начала раскопок в северной части поселения были открыты фрагменты другого «городского» квартала, примыкавшего к дворцу с юга. Здесь было раскопано пять или шесть домов, между которыми проходила с севера на юг вымощенная плитами узкая улица (Alexiou, 1971, S. 333 f.). В двух домах этого квартала были найдены прессы для выжимания винограда, из чего можно заключить, что занятия сельским хозяйством, и в частности виноделием, занимали немаловажное место в сфере экономических интересов обитателей Като Закро.

Не так давно Дж. Бинтлиф (Bintliff, 1977, pt I, p. 155) выразил свой взгляд на проблему сосуществования дворца и «города» на минойском Крите в звучащей почти афористично формуле: «Дворец либо задерживает развитие окружающей его общины (*domestic community*), как это наблюдается в Кноссе, либо, как в Гурнии, сам приостанавливается в своем развитии, либо, наконец, существует совершенно изолированно в сельской местности (*in the countryside*)». Не касаясь пока двух последних возможностей, поскольку нам еще придется рассматривать их специально в следующих разделах нашей работы, заметим лишь, что первая часть этой формулы («дворец . . . задерживает развитие окружающей его общины»), на наш взгляд, не совсем точно передает существо той

⁹ Один из жилых комплексов, расположенных к северу от «Гаванской улицы», состоял из более чем двух дюжин помещений (Ervin, 1971, p. 311).

реальной ситуации, или, скорее, ситуаций, которые мы можем наблюдать в четырех критских дворцовых центрах. Все, что нам известно в настоящий момент о взаимоотношениях дворца с окружающими его «городскими кварталами», а также и о характере самих этих «кварталов», убеждает нас в том, что речь здесь может идти не столько о задержке развития «городской» общины, сколько о направлении этого развития в новое русло, теперь уже не самостоятельное, а заключенное в рамках сложной системы, которую мы определяем двучленной формулой «дворец-город». Соотношение сил внутри этой системы между двумя основными составляющими ее элементами может колебаться в довольно широком диапазоне. Основными полюсами возникающей при этом шкалы градаций, конечно, в высшей степени приблизительной и неточной, можно, пожалуй, считать ситуации в Кноссе, с одной стороны, и в Като Закро — с другой.

В последнем из этих двух случаев мы наблюдаем относительное равновесие сил между дворцом и «городом». Присутствие первого не отражается сколько-нибудь заметно на структуре и общем состоянии второго. «Город» сохраняет в основных чертах свою прежнюю планировку и, видимо, также характер застройки, как бы пренебрегая появлением дворца в самом его центре. Можно предполагать, что в значительной мере неизменной здесь остается также и сама социальная природа поселения: характер домов, открытых в непосредственной близости от дворца, вполне отвечает тем представлениям, которые ассоциируются обычно с жилищами большесемейных общин, хотя, может быть, не столь значительного масштаба, как дома-поселения эпохи ранней бронзы. Более или менее мирное сосуществование дворца и «города», с которым мы сталкиваемся в Като Закро, скорее всего, соответствует начальной и, видимо, не особенно продолжительной стадии в развитии объединяющей их системы. К тому же и сам дворец Като Закро, находясь на удаленной восточной окраине Критского государства, видимо, просто не обладал достаточным запасом сил для того, чтобы за относительно короткое время своего существования преодолеть инерцию окружающей его общинной среды и направить ее развитие по новому пути.

Совершенно по-иному выглядит ситуация, сложившаяся в этот же или, может быть, несколько более ранний период в Кноссе. Являясь главным политическим и религиозным центром Крита, Кносский дворец, вне всякого сомнения, представлял собой гораздо более мощный социально-хозяйственный организм, нежели маленький дворец Като Закро. Кроме того, он раньше сформировался и позже сошел с исторической сцены. Все это сделало «дворец Миноса» силой, способной к активному преобразованию окружающей социальной среды, и прежде всего — непосредственно соприкасающегося с ним «города» Кносса. Даже имеющийся сейчас в наличии весьма далекий от полноты археологический материал свидетельствует об определенной трансформации примыкающей к дворцу центральной части поселения. Эванс отмечает увеличение площади домов в непосредственной близости от дворца (с началом «новой эры», т. е. ПМІ периода, она увеличилась в среднем примерно на 1/3), а также изменение их архитектурной конструкции (Evans, 1928, pt 1, p. 366 ff.). В течение СМІ—начала СМІІ периодов здесь строились в основном дома башенного типа (tower houses), «которые, — добавляет Эванс (ibid., p. 370), — так хорошо представлены еще до сих пор в наиболее диких частях Албании и Греции». Такие дома изображены на фаянсовых плакетках, составляющих так называемую «городскую мозаику» из «старого дворца» Кносса.

После постройки «нового дворца» или еще в период строительства дома такого типа были вытеснены из его ближайших окрестностей и заменены уже упоминавшимися выше «особняками» вроде «царской виллы» или «южного дома». Есть все основания полагать, что при этом изменился не только архитектурный характер жилой застройки центра Кносса, но и ее социальная природа и функциональное назначение. Теперь вблизи от дворца селятся по преимуществу люди, так или иначе с ним связанные, т. е. представители аристократической элиты, выполняющие разнообразные обязанности административного и ритуального характера в составе придворной иерархии чинов и должностей. Рядовые общинники, возможно, даже некоторые представители старой родовой знати, не наследники своего места в этой иерархии, теперь оттесняются на более удаленную периферию дворцовой округи.

В этот же период население окраинных районов Кносса должно было сильно увеличиться за счет притока извне. Для своего нормального функционирования дворцовое хозяйство Кносса нуждалось в больших количествах рабочей силы. Ремесленники и рабочие самых различных специальностей могли в принудительном порядке или добровольно в надежде на всевозможные льготы переселяться в столицу из других районов Крита и селиться в таких местах, где они постоянно находились бы в поле зрения дворцовой администрации, т. е. на сравнительно небольшом удалении от дворца. Возможно, таким же образом стягивалось в Кносс и население окрестных земледельческих поселков, обремененное различными повинностями в пользу дворца. Однако в силу ограниченности археологической информации пока еще трудно понять, как размещались все эти новопоселенцы на территории дворцовой округи: составляли их жилища одну сплошную зону «городской» застройки или же группировались в серию более или менее компактных «городков-спутников», расположенных на разном удалении друг от друга и от дворца. Остается неясной также судьба первоначальной протогородской общины Кносса: сохранялась она как некое компактное ядро среди общей массы пришедшего населения или же без остатка растворилась в этой массе.

Как бы то ни было, в Кноссе в этот период явно происходит перерастание первичной формы протогорода, характерной для начальных этапов становления минойской цивилизации, в его более зрелую, можно сказать, классическую форму, соответствующую новому, более высокому уровню развития критского общества. Об этом свидетельствует прежде всего трансформация центральной части поселения, которая теперь, несомненно, становится местом концентрации господствующего класса и непосредственно связанного с ним обслуживающего персонала. Здесь особенно выделяется грандиозный комплекс ритуальных сооружений, включающий дворец и его филиалы вроде так называемого «малого дворца». Вокруг этого структурного ядра группируются «городские» кварталы, состоящие по преимуществу из домов сановников («дворцовых функционеров») и жреческой знати. Таким образом, протогород вырастает здесь в полном смысле слова как придаток дворца, своеобразный продукт его жизнедеятельности, что и определяет историческую специфику этой его формы.

Пока еще трудно сказать, насколько далеко продвинулся аналогичный процесс преобразования первичной формы протогорода в Фесте и Маллии. Скорее всего, здесь он остановился где-то на полпути между теми двумя ситуациями, которые мы наблюдаем в Кноссе и Като Закро. Как было уже отмечено, в Маллии прослеживается лишь частичная перепланировка поселения, вероятно, в целях

его переориентации на новый ритуальный центр, т. е. на дворец. О Фесте в этом отношении мы вообще почти ничего не знаем. Вполне возможно, что из четырех дворцовых центров Крита один только Кносс успел сформироваться в классический тип протогорода, близкий к так называемым «городам» Передней Азии, прежде чем был окончательно разрушен на рубеже XV—XIV вв. до н. э.

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ, ИЛИ РЯДОВЫЕ, ПОСЕЛЕНИЯ

Кроме дворцовых центров, в XVII—XV столетиях на Крите существовало множество малых, или рядовых, поселений, довольно сильно различавшихся между собой по характеру застройки и планировки, а также и по занимаемой ими площади. Судя по некоторым признакам, эти поселения составляли некое подобие сельской периферии дворцов, занимая в соответствии с этим нижние ступени в общей иерархии населенных пунктов отдельных районов минойского Крита и всего острова в целом. Наиболее яркими образцами всей этой группы поселений до сих пор остаются три прибрежных городка восточного Крита: Гурния, Палекастро и Псира (на острове того же названия). Все они были открыты еще в начале нынешнего столетия. Позднейшие раскопки на их территории (это относится в основном к двум первым поселениям) имели своим результатом лишь уточнение некоторых деталей, но не внесли никаких существенных изменений в уже сложившееся представление об их размерах и планировке.

Точные размеры этих трех поселений пока неизвестны, поскольку в Гурнии и Палекастро раскопки не были доведены до конца, а в Псире значительная часть древнего городища была уничтожена эрозией почвы. Размеры вскрытых раскопками площадей составляют соответственно в Псире около 15 000 м², в Гурнии — около 25 000 м² и в Палекастро — около 55 000 м². Основываясь на этих цифрах, а также на весьма приблизительно вычисленном количестве домов в каждом из трех поселений, Брэнниген (Branigan, 1972, p. 755) определяет численность населения для Псиры в 400 человек, для Гурнии — 700, для Палекастро — 500 (только в раскопанной части поселения, хотя для всей занятой им территории эта цифра может быть увеличена в три или даже в четыре раза). Впрочем, сам он здесь же скромно квалифицирует эти подсчеты как «немногим более чем простые догадки».

Местоположение всех трех поселений во многом сходно. Гурния и Палекастро были расположены на невысоких холмах вблизи от моря, Псира в основной своей части — на скалистом полуострове. Много общего также и в их планировке (рис. 29—31). Во всех трех случаях она определяется сетью улиц и переулков (или, скорее, проходов между домами), в основных своих чертах сложившейся, как это особенно ясно показали недавние раскопки в Гурнии, еще в период «старых дворцов» (Soles, 1979, p. 151, 155; ср.: Branigan, 1972, p. 753). В расположении улиц и разделяемых ими «кварталов», или блоков домов, трудно уловить признаки какого-то единого, заранее составленного плана (Boyd Hawes et al., 1908, p. 21; Branigan, 1972, p. 753; Press, 1973, p. 7). Скорее напротив — и в Гурнии, и в Палекастро, и в Псире они производят впечатление стихийного, достаточно длительного роста поселения, образующегося лишь с условиями местности и потребностями его обитателей в поддержании связей

Рис. 29. План поземельного поселения Гурнии.

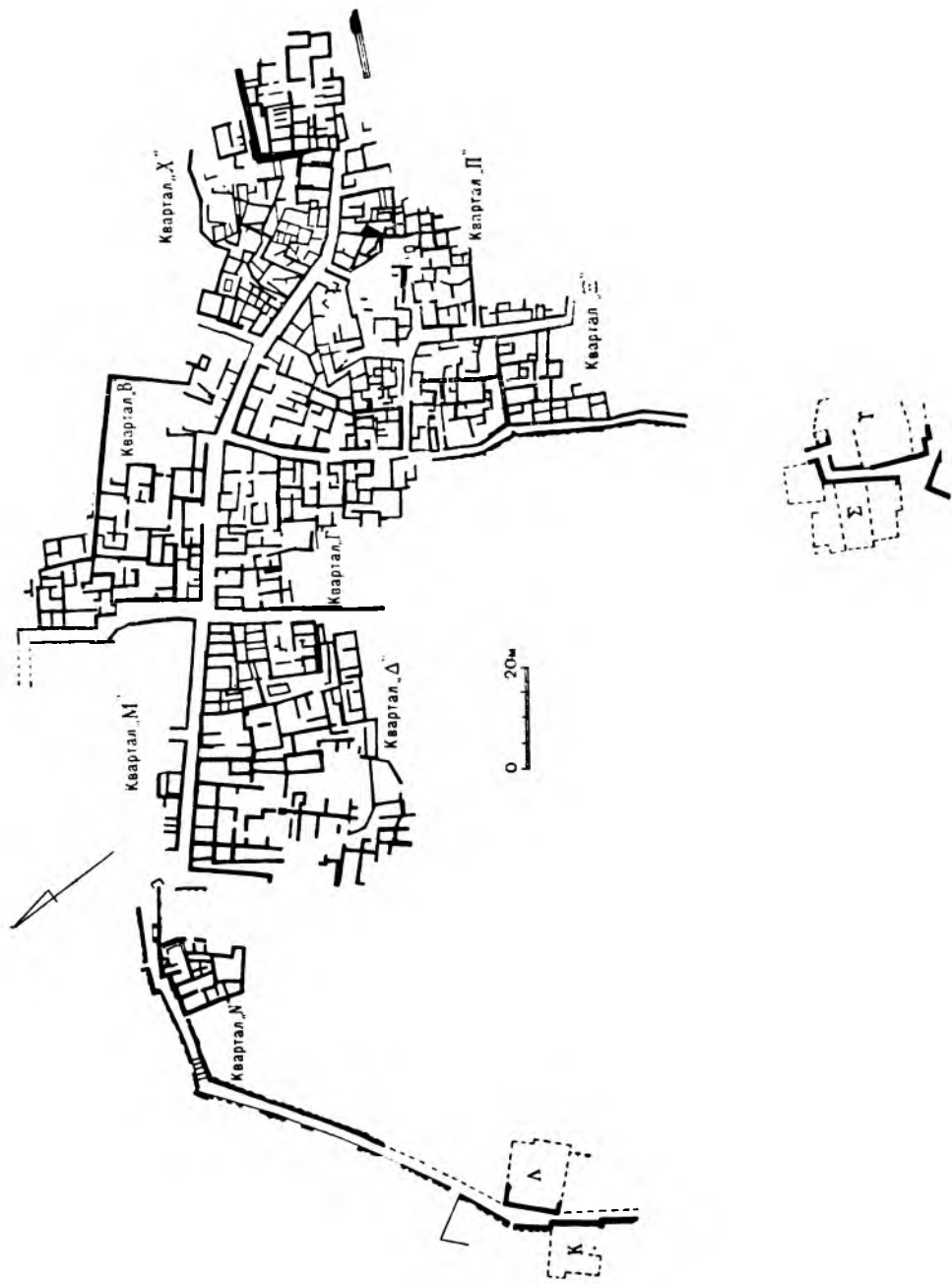

Рис. 30. План позднеминейского поселения Палекастро.

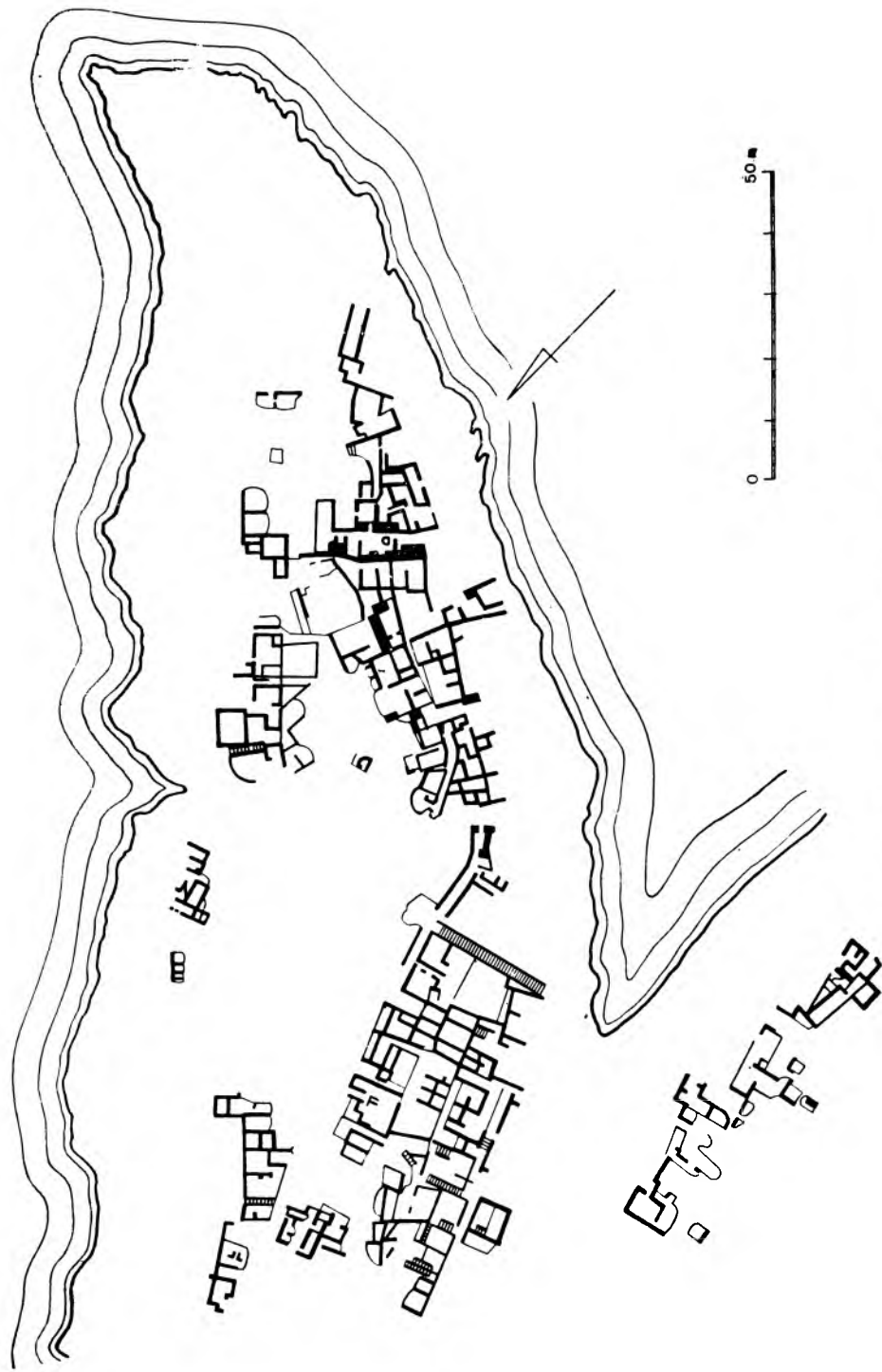

Рис. 31. План позднеримского поселения Петра.

как между собой, так и с внешним миром. Как справедливо замечает К. Брэниген (Branigan, 1972, p. 753; ср.: Seager, 1910, p. 8), в каждом из этих трех случаев структура поселения определяется «одним и тем же простым принципом, в соответствии с которым главная дорога или улица должна быть размещена так, чтобы обслуживать возможно большую часть поселения». В Палекастро и Псире эта улица была проложена вдоль главной оси «города». В Гурнии она образовывала кольцевую магистраль, охватывающую всю центральную часть поселения. От главной улицы расходились в разные стороны боковые переулки или проходы, обычно идущие снизу вверх по склонам холма. Через определенные интервалы, а иногда и по всей длине этих проходов были устроены ступенчатые подъемы и спуски, вымощенные камнем или же (в Псире) вырубленные прямо в скале. В Гурнии и Палекастро вдоль улиц были проложены дренажные стоки для дождевой воды и нечистот, которые выводились из домов с помощью специальных глиняных труб (Boyd Hawes et al., 1908, p. 28; Dawkins, 1904—1905, p. 290). Прокладка сети улиц и переулков, так же как и устройство дренажной системы, несомненно, требовали определенной координации усилий обитателей каждого из трех поселений, что вряд ли было бы возможно при отсутствии хотя бы примитивной общинной организации (Branigan, 1972, p. 754 f.; ср.: Press, 1973, p. 4).

Все три поселения отличаются чрезвычайной плотностью застройки. Дома сгруппированы в блоки, или инсулы, неправильной конфигурации. В Гурнии насчитывается всего шесть таких блоков, в Палекастро — больше двенадцати (Branigan, 1972, p. 755). Величина, а также внутренняя структура инсул могли быть самыми различными. Отдельные дома располагались как по периметру, так и внутри этих планировочных единиц. Так, блок С в Гурнии состоял из пятнадцати внешних и пяти или шести внутренних домов (*ibid.*, p. 756). Проникнуть в эти последние можно было только по чрезвычайно узкому проходу, где с трудом мог протиснуться один человек. Впрочем, даже и главные улицы Гурнии были довольно узкими. Их ширина, по данным Бойд Хэйвз, не превышала 1,5 м (Boyd Hawes et al., 1908, p. 21; ср.: Bosanquet, Dawkins, 1902—1903, p. 278). Как замечает Г. Холл (Hall, 1915, p. 117), по таким улицам нельзя было провести даже вьючное животное. Их, видимо, приходилось разгружать при въезде в «город». Тот же автор, на наш взгляд, весьма удачно сравнивает Гурнию с современным критскими деревнями типа Кавуси (также на востоке Крита). Как в том, так и в другом случае определяющей чертой поселений является сильнейшая скученность и теснота, проистекавшая из стремления разместить возможно большее количество жилых построек на крайне ограниченном пространстве скалистого кряжа или холма, хотя в Гурнии эта спрессованность застройки была выражена, пожалуй, еще сильнее. «Все, — пишет Холл, — (здесь) меньше, чем в наши дни. Человек того времени как будто нуждался в меньшем пространстве, чем теперь». Эта типичная для минойских поселений (не только на востоке Крита, но, видимо, также и на всей остальной его территории) гипертрофированная компактность восходит, как мы уже видели, еще к эпохе ранней бронзы. Ее смысл вполне убедительно объяснила уже первооткрывательница Гурнии Г. Бойд Хэйвз, полагавшая, что превращение всего поселения в некое подобие акрополя, пусть даже и неукрепленного, диктовалось прежде всего стремлением к сведению до минимума непроизводительного расходования массивов плодородной земли (Boyd Hawes et al., 1908, p. 21; ср.: Sinos, 1971, p. 51; Branigan, 1972, p. 756), хотя определенную роль в выборе

именно такого типа застройки могли играть (особенно в древнейший период) также и потребности обороны, и, добавим уже от себя, издавна укоренившиеся в сознании минойцев традиции родовой солидарности.

При первом знакомстве с планами Гурнии, Палекастро и Псиры так называемые «инсулы» производят впечатление случайных скоплений более или менее одинаковых домов, конфигурация и размеры которых зависят лишь от направления прихотливо выходящих между ними боковых улиц и переулков. Может показаться, что царившая в этих трех городках невероятная скученность имела своим прямым следствием крайнюю степень стандартизации быта их обитателей (впрочем, если идти от противного, то можно представить себе самих этих обитателей как массу уже изначально практически почти не различающихся между собой индивидов, именно в силу этой неразличимости отдающих предпочтение жизни в некоем подобии человеческого муравейника перед всякими иными ее формами). Именно так оценивает сложившуюся здесь ситуацию Фр. Матц (Matz, 1973, p. 567): «Эти маленькие городки были заселены сельскохозяйственными рабочими, ремесленниками, рыбаками и матросами, и у нас нет никаких причин для того, чтобы полагать, что между ними существовали сколько-нибудь значительные социальные различия». Пожалуй, из всех трех имеющихся здесь в виду поселений эта оценка в наибольшей степени приложима к Гурнии (рис. 30). И по своим размерам, и по планировке, и по характеру находок ее дома действительно приближаются к некоему стандарту. Среди них очень трудно выделить по-настоящему большие и маленькие строения, если учесть, что самый большой из открытых здесь домов, не считая так называемого «дворца», имеет площадь всего 130 м² (McEneaney, 1982, tabl. 2; ср.: Davaras, 1976, p. 123). Архитектура и планировка жилых домов Гурнии, опять-таки если оставить пока в стороне один только «дворец», отличаются чрезвычайной простотой (Sinon, 1971, S. 50; McEneaney, 1982, p. 10 ff.). В большинстве случаев их первые этажи (а они-то, как правило, и сохранились) заняты тесными помещениями кладовых или мастерских, проникнуть в которые можно было только сверху с помощью переносных лестниц. Реже встречаются более просторные комнаты (иногда со следами вымостки на полу), в которых можно видеть некое подобие вестибюля или приемной (доступ в них обычно открывается прямо с улицы через главный вход). Рядом с этим помещением мог находиться небольшой внутренний дворик или световой колодец, служивший для освещения и вентиляции всей постройки. Жилые комнаты, очевидно, располагались наверху — во втором и, может быть, даже третьем несохранившихся этажах. В целом этот тип жилища, пожалуй, довольно близко соответствует тем «башенным домам» СМ периода, которыми, по предположению Эванса, была первоначально застроена центральная часть Кносса (Evans, 1928, pt 2, p. 562 f.).

Но простоте и бедности своего житейского уклада Гурния занимает едва ли не самое последнее место среди всех поселений восточного Крита. Даже в соседней с ней маленькой Псире удалось выделить по крайней мере два «богатых дома», которые, по словам обследовавшего это поселение П. Сигера, превосходят своими размерами самые большие дома Гурнии (Seager, 1910, p. 14 f.; ср.: McEneaney, 1982, p. 14). Один из этих домов (дом В) выделяется особым богатством сделанных в нем находок, среди которых немало великолепных расписных ваз, каменных ламп и другой утвари. Впрочем, даже и в сравнительно небольших домах Псиры можно встретить настоящие шедевры минойского искусства. Примером могут служить остатки раскрашенного барельефа, изображающего сидя-

пую богиню или просто «даму», которые были найдены в ничем не примечательном строении по соседству с уже упомянутым домом В (Seager, 1910, p. 15; ср.: Hood, 1977, p. 165 ff.), если только не предположить, что это были просто две разные части одного жилого комплекса.

Еще более отчетливо структурная неоднородность поселения, возможно указывающая на определенную социальную дифференцированность занимающей его общины, выражена в планировке самого большого из трех восточнокритских городков Палекастро (рис. 30). Внимательное изучение составляющих его основу жилых массивов (инсул) позволило уже его первооткрывателям Босанке и Даукинсу разграничить внутри них дома или, может быть, жилые отсеки, если предположить, что домами в собственном значении слова были сами эти массивы в их полном объеме (ср.: Warren, 1972, p. 11), заметно различающиеся между собой размерами, а главное — характером планировки (McEnroe, 1982, p. 14). Каждая из четырех инсул (β , γ , δ , ϵ), образующих структурное ядро раскопанной части поселения, включала в свой состав один большой дом,¹⁰ обращенный своей фасадной стороной к «главной улице», с которой все они были непосредственно связаны, и несколько домов меньших размеров с более простой планировкой, теснящихся в тыловых частях жилых массивов, откуда открывался выход в боковые улицы и проулки. Выходящие на «главную улицу» фасады инсул имели довольно внушительный парадный вид благодаря массивной кладке стен (по крайней мере в нижней, сохранившейся своей части они были сложены из больших, хорошо обработанных каменных блоков) и широким (до 4 м), устроенным с претензией на известную монументальность наружным дверям (Bosanquet, Dawkins, 1902—1903, p. 278 f., 290 ff.).

В планировке больших домов Палекастро варьируются в разных сочетаниях, в общем, одни и те же элементы, среди которых особенно выделяется так называемый «мегарон» — большая прямоугольная комната, центральную часть которой занимали, судя по сохранившимся основаниям, четыре опорных столба или колонны, поддерживавшие крышу (Sinos, 1971, S. 52 f.). Между ними, вероятно, находилось отверстие для вывода дыма, вместе с тем служившее и источником света. Мегарон мог помещаться и в самом центре жилого комплекса, как это ясно видно на плане большого дома в блоке β , но мог и оказаться сдвинутым в сторону, как в блоках δ и γ , хотя здесь эта ситуация может быть объяснена как результат неоднократных перестроек, которым подвергались эти дома (Bosanquet, Dawkins, 1902—1903, p. 290 ff.). По сторонам от мегарона располагались другие комнаты, которые могли использоваться и как жилые, и как хозяйственные помещения. В инсулах β и γ , в непосредственной близости от мегарона, были устроены небольшая ванная комната или люстральный бассейн. Кроме закрытых помещений в больших домах имелись внутренние или, может быть, задние дворы. В одном из таких дворов (в блоке β) было устроено какое-то подобие веранды или крытой галереи (*ibid.*, p. 287). В общей массе жилой застройки Палекастро большие дома выделяются не только своими размерами, но также и правильностью, можно даже сказать, симметричностью своих контуров, явно тяготеющих к прямоугольной форме. Эта тенденция особенно ясно выражена в очертаниях большого дома инсулы β , но заметна также и в расположенных напротив блоках γ и δ (Sinos, 1971, S. 53).

¹⁰ Один из этих домов (β 1—22) занимал площадь 435 м² (McEnroe, 1982, tabl. 2), хотя он, видимо, не был самым большим.

Дома, занимающие тыловые и боковые части исул, заметно уступают домам первой группы (некоторые из них представляют собой совсем небольшие зачатки, состоящие всего из двух-трех помещений, как, например, дом 23—25 в блоке β или дом 18—20 в блоке ε) в массивности архитектурных конструкций и в правильности очертаний. В их планировке отсутствуют такие важные элементы, обычно наличествующие в домах первой категории, как мегарон и ванная комната. Различия эти, однако, прослеживаются не везде. Так, в исуле ε дом, выходящий на главную улицу, отличается от двух других домов, примыкающих к нему с тыла, в основном своими размерами и более просторными внутренними помещениями. Мегарон и ванная комната здесь отсутствуют. Эти важные планировочные элементы не выявлены также и в двух довольно больших домах исулы ζ (оба датируются III в. до н. э.; Dawkins, 1904—1905, p. 276 ff.), также обращенных фасадом к главной улице (один из этих домов — 1—17 — отличается чрезвычайной правильностью планировки, напоминающей лучшие дома Кносса и Маллии). Еще менее ощутимы различия между большими и малыми домами в исулах, расположенных на известном удалении от главной улицы. Сюда относятся, в частности, блок ξ, примыкающий с юга к блоку ε, и образующий отдельный участок небольшие блоки σ и υ. Все дома в этих исулах невелики по площади и ничем не примечательны с точки зрения планировки и архитектурного исполнения. В них почти совсем не встречаются массивные «мегалитические» конструкции, характерные для фасадной стороны трех главных исул, вымощенные камнем полы, основания колонн и цветная штукатурка (Dawkins, 1903—1904, p. 208, 215).

Все эти факты легко могут быть истолкованы как прямое указание на социально-престижное членение территории поселения.¹¹ Именно так оценивает ситуацию, открытую английскими раскопками в Палекастро, К. Брэнниген (Branigan, 1972, p. 756; ср.: Tritsch, 1928, S. 27). Он находит возможным выделить внутри поселения «наиболее фешенебельный район» (the most favoured area), образуемый исулами, непосредственно выходящими на главную улицу, и более бедные предместья — блоки κ, λ, σ, υ. В понимании Брэннигена, большие дома центральных исул принадлежали богатым людям, которые целенаправленно скупали земельные участки вдоль главной улицы специально для того, чтобы возводить на них свои жилища, причем владельческие права этих «патрициев» распространялись не только на их собственные дома, но и на всю остальную часть исулы. Небольшие дома, размещавшиеся «на задах» исулы, сдавались ее владельцем в наем каким-то «квартирантам». Не подлежит сомнению, что Брэнниген здесь грубо искажает реальную картину жизни древнего поселения, подвергая ее, по своему обыкновению, сильнейшей модернизации. Отношения, типичные для обществ с развитой частной собственностью, переносятся им в весьма архаичную социальную среду, едва ли с ними по-настоящему знакомую.

За рациональное зерно концепции Брэннигена, которое окажется весьма скромным, если устранить его модернизаторскую оболочку, можно принять, вероятно, то в целом довольно правдоподобное предположение, что центральная часть Палекастро, или район, непосредственно примыкающий к главной улице, был населен людьми, выделяющимися среди общей массы населения своей за-

¹¹ Термин заимствован из книги В. М. Массона (Массон, 1981, с. 101).

житочностью и, видимо, занимающими особое привилегированное положение. Расположенные здесь инсулы необязательно должны рассматриваться как случайные агломерации произвольно и беспорядочно пристроенных друг к другу жилых домов. Их внутренняя структура действительно может восприниматься как отражение определенного рода социальных связей, хотя едва ли это были обычные отношения купли-продажи, связывающие квартиросъемщиков с домовладельцем, которые склонен усматривать здесь Брэнigen. Гораздо более вероятной, а главное — более сообразной с духом времени, которому принадлежит интересующий нас в данный момент археологический памятник, представляется нам другая гипотеза: каждая из инсул находилась во владении одной из социальных групп, из которых состояла занимавшая Палекастро территориальная или, скорее, территориально-родовая община. Внутри каждой такой группы (по всей видимости, это была все та же большесемейная община, хотя и в несколько модифицированном варианте) могли существовать известные градации как имущественного, так и статусного характера, что и нашло свое выражение в структурной неоднородности центральных инсул, в разделении их на фронтальные просторные и хорошо устроенные дома и более невзрачные и тесные тыловые жилища (ср.: Faure, 1973, p. 181 sqq.).

Впрочем, само наличие такого разделения отнюдь не исключает того, что каждая из инсул представляла собой, в сущности, единый жилой и одновременно хозяйственный комплекс, поделенный не на дома в собственном значении этого слова, а скорее на различающиеся по величине и характеру планировки жилые отсеки или, если использовать термин, введенный В. М. Массоном, «квартиры» (Массон, 1981, с. 102). Имея отдельные входы со стороны главной или боковых улиц (наличие таких входов, судя по всему, было для Даукинса и Босанке основным критерием при идентификации отдельных домов внутри каждого блока), эти «квартиры» вполне могли сообщаться между собой где-то на уровне не сохранившихся вторых этажей или же просто по крышам, как это было принято, например, в мексиканских пуэбло (Морган, 1934, с. 92, 102). В этой связи заслуживает внимания и еще одно немаловажное обстоятельство: практически все более или менее определенно идентифицированные помещения хозяйственного назначения были обнаружены в глубине инсул, в их задних пристройках. Таковы, например, помещения 37 в блоке β, где было найдено устройство, напоминающее примитивный сепаратор для производства оливкового масла (Bosanquet, Dawkins, 1902—1903, p. 288), 38 в блоке γ (найденны четыре пифоса, один с остатками обуглившегося гороха; устройство этого помещения натолкнуло Даукинса на мысль, что здесь могла находиться лавка для торговли съестными припасами, хотя гораздо больше оно похоже на обычную кладовую, — *ibid.*, p. 292), 29 в блоке ε, где был обнаружен внешний пресс (*ibid.*, p. 295), и некоторые другие. Кажется маловероятным, чтобы обитатели фронтальных отсеков каждой инсулы, где таких помещений найти не удалось, покупали необходимые им продукты питания у своих «бедных соседей» или же на каком-нибудь гипотетическом «городском рынке». Гораздо естественнее было бы предположить, что занимающая инсулу большесемейная община представляла собой в известном смысле слова единый хозяйственный организм, внутри которого еще продолжали действовать первобытные принципы кооперации и общности имущества, несмотря на отчетливо проявляющуюся тенденцию к бытовому и, видимо, также хозяйственному обособлению отдельных малых семей (ср.: Косвен, 1963, с. 62 сл.).

Структурным ядром каждой из центральных инсул Палекастро был, вне всякого сомнения, большой дом или главный жилой отсек с его относительно правильной конфигурацией и просторными внутренними помещениями. Дополнительные пристройки, размещавшиеся в тылу и по бокам инсулы, появлялись, очевидно, по мере разрастания населявшей ее большой семьи и становились жилищами обособившихся малых семей. Эти пристройки возводились уже без всякой заботы о соблюдении геометрической правильности линий стен и включали в свой состав разнообразные хозяйственные помещения, которые первоначально могли находиться на территории главного жилого отсека. Этот последний превращался, таким образом, в некое подобие парадной, или «чистой», половины всего жилого массива. Здесь могли находиться комнаты, специально предназначенные для совместных трапез всех членов большесемейной общины, для всякого рода торжественных собраний и церемоний (скорее всего, именно эту функцию выполняли так называемые «мегароны»), и, вероятно, также домашние святилища (Bosanquet, Dawkins, 1902—1903, p. 289; Dawkins, 1903—1904, p. 216 ff.). Одновременно главный отсек мог служить жилищем для одной или, может быть, двух-трех малых семей, занимавших особое положение внутри общины благодаря своему богатству и тесно связанному с ним престижу. Скорее всего, эти семьи представляли, как обычно бывает в сообществах такого типа, самое старшее поколение или поколения всего большесемейного коллектива (ср.: Косвен, 1963, с. 62). Таким образом, внутренняя структура инсулы определялась довольно сложным переплетением двух принципов: статусного и функционального.

Как было уже замечено, инсулы, расположенные в стороне от главной улицы и образующие то, что можно, конечно, весьма условно назвать «окраинами» или «предмествами» Палекастро, имели более простую внутреннюю организацию, складываясь из почти одинаковых по величине и планировке домов, и заметно уступали центральным инсулам по занимаемой ими площади. Вероятно, они были заняты менее обеспеченными и именно в силу этого не столь многочисленными семейными общинами (ср.: Косвен, 1963, с. 82). Судя по всему, в их структуре не играл сколько-нибудь заметной роли принцип иерархии поколений. Все составляющие их малые семьи были более или менее равны между собой (ср.: там же, с. 54 слл., 70 слл.). В этом плане периферийные инсулы Палекастро довольно близко напоминают основные кварталы Гурнии с их почти стандартной застройкой (ср.: Branigan, 1972, p. 756 f.).

Сравнительно слабая дифференцированность жилых кварталов Гурнии в какой-то мере компенсируется наличием в этом поселении так называемого «двorca» (Boyd Hawes et al., 1908, p. 24 ff.; Sinos, 1971, S. 65; Graham, 1972, p. 47 f.). Обозначаемая этим в данном случае, конечно, достаточно условным термином постройка занимала самую вершину холма, на склонах которого размещался весь или почти весь городок. Находясь в самой гуще основного жилого массива Гурнии, внутри кольца, образуемого двумя главными улицами, «дворец» и примыкающий к нему с юга «общественный двор» (public court), несомненно, составляли в совокупности то, что можно считать архитектурным центром всего поселения. Это впечатление еще более усиливается благодаря тому, что весь этот комплекс был довольно точно сориентирован с окружающими его блоками жилых домов, конечно, в той мере, в которой это допускала и сама перовная местность, и сообразующаяся с нею в целом крайне беспорядочная застройка поселения. На фоне теснящихся вокруг него невзрачных домишек

«дворец» резко выделяется своими размерами, массивностью стен и геометрической четкостью планировки. Как указывает Г. Бойд Хэйвз (Boyd Hawes et al., 1908, p. 24), он занимал площадь, равную двенадцати или даже более того обычным домам Гурнии, хотя намного меньшую, чем площадь дворцов Феста, Кносса и Тирифа. Согласно Грэхему (Graham, 1972, p. 48), она составляла менее $\frac{1}{3}$ акра, т. е. около 1300 м², что приблизительно соответствует $\frac{1}{10}$ территории, занятой Кносским дворцом. К сожалению, «дворец» плохо сохранился и предлагаемая Бойд Хэйвз реконструкция планировки его нижнего этажа может быть принята лишь как весьма гипотетичная. Более или менее ясно вырисовываются на ее плане лишь группа вытянутых в длину складских помещений в западной части здания, а также контуры северной и частично восточной стен. Размещение в северной части «дворца» «мужских апартаментов» и «женских» в восточной в соответствующем разделе книги Бойд Хэйвз никак не аргументировано. Неясным остается и характер так называемого «центрального зала» (помещение 21), ограниченного с запада портиком из чередующихся столбов и колонн. Некоторые авторы, в том числе Грэхем и Синос, склонны считать его внутренним двором (Sinon, 1971, S. 65; Graham, 1972, p. 49).

Сама миниатюрность «дворца» Гурнии делает затруднительным его сближение с большими дворцами Кносса, Феста, Маллии и Като Закро в плане чисто конструктивным (ср.: Graham, 1972, p. 48). Ближайшие архитектурные аналоги, скорее всего, следует искать среди так называемых «городских» и «сельских вилл». Однако в плане функциональном такое сближение, по-видимому, возможно и хотя бы отчасти оправданно. Подобно всем большим дворцам «дворец» Гурнии представлял собой комбинацию административного здания или резиденции правителя (the local governor, как определила его статус сама Г. Бойд Хэйвз) с ритуальной площадкой, с тем, однако, различием, что здесь эта площадка (мы имеем в виду, конечно, так называемый «общественный двор») была вышесена за пределы дворцового комплекса, образуя интегральную часть общегородской планировки.¹²

Конструктивное сходство «общественного двора» с внутренними дворами дворцов Кносса, Феста и другими кажется очевидным. Он лишь немного уступает им по размерам и имеет примерно такую же ориентацию по сторонам света (Graham, 1972, p. 49). Вместе с тем одна важная деталь в его устройстве, а именно расположенные перед самым входом во «дворец» под углом друг к другу широкие каменные ступени, невольно вызывает в памяти «театральные площадки» Кносса и Феста (ibid.). Такое совмещение конструктивных признаков внешнего и внутреннего дворцовых дворов в одном сооружении, скорее всего, может означать, что в Гурнии сохранился древнейший, еще не расчлененный на более специализированные формы тип ритуальной площадки. Вполне возможно, что и сам «дворец» здесь был, в сущности, лишь несколько модифицированной и упорядоченной формой архаического мегалокомплекса. Как указывает Бойд Хэйвз (Boyd Hawes et al., 1908, p. 24), первоначально он строился как «большой провинциальный дом, ничем, кроме размера, не отличающийся от заурадного сельского жилища» и лишь по истечении некоторого вре-

¹² Небольшое святилище, вероятно, связанное с «дворцом», было открыто к северу от него (Boyd Hawes et al., 1908, p. 26, 47; Hood, 1977, p. 160 ff.). Еще одно могло находиться непосредственно на «общественном дворе», имея вид небольшого портика, пристроенного с юга к «дворцу». Рядом с этой постройкой были найдены обломки каменных «рогов посвящения» и каменная плита, напоминающая алтарь (Graham, 1972, p. 49).

мени был перестроен в соответствии с требованиями новой «дворцовой моды», что нашло свое выражение в использовании массивных каменных блоков взамен прежней «циклопической кладки» из мелкого камня. Однако даже и в этом своем окончательном варианте «дворец», по-видимому, не так уж сильно отличался от уже упоминавшихся больших домов в центральной части Палекастро. Самый большой из них в блоке δ занимал почти такую же, если не большую, площадь, был облицован, по крайней мере со стороны фасада, великолепно отесанными известняковыми плитами и первоначально имел, казалось бы, все основания для того, чтобы считаться дворцом.¹³ Специфичность «дворца» Гурнии, указывающая на выполняемые этим сооружением особые функции, заключена не столько в его архитектуре, сколько в его расположении в самом центре поселения и вместе с тем в относительной изоляции от основного массива его жилой застройки (в отличие от больших домов Палекастро «дворец» не был частью какой-либо инсулы, представляя собой вполне самостоятельную планировочную единицу в общей структуре поселения). Тесная конструктивная связь «дворца» с «общественным двором» (по существу, они образуют вместе единый архитектурный комплекс) также должна предостеречь нас против его отождествления с обычным жилым домом, хотя бы даже и «патрицианским». Можно, по-видимому, согласиться с первооткрывательницей Гурнии Г. Бойд Хэйвз в том, что здесь действительно находилась резиденция местного правителя, хотя определить более точно его политический статус (был ли он наместником верховного правителя Крита, или же туземным родовым вождем, или, наконец, каким-то образом совмещал обе эти ипостаси) мы едва ли сумеем при практически полном отсутствии письменных источников. Наличие особого ритуального и одновременно политического центра может означать, что в иерархии поселений восточного Крита маленькая и сравнительно бедная Гурния занимала более высокое место, чем многолюдное и процветающее Палекастро, если, конечно, не предположить, хотя это и мало вероятно, что в этом последнем поселении аналогичный центр просто пока еще не найден. Если наше предположение все же недалеко от истины, мы можем с полным основанием заключить, что для самих мinoisцев значимость поселения определялась не численностью его жителей и не их богатством, а какими-то иными моментами, возможно, иррационального порядка.

Расположение Гурнии, Палекастро и Псирры в непосредственной близости от моря, на берегу небольших бухт, которые, вероятно, служили в древности удобными корабельными стоянками, дает основание полагать, что основой их благосостояния была в первую очередь морская торговля. Эта мысль особенно импонирует Брэннигену (Branigan, 1972, p. 757), который высказывает предположение, что самые большие и лучшие дома во всех трех поселениях принадлежали «удачливым купцам», тогда как в маленьких домишках ютились земледельцы, своим трудом «кормившие все поселение», и те, «кто различным образом использовался купцами», т. е., по-видимому, ремесленники, моряки и представители других аналогичных профессий. Несколько более дифференцированную оценку экономической жизни трех поселений предлагает А. Зоис, опираясь на соображения экологического порядка (Zoïs, 1982b, S. 209). В его представ-

¹³ На плане в X томе BSA (Dawkins, 1903—1904, pl. IV) он именно так и назван, хотя в других местах вместо palace употребляется mansion (Bosanquet, Dawkins, 1902—1903, p. 279).

ленин, Гурния была по преимуществу сельскохозяйственным центром равнины Ласити, тогда как Псира и Палекастро, к которым он присоединяет также Мохлос и Като Закро, были обязаны своим процветанием главным образом внешней торговле, поскольку вблизи от этих поселений не было достаточных площадей, пригодных для обработки земли. Не отрицая заинтересованности жителей Псиры, Палекастро и других прибрежных поселений восточного Крита в морской торговле, мы должны, однако, заметить, что определить масштабы, направленность и характер этой коммерческой активности сейчас едва ли было бы возможно. Эпизодические находки изделий из золота, слоновой кости, фаянса, единичных предметов египетского или сирийского происхождения показывают, что торговые контакты с восточным Средиземноморьем в этой части Крита были установлены еще в раннеминойское время и, видимо, продолжали развиваться также и во II тыс. (Branigan, 1970a, p. 180 ff.). Однако было бы весьма рискованно утверждать, что именно на этих контактах базировалось благосостояние всех или хотя бы подавляющей части прибрежных поселений, расположенных на восточной оконечности острова, впрочем, так же как и на южном или северном побережьях. Археологический материал не дает никакой основы для столь решительных выводов. Ведь даже и о внутрикритской торговле периода расцвета минойской цивилизации, в частности об экономических связях между поселениями восточного и центрального Крита, мы имеем пока что лишь самые неясные представления, хотя оспаривать сам факт существования такого рода связей было бы, по-видимому, нелогично.

Хотя при первом знакомстве с ними и Гурния, и Палекастро, и Псира вполне могут произвести впечатление «небольших портовых городков», внимательное изучение их планировки обнаруживает странное несоответствие этому впечатлению. Как отмечает с некоторой досадой Брэнниген (Branigan, 1972, p. 757), в них «на удивление трудно распознать постройки, характерные как раз для такого рода городков, а именно лавки, гостиницы, мастерские», и мы, пожалуй, добавили бы еще от себя, — специальные портовые сооружения вроде молов, причалов, верфей и т. п. Согласно вполне резонному замечанию того же автора, наличие кладовых, пифосов или приспособлений для изготовления вина и масла не может служить надежным индикатором для выявления лавок и мастерских, поскольку такие предметы могли находиться в самых обычных жилых домах. Тем не менее, используя некоторые догадки, высказанные в свое время Даукинсом (на наш взгляд, все они очень слабо мотивированы), Брэнниген идентифицирует несколько помещений, будто бы служивших лавками, в блоках γ и ε в Палекастро (ibid.; ср.: Dawkins, 1902—1903, p. 292, 295; McEnroe, 1982, p. 7.)

Следы ремесленной деятельности обнаружены на территории Палекастро в нескольких местах, в основном за пределами центральных инсул. Примерами могут служить два довольно больших скопления глиняных пряслиц, найденных в одном из домов блока ε, гончарный круг, открытый в блоке γ, и каменная форма для литья, найденная в одном из помещений блока δ (Dawkins, 1903—1905, p. 215; Branigan, 1972, p. 757 f.). Эти разрозненные находки слишком скудны, чтобы, основываясь на них, можно было говорить о существовании в Палекастро специализированных ткацких, гончарных или каких-либо иных ремесленных мастерских. Скорее они свидетельствуют о сохранении здесь традиционных (восходящих еще к эпохе неолита) форм домашнего ремесла. В общей массе населения Палекастро ремесленники составляли, судя по всему, лишь

незначительное меньшинство, в основном обслуживавшее внутренние потребности отдельных большесемейных общин.

Результаты раскопок в Гурнии как будто позволяют говорить о более значительной концентрации ремесленного производства в этом поселении, а также, вероятно, и о более высоком уровне его специализации. Находки, так или иначе связанные с различными видами ремесленной деятельности, здесь и более многочисленны, и более репрезентативны, чем в Палекастро, что особенно показательно, если учесть сравнительные размеры этих двух поселений. По словам Г. Бойд Хэйвз (Boyd Hawes et al., 1908, p. 27), находок этих было так много, что работавшие в ее экспедиции местные греческие крестьяне прозвали Гурнию *βιομηχανική πόλις*, т. е. «город мастеров». Сама американская исследовательница называет по крайней мере пять видов ремесла (помимо строительного дела), которые, по ее мнению, должны были особенно процветать в Гурнии. Это — ткачество, изготовление обуви, бронзолитейное дело, производство каменных и терракотовых ваз. Вполне оправданный «патриотизм» первооткрывателя вошел Бойд Хэйвз даже несколько преувеличенные представления о масштабах и изощренности местного ремесленного производства, в частности об искусстве местных гончаров, которым она без достаточных к тому оснований приписала некоторые из найденных ею ваз явно кносского происхождения, в том числе знаменитую вазу с изображением осьминога (*ibid.*).

Конкретный археологический материал, на котором Бойд Хэйвз строит свои выводы, весьма многообразен. Во многих домах Гурнии были найдены разнообразные орудия труда, по всей видимости, использовавшиеся в обычном домашнем обиходе и во многих случаях изготовлявшиеся прямо на месте. Сюда можно отнести, например, каменные топоры и молоты различных размеров и видов (о том, что они изготавливались там же, где были найдены, свидетельствуют часто встречающиеся фрагменты каменных сердечников), каменные или глиняные пряслица (впрочем, они же могли использоваться и как грузила для рыбной ловли), ролики от веретен, изготовленные из глины или, чаще, из стеатита, каменные зернотерки и т. д. (*ibid.*, p. 31 f.). Во время раскопок были найдены также всевозможные изделия из бронзы: пилы, резцы, пила, пробойники, ножи, обычные и для разрезания кожи, щипцы, иглы, крючки ткацкие и рыболовные. В одном месте (дом Fd в северной части поселения) удалось найти целый набор, по-видимому, плотничьих инструментов, включавший двойной топор, балансир (*balance-rip?*), бритву, пилу, крюк, пять резцов, щипцы и пр. (*ibid.*, p. 22). Вполне вероятно, что все эти вещи, так же как и металлические предметы, найденные в других домах, были изготовлены в самой Гурнии. На территории поселения зафиксировано по крайней мере три места, где могли находиться мастерские по обработке бронзы. — это дома Fh и Ea (оба выходили на западную улицу), в которых были найдены литейные формы для изготовления различных инструментов, гвоздей и т. п., а также бронзовый лом и шлаки, и одно из помещений блока С (№ 24), где был обнаружен глиняный тигель (*ibid.*, p. 26, 32 f.).

Расположение одного из этих «предприятий» (в доме Ea) в самом конце западной улицы, неподалеку от северного входа в «город», живо напомнило Бойд Хэйвз (*ibid.*, p. 33) деревенскую кузницу, упоминаемую в «Трудах и днях» Господа (v. 493). Сравнение это едва ли можно признать удачным. Господовская кузница — в известном смысле слова общественное заведение. Недаром поэт ставит ее в один ряд с «харчевней» (лесхой) как место, где обычно собирается вся-

кий празднотающийся сброд. К тому же она — одна на всю деревню. В Гурнии таких мастерских было несколько. Их следы, как было уже сказано, были обнаружены по крайней мере в трех из шести «городских кварталов», хотя они вполне могли существовать также и в трех других инсулах, где никаких признаков их деятельности найти не удалось. Впрочем, даже и трех бронзолитейных мастерских, если представлять их себе как сугубо специализированные, непрерывно работающие ремесленные предприятия, было бы, пожалуй, слишком много для такого небольшого поселения, как Гурния. Эта на первый взгляд загадочная ситуация становится легко объяснимой, если допустить, что упоминавшиеся выше литейные формы и тигель использовались не в специализированных мастерских, а в обычных домашних условиях, хотя, возможно, в специально отведенных для этого помещениях и не постоянно, а лишь от случая к случаю, по мере возникновения надобности в новых орудиях труда или оружии. В этом плане, по-видимому, не было большой разницы между обработкой металла, с одной стороны, и обработкой камня или дерева — с другой, с той лишь оговоркой, что следы обработки металла встречаются все же много реже, поскольку и сам металл в то время был все еще большой редкостью. Распределение гипотетических «кузниц» по инсулам, пожалуй, подтверждает высказанное ранее предположение о том, что в принципе каждая инсула представляла собой единый хозяйственный организм с более или менее ясно выраженными автаркическими тенденциями. В идеале каждая большесемейная община, занимающая один из обособленных кварталов в «общегородском» жилом массиве, вероятно, стремилась к тому, чтобы самой обеспечивать себя необходимым для нормальной хозяйственной деятельности металлом (за счет чего и какими путями происходило такое самообеспечение — вопрос особый) и самой же его обрабатывать. Общины, которым это не удавалось в силу тех или иных причин, неизбежно попадали в зависимость от экономически более сильных коллективов.

Если все эти наши предположения в какой-то мере оправданы и металлургическое производство Гурнии действительно еще и в XVII—XVI вв. до н. э. не сумело оторваться от «материнского лона», натурального хозяйства домашней общины, мы имеем еще больше оснований полагать, что в рамках этой же архаической хозяйственной системы здесь продолжали развиваться и такие не столь «престижные» отрасли ремесла, как гончарное дело, ткачество, обработка камня, кожи, дерева и кости. Вещественные остатки, указывающие на существование такого рода домашних промыслов, встречаются достаточно часто (практически почти на всей территории поселения), чтобы можно было говорить об их массовом характере. Примерами могут служить уже упоминавшиеся каменные и глиняные пряслица и ролики от веретен, втулки (сердечники) от каменных молотов и топоров, приспособления (типа сапожных колодок) для изготовления обуви, инструменты для лощения керамики, растирания красок и т. п. (*ibid.*, p. 31 f.). Среди этого массового материала стоят особняком также действительно редкие и интересные находки, как восемь гончарных кругов, открытых в одном из домов в южной части поселения (Branigan, 1972, p. 758), уже упоминавшийся набор плотничьих инструментов из дома Fd или глиняный ящик с красками, возможно, принадлежавший художнику-вазописцу (Boyd Hawes et al., 1908, p. 32). Находки такого рода, безусловно, свидетельствуют об определенной специализации ремесленного производства, по крайней мере в некоторых его отраслях, хотя специализация эта, скорее всего, осуществлялась на таком уровне, который вполне мог быть достигнут

в рамках замкнутого производственного цикла домашней общины (ср. выше, о ремесленной специализации в Миртосе).

Исключительное богатство Гурнии всевозможными орудиями труда и технологическими приспособлениями заметно выделяет ее на фоне других поселений восточного Крита, оправдывая довольно прочно закрепившуюся за ней репутацию «индустриального центра» (Hutchinson, 1962, p. 287). Различие это, однако, скорее кажущееся, чем действительное и вытекает не столько из реальной специфики экономического развития этих поселений, сколько из различия их последующих исторических судеб. Разнообразный хозяйственный инвентарь, и в том числе бронзовые изделия, найденные в домах Гурнии, сохранился так хорошо, видимо, благодаря тому, что поселение было разрушено внезапно и впоследствии в основной своей части оставалось незаселенным (Boyd Hawes et al., 1908, p. 22). Напротив, в Палекастро таких вещей сохранилось сравнительно немного отчасти, может быть, потому, что они были заблаговременно вынесены из поселения (это относится, конечно, в первую очередь к изделиям из металла), в основном же вследствие неоднократных повторных заселений занимаемого им места (они продолжались вплоть до конца минойской эпохи и в еще более поздние времена). В отчете П. Спгера о раскопках в Псире орудия труда и рядовая хозяйственная утварь практически почти не упоминаются, возможно потому, что их и в самом деле было очень мало, а может быть, потому, что на них не обратил должного внимания сам американский археолог, увлеченный поисками шедевров минойского искусства.

В целом, несмотря на вероятность определенного варьирования частных деталей, экономика всех трех поселений может оцениваться как более или менее однотипная, сводящаяся к разным комбинациям одних и тех же элементов или видов хозяйственной деятельности. В их число, несомненно, должны быть включены земледелие и, вероятно, развивавшееся лишь в ограниченных масштабах скотоводство (о находках костей домашних животных в отчетах нет почти никаких упоминаний), далее рыболовство, безусловно, служившее здесь, как и почти повсюду на Крите, важным дополнительным источником продуктов питания, возможно, также пиратство, затем посившая скорее эпизодический, нерегулярный характер торговля и, наконец, ремесло, в основном практиковавшееся в форме разного рода домашних промыслов. Все эти способы добывания средств существования были в пределах возможностей отдельных большесемейных общин и лишь в редких случаях (например, при организации какой-нибудь особенно далекой и опасной пиратской или торговой экспедиции) требовали объединенных усилий нескольких таких коллективов. Во всех возможных комбинациях этих видов хозяйственной деятельности ведущее место, несомненно, принадлежало земледелию¹⁴ и, по крайней мере в некоторых случаях (например, в жизни островитян, населявших Псиру и Мохлос), развивавшемуся на более или менее паритетных началах или даже опережавшему его рыболовству. Об этом свидетельствуют кладовые с пифосами и амфорами

¹⁴ Картографирование наиболее густо заселенных районов минойского Крита, в том числе и побережья зал. Мирабелло, где находились Гурния, Псира, Василики и другие населенные пункты, показало, что практически вся пригодная для обработки земля была распределена между соседними поселениями таким образом, что сельскохозяйственная территория каждого из них занимала очень небольшую площадь, не превышающую 2—4 км в диаметре (Warren, 1984, p. 40 ff.).

для хранения вина и масла, открытые во многих домах Гурнии, Палекастро и Псиры, а также найденные в некоторых местах приспособления для очистки оливкового масла и прессы для выжимания винограда (*ibid.*, p. 27 f.; Bosanquet, Dawkins, 1902—1903, p. 295; Dawkins, 1903—1904, p. 290 ff.).

Можно предполагать, что типологически сходные с Гурнией, Палекастро и Псирой поселения существовали как на востоке, так и в центральных районах Крита, хотя, ввиду чрезвычайно слабой их изученности, прямое уподобление лишь в редких случаях оказывается возможным. Так, поселение на о. Мохлос (в заливе Мирабелло), бегло обследованное П. Сигером в 1908 г., обнаруживает явные признаки сходства с расположенной по соседству Псирой (Seager, 1912; Soles, 1978, p. 11 ff.). Раскопки выявили здесь несколько блоков домов, разделенных узкими, вымощенными булыжником улицами. Подобно Псире и Палекастро поселение на Мохлосе (по крайней мере в раскопанной его части) было лишено ясно выраженного архитектурного центра. Несколько иную структуру, более напоминающую планировку Гурнии, имеет поселение Пиргос, открытое английскими археологами под руководством Дж. Кэдогена уже в 70-е годы в окрестностях Миртоса (восточный Крит), неподалеку от уже известного нам поселения раннеминойской эпохи в Фурну Корифи (Catling, 1971, p. 30 f.; 1972, p. 24 f.; 1974, p. 37 f.; Hiller, 1977, S. 161 f.). Насколько позволяют судить предварительные описания, поселение было расположено террасами по склону холма, вершину которого занимала большая вилла, или «сельский дом» (*country house*), как называет ее Кэдоген, хотя название это, если учесть местоположение виллы примерно в центре большого жилого массива, едва ли можно признать соответствующим действительному положению вещей. В состав архитектурного комплекса виллы входили мощный двор с цистерной для воды, небольшое святилище, три высеченных в скале подземных помещения, световой колодец с имплювием, монументальная лестница, которая вела в частично сохранившиеся помещения второго этажа, и, наконец, несколько кладовых с пифосами. В одном из помещений виллы была найдена табличка со знаками линейного А письма, из чего можно заключить, что здесь находился административный центр поселения, возможно, контролировавший весь округ Миртоса. С жилыми кварталами на восточном склоне холма вилла соединялась улицей, которая, по словам Кэдогена, близко напоминает улицы Гурнии (см.: Catling, 1974, p. 37). Раскопки в Пиргосе показали, что поселение, окружающее виллу, в целом намного древнее, чем она сама. Некоторые его части датируются СМ I или даже РМ III периодами, тогда как древнейший материал, найденный в пределах виллы, не старше СМ III периода (Catling, 1972, p. 24; 1974, p. 38; Hiller, 1977, S. 161 f.). Отсюда следует, что вилла не может считаться структурным ядром поселения и вообще его интегральной, органической частью — ситуация, во многом напоминающая то, что нам уже приходилось наблюдать в крупнейших дворцовых центрах Крита.

Архитектурные комплексы, близко напоминающие по своим конструктивным особенностям виллу Пиргоса, были уже и ранее известны во многих местах на территории как восточного, так и центрального Крита. Примерами могут служить открытые в разное время более или менее однотипные постройки в Тилиссе, Амнисе, Ниру Хане, Склавокамбосе, Гортине (центральный Крит). До недавнего времени все они без разбора зачислялись в разряд «сельских вилл». Теперь многие из них расцениваются как выхваченные из своего первоначального «контекста» фрагменты «городской» застройки (Zois, 1982b, S. 207).

К сожалению, во всех этих случаях мы почти ничего не знаем о самом этом «контексте», поскольку он пока еще в достаточной мере не выявлен раскопками.

Особое место среди поселений периода «новых дворцов» занимает Коммос (южное побережье Крита неподалеку от Феста), раскопки которого уже в течение ряда лет (начиная с 1976 г.) осуществляются канадской археологической экспедицией под руководством Дж. Шоу (подробные отчеты см. в журнале «Hesperia» за 1977—1984 гг.). Судя по некоторым признакам, это поселение было крупнейшим портом на всем южном побережье Крита, своего рода «морскими воротами» для дворцов Феста и Айя Триады (Shaw, 1982, p. 192 ff.), чем, по-видимому, и обусловлено своеобразие его планировки. При первом взгляде на уже открытые раскопками части поселения (см. рис. 32; по: Shaw, 1984, fig. 1) поражает резкий контраст между собственно жилыми кварталами, занимающими вершину и южный склон господствующего над местностью холма, и расположенным у его подножия на спуске к морю припортовым районом. Хаотично сгруппированные ячейки жилых домов явно строились без всякой видимой системы, подчиняясь лишь рельефу местности и прихотям отдельных домовладельцев. В их беспорядочной массе трудно разграничить отдельные жилые комплексы и почти невозможно уловить хотя бы намек на разделяющие эти комплексы улицы. Беспорядку и сумятице жилого массива противостоят монументальные, четко очерченные формы «гражданских» зданий у подножия холма. В настоящее время раскопана лишь часть некогда существовавшего здесь архитектурного ансамбля (его обследование сильно затрудняют здания надстроенных над минойскими руинами архаических греческих храмов). Тем не менее даже и по этой, видимо, небольшой части уже можно судить о масштабах замысла работавших здесь минойских зодчих. Весь припортовый район был прорезан широкой мощеной улицей, идущей по прямой линии с запада на восток. Вдоль южной ее стороны тянулась массивная стена из тесаного камня, в основании выложенная глыбами ортостатов. Длина уже открытого ее отрезка составляет не меньше 50 м, хотя полная ее протяженность могла, согласно расчетам Шоу (Shaw, 1984, p. 262), достигать 70 м. Эта стена соединяла между собой два больших прямоугольных здания (на плане они обозначены литерами J и T), открывавшихся в просторный двор, вымощенный галькой. Между зданиями был устроен строго параллельно наружной стене портик, или стоя, от которого сохранились основания колонн (ibid., p. 269 ff.). Назначение этих построек остается пока неясным. Шоу уверен лишь в том, что это были именно «гражданские», или «общественные», здания, образующие «монументальный вход в город со стороны Ливийского моря» (Shaw, 1982, p. 175; 1984, p. 284). Некоторые их части могли использоваться как складские помещения (Shaw, 1984, p. 286). О других пока трудно сказать что-либо определенное. Ясно только, что это не могли быть жилые дома. Весь ансамбль настолько грандиозен, что, по словам Шоу (ibid., p. 284), «он далеко выходит за рамки любой концепции домашней архитектуры, известной на Крите». Для его возведения было явно недостаточно хозяйственных ресурсов одного только Коммоса. Как думает Шоу (ibid., p. 286), для этого потребовались бы ресурсы, которые можно было собрать лишь со всей западной Месары, для чего было бы необходимо соответствующее решение правителей Феста. Заметим еще, что хронологически жилые кварталы Коммоса намного старше, чем сооружения припортового района: в своих древнейших частях они восходят еще к СМІВ периоду, тогда как здания J и T и со-

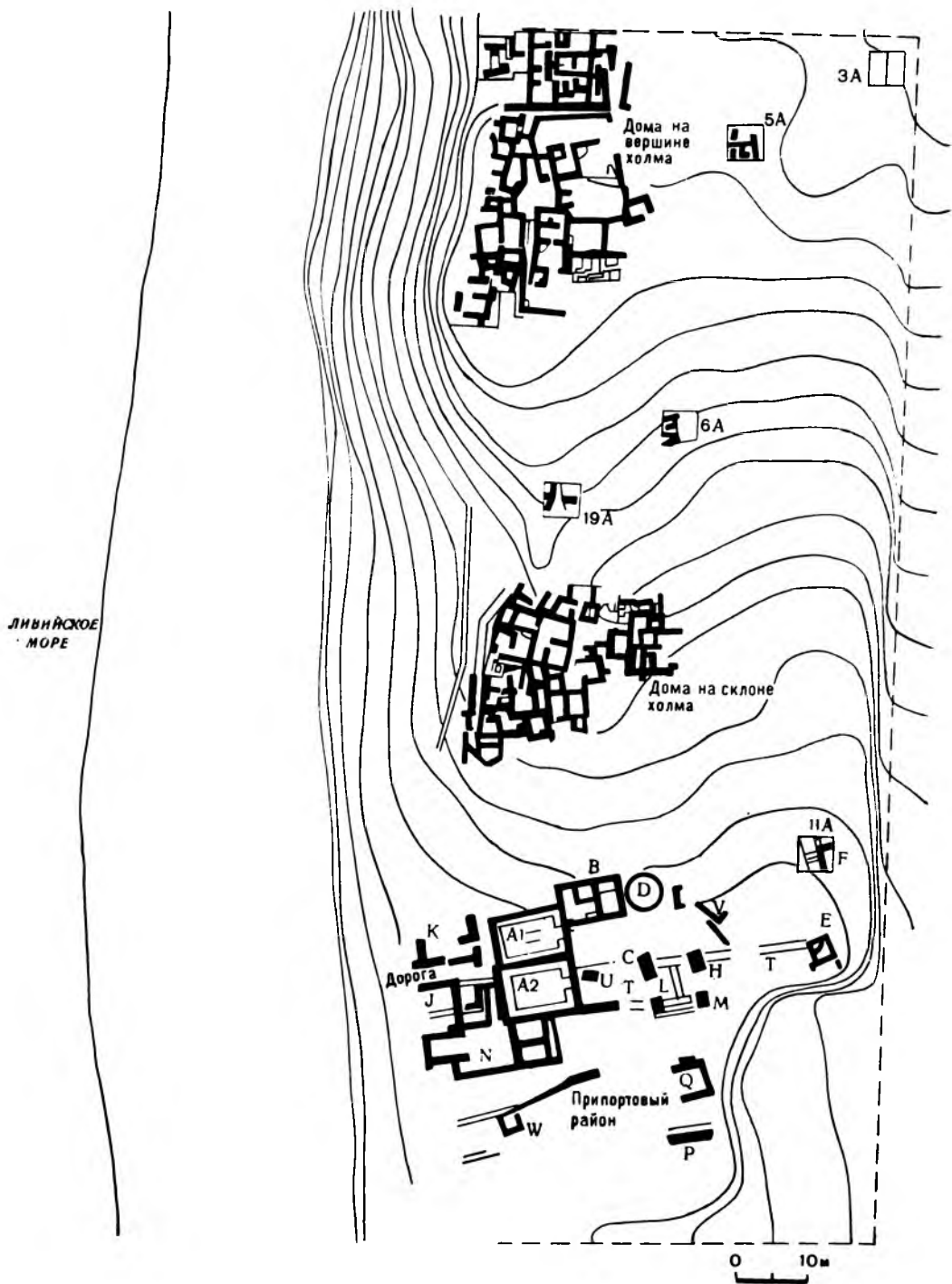

Рис. 32. План среднеминойско-позднеминойского поселения Коммос.

единяющая их стена датируются PMI—PMII периодами (Shaw, 1982, p. 192; 1984, p. 257).

Изучение малых поселений Крита в целом еще раз подтверждает вывод, к которому мы уже пришли в первом разделе этой главы, анализируя планировку таких дворцовых центров, как Маллия и Като Закро. В своем окончательном виде этот вывод может быть, очевидно, сформулирован следующим образом. В отличие от некоторых восточных царей, эллинистических монархов и римских императоров правители минойского Крита не проводили широкой и планомерной градостроительной политики, основывая новые поселения в еще необжитых местах. Располагая сравнительно скромными материальными ресурсами и стремясь поэтому в каждом конкретном случае к минимальной затрате сил и средств, они довольствовались лишь тем, что производили своеобразную «прививку» начатков цивилизации и государственного порядка своим подданным, еще не вполне оторвавшимся от материнского лона родового строя. С этой целью они возводили в уже существующих, давно сложившихся поселениях отдельные здания и целые архитектурные комплексы, призванные выполнять функции административных, хозяйственных и культовых центров в пределах больших и малых округов и районов Критского государства. В реальности этой тенденции нас убеждают примеры не только Маллии и Като Закро, но также и Гурнии, Пиргоса и, наконец, Коммоса.

СЕЛЬСКИЕ ВИЛЛЫ

Сельская вилла, пожалуй, наименее ясно выраженная таксономическая единица в общей иерархии критских поселений периода расцвета минойской цивилизации. Еще недавно в эту категорию безоговорочно включались почти все более или менее крупные одиночные постройки, в непосредственной близости от которых не удалось обнаружить никаких следов примыкающего к ним поселения. Теперь, однако, наступил период сомнений и колебаний. В своей статье под интригующим названием «Существовала ли минойская сельская знать?» Кэдоген насчитал около дюжины сельских усадеб, включив в это число одиночные строения, открытые в Монастираки, Склавокамбосе, Тилиссе, Вафипетроне, Амнисе, Ниру Хани, Митрополисе, Пиргосе, Манаресе, Зу и Ано Закро (Cadogan, 1971, p. 145).¹⁵ В 1973 г. Матц назвал десять построек этого типа, включив в свой перечень несколько villas, отсутствующих в списке Кэдогена, и опустив некоторые из числа уже названных (Matz, 1973, p. 566). В последнем по времени перечне сельских villas, составленном Зоисом (Zois, 1982b, S. 207), значатся девять названий, среди которых пять новых, отсутствующих и у Кэдогена, и у Матца. При этом, однако, Зоис переводит в разряд «малых» и даже «крупных городов» некоторые из поселений, считавшихся прежде сельскими виллами, в том числе Пиргос, Монастираки, Ниру Хани (они включены в категорию «малых дворцовых городов»), Тилисс, который трактуется теперь как «независимый крупный город», Амнис и Склавокамбос (отнесены к разряду «малых городов без ясно выраженного центрального здания»).

¹⁵ Называя эти постройки «сельскими усадьбами» или «виллами», Кэдоген тем не менее признает, что многие из них находились внутри поселений (Cadogan, 1971, p. 146).

Создается впечатление, что у Зонса и его предшественников просто не было сколько-нибудь четких критериев, с помощью которых можно было бы отличить сельскую виллу от однотипной с нею «городской» постройки. Вероятно, наиболее надежным среди таких критериев следовало бы признать отсутствие в ближайших окрестностях виллы каких-либо других, прямо с ней не связанных строений. Но именно этот момент чаще всего и остается тем «неизвестным», без которого невозможно решить и все остальное «уравнение». Правда, если верить Сп. Маринатосу (Marinatos, 1973a, S. 40), в ближайших окрестностях сельских вилл обычно не удается найти ни одного черепка, который можно было бы связать с некогда существовавшим здесь поселением. Отсюда логически вытекает, что постройки такого рода, как правило, ставились посреди обширных земельных наделов, на большом удалении от всяких иных человеческих жилищ (ср.: Cadogan, 1971, p. 146). Это утверждение греческого археолога нуждается, однако, в серьезной проверке.¹⁶ До тех пор пока такая проверка не будет произведена, факт абсолютной изолированности сельских вилл нельзя считать вполне доказанным.

В чисто архитектурном отношении так называемые виллы почти ничем не отличаются от богатых «городских» домов, а иногда даже и превосходят их сложностью планировки и великолепием внутреннего убранства. Некоторые из них, например виллы Тилисса, Ниру Хани, Амниса и др., даже приравниваются к «малым дворцам» Кносса и Гурнии (Marinatos, 1960, p. 18, 28; Sinos, 1971, S. 64 f.; Graham, 1972, p. 72). Основные элементы планировки больших вилл Тилисса и Ниру Хани в общем идентичны внутренним помещениям аристократических домов Кносса и Маллии (рис. 33, 34). В их число входят большой зал с передней (forehall), люстральный бассейн, световые колодцы, крипта с подпорным столбом, приватные помещения (видимо, женские покои) и т. п. (McEnroe, 1982, p. 3 ff., tab. 1). Совпадают также многие детали архитектурной отделки домов, элементы внутреннего декора, применяемые строительные материалы и т. п. (ibid., tab. 2). Подобное же сходство обнаруживается между виллами Ахладии и Склавокамбоса и некоторыми домами Маллии и Палекастро (ibid., tab. 1, 2).

Почти в каждой вилле существовала особая группа хозяйственных помещений (иногда они занимают отдельное восточное крыло комплекса). Некоторые из них использовались как кладовые, насколько можно судить по сохранившимся в них пифосам. В других удалось обнаружить следы производственной деятельности. Примерами могут служить винные, или, может быть, масличные прессы, открытые в Вафипетроне (центральный Крит, южнее Кносса) (Davaras, 1976, p. 336) и в Эпано Закро (восточный Крит, недалеко от Като Закро) (Hiller, 1977, S. 157). Наличие такого рода помещений в той или иной вилле само по себе еще не может считаться неоспоримым доказательством того, что это был именно сельский или загородный дом, ибо вполне аналогичные устройства и комнаты с пифосами нередко встречаются также и в явно «городских» домах, например в Гурнии и Палекастро (см. выше; ср.: Faure, 1973, p. 135).

Из всего этого следует, что сам термин «сельская вилла», так же, впрочем, как и заменяющие его наименования «усадеб», «господский дом» (mansion, Herrensitze), носит в достаточной мере условный характер. В действитель-

¹⁶ Следы жилой застройки были открыты, например, в Амнисе неподалеку от виллы, которую в свое время обнаружил здесь Маринатос (Daux, 1966, p. 778).

ности же за этим термином скрывается довольно большая группа более или менее однотипных архитектурных комплексов, среди которых одни могли существовать изолированно, вдалеке от других поселений (собственно сельские виллы), другие же строились в пределах, иногда прямо в центре, уже существующих поселений («городские» виллы).

Для понимания природы «сельских вилл» большое значение имеет факт их почти синхронного возникновения одновременно во многих пунктах, разбросанных по территории центрального и восточного Крита, и столь же синхронного исчезновения. Согласно Маринатосу (Marinatos, 1960, p. 18), «продолжительность жизни» подавляющего большинства этих построек была очень небольшой: в сущности, она ограничивалась рамками одного столетия — с 1600 по 1500 г. до н. э. или даже менее того. Со своей стороны, Кэдоген несколько раздвигает границы этого хронологического отрезка, относя появление первых вилл к SMIII периоду, а их гибель — ко времени около 1450 г. до н. э. (Cadogan, 1971, p. 145). Как бы то ни было, время «жизни» вилл в основном совпадает с периодом существования самих «новых дворцов», из чего можно заключить, что как те, так и другие возникли в процессе осуществления одной и той же широкой строительной программы и уже в силу этого были тесно между собой связаны. Уже Маринатос высказывал предположение, что виллы могли быть центрами каких-то административных округов, исходя из того, что все они располагались на удалении в среднем от 7 до 10 миль одна от другой (Marinatos, 1960, p. 18). Сообразно с этим жившие в них лица должны были занимать важные светские и духовные должности. Эта гипотеза была затем подхвачена и развита Кэдогеном (Cadogan, 1971, p. 146). В его понимании, «сельские виллы» выполняли функции локальных центров в сложной административной системе, контролировавшей поступление податей в дворцовую казну. В соответствии с этим обитатели вилл выступали в роли посредников между земледельческим населением своих округов и центральной властью. Тем самым они способствовали интеграции критского общества одновременно в социально-политическом, экономическом и, видимо, также идеологическом (религиозном) планах. На наш взгляд, такая интерпретация имеющихся фактов не лишена известных оснований. Правда, далее Кэдоген (*ibid.*, p. 148) указывает, что лица, занимавшие виллы, не могли быть простыми чиновниками, состоявшими на государственной службе. В большинстве своем это были крупные землевладельцы, вложившие в землю капитал, нажитый торговлей. Это последнее предположение представляется нам очень слабо обоснованным и совершенно излишним. Конечно, обитатели вилл могли владеть земельными наделами в ближайших окрестностях, хотя скорее на правах держателей государственной или общинной земли, чем полповластных частных собственников. Однако их богатство было скорее производным от их социального статуса, нежели его предпосылкой. Сам Кэдоген достаточно ясно показывает, что возникновение «сельских вилл» может быть вполне логично объяснено и вне связи с «экономической революцией» XVII—XVI вв. до н. э.,¹⁷ просто как необходимое следствие становления

¹⁷ Сам Кэдоген (*ibid.*, p. 147) связывает эту «революцию» с открытием новых источников меди и олова в Центральной Европе и перемещением торговых путей из Восточного Средиземноморья на Балканы. Следствием этого будто бы и было возникновение «сельских вилл», поскольку критские купцы, разбогатевшие на торговле с Востоком, теперь начали вкладывать свой капитал в покупку земли. На наш взгляд, эта гипотеза лишена каких бы то ни было оснований (ср.: Christopoulos, 1974, p. 194).

Рис. 33. Комплекс из трех «вилл» в Тбилисе.

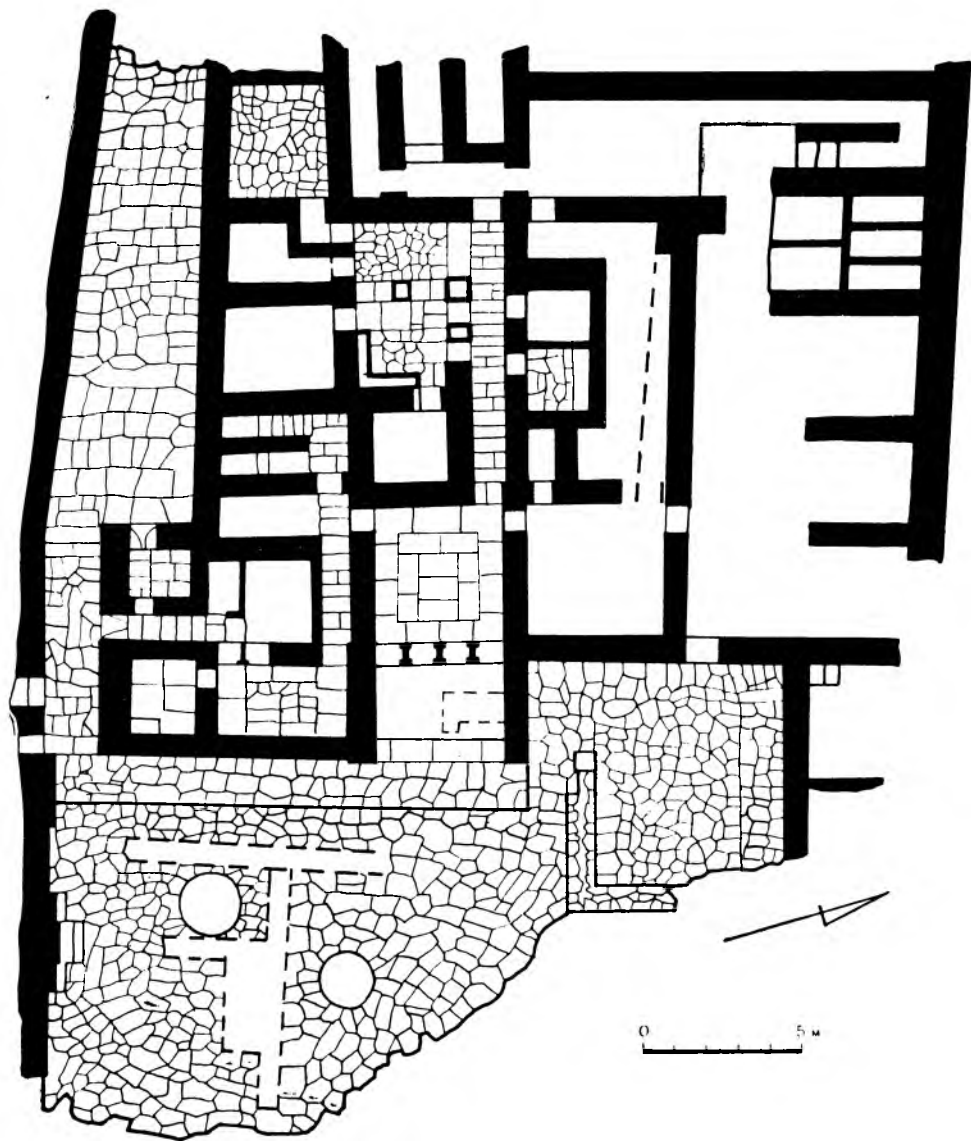

Рис. 34. «Вилла» в Ниру Хани.

критского централизованного государства с его системой дворцовых хозяйств. Как своеобразные «филиалы» или, может быть, административные, хозяйственные и, видимо, также ритуальные¹⁸ «аванпосты» дворцовых центров собственно сельские виллы, по-видимому, принципиально не отличались от вилл «городских» типа «господского дома» в Пиргосе или «малого дворца» в Гурнии. Основное различие между ними заключалось не в выполняемых ими функциях, а единственно в их местоположении: в то время как первые находились в относительной изоляции, на известном удалении от опекаемых и контролируемых ими земледельческих поселений, вторые строились прямо посреди этих поселений, поддерживая с их обитателями непосредственную связь. Чем диктовался выбор того или иного местоположения виллы, сейчас, конечно, невозможно установить.

* * *

После всего изложенного выше нам остается лишь так или иначе соотнести три основные категории минойских поселений с той общей типологической шкалой поселений эпохи бронзы, которую мы наметили во вступлении. Следует отметить, что задача эта достаточно трудна и в настоящий момент, ввиду крайней неполноты имеющегося информативного материала, может быть решена лишь в предварительно-гипотетическом плане. Тем не менее, учитывая чрезвычайно широкий размах и хорошую научную постановку ведущихся сейчас на Крите полевых археологических исследований, мы вправе допустить, что основные звенья типологического ряда критских поселений в настоящее время уже выявлены. В свою очередь это дает известную основу для предположений относительно социальной природы и исторического характера самих этих звеньев.

Не подлежит сомнению, что основным залогом богатства и благосостояния минойского общества в пору его расцвета был тяжелый труд многотысячной армии критских крестьян-земледельцев и пастухов. В имеющейся литературе, однако, довольно трудно пайти ответ на, казалось бы, простой и естественный вопрос: где именно, в какого рода поселениях обитало все это производящее население Крита? Совершенно ясно, что его основная масса никак не могла бы разместиться в так называемых «сельских виллах», если учесть как сравнительно небольшие размеры этих построек, так и их сугубо специальное назначение, о котором уже было сказано выше. Остается предположить, что главными местами его обитания были поселения, причисленные нами к разряду «рядовых», или «периферийных», т. е. Гурния, Псира, Палекастро, Пиргос, Коммос и другие им подобные, о которых мы пока еще не располагаем достаточной археологической информацией.

В этой связи особого внимания заслуживает типология минойских жилищ периода «новых дворцов», разработанная канадским исследователем Мак Энро (McEnroe, 1982). Все известные сейчас жилые дома этого времени (всего около 180 построек из разных поселений) он предлагает разделить на три основных группы или типа. Дома первого типа составляют всего 11 % от общей массы

¹⁸ Во время раскопок в некоторых из «сельских вилл» были обнаружены большие скопления культовой утвари, а также помещения (типа домашних святилищ), определенно не пользовавшиеся для культовых целей. Особенно богата такими находками виλλα в Ниру Хант неподалеку от Кносса (Evans, 1928, pt 1, p. 281 ff.).

обследованных жилищ (*ibid.*, p. 7). В эту группу входят самые большие и «фешенебельные» дома дворцовых центров Кносса и Маллии и виллы Тилисса и Ниру Хани. Вторая группа, составляющая 19 % всех обследованных жилищ (*ibid.*, p. 10), включает в себя более скромные постройки с более простой планировкой. В таблицах, составленных Мак Энро (*ibid.*, p. 18 f., tabl. 1—2), она представлена девятью домами из Маллии, Като Закро, Кносса (Гипсады), Палекастро, Склавокамбоса и Ханин. Наконец, третья, наиболее распространенная группа жилищ включает в свой состав преимущественно небольшие, примитивно спланированные дома с очень скромной архитектурной отделкой. В таблицах Мак Энро (*ibid.*) она представлена шестью домами из Гурнии, двумя из Палекастро, одним из Маллии, одним из Като Закро и еще одним из Айя Варвары. Если допустить (что, в общем, вполне вероятно), что земледельческое население Крита жило по преимуществу в домах третьего типа, то наиболее типичным образом минойского аграрного поселения мы должны будем признать Гурнию, состоявшую почти исключительно из жилищ именно такого рода (единственным исключением из общего правила здесь может считаться лишь так называемый «дворец»). Более сложную картину дает обследование жилых домов Палекастро. Как указывает тот же Мак Энро (*ibid.*, p. 14), здесь зафиксировано всего шесть домов второго типа и по крайней мере пятнадцать домов третьего типа. Отсюда можно заключить, что рьяные земледельцы — общинники — составляли преобладающую часть населения также и в этом восточнокритском городке. Труднее определить, какова была доля земледельческого населения среди обитателей дворцовых центров, поскольку характер их жилой застройки остается для нас во многом неясным. Тем не менее сам по себе факт его наличия также и в этих наиболее крупных поселениях Крита не может вызывать особых сомнений. Дома третьего типа открыты на территории Маллии и Като Закро. В некоторых из них были обнаружены прессы для выжимания винограда (см. выше), что может свидетельствовать о преимущественно сельскохозяйственной ориентации интересов их обитателей.

Следует, правда, учитывать, что разграничение между жилищами разных типов в типологической шкале Мак Энро носит во многом приблизительный и условный характер. Особенно трудно уловима грань, отделяющая дома второго типа, и более всего той их категории, которую канадский автор обозначает как «тип 2b», от домов третьего типа. Сам Мак Энро (*ibid.*, p. 13) признает, что основные различия между домами этих двух групп носят не столько качественный, сколько количественный характер и выражаются главным образом в размерах занимаемой ими площади (дома второго типа в среднем в два-три раза больше домов третьего типа). К тому же, как это можно наблюдать на примере Палекастро, в конкретной практике минойского градостроительства дома различных типов не только могли находиться в близком соседстве, но и образовывали более или менее компактные блоки, или инсулы, по всей видимости, соответствующие основным структурным ячейкам территориальной общины. Исходя из этого, можно предположить, что доля земледельческого населения как в главных, так и в периферийных поселениях минойского Крита была даже более значительной, чем это можно было бы ожидать, основываясь лишь на данных о распространении домов третьего типа по схеме Мак Энро.

Если учесть, что даже среди греческих полисов архаического и классического периодов настоящих городов было, судя по всему, не так уж много (Kirsten, 1956, S. 92 ff.; Starr, 1977, p. 31), вероятность их появления на Крите в сере-

дипе II тыс. до н. э. должна быть признана минимальной. Даже самые крупные из минойских поселений этой эпохи, не исключая и самого Кносса, едва ли успели перешагнуть грань, отделяющую город в собственном смысле этого слова от того типа поселения, который мы обозначаем здесь термином «протогород». Ясно выраженными признаками поселений протогородского типа наделены, хотя и в разной степени, все четыре дворцовых центра: Кносс, Фест, Маллия и Като Закро. Судя по всему, минойский протогород занимал главенствующее положение внутри довольно сложной иерархии поселений. Низшие звенья этой иерархии для нас еще во многом неясны. Располагая более полной информацией, мы, вероятно, могли бы разграничить среди них в качестве двух основных градаций типологического ряда первичную форму протогорода и квазигород. До сих пор, однако, ни одну из этих форм не удалось выявить в ее чистом виде. В каждом конкретном случае бывает довольно трудно подобрать точную, однозначную дефиницию для того или иного поселения. Так, Палекастро на основании имеющихся у нас данных может быть квалифицировано и как первичная форма протогорода (на это указывает сословно-престижное членение жилого массива), и как квазигород (отсутствие ясно выраженного административно-ритуального центра). В Гурини такой центр, напротив, имеется в наличии, но зато отсутствуют признаки сословно-престижного членения поселения (ср.: Faure, 1973, p. 180 sqq.; Kolb, 1984, S. 55).

При всем их многообразии периферийные поселения Крита имеют и одну общую неизменно повторяющуюся черту, которой может считаться их необычайно плотная компактная застройка конгломератного или агглютинирующего типа. Этот признак неоспоримо свидетельствует об общности их происхождения от одного или, может быть, двух прототипов, существовавших уже в эпоху ранней бронзы (Wagren, 1972, p. 260). По существу все минойские поселения периода расцвета, за исключением немногих дворцовых центров, могут быть сведены к нескольким модификациям одной и той же исходной формы критского квазигорода III тыс. до н. э. Абсолютно новой формой поселения были в середине II тыс. только сельские виллы. Однако эта форма носила во многом переходящий характер, поскольку могла существовать, только поддерживая постоянную связь с дворцовыми хозяйствами. Вместе с гибелью этой экономической системы во второй половине XV в. до н. э. исчезли и сельские виллы.

ГЛАВА 3

КИКЛАДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ II ТЫС. ДО Н. Э.

Как было уже замечено, культурное развитие островов Эгейды, и в частности Кикладского архипелага, во второй половине III тыс. до н. э. отличалось известной прерывистостью. За расцветом островных культур, которым ознаменовалась середина и, видимо, также третья четверть этого тысячелетия, последовал их быстрый упадок в его завершающей четверти. Этот упадок (вопроса о его возможных причинах мы кратко коснулись выше) выразился, в частности, в резком сокращении численности поселений на островах как южной, так и северной Эгейды. Наиболее значительные поселения эпохи ранней бронзы, в том числе Кастри, Ферми, Полиохни и др., были либо разрушены, либо просто оставлены своими обитателями. Для конца III тыс. мы располагаем лишь крайне ограниченными археологическими данными всего из нескольких островных поселений. В начале следующего II тыс. общая численность поселений увеличилась, но лишь незначительно. По данным Дж. Кэски, на Кикладах зафиксировано немногим более двенадцати поселений периода средней бронзы, причем более или менее полно обследованы лишь некоторые из них (Caskey, 1973, p. 129). В их число входят как некоторые уже существовавшие прежде культурные центры вроде Филадельфии, так и впервые только в этот период возникшие поселения. Более высокую цифру называет К. Ренфрю — 18 поселений для всего периода средней бронзы против 51 для эпохи ранней бронзы (Renfrew, 1972, p. 232, tab. 14.III). Из этого числа двенадцать поселений существовали еще в эпоху ранней бронзы, шесть были вновь основаны (ibid., p. 245, tab. 14.VII).

Столь сильное сокращение общей численности поселений при всех скидках на возможность процесса нуклеации (прямых данных, которые могли бы подтвердить эту догадку, пока что очень мало)¹ наводит на мысль о резком демографическом спаде во всей этой части Эгейского мира. По расчетам того же Ренфрю (ibid., с. 251, tab. 14.IX), конечно, весьма приблизительным, население Кикладского архипелага в период средней бронзы составляло 20 300 человек

¹ Барбер в одной из своих работ (Barber, 1974, p. 50) высказывает предположение, что в период средней бронзы большинство островов, за исключением самых больших и наиболее плодородных вроде Наксоса, имели только по одному главному поселению (ср.: Scholes, 1956, p. 10 ff.).

против 34 400 в предшествующую эпоху. В этом плане ситуация на Кикладах заметно отклоняется от общей закономерности, определявшей направление демографических процессов в Эгейском мире этого периода: повсюду в других местах, как показывают данные, приводимые тем же автором, при переходе от стадии ранней бронзы к средней наблюдается иногда весьма значительное, иногда же более умеренное, но все же увеличение населения. Сам Ренфрю, как было уже сказано, видит главную причину такого положения вещей в том, что островное население особенно страдало от чрезвычайно усилившейся в это время активности пиратов (обитатели материка или таких больших островов, как Крит или Эвбея, могли размещать свои поселения на большом удалении от моря и потому находились в большей безопасности; *ibid.*, p. 262 ff.). На это можно, пожалуй, возразить, что развитие пиратства могло оказывать, так сказать, амбивалентное действие на демографические процессы в Эгее: ставя на грань уничтожения одни общины, оно в то же время способствовало обогащению и процветанию других, более сильных и лучше организованных общин (это хорошо понимал уже Фукидид). Напомним, что широкое увлечение морским разбоем в эпоху Великой колонизации не помешало бурному росту населения повсюду на островах и побережьях Эгейского моря. К тому же Ренфрю почему-то совершенно сбрасывает со счета войны, происходившие на суше, которые могли иметь, по крайней мере в некоторых местах, не менее губительные последствия, чем пиратские рейды. В течение периода средней бронзы укрепленные поселения типа городков-акрополей появляются не только в прибрежной полосе материковой Греции, но и в районах, достаточно удаленных от моря. Типичным примером здесь может служить среднеэлладское Мальти в Мессении.

Нам кажется, что ситуация, сложившаяся на островах Кикладского архипелага в первые века II тыс. до н. э., становится более понятной, если рассматривать ее в широком контексте истории всего Эгейского мира. Относительная равномерность развития отдельных частей этого региона, характерная для всей эпохи ранней бронзы, с переходом к периоду средней бронзы была резко нарушена в пользу минойского Крита, где в это время уже начала выкристаллизовываться первая цивилизация дворцового типа. Спустя два или три столетия на этот же путь вступили и некоторые районы материковой Греции.² Острова центральной Эгеиды по причинам, о которых уже было сказано выше, оказались в арьергарде этого движения и, вероятно, именно поэтому должны были стать удобным объектом для агрессивных поползновений своих более развитых и, следовательно, более могущественных соседей. Можно предположить, что образование уже самых ранних, еще достаточно примитивных государств на Крите, а затем и на Пелопоннесе повлекло за собой их нарастающую с каждым столетием военную экспансию в островной зоне Эгейского моря. Не обязательно, конечно, представлять себе эту экспансию уже с самого ее начала как планомерную политику, направленную к завоеванию и колонизации островов с одновременным искоренением процветавшего здесь доселе пиратства (ср.: Doumas, 1972b, p. 229). Более вероятно, что минойцы, находясь в относительной безопасности от ответных ударов островитян, тревожили их все учащавшимися набегами, не давая встать на ноги и без того уже обессиленным кик-

² В Миксах и некоторых других культурных центрах Пелопоннеса первичные (рудиментарные) государства, по-видимому, сформировались уже около середины XVII в. до н. э. (к этому времени относятся древнейшие шахтовые могилы так называемого «круга Б»).

ладским общинам. Несколько позже, видимо ближе к концу среднеэлладского периода, в это разграбление островов могли включиться также и набравшие силу обитатели материка. В таких условиях сколько-нибудь устойчивый прирост населения на Кикладах, так же как и возвращение к демографическому уровню, уже достигнутому в III тыс., были практически невозможны.³

С переходом к периоду поздней бронзы (около 1600 г. до н. э.) во всей островной зоне Эгейского бассейна наблюдается некоторое увеличение численности населения, что находит свое выражение в появлении новых и расширении старых поселений и некрополей. По данным Ренфрю (Renfrew, 1972, p. 232, tab. 14.III), насчитывается всего 32 кикладских поселения этого периода (против 18 поселений периода средней бронзы). Из них 11 существовали уже и раньше, 22 были основаны заново (ibid., p. 245, tab. 14.VII). Численность населения архипелага в этот период тот же автор определяет цифрой 28 000 человек (против 20 300 для периода средней бронзы), что все же несколько уступает уровню, достигнутому в эпоху ранней бронзы (ibid., p. 125, tab. 14.IX).

Из тридцати с лишним поселений, существовавших на Кикладах во II тыс. до н. э., лишь очень немногие изучены археологами настолько, чтобы можно было сказать что-то определенное об их размерах, планировке и, наконец, типологической принадлежности. Такими поселениями могут сейчас считаться, хотя, наверно, и не вполне безоговорочно, только Филакопи на о. Мелос, Айя Ирини на Кеосе и Акротири на Фере. Каждое из этих трех поселений в отдельности и все они, вместе взятые, ставят перед наукой ряд трудноразрешимых исторических проблем. Важнейшей из них можно считать вопрос о соотношении и взаимодействии в этнокультурной среде Кикладских островов во II тыс. до н. э. местных автохтонных элементов с элементами, привнесенными извне, прежде всего с Крита и из ахейской Греции. Само собой разумеется, что вопрос этот непосредственно связан с давно уже дискутируемыми в науке вопросами о так называемой «минойской талассократии» и о военной экспансии в Эгейде микенских государств Пелопоннеса и Средней Греции. В этот круг проблем логически вписывается вопрос о происхождении и характере самих кикладских поселений эпохи средней бронзы, который может быть сформулирован как альтернатива: либо Филакопи, Айя Ирини, Акротири и другие представляют собой особый, присущий именно островному миру тип поселения, либо в них следует видеть всего лишь второстепенный боковой побег более мощных урбанистических культур Крита и материковой Греции, возникший в процессе минойско-микенской колонизации. Прежде чем пытаться ответить на эти вопросы скорее общесторического, чем чисто археологического плана, рассмотрим по отдельности названные выше поселения, отмечая как специфические черты, присущие каждому из них, так и то общее, что сближает их между собой.

Ф и л а к о п и. Так называемый «I город» был разрушен почти до основания еще в конце эпохи ранней бронзы (ср.: Barber, 1974, p. 48 ff.). Эткинсон оставляет вопрос о причинах этого разрушения открытым, полагая, что оно в равной мере могло быть и следствием какой-нибудь катастрофы, и результатом обычной расчистки места для возведения нового поселения (Atkinson et al.,

Во многом сходная ситуация наблюдается и в восточной Эгейде, где с наступлением II тыс. также заметно сокращается общая численность поселений (Renfrew, 1972, p. 129; Caskey, 1973, p. 131 f.).

1904, p. 28).⁴ Остается также неясным, в какой мере строители Филакопи II считались с планировкой «I города» и как велика была хронологическая пауза, разделяющая эти два поселения (*ibid.*, p. 28; ср. p. 255). «II город», относящийся в основном к периоду средней бронзы,⁵ сохранился намного лучше, чем его ближайший предшественник. Его планировка в общих чертах, по-видимому, совпадает с планировкой Филакопи III. Здесь уже ясно прослеживается сетка улиц, проложенных с большей или меньшей точностью по осям север—юг и восток—запад и пересекающихся под прямыми углами (*ibid.*, p. 39). В некоторых местах, где улица круто шла в гору, были устроены ступенчатые спуски, как в позднеминийской Гурнии. Средняя ширина улицы составляла всего 1.5 м. В процессе раскопок английским археологам удалось установить планы примерно десяти домов. В своей совокупности они составляют, однако, лишь часть поселения (трудно сказать, какую именно). Довольно значительные площади к западу, югу и, видимо, также к востоку от обозначенных на плане кварталов остались нераскрытыми, за исключением небольшого отрезка стены в юго-западной части поселения.

Судя по планам «II и III городов», в Филакопи преобладала типичная для поселений Эгейского мира, начиная уже с древнейших времен (Поллохни, Ферми), конгломератная, или инсульная, застройка. Размежевание домов внутри отдельных инсул или блоков жилого массива, пожалуй, не менее проблематично, чем разграничение крытых помещений (комнат) и открытых дворов. Эткинсон, уделяя в своем обзоре некоторое внимание второй из этих проблем, почти совсем не касается первой. Между тем очень похоже, что то, что он называет «домами» (*ibid.*, fig. 26, 27, 31, 32, 34, 37), на самом деле представляет собой лишь жилые отсеки или «квартиры» в составе больших домов, практически идентичных отдельным инсулам, аналогично тому, что мы наблюдаем в позднейших критских поселениях, таких как Палекастро и Гурния, или же в гораздо более раннем Поллохни.

Планы сохранившихся инсул «II города» довольно разнообразны. В них трудно уловить какую-то общую закономерность или архитектурную идею. Однако при всем многообразии планировочных решений отдельных домов они мало отличаются друг от друга и размерами, и качеством архитектурных конструкций, и внутренним убранством. Найденная в них домашняя утварь и хозяйственный инвентарь в целом также довольно стандартны. По ним почти невозможно составить сколько-нибудь ясное представление об имущественном положении и общественном статусе самих домовладельцев. В виде исключения, пожалуй, можно было бы сослаться на знаменитый фриз с летучими рыбами и другие фрагменты стеной росписи, открытые в одном из помещений инсулы G3 (Atkinson et al., 1904, p. 70 ff.). Однако у нас нет твердой уверенности в том, что такие произведения искусства не украшали также и стены других домов Филакопи, в которых они могли просто не сохраниться. К тому же пока остается дискуссионным вопрос о точной датировке этих росписей.⁶

⁴ По мнению Кэски (Caskey, 1973, p. 129), поселение могло быть разрушено землетрясением.

⁵ Датировка этого поселения базируется главным образом на находках импортной керамики, среди которой хорошо представлены критские сосуды стиля Камарес SM I-IIA типов и серые минийские вазы. Поселение, однако, судя по всему, еще продолжало существовать также и в течение SM III периода, т. е. до 1600 г. до н. э. (Renfrew, 1972, p. 140, 186, 198 f.).

⁶ Первоначально фреска с летучими рыбами была отнесена к конечной фазе Филакопи II, синхронной с SM III B периодом в истории Крита (Atkinson et al., 1904, p. 76 f.; Evans, 1921,

Согласно категорическому утверждению одного из первооткрывателей Филадельфии д-ра Д. Мэкензи (впоследствии ближайший сотрудник Эванса на раскопках в Кноссе), поселение было обнесено мощной оборонительной стеной уже в самом начале второго периода (Atkinson et al., 1904, p. 258). Ни Мэкензи, ни Эткинсон, однако, не сообщают ничего определенного о конструктивных особенностях этой первой стены. Из их отчета мы узнаем лишь, что стена несколько раз перестраивалась и была значительно усилена с переходом от «второго города» к третьему (ibid.). Отсюда можно заключить, что в процессе раскопок английский археологам не удалось четко разграничить оборонительные сооружения этих двух периодов. Новые раскопки, производившиеся в Филадельфии сотрудниками Британской археологической школы в Афинах под руководством К. Ренфрю, поставили вопрос о радикальном пересмотре принятой ранее датировки. Согласно данным, полученным в ходе этих раскопок, самая ранняя оборонительная стена была сооружена в Филадельфии лишь во второй половине XVI в. до н. э., т. е. уже после того, как был разрушен «второй город» и построен третий (Renfrew, 1978, p. 10; Catling, 1975—1976, p. 26; Branigan, 1981, p. 28). Таким образом, остается предположить, что либо Филадельфия II вообще не было укреплено, либо остатки оборонительных сооружений этого периода пока еще не найдены.

По мнению Д. Мэкензи, Филадельфия II было покинуто своими обитателями после какой-то катастрофы, почти до основания разрушившей все поселение (Atkinson et al., p. 253). После этого место было заселено вторично, вероятно, тем же самым народом, который обитал здесь первоначально. «Это доказывается, — писал Мэкензи, — тем фактом, что остатки последнего, или третьего, города образуют единообразный слой, простирающийся на всей территории поселения над остатками лежащего ниже второго города». Другие участники раскопок, например Эткинсон, склонны были к более осторожным оценкам сложившейся в этот период ситуации (ibid., p. 28). Тем не менее позиция, занятая Мэкензи, имеет своих сторонников также и в новейшей археологической литературе (см.: Barber, 1974, p. 50 f.; 1981, p. 2). В своей начальной фазе Филадельфия III более или менее синхронно периоду наивысшего расцвета минойской культуры на Крите или, более точно, ПМІА периоду. О том, что Мелос в это время поддерживал тесные контакты с критской державой, свидетельствует целый ряд фактов, в том числе многочисленные находки как импортной минойской керамики, так и местной мелосской, в которой заметно критское влияние, критские каменные вазы, некоторые архитектурные детали, также явно следующие минойским образцам, вроде уже упоминавшихся фрагментов настенной живописи, если они действительно могут датироваться этим периодом, или открытого в одном из домов помещения с подпорным столбом в центре, близко напоминающего типичную минойскую крипту, и, наконец, найденная во время последних раскопок табличка со знаками линейного А письма (Atkinson et al., 1904, p. 264 ff.; Barber, 1974, p. 51; 1981, p. 2; Catling, 1974—1975, p. 24; Branigan, 1981, p. 28).⁷

p. 544 ff.). Теперь, однако, она передатирована и связывается уже с начальной фазой Филадельфии III (Hood, 1978, p. 53). Многочисленные фрагменты стенных росписей были найдены во время раскопок К. Ренфрю вблизи от так называемой «криты» (Catling, 1975—1976, p. 26). Все они датируются ПМІА и В периодами (ср.: Barber, 1974, p. 51; 1981, p. 2).

⁷ По-видимому, не менее тесные связи обитатели Филадельфии III поддерживали и с материковой Грецией, о чем свидетельствуют находки микенской керамики ПЭІ-ІІ периодов (Barber, 1981, p. 2).

Две следующие строительные фазы в истории Филакопи III приблизительно соответствуют ПМIV и ПМII-III или ПЭIIIА—С периодам (Barber, 1974, p. 51; 1981, p. 6 ff.). Между второй и третьей фазами был отмечен некоторый перерыв культурной преемственности. Барбер полагает, что в это время поселение было разрушено (а затем отстроено заново), и связывает это новое разрушение с санторинской катастрофой (Barber, 1974, p. 51 f.; 1981, p. 8; см. также: Bintliff, 1977, pt II, p. 535). Как бы то ни было, не приходится сомневаться в том, что на протяжении завершающей стадии своего существования, в целом соответствующей периоду поздней бронзы, Филакопи несколько раз подвергалось перестройкам и перепланировкам. Наиболее значительная из них была, по всей видимости, связана с сооружением так называемого «дворца» или же просто «мегарона».⁸ Начиная с этого момента минойское влияние на Мелосе уступает место влиянию микенских материковых центров, в орбиту притяжения которых теперь явно попадает Филакопи (Atkinson et al., 1904, p. 269 ff.). План Филакопи III, прилагаемый к отчету о раскопках (ibid., pl. II; наш рис. 35), скорее всего, зафиксировал именно эту последнюю или, согласно Мэккензи, третью строительную фазу, хотя в самом тексте отчета это никак не оговорено.

По занимаемой площади это поселение значительно превосходит все другие поселения, существовавшие на том же месте. Судя по плану, строительные остатки заполняют здесь почти все пространство между береговой полосой на севере и оборонительной стеной на юге, в некоторых местах (особенно на юго-западе) подходя почти вплотную к этой стене. Занятая ими территория составляет в целом около 18 000 м² (Renfrew, 1972, p. 237, tab. 14.V), хотя эта площадь могла быть значительно больше, если учесть также и те части поселения, которые (на севере) обрушились в море или же (на юге и востоке) так и остались необследованными. Однако даже и в таком, вероятно, сильно урезанном виде Филакопи остается одним из крупнейших поселений Эгейского мира, уступая лишь самым большим микенским цитаделям и, видимо, также Кноссу, если учитывать площадь, занятую не только дворцом, но и окружающим его «городом».

В своих основных принципах планировка Филакопи III, видимо, в значительной мере повторяет уже сложившуюся здесь ранее систему инсульной застройки. Разбивка всего жилого массива на блоки, или инсулы, в этом последнем поселении прослеживается особенно четко. На плане хорошо видны и сами инсулы, и разделяющие их улицы, идущие частью с запада на восток, частью с севера на юг и пересекающиеся под прямыми углами. Широкая продольная улица, возможно главная магистраль всего поселения, рассекает примерно пополам всю западную его часть. Ширина улиц колеблется между 1.25 и 2.5 м (Atkinson et al., 1904, p. 50). Под некоторыми из них были открыты выложенные камнем дренажные стоки. Во многих местах, так же как и во «втором городе», были устроены ступенчатые спуски (ibid.). Несмотря на общую правильность планировки, ориентация разных частей поселения по сторонам света, как это ясно видно на плане, не вполне совпадает. Некоторые инсулы и разделяющие их улицы расположены строго по оси север—юг (это в особен-

⁸ Мэккензи датировал «дворец» поздней (третьей) фазой Филакопи III, что более или менее соответствует периоду расцвета микенской культуры на материке (Atkinson et al., p. 269; см. также: Barber, 1974, p. 51; 1981, p. 8). Во время последних раскопок Ренфрью эта датировка была несколько уточнена: постройка мегарона теперь может быть отнесена к ПЭIIIА периоду (Catling, 1974—1975, p. 24).

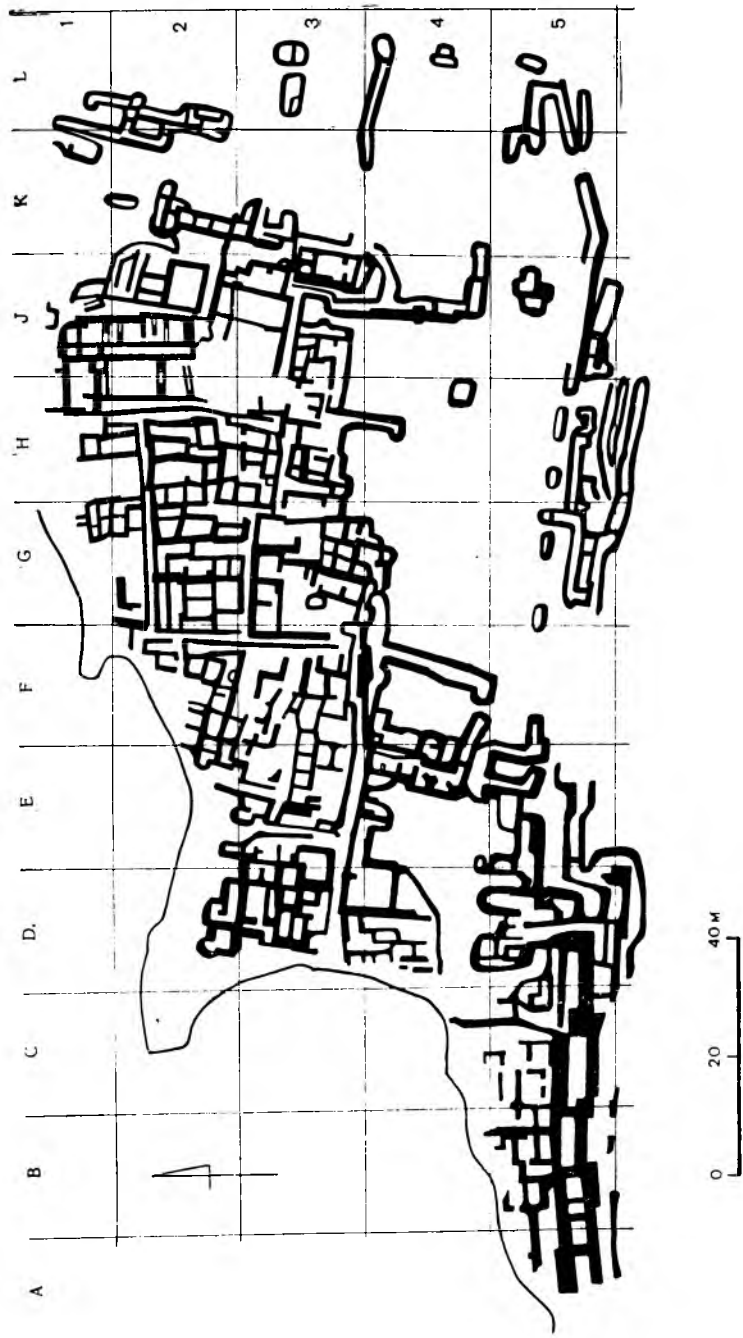

Рис. 35. План поселения Филакопи III на Мелосе.

ности характерно для центральных инсул к западу от «дворца» и для самого «дворца»), в то время как другие несколько отклоняются от этой оси в восточном направлении (например, инсулы, расположенные к востоку от «дворца»). Возможно, в этом проявилась одновременность застройки различных частей поселения. Не исключено, однако, что строители Филакопи III просто копировали уже сложившийся задолго до них план поселения даже там, где он отступал от строго геометрической правильности (аналогичный «разнобой» в ориентации отдельных кварталов заметен и в планировке обследованной части Филакопи II).

В своем окончательном виде планировка Филакопи, как это не раз уже отмечалось, близко напоминает планировку таких поселений восточного Крита, как Палекастро, Гурния и открытое позже двух первых Като Закро. Сходство мелосского поселения с Гурнией, пожалуй, особенно бросается в глаза, поскольку как в том, так и в другом случае жилой массив сгруппирован вокруг так называемого «дворца» с открытой площадкой перед ним. Правда, «дворец» Филакопи относится к гораздо более позднему времени, когда Гурния вместе с ее «дворцом» уже давно была разрушена. В архитектуре «дворца» Филакопи заметно влияние скорее микенских, чем мпнойских образцов. Его структурным ядром является столь характерный для дворцов материковой Греции мегарон с портиком перед входом и очагом в центре. В то же время здесь отсутствуют также типичные для критской дворцовой архитектуры элементы, как внутренний двор и световые колодцы. Для Мэккензи и сам «дворец», и найденная в нем самом и в его ближайших окрестностях «декадентская» микенская керамика были неоспоримыми симптомами, указывающими на установление на Мелосе микенского владычества (Atkinson et al., 1904, p. 270 f.).⁹ Смена политического режима, однако, не означала, в его понимании, полной смены населения, поскольку непосредственно примыкающие к «дворцу» жилые дома Филакопи почти не отличаются от предшествующих им построек, синхронных первой и второй строительным фазам «третьего города». Сам «дворец» можно было бы, таким образом, рассматривать как резиденцию микенского «губернатора» на острове, в основном сохранившем свое прежнее население. Это мнение разделяется некоторыми авторами еще и в настоящее время (Barber, 1974, p. 53, 1981, p. 8 f.; Bintliff, 1977, pt II, p. 538, 560).

Нельзя ли, однако, предположить, что микенский «дворец» в Филакопи возник в результате перестройки существовавшего здесь уже и прежде административного здания или же был просто надстроен над его руинами? Сейчас эта догадка уже имеет под собой некоторую фактическую основу. Недавние английские раскопки выявили под фундаментом «дворца» остатки другой, более ранней по времени постройки, вполне сравнимой с «дворцом», по крайней мере по своим размерам (Catling, 1975—1976, p. 25). Правда, это здание довольно сильно пострадало во время раскопок, производившихся на том же месте в 1910 г., и сейчас очень трудно сказать что-нибудь определенное о его плане и архитектурных конструкциях, так же как и о времени его постройки (весьма приблизительно она может быть датирована самым началом периода Филакопи III). «То немногое, что о нем известно, — пишет об этом «Mansion» К. Брэннген

⁹ Само это событие Мэккензи склонен был связывать с вытеснением ахейцев с Пелопоннеса вторгшимися туда дорийцами, что кажется маловероятным, если учитывать принятую теперь равную датировку «дворца».

(Branigan, 1981, p. 30), — позволяет в весьма широких пределах сравнивать его с „домом черепиц“ в Лерне или же с лежащим над ним мегароном». О том, что эта постройка действительно могла быть административным центром Филакопи и даже, более того, резиденцией критского паместника на Мелосе, сейчас, пожалуй, может свидетельствовать только один предмет — табличка со знаками линейного А письма, которая была найдена во время раскопок К. Ренфрю под полом микенского мегарона вместе с керамикой ПМІА периода (Catling, 1974—1975, p. 24; Barber, 1981, p. 2; ср.: Branigan, 1981, p. 30; Hood, 1984, p. 34).

Экспедиции Британской археологической школы в Афинах под руководством Ренфрю удалось сделать еще одно чрезвычайно интересное открытие на территории все того же, казалось бы, уже давно и досконально изученного поселения. В ходе раскопок 1974—1975 гг. в его южной части, в непосредственной близости от оборонительной стены, было расчищено небольшое строение, состоящее из двух обособленных помещений, которое после тщательного изучения всего находившегося в нем археологического материала было идентифицировано как микенское святилище (Renfrew, 1978, p. 7 ff.; Catling, 1974—1975, p. 25; 1975—1976, p. 26). Основанием для такой идентификации служат сделанные здесь действительно уникальные находки: разрисованная фигура богини из терракоты (the Lady of Phylakopi), две бронзовых статуэтки бога-кузнеца, вероятно, восточного происхождения (тип Решефа), миниатюрная золотая маска, по-видимому, предназначавшаяся для деревянной или глиняной статуи, скорлупа страусового яйца (возможно, остатки культового сосуда) и несколько терракотовых вотивных фигурок весьма необычной формы. Согласно предположениям Ренфрю, святилище это было построено еще в течение ПЭІІА периода, т. е. в XIV в. до н. э., а окончательно заброшено (вероятно, вместе со всем поселением) уже примерно около 1090 г. до н. э. (Renfrew, 1978, p. 11 f.). Таким образом, в микенское время Филакопи имело не только ясно выраженный административный центр, но и обособленный от него культовый комплекс скорее общественного, чем частного характера, поскольку святилище, открытое английскими археологами, как будто не было непосредственно связано ни с одной из расположенных поблизости исул. Вполне возможно (на эту мысль нас наводит гораздо более раннее святилище в Айя Ирини на Кеосе — см. о нем ниже), что также и в этой своей особенности структура «городского» пространства в Филакопи микенской эпохи лишь повторяет ситуацию предшествующего периода минойского преобладания. Что касается обычных жилых домов Филакопи III, то в их архитектуре и планировке как будто нет никаких особенных отличий от домов «второго города», за исключением, может быть, несколько более правильных общих контуров. Еще труднее уловить такие отличия в жилой застройке отдельных фаз третьего периода. Во всяком случае авторы отчета об английских раскопках на Мелосе обходят их полным молчанием. Хотя общее количество открытых раскопками жилищ кажется довольно большим, по признанию Эткинсона (Atkinson et al., p. 51), планировка лишь некоторых из них может быть восстановлена хотя бы приблизительно. И здесь перед нами вновь встает все та же проблема разграничения отдельных жилых домов внутри исул. Эткинсон в своей обычной манере делает это крайне небрежно и непоследовательно. В одних случаях он прямо отождествляет исулы с домами (так он поступает, например, в отношении блока, расположенного в кварталах ЕЗ и FЗ, все помещения которого связаны между собой переходами —

ibid., p. 51), в других пытается разделить их на отдельные жилища, но без особой доказательности. Лишь один небольшой дом на стыке квадратов J3—K3 ему как будто удалось довольно четко выделить из окружающей застройки (ibid., p. 55, fig. 48), но и то лишь благодаря тому, что он расположен на самом краю раскопа. В действительности же блок, к которому он принадлежал, мог продолжаться еще в восточном и южном направлениях. В целом нам представляется довольно вероятным, что Филакопи вплоть до последних лет своего существования продолжало застраиваться, по древней кикладской или общегреческой традиции, большими домами-инсулами, состоявшими из многих, иногда обособленных, иногда связанных между собой жилых и хозяйственных помещений. Возможно, прав Синос, полагающий, что эти дома как во «втором», так и в «третьем городе» были двухэтажными и от них сохранились только подвальные помещения, в которые можно было проникнуть лишь сверху: так он объясняет отсутствие дверных проемов, характерное для многих из них (Sinos, 1971, S. 104).

Особую проблему ставит перед исследователями Филакопи III оборонительная стена этого поселения (Atkinson et al., 1904, 30 ff.). В ходе раскопок был расчищен довольно значительный ее отрезок длиной до 100 и высотой в среднем около 4 м, расположенный в юго-западной части городища. Судя по этому отрезку, стена окаймляла поселение вдоль южной его границы и на западе резко поворачивала к морю, исчезая на линии берегового обрыва. Возможно, первоначально она имела какое-то продолжение в северном направлении, хотя представить сейчас ее полную протяженность и общую конфигурацию, основываясь только на сохранившемся отрезке, конечно, чрезвычайно трудно. Таким образом, мы остаемся в полном неведении относительно северной, обращенной к морю границы поселения. Была она защищена какими-нибудь фортификационными сооружениями или же оставалась совершенно открытой? Ответить на этот вопрос могли бы, вероятно, только подводные археологические исследования, но они в Филакопи, к сожалению, до сих пор не проводились. Во всяком случае было бы очень странно, если бы поселение оказалось незащищенным именно с той стороны, с которой оно было наиболее уязвимо для нападения пиратов, если только не предположить, что те, кто его занимал в это время, были абсолютно уверены в своем контроле над морем. Впрочем, с этой проблемой нам приходилось уже сталкиваться и прежде там, где речь шла о таких островных поселениях более раннего времени, как Полиопхи и Ферми. Не претендуя на окончательное решение вопроса, что было бы сейчас несколько преждевременно, заметим лишь для сравнения, что единственное укрепленное поселение на Кикладах, более или менее синхронное Филакопи III, — цитадель Айос Апдреас на Сифносе — было со всех сторон обнесено мощной каменной стеной с восемью башнями (Philippaki, 1973, S. 93 ff.). Вполне вероятно, что, если бы не многовековая разрушительная работа морских волн, мы имели бы примерно ту же картину и в Филакопи.

Заметим также, что по степени инженерного совершенства и вложенным в нее затратам труда и материала стена Филакопи, насколько мы можем теперь о ней судить по сохранившемуся отрезку, не так уж сильно уступает фортификационным сооружениям наиболее известных микенских цитаделей. В своей сохранившейся части она представляла собой довольно сложную конструкцию, состоящую из двух параллельных друг другу стен, сложенных из крупных глыб грубо обработанного камня. Каждая из этих стен была толщиной около

2 м. В нескольких местах их соединяли короткие поперечные перемычки разной толщины и высоты. Таким образом, все пространство внутри стены было разделено на несколько продольных камер или отсеков. Как указывает Эткинсон (Atkinson et al., 1904, p. 31), в своем большинстве эти камеры с самого начала были заполнены засыпкой из мелкого камня, что позволило довести общую толщину стены в этих местах до 6 м. Некоторые камеры, однако, были оставлены свободными и могли использоваться как особые помещения внутри стены для самых различных целей. Неподалеку от восточного конца сохранившегося отрезка стены в ней был устроен проход, ведущий внутрь поселения. Здесь же находилась и лестница, по которой защитники «города» могли подниматься на стену и на воздвигнутый прямо перед воротами бастион (ibid., p. 33 f., fig. 16—19). Вероятно, в стене были также и другие ворота, может быть, еще более сложной конструкции, но о них нам ничего неизвестно.

Согласно новым археологическим данным, полученным во время раскопок экспедиции К. Ренфрю, в своем окончательном виде «городская» стена Филадельфии была воздвигнута в течение ПЭИВ периода или где-то около 1270 г. до н. э. (Renfrew, 1978, p. 10). К сожалению, мы не знаем, насколько сильно она отличалась от более ранней оборонительной стены, которая была построена, по расчетам того же Ренфрю, за 250 лет до нее, т. е. еще во времена предполагаемого минойского протектората на Мелосе. Неизвестно также, существовала ли какая-нибудь хронологическая пауза между этими двумя системами фортификационных сооружений или же вторая непосредственно следовала за первой. Как бы то ни было, рассуждая логически, было бы нетрудно увязать сам факт появления этих укреплений с установлением на острове чужеземного владычества, сначала минойского, а затем микенского.

О хозяйственной жизни Филадельфии пока известно лишь очень немногое. Не подлежит сомнению, что это поселение начиная уже с древнейших времен (вероятно, уже с конца эпохи ранней бронзы) было одним из крупнейших центров ремесленного производства и морской торговли в пределах не только Кикладского архипелага, но и всего Эгейского бассейна, хотя составить сколь угодно ясное представление о характере ремесленной и торговой деятельности обитателей Филадельфии сейчас довольно трудно. Подавляющее большинство керамики, найденной во время раскопок в Филадельфии, составляют, судя по некоторым характерным признакам, сосуды местного производства, причем это относится не только к грубым гончарным изделиям, лишенным декора, но и к великолепным расписным вазам, хотя в декоративном убранстве многих из них несомненно заметно подражание каким-то минойским или микенским образцам (Atkinson et al., 1904, p. 164). Тем не менее среди построек Филадельфии еще не выявлено ни одной гончарной мастерской. Поэтому мы не можем сказать с уверенностью, где производилась основная масса этого керамического материала: в самом поселении или же где-то за его пределами в небольших поселках, расположенных в разных местах на территории Мелоса (ср.: ibid., p. 165). Не знаем мы также и того, кто изготовлял все эти сосуды — полностью занятые профессионалы-ремесленники или же какие-то случайные люди, совмещавшие эту работу с занятиями рыболовством и сельским хозяйством. Первое кажется более вероятным, когда имеются в виду такие замечательные произведения кикладского декоративного искусства, как например известная ваза с изображением «рыболова» (ibid., p. 123 ff., pl. XXII). Второе предположение лучше согласуется с наиболее простыми и грубыми видами мелосской керамики,

либо совершенно лишенными росписи, либо украшенными лишь самым примитивным орнаментом. Впрочем, в действительности грань между этими двумя группами сосудов могла быть не столь уж резкой.

Некоторые находки достаточно ясно показывают, что жители Филакопи были хорошо знакомы с обработкой металла, в первую очередь меди и бронзы. Примером могут служить фрагменты двух каменных литейных форм, по всей видимости, использовавшихся для изготовления двойных топоров. В одном из домов «третьего города» был найден также обломок глиняного тигля с приставшими к дну частицами медной руды, а также кусок уже готовой меди (*ibid.*, p. 191). Этих находок вполне достаточно для того, чтобы предположить с большой долей вероятности, что обнаруженные при раскопках разнообразные изделия из меди и бронзы, в том числе несколько резцов, фрагменты ножей или кинжалов, наконечники стрел, рыболовные крючки и даже любопытная бронзовая фигурка стоящего мужчины (*ibid.*, p. 186 ff., 190 f.), были изготовлены в самом Филакопи или по крайней мере где-то в его ближайших окрестностях. К сожалению, мы ничего не знаем о том, в каком археологическом контексте были сделаны такие важные находки, как уже упоминавшиеся литейные формы и тигель для выплавки меди (в отчете о раскопках первой английской экспедиции об этом почти ничего не говорится). А между тем предметы такого рода могут в одинаковой степени быть принадлежностью и специализированного ремесленного производства, и какого-нибудь заурядного домашнего промысла, поскольку их изготовление не требовало ни особого искусства, ни больших материальных затрат. Разнообразные предметы, изготовленные из кости (в том числе и слововой) и различных пород камня, позволяют думать, что на Мелосе были достаточно развиты также косторезные и камнерезные промыслы (*ibid.*, p. 192 ff.), хотя расцвет их, по всей видимости, падает еще на эпоху ранней бронзы, когда были изготовлены такие шедевры мелкой пластики, как уже упоминавшаяся ранее хлоритовая модель поселения.

Одной из важнейших отраслей мелосского ремесла, несомненно, была обработка обсидиана или вулканического стекла, значительные месторождения которого уже в эпоху неолита сделали Мелос чуть ли не монопольным поставщиком этого ценного минерала для всей остальной Эгеиды (Renfrew, Cann, Dixon, 1965). Во время раскопок в Филакопи были найдены разнообразные изделия из обсидиана: ножи, бритвы, наконечники стрел и даже вкладыши для цепов и серпов (Atkinson et al., 1904, p. 221 ff.). Некоторые из этих предметов были найдены еще среди руин «III города» (например, вкладыши серпа, очевидно, деревянного), из чего можно заключить, что еще и в период поздней бронзы обсидиан на Мелосе с успехом конкурировал с металлом в производстве важнейших орудий труда. Не может быть никаких сомнений в том, что все эти изделия производились либо в самом Филакопи, либо где-то неподалеку от него. Остатки мастерской по обработке обсидиана были открыты на территории Филакопи I (*ibid.*, p. 218 ff.). Аналогичные предприятия могли существовать и в более поздних поселениях, возникших на этом же месте.

Как показывают находки, сделанные в различных местах на Крите, других островах Эгейского моря, в материковой Греции и даже в Египте обсидиан оставался важнейшей статьей мелосского экспорта не только в III, но даже еще и в первой половине II тыс. до н. э. (*ibid.*, p. 231 f.; Renfrew, Cann, Dixon, 1965, p. 239 ff.; ср.: Bintliff, 1977, pt II, p. 558). С другой стороны, многие сельскохозяйственные продукты, например оливковое масло и, видимо, также

некоторые ремесленные изделия, приходилось ввозить на остров извне. Керамика и другие импортные изделия критского и микенского происхождения хорошо представлены в Филадельфии, особенно в слоях, относящихся к «III городу». Как указывает Бинтлиф (*ibid.*, p. 559), в развитии торговых контактов Мелоса с другими частями Эгейского мира чрезвычайно важную роль могли играть существовавший здесь многочисленный и хорошо оснащенный рыболовный флот. В поисках новых мест для лова мелосские рыбаки могли предпринимать далекие морские экспедиции, во время которых они посещали гавани других островов и побережий материковой Греции или Малой Азии и выменивали там различные товары на захваченную с собой продукцию отечественного сельского хозяйства и ремесла.

В понимании Бинтлифа, развитие внешних контактов Мелоса, и в особенности его торговых связей с Критом, может считаться одним из важнейших факторов, способствовавших возникновению на этом острове такого крупного «городского центра», как Филадельфия II и III (*ibid.*, p. 559 f.). Однако появление этого центра «не требовало роста класса ремесленников-специалистов, а скорее увеличения сельскохозяйственной площади и численности обрабатывающих ее крестьян. Развитие экспорта керамики, ввоза оливкового масла и вывоза вина мы рассматриваем как простое разрастание деятельности мелосского рыболовного флота. Производство вина и увеличивающийся выпуск керамики могли находиться преимущественно в руках лишь частично занятых специалистов, которые были еще связаны с земледелием, скотоводством и рыбной ловлей» (*ibid.*, p. 560). Наши представления о генезисе протогорода в общем довольно близки к этой концепции английского исследователя. Имеющиеся археологические данные позволяют квалифицировать Филадельфию как довольно крупное (по масштабам Эгеиды II тыс. до н. э.) аграрно-рыболовецкое поселение, определенная часть жителей которого могла заниматься также ремеслом и морской торговлей, но скорее в качестве побочных, не имеющих жизненно важного значения промыслов.¹⁰ Полностью занятые специалисты-ремесленники и торговцы составляли в общей массе населения Филадельфии, по всей вероятности, лишь очень небольшой процент.

У нас есть все основания для того, чтобы предполагать, что в эпоху бронзы Филадельфия было крупнейшим населенным пунктом на всей территории Мелоса и в соответствии с этим выполняло функции центрального связующего звена в существовавшей на острове иерархии поселений. В этом отношении Филадельфия может считаться предшественником дорийского города Мелоса, являвшегося «столицей» острова в классический период. К сожалению, нам почти ничего неизвестно о других мелосских поселениях III—II тыс. до н. э. Как правило, об их местоположении мы можем судить лишь по небольшим некрополям, насчитывающим от силы один-два десятка могил, к которым в отдельных случаях присоединяются изолированные строительные остатки одного или двух домов. Такого рода комплексы были открыты примерно в пяти-шести местах, разбросанных по всей территории острова, но преимущественно там, где имеется пригодная для обработки земля. Как думает Бинтлиф (*ibid.*, p. 544,

¹⁰ О месте, занимаемом сельским хозяйством в экономике Филадельфии, могут свидетельствовать найденные во многих домах поселения пифосы для хранения различных продуктов питания (Atkinson et al., 1904, p. 12, 16, 20, 119, 138), ступки и пестики для растирания зерна (*ibid.*, p. 199 f.) и, наконец, земледельческие орудия вроде уже упоминавшегося серпа.

551), эти некрополи, так же как и соседствующие с ними постройки, могли принадлежать отдельным крестьянским семьям, которые обрабатывали окрестные поля или же занимались ловлей рыбы, если условия местности этому благоприятствовали. Предположение это представляется нам в целом довольно правдоподобным. При этом остается, однако, открытым вопрос: служили эти «фермы» или «хутора» постоянными местами обитания мелосских земледельцев, или же они предпочитали более скученный образ жизни то ли в самом «городе» Филакопи, то ли в каком-то другом относительно крупном поселении. Сам Бинтлиф, как кажется, склонен думать, что в конце эпохи ранней бронзы население Мелоса, первоначально распыленное по одиночным «хуторам», сконцентрировалось в одном большом поселении (Филакопи I), хотя многие «хутора» продолжали использоваться также и после этого в качестве временных убежищ для крестьян на сезон полевых работ (*ibid.*, p. 551, 555). Ситуация такого рода может считаться довольно типичной даже для многих греческих полисов античной эпохи (Kirsten, 1956, S. 91 f.). Возникновение такой системы расселения на сравнительно небольшом острове и к тому же в столь ранний исторический период представляется вполне вероятным событием.

А й я И р и и и. Поселение эпохи бронзы было расположено на небольшом мысу в глубине надежно укрытой от ветров бухты Вуркари на северо-западном побережье о. Кеос. Раскопки американской археологической экспедиции под руководством Дж. Кэски (1960—1970 гг.) выявили на этом месте следы по крайней мере двух последовательно сменявших друг друга поселений. От самого раннего из них сохранились (в западной части городища, на линии более поздней оборонительной стены) стены нескольких очень компактно построенных помещений.¹¹ Среди найденной здесь керамики широко представлены сосуды типа так называемых «соусников», характерных для раннеэлладской культуры материковой Греции. Кэски датирует это поселение РЭИ периодом, т. е. примерно серединой III тыс. до н. э. (Caskey, 1970, p. 339 ff.; 1971b, p. 368 ff.). Новое поселение возникло на этом же месте, возможно после некоторого перерыва (ср.: Caskey, 1971b, p. 372; 1973, p. 130, n. 3), уже в начале периода средней бронзы. Для его начальной строительной фазы характерна серая мишійская и матовая керамика материкового типа. В тех же слоях встречаются и немногочисленные черепки критских расписных ваз стиля камарес СМИА периода (Caskey, 1971b, p. 368). Среди строительных остатков этого периода наибольший интерес представляет отрезок оборонительной стены сравнительно небольшой протяженности (установить полную протяженность этой стены было бы невозможно, не причинив серьезного ущерба расположенным выше строениям периода расцвета), но зато отличающийся очень хорошей каменной кладкой. Кроме самой стены в систему оборонительных сооружений на этом ее участке входила большая полукруглая башня и расположенные несколько восточнее ворота (*ibid.*, p. 367, fig. 8). Можно предполагать, что, так же как и более поздняя фортификационная линия, эта древнейшая стена пересекала весь полуостров Айя Ирини, полностью изолируя от побережья бухты всю южную его часть, хотя ее конфигурация в то время была, судя по всему, гораздо более простой. Само по себе появление этих укреплений свидетельствует, как справедливо

¹¹ По расчетам Кэски (Caskey, 1971b, p. 369), только один из стоявших здесь в это время строительных конгломератов занимал очень большую площадь — около 15×30 м², хотя пока еще трудно сказать: было это одно жилище или же целый «квартал» поселения.

замечает Кэски (*ibid.*, p. 368), что уже в столь раннее время это кеосское поселение «было достаточно процветающим, чтобы испытывать потребность в защите от грабителей».

Насколько можно понять разъяснения Кэски в той же его работе (*ibid.*, p. 363), первая линия укреплений оставалась в употреблении вплоть до конца периода средней бронзы. В конце этого периода, или, точнее, в течение СМІІІ периода, на Крите к северу от нее началось строительство новой, гораздо более сложной системы фортификационных сооружений. Впоследствии (уже в начале периода поздней бронзы) эта система несколько раз перестраивалась и дополнялась новыми пристройками, очевидно, в связи с неоднократно разрушавшими «город» землетрясениями. Временем наибольшего процветания Айя Ирины, к которому относятся все наиболее интересные архитектурные памятники этого поселения, может считаться сравнительно короткий хронологический промежуток, приблизительно соответствующий, насколько позволяет судить найденная при раскопках критская керамика, СМІІІ и ПМІА—В периодам. В это время поселение наверняка должно было занимать всю огражденную стеной часть полуострова вплоть до южной его оконечности. Эту догадку подтвердили пробные раскопки, производившиеся к юго-западу и юго-востоку от стоящей почти на самом мысу церкви св. Ирины. Все они выявили строительные остатки, относящиеся к тому же периоду расцвета, что и расположенная севернее основная часть поселения (*ibid.*, fig. 2, 3; рис. 36, 37), хотя обследовать полностью весь этот район сейчас, к сожалению, невозможно. Площадь открытой раскопками северной части поселения составляет около 7500 м² (Renfrew, 1972, tab. 14, V), хотя вся занятая им территория могла быть примерно раза в два больше, лишь немногим уступая таким поселениям, как например Филакопи ІІІ или (для более раннего времени) Полнохни.¹²

Поскольку наиболее примечательной чертой Айя Ирины, во многом определяющей конфигурацию и планировку всего поселения, может считаться охватывающая его с севера мощная оборонительная стена, с нее мы и начнем наш обзор архитектурных сооружений этого кикладского «города». Как хорошо видно на общем плане поселения, стена образует длинную ломаную линию, пересекающую весь полуостров с запада на восток. Большой выступ примерно в средней ее части уходит далеко на север, заключая в себе один или даже несколько жилых кварталов поселения. Западный и восточный концы стены с большими прямоугольными башнями или, может быть, бастионами в настоящее время скрыты под водой вследствие общего опускания береговой полосы в этой части Кеоса. Остается неясным, имела ли стена какое-либо продолжение в этих двух пунктах в южном направлении или же вся береговая линия полуострова оставалась практически незащищенной от возможного нападения со стороны моря.¹³ Средняя толщина стены составляет на всем ее протяжении около 2 м, хотя в некоторых местах имеются довольно значительные утолщения,

¹² Необходимо также учитывать, что береговая полоса полуострова Айя Ирины в своей значительной части оказалась затопленной вследствие общего подъема уровня моря в сравнении с ІІІ—ІІ тыс. до н. э.

¹³ Кэски отдает решительное предпочтение первому из этих двух вариантов решения проблемы, полагая, что стена охватывала всю южную оконечность полуострова и таким образом соединяла между собой концы ее северного отрезка, в настоящее время находящиеся под водой (Caskey, 1971b, p. 377).

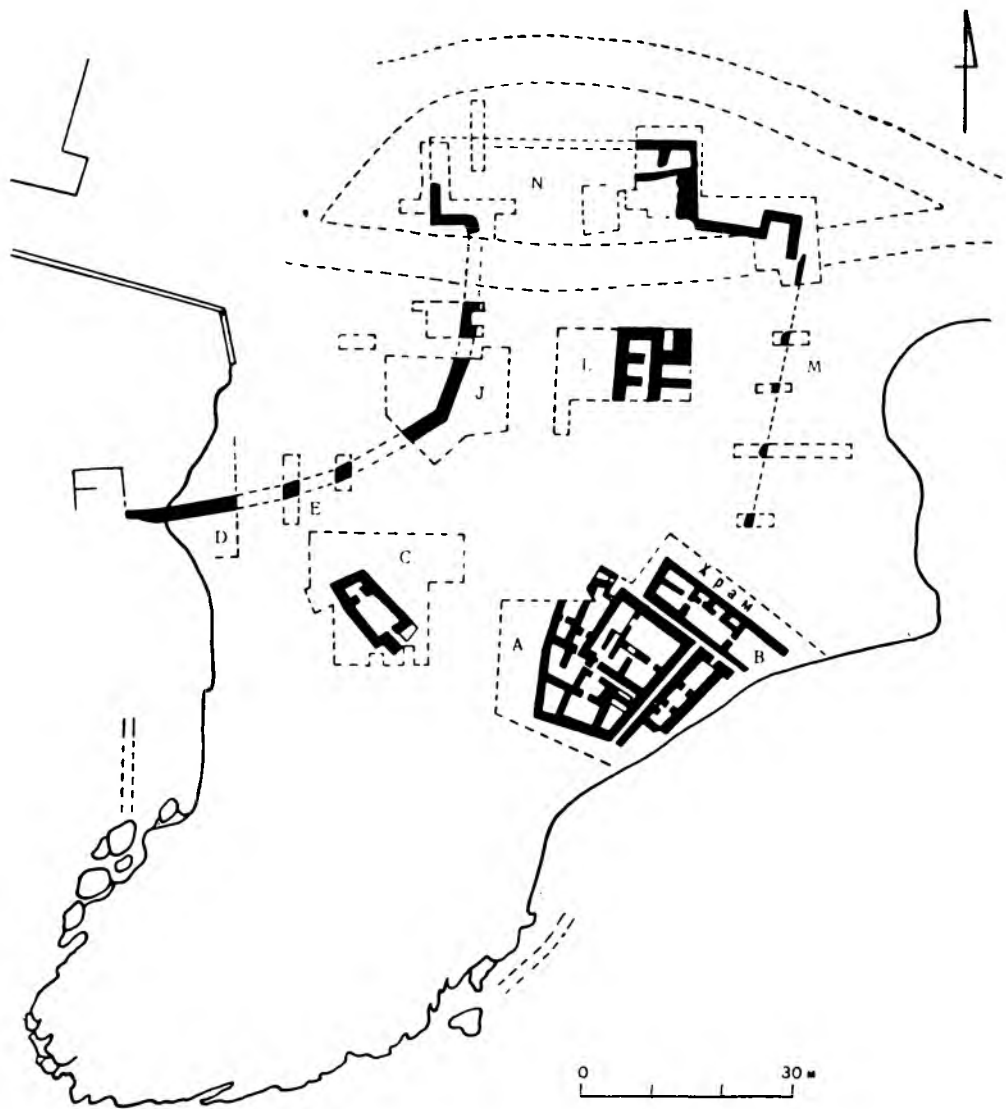

Рис. 36. План поселения Айя Ирины на Кеосе, показывающий расположение основных построек.

образовавшиеся, как объясняет это Кэски (Caskey, 1971b, p. 363), в результате перестройки и ремонта разрушенных участков.

В процессе обследования западного сектора стены на участке, обозначенном литерой J, была открыта подземная камера, в которую вела лестница из тринадцати каменных ступеней. Согласно вполне вероятным предположениям английских археологов, здесь находился источник, снабжавший обитателей

поселения водой. Сама конструкция подземной камеры была, по-видимому, рассчитана на то, чтобы в случае осады дать возможность защитникам «города» скрытно пробираться к источнику. В таком истолковании это сооружение во многом превосходит более впечатляющие конструкции того же рода в Мпкенах, Тиринфе и Афинах (*ibid.*, p. 365 ff.).

Особой сложностью отличается конструкция оборонительной стены Айя Ириви в ее северном и восточном секторах на участках, обозначенных литерами N, L, M и G (рис. 36). Отчасти эта сложность может быть объяснена как результат постепенного развития фортификационной системы, при котором

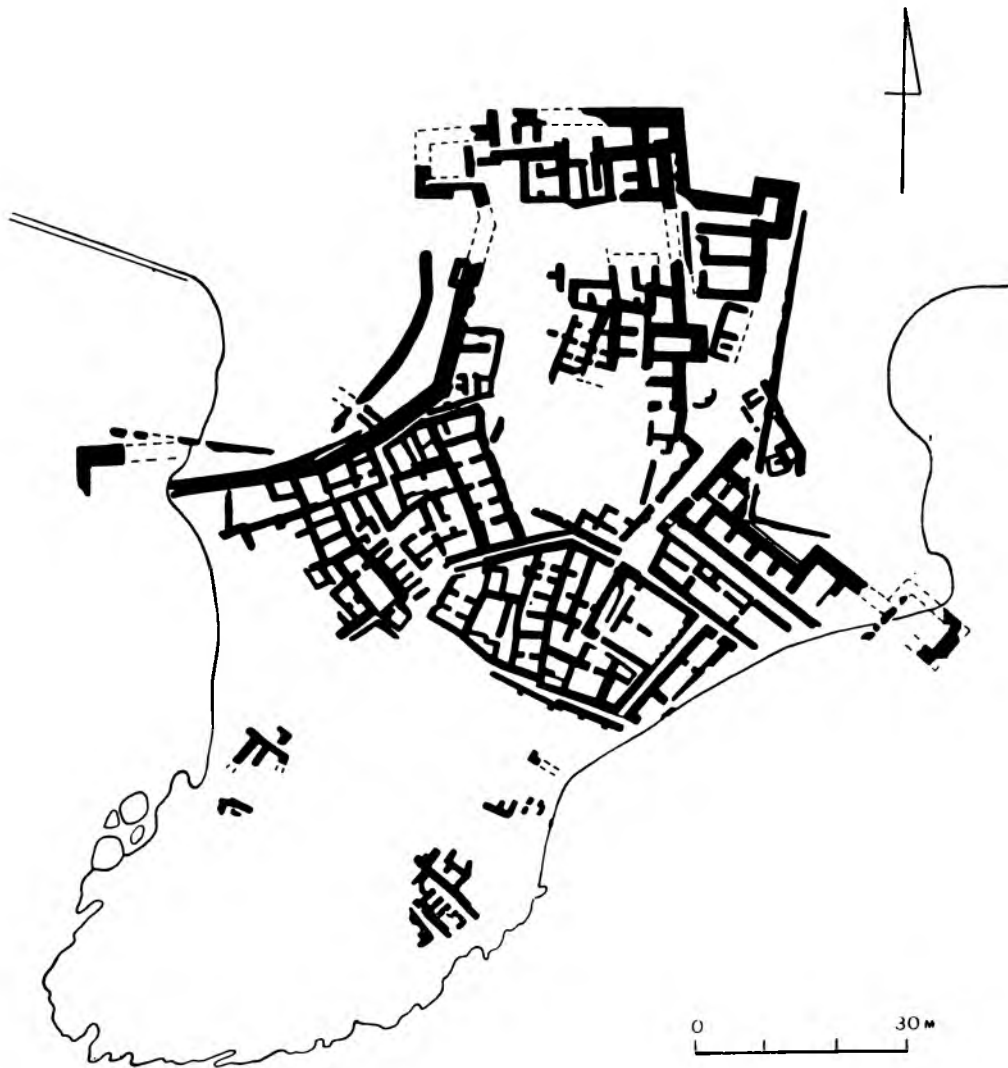

Рис. 37. Подробный план поселения Айя Ириви.

первоначальные линии укреплений не сносились, а, видимо, сознательно оставались внутри все более отодвигавшегося на север и восток кольца новых стен, вероятно, для того, чтобы служить второй линией обороны на случай прорыва неприятеля внутрь поселения. Это предположение подтверждается и хронологически: наружные стены, как правило, «моложе» внутренних и к тому же поставлены на менее твердом основании (первоначальная линия укреплений проходила по самому краю твердой материковой скалы; *ibid.*, p. 373 f.). Особое внимание археологов привлек так называемый «северо-восточный бастион» — большой выступ стены с массивной прямоугольной башней и несколькими внутренними помещениями. Судя по сделанным здесь находкам (в одной из комнат стояли 12 или 13 больших пифосов), эти помещения использовались в основном как склады для провианта и, может быть, также оружия. Интересно, однако, что среди строительного мусора, которым был завален пол во внутренних помещениях бастиона, оказалось немало фрагментов штукатурки, украшенной разнообразными росписями. Как думает Кэски (*ibid.*, p. 376), эта штукатурка могла попасть сюда из верхних (полностью разрушенных) этажей бастиона, в которых, согласно его предположению, мог располагаться главный штаб всего этого «укрепрайона».

Главные «городские» ворота были устроены в юго-восточном секторе стены несколько южнее северо-восточного бастиона. С юга они фланкировались прямоугольной башней. Путник, вступающий в «город», должен был перешагнуть через порог, образуемый огромной каменной глыбой, к которой изнутри и снаружи вели ступени. От ворот внутрь поселения вел длинный проход шириной около 3 м, ограниченный с двух сторон постройками различного характера и назначения. Почти по всей своей длине этот проход был вымощен разной величины камнями, а вдоль стен его были устроены каменные скамьи, возможно, служившие сиденьями для некогда собиравшихся здесь «старцев градских». Вдоль прохода тянулся дренажный желоб, предназначавшийся для стока воды и нечистот с «городских» улиц (Caskey, 1971b, p. 377). Вне основной линии оборонительных стен на открытом пространстве перед воротами были открыты остатки некоторых других инженерных сооружений, датируемых разными периодами. Скорее всего, они могли выполнять функции либо подпорных стен, либо противозерозионной защиты поселения ввиду все время нараставшей угрозы затопления (*ibid.*, p. 380).

Как уже было замечено, планировка и внутренняя структура поселения в Айя Ирини в значительной мере зависели от конфигурации внешнего кольца укреплений. Во многих местах на расчищенной от земли территории «городские» постройки вплотную примыкают к оборонительным стенам и в ряде случаев образуют вместе с ними единое архитектурное целое. Примерами могут служить уже упоминавшийся северо-восточный бастион, комплекс строений, примыкающий к башне, другой такой же комплекс, вытянутый вдоль стены (параллельно храму) к юго-востоку от главного входа в «город» наконец, группа построек в самой северной части поселения. Характерно, что строения, примыкающие непосредственно к «городской» стене там, где они не искажены позднейшими перестройками, как правило, отличаются геометрической правильностью планировки и массивными конструкциями стен, почти не уступающими в качестве кладки самой крепостной стене. Похоже, что все эти пристройки следовали в своей планировке одной и той же принципиальной схеме, образуя длинный ряд прямоугольных камер или отсеков, связанных общим коридором.

Даже не принимая во внимание керамический и всякий иной материал, найденный в этих помещениях, нетрудно догадаться, что они использовались по преимуществу как склады или, может быть, арсеналы, хотя выше них, во втором и третьем этажах, могли находиться другие помещения, служившие жилищами или же предназначавшиеся для каких-нибудь церемониальных целей. В этом отношении уже описанное прежде устройство северо-восточного бастиона, вероятно, может считаться типичным для всей этой группы сооружений. Вполне возможно, что подобно стенам, к которым они были пристроены, они считались собственностью всей общины, занимавшей Аяя Иррннн. Теснящиеся за ними «частные» постройки отличаются и более беспорядочной планировкой, и сравнительной эфемерностью архитектурных конструкций.

Судя по сохранившимся фрагментам жилой застройки в центральной части поселения (так называемые «дома» А, F—С, D, E—J), она была в целом весьма хаотичной. Впечатление более или менее рационального планировочного решения производит лишь небольшой участок в юго-восточном углу поселения, включающий широкую, но короткую улицу, соединяющую главные ворота с небольшой трапецевидной площадью перед храмом, сам храм и фланкирующие его с двух сторон параллельные друг другу улицы. Однако за пределами этого островка относительной благоустроенности сразу же начинается хаос и неразбериха множества небольших ячеек, слепленных в некое подобие пчелиных сот, разделенное узкими проходами на более или менее крупные конгломераты, вероятно, соответствующие обособленным жилым массивам, или инсулам, подобно тому как мы это наблюдали уже в Филакопи, Гурнии, Палекастро, Полиохии и других эгейских поселениях III—II тыс. до н. э. Наиболее ярко выраженным образцом такой инсулы можно считать так называемый «дом А», примыкающий с юго-запада к храму и площади перед ним. Он занимает весьма значительную площадь, на которой размещалось 39 отдельных помещений, и имеет форму неправильного пятиугольника (Caskey, 1966, p. 371 f.; 1971b, p. 387 f.). Весьма возможно, что еще одна такая же или даже большая по площади инсула занимала все пространство на северо-запад от дома А вплоть до городской стены. Правда, Кэски особо выделяет среди множества расположенных на этой территории подвалов и полуподвалов два комплекса помещений: С и F, которые он предпочитает называть отдельными домами (Caskey, 1971b, p. 390). Догадка эта кажется, однако, не особенно правдоподобной уже хотя бы по тому, что в обоих этих комплексах не удалось обнаружить входных дверей, из чего может следовать, что сообщение между ними осуществлялось на уровне верхних несохранившихся этажей и что, таким образом, оба они были лишь частями какого-то значительно более сложного конгломерата жилых и хозяйственных помещений. Во всяком случае в настоящем их состоянии довольно трудно уловить какие-то принципиальные различия между инсулой А и смежным с ней комплексом С—F. Аналогичные жилые комплексы, по всей видимости, принадлежавшие отдельным большесемейным общинам, вероятно, занимали большую часть поселения. Их фрагментами могут оказаться при более обстоятельном обследовании всего городища обособленные группы помещений в его северной части (к западу от башни с ее пристройками), а также на почти не затронутой раскопками территории южнее церкви (группы G и R; см. о них: Caskey, 1971b, p. 388).

Об архитектуре и внутреннем убранстве жилых домов Аяя Иррннн нам известно, к сожалению, лишь очень немногое, так как от большинства из них

сохранились только подвальные и полуподвальные помещения. Можно, однако, утверждать с уверенностью, что если не во всех, то по крайней мере во многих из них верхние этажи были украшены фресковой живописью, возможно не уступающей по своим художественным достоинствам стенным росписям домов Акротири на о. Фера (см. ниже). Осыпавшиеся фрагменты этих фресок обнаружены в некоторых помещениях домов А и В (к юго-востоку от дома А, на побережье), а в особенно большом количестве — в маленьком (всего из двух помещений) доме М, расположенном за линией оборонительной стены (Caskey, 1964, p. 322 f.; 1966, p. 374). Судя по сохранившимся деталям, первоначально эти фрагменты могли входить в состав сложных фигурных композиций с изображениями людей, построек, морских животных и растений. Само по себе наличие стенных росписей в жилых домах может свидетельствовать о довольно высоком жизненном уровне их обитателей, хотя из этого факта не обязательно следует, что сами эти дома принадлежали представителям какой-то особой «патрицианской» элиты. Вполне возможно, что фрески были в Айя Ирини таким же популярным и общедоступным видом украшения жилого интерьера, как деревянные резные наличники и «полотенца» в русских деревенских домах.

Не совсем обычными находками могут считаться также обнаруженные в некоторых домах надписи, сделанные знаками линейного А письма. Три такие надписи были найдены в западной части района, в пределах северного выступа «городской» стены. Одна из них (фрагментированная) вырезана на глиняной обожженной табличке, другая — на светильнике, третья — на терракотовой марке или фишке (a rough lentoid . . . counter), по одному знаку на каждой ее стороне (Caskey, 1966, p. 365 ff.). Все три надписи очень короткие. Самая длинная из них — на ободке светильника — состоит всего из трех знаков. Тем не менее появление в одном месте сразу трех надписей наводит на мысль, что само это место (к сожалению, Кэски ничего не сообщает о том, что представляло оно собой в архитектурном отношении) могло быть чем-то вроде административного центра поселения. Возможно, это строение (или группа строений) было тесно связано с оборонительной стеной наподобие комплекса помещений в северо-восточном бастионе. В этом случае нам пришлось бы предположить, что поселение в Айя Ирини имело по крайней мере два официальных центра: один — на севере и второй — на юго-востоке (район главных ворот так называемым «храмом»), причем оба они были резко смещены к окружающей «город» системе оборонительных сооружений. Однако это всего лишь догадка, пока еще почти ничем не подтвержденная. Ситуация в целом остается крайне неясной. Вообще говоря, грамотность могла быть довольно широко распространена среди населения Айя Ирини. На это может указывать, например, надпись (граффито) из двух знаков линейного А, выцарапанная на обломке кувшина, найденном в одном из помещений дома В в юго-восточной части поселения (Caskey, 1964, p. 325). Около дюжины донышек сосудов с пометками в виде одиночных знаков линейного письма найдено в разных местах на территории поселения (Caskey, 1966, p. 367).

Наиболее интересным архитектурным памятником Айя Ирини по праву считается так называемый «храм» — узкое, вытянутое в длину здание, расположенное в юго-восточной части поселения неподалеку от «городских» ворот. Судя по плану, эта постройка занимала внутри поселения несколько обособленное положение (от соседних домов «храм» был отделен двумя строго параллельными улицами, проложенными вдоль его длинных стен) и вместе с тем была

сорпентирована с ближайшим к ней участком оборонительной стены и его пристройками, образуя вместе с ними как бы единый архитектурный ансамбль. Как и в других строениях Айя Ирини, в «храме» сохранился только нижний этаж на высоту, достигающую в некоторых местах почти 2 м.¹⁴ Внутри все здание было разделено на три основных связанных между собой проходами отсека, из которых один, обращенный к морю, сохранился не полностью, и несколько более мелких помещений. В одном из этих помещений был открыт целый склад культовой скульптуры, включающий 19 или даже более того больших женских статуй из терракоты, находящихся в сильно фрагментированном состоянии (Caskey, 1964; 1973, p. 131). Самая большая из статуй (вероятно, фигура самой богини) достигала в высоту почти 180 см. Другие (видимо, это были изображения поклонниц или спутниц богини) были значительно меньше — от 60 до 120 см. Эти статуи считаются в настоящее время единственными известными в науке образцами монументальной храмовой скульптуры на всем пространстве Эгейского мира. Эта замечательная находка — главный аргумент в пользу признания «храма» зданием безусловно культового характера, хотя точное его назначение остается пока во многом неясным.¹⁵

Чрезвычайно сложную и трудную проблему ставит перед наукой также и датировка этого своеобразного памятника. Собранный в здании керамический материал относится в основном к двум периодам, отделенным друг от друга большой хронологической паузой: среднеэлладскому и позднеэлладскому IIIA и B (Caskey, 1971b, p. 385). Занимающий промежуточное положение между ними материал периода расцвета Айя Ирини, или SMIII—PMIV периодов, представлен здесь в целом гораздо хуже,¹⁶ в связи с чем было высказано предположение (ibid.), что все отложения этого времени были устранены из «храма» во время перестройки и ремонта, которым он подвергся после большого землетрясения уже в микенское время. Вообще за свою чрезвычайно длительную историю¹⁷ это сооружение не раз подвергалось всевозможным переделкам и изменениям, что затрудняет теперь восстановление основных этапов его архитектурной эволюции.

Архитектурно-пространственная структура поселения в Айя Ирини на первый взгляд может показаться совершенно необычной и нетипичной для региона в целом. Тем не менее среди других поселений Эгейского мира можно найти довольно близкие аналогии этой модели. Так, в частности, своим экстен-

¹⁴ Почти по всей своей длине здание «храма» было сильно заглублено в землю. Поэтому во время раскопок приходилось постоянно откачивать из него почвенные воды (Caskey, 1971b, p. 385).

¹⁵ Прямые архитектурные аналогии этой постройке нам пока еще неизвестны. Тем не менее теперь становится все более очевидно, что принципиальная схема вытянутого в длину по прямой оси и разбитого на внутренние отсеки культового или по крайней мере общественного сооружения существовала в Греции и на островах задолго до появления первых греческих храмов. Подтверждением этой мысли могут служить помимо «храма» Айя Ирини такие памятники, как «дом черепиц» в Лерне, гипостильная крыша в Маллии, недавно открытый героон в Лефканди.

¹⁶ Правда, упомянутые только что статуи из чисто стилистических соображений должны быть отнесены именно к периоду расцвета (Hood, 1978, p. 106 f.; Davis, 1984, p. 164).

¹⁷ Возникнув еще в начале периода средней бронзы, о чем свидетельствуют находки серой минийской и матовой керамики, «храм» продолжал использоваться в качестве святилища вплоть до эллинистического времени (с VI в. до н. э. он стал храмом Диониса; Caskey, 1973, p. 131). Это едва ли не единственный в истории греческой религии пример такого удивительного «долгожительства».

тризмом, т. е. смещением «официального» центра поселения (таковым может, по всей видимости, считаться в данном случае район «храма» с прилегающими к нему постройками) к его периферии, или, точнее, к «городским» воротам, она во многом напоминает планировку одного из древнейших квазигородов Эгеиды Полиохии на Лемносе, где мы также обнаруживаем в непосредственной близости от «городской» стены так называемый «булевертий» (см. выше). Вполне возможно, что и в Полиохии, и в Айя Ирини мы сталкиваемся с проявлениями одной и той же достаточно древней традиции оформления общественного центра поселения, мишующего в своем развитии стадию дворцового хозяйства.¹⁸

Об экономической основе процветания Айя Ирини позволяют судить некоторые разрозненные находки, из которых невозможно составить целостную картину хозяйственной жизни поселения. Тем не менее ее по преимуществу аграрный характер не вызывает у нас особых сомнений. На него косвенно указывает близость к поселению значительных массивов плодородной земли, обработка которых, несомненно, началась уже в древности. В домах Айя Ирини повсюду встречаются крупные сосуды типа пифосов для хранения зерна, вина, масла и других продуктов. Многие из открытых при раскопках подвальных помещений явно использовались как кладовые. Примером может служить помещение № XIII в доме А (Caskey, 1962, p. 271). Вместе с тем некоторые помещения довольно убедительно идентифицируются Кэски как мастерские. Так, уже в самом начале раскопок в блоке L (во внутренней части северного выступа крепостной стены) были сделаны интересные находки, дающие основание предполагать, что когда-то здесь находилась мастерская по обработке металла. На это могут указывать бронзовые шлаки и куски коррозированной бронзы, найденные в близком соседстве с ними тигли для выплавки металла, наконец, небольшая каменная форма для отливки колец (Caskey, 1962, p. 277). Несколько позже в том же блоке, причем в обеих его частях — в массивной пристройке к оборонительной стене и в расположенной восточнее более легкой постройке, возможно, принадлежащей какой-нибудь жилой псусле, были также обнаружены следы ремесленной деятельности, но уже несколько иного рода. Полы в некоторых помещениях этих двух построек были покрыты пятнами красок разного цвета. Были найдены также и целые куски неиспользованной краски, раздавленные раковины пурпурной улитки, наконец, большие количества белого известнякового порошка. Все это, по-видимому, служило основным сырьем для производства цветной штукатурки, которой охотно украшали стены своих жилищ многие обитатели Айя Ирини. Остатки неокрашенной штукатурки были обнаружены в тех же помещениях, в сосудах разной величины и формы (Caskey, 1964, p. 322).

Было бы заманчиво, конечно, рассматривать весь блок L как своего рода «ремесленный квартал», в котором бок о бок жили и работали представители различных ремесленных профессий. Однако имеющийся материал, как нам думается, пока еще не дает оснований для столь решительных выводов. Тем не

¹⁸ Некоторые авторы, правда, склонны оценивать как дворец или резиденцию правителя так называемый «дом А», занимающий центральную часть поселения Айя Ирини (см.: Cadogan, 1984, p. 13; Davis, 1984, p. 164). В пользу этого предположения говорят, однако, только из ряда вон выходящие размеры этой постройки — факт, который, как мы уже видели, может быть объяснен и по-другому (см. с. 201). В Филадельфии намеком на традиционное смещение ритуально-административного центра к одной из оборонительных стен, возможно, следует считать недавно открытое здесь святилище микенского времени.

менее само местоположение мастерской по производству штукатурки прямо на стыке двух различающихся между собой частей поселения — зоны пристенной более или менее упорядоченной застройки «общинного сектора» и более хаотичной «частной» жилой застройки внутренних кварталов — уже наводит на определенные размышления. Можно предположить, что мастерская, первоначально считавшаяся частью «общинного сектора» и именно поэтому занявшая одно из пустующих помещений, пристроенных к оборонительной стене, постепенно разрастаясь, вторгалась в пределы «частной» застройки и заняла также одну из ближайших исул или по крайней мере какую-то ее часть. Более вероятно, однако, что исула была построена несколько раньше, чем пристройка к стене и сама стена (судя по плану, их оси должны пересекаться в каком-то месте к северу от всего этого комплекса построек), и, следовательно, именно она должна считаться основной базой мастерской, что соответственно должно изменить и наши представления о статусе ее владельца или владельцев. Возможность локализации различных ремесленных мастерских внутри жилых блоков или исул подтверждается данными, полученными при раскопках дома А. В разных помещениях этой исулы археологи нашли множество небольших свинцовых дисков, иногда помеченных особыми знаками, отштампованными на поверхности свинца (Caskey, 1962, p. 273). Очень возможно, что эти диски, скорее всего, использовавшиеся как меры веса или же, что менее вероятно, служившие меновыми единицами, были изготовлены здесь же на месте, т. е. в одном из помещений дома А. Во всяком случае куски лиффаржа или окиси свинца были найдены в больших количествах как в этой исуле, так и в некоторых других местах на территории Айя Ирнии.

Кроме металлообработки и производства штукатурки для обмазки стен, в Айя Ирнии, несомненно, были развиты также и различные другие отрасли ремесла, из которых мы более или менее осведомлены только о ткачестве (находки пряслиц), гончарном деле и камнерезном мастерстве. Как думает Кэски, значительная часть керамики, найденной при раскопках поселения, может считаться продукцией местных гончаров, несмотря на довольно низкое качество кеосской глины (Caskey, 1962, p. 272). О развитии местного керамического производства прямо свидетельствует каменная гончарная печь, открытая неподалеку от северо-западного отрезка оборонительной стены на участке J (Caskey, 1971b, p. 372). Правда, датируется она довольно ранним временем — видимо, еще до наступления периода средней бронзы. Ничто не мешает нам, однако, предположить, что аналогичные или более совершенные печи строились в Айя Ирнии также и в период расцвета поселения. Изготовление каменных, по преимуществу мраморных ваз входило в число ремесленных занятий обитателей исулы А, о чем свидетельствуют и сами найденные здесь сосуды, и извлеченные из них при вырезании куски камня (Caskey, 1962, p. 272).

Уже исходя из одного лишь местоположения Айя Ирнии на берегу удобной глубокой бухты (самой большой на Кеосе) и к тому же в непосредственной близости от важного перекрестка морских путей, соединявших побережье Аттики, Эвбеи и Пелопоннеса с островами Кикладского архипелага (Caskey, 1962, p. 266), можно представить, сколь значительной была роль этого поселения в эгейской торговле III—II тыс. до н. э. Керамический материал, собранный во время раскопок экспедиции Кэски, свидетельствует о тесных экономических связях Айя Ирнии с материковой Грецией, Критом и другими островами Эгейды. Связи эти существовали на протяжении всей истории поселения, хотя особое их

усиление отмечается в период расцвета между XVII и XV вв. до н. э., причем на первое место в это время явно выдвигаются торговые и, видимо, также не менее интенсивные культурные контакты с Критом (Caskey, 1973, p. 130; Davis, 1984, p. 159 ff.). Имея хотя бы приблизительное представление о направленности торговых интересов обитателей Айя Ирипи, а также и о масштабах их коммерческих контактов с другими частями Эгейского мира, мы практически ничего не можем сказать об организации этой торговли и о социальном статусе ее непосредственных участников.

Вообще характер и социальная структура общины, занимавшей Айя Ирипи в первой половине II тыс. до н. э., остаются для нас во многом неясными. Имеющийся археологический материал как будто не дает достаточных оснований для того, чтобы говорить о сколько-нибудь ясно выраженной имущественной или статусной стратификации этой общины (ср.: Davis, 1984, p. 164). В раскопанной части поселения не удалось обнаружить никаких следов дворца или же особого аристократического квартала. По своим архитектурным особенностям все обследованные жилища более или менее стандартны, хотя точные их размеры нам пока неизвестны, за исключением одного только дома А. Во всяком случае сейчас едва ли возможно разграничить среди них «богатые» и «бедные» дома, и, если справедливо наше предположение о подчинении жилой застройки Айя Ирипи инсульному или конгломератному принципу, они и впредь едва ли когда-нибудь будут разграничены. Несколько могил, раскопанных за чертой оборонительных стен, но недалеко от них на западной и восточной окраинах поселения, ничего существенно не меняют в этой картине. К тому же почти все они относятся к периоду, предшествующему эпохе расцвета, т. е. еще к первым векам II тыс. до н. э. Среди этих погребений Кэски особо выделяет (как наиболее богатую) одну могилу, расположенную несколько южнее северо-восточного бастиона, в которой было обнаружено захоронение ребенка, вероятно, девочки, вместе с которой были положены золотая диадема и ожерелье из золотых, корнелиновых и аметистовых бус (Caskey, 1966, p. 367). Разграбленными оказались самые большие и наиболее интересные в архитектурном отношении могилы № 40 и 58 (обе на открытом участке восточнее «городской» стены). Относительно первой из них (под небольшим насыпным курганом) Кэски высказывает предположение, что в ней мог быть похоронен некий «большой человек» (Caskey, 1971b, p. 378 f.). Но сами по себе размеры и монументальность архитектурных конструкций еще ни о чем не говорят, и в действительности эта могила, как и соседняя с ней могила 58, могла быть просто коллективной усыпальницей наподобие минойских толосов или же микенских камерных гробниц. Конечно, если предположить вместе с Кэски, что каждая из этих двух могил заключала в себе только одиночное или же самое большее — двойное или тройное захоронение, мы неизбежно должны будем признать, что в Айя Ирипи существовал один или, может быть, несколько царских родов, либо во всяком случае влиятельная и обособленная от массы простонародья аристократическая прослойка. Но пока что любой из вариантов этой гипотезы нуждается в более веском и основательном подтверждении.

В заключение своего последнего сообщения о раскопках на Кеосе (Caskey, 1971b, p. 395 f.) Кэски особо отмечает, что Айя Ирипи было хотя и самым значительным поселением на острове в эпоху бронзы, но, безусловно, не единственным. Правда, ни одного синхронного ему поселения на всей территории Кеоса до сих пор найти не удалось. Упомянувшееся в предыдущей главе поселение

на мысе Кефала (к северу от Айя Ирнии) относится к гораздо более раннему времени и в первой половине II тыс. до н. э., видимо, уже давно было заброшено. Тем не менее есть основания надеяться на то, что при более планомерном и систематическом археологическом изучении территории острова все же удастся восстановить если не полностью, то хотя бы частично ту систему расселения, центром которой могло быть Айя Ирнии.

А к р о т и р и. Это поселение, открытое в 1967 г. вблизи от современной деревни Акротирри на южном берегу о. Фера (один из островов, образующих так называемый Санторинский архипелаг), занимает совершенно особое место в новейшей эгейской археологии благодаря особым обстоятельствам его гибели и непосредственно связанной с ними сравнительно хорошей сохранности обнаруженных здесь архитектурных сооружений. Принято считать, что поселение 5 Акротирри, так же как и целый ряд других, было уничтожено в результате грандиозного извержения Санторинского вулкана, после которого практически перестал существовать, расколовшись на две части, сам остров с расположенной на нем вулканической горой. Засыпанные толстым слоем вулканического пепла руины «греческих Помпей» (это название прочно закрепилось за Акротирри в прессе и в популярной литературе) в течение многих столетий терпеливо ожидали прикосновения лопаты археолога. Целеустремленные поиски главной причины гибели минойской цивилизации привели на Санторин замечательного греческого археолога Сп. Маринатоса, который начал систематические раскопки в Акротирри и продолжал их в течение восьми полевых сезонов вплоть до своей трагической гибели 1 октября 1974 г.¹⁹ После его смерти раскопки были продолжены его друзьями и коллегами и ведутся также и в настоящее время.

Используя в своих расчетах импортную критскую керамику, Маринатос датировал открытое им поселение ПМІА периодом, полагая, что период его акме примерно соответствует промежутку времени между 1550 и 1500 гг. до н. э. (Marinatos, 1973b, S. 27 ff.). С теми или иными поправками эта датировка принимается также и другими археологами.²⁰ Однако в процессе раскопок были открыты мощные керамические отложения и отчасти также строительные остатки, восходящие к среднекикладскому и даже к раннекикладскому II и III периодам, из чего следовало, что поселение в Акротирри возникло задолго до 1550 г. до н. э. и уже по одной этой причине не может считаться просто минойской колонией на Фере, хотя некоторые авторы именно так его и воспринимают (Doumas, 1981, S. 95).

Открытая раскопками часть поселения расположена в ложине, промытой в вулканических отложениях ручьем, который стекает в море с южной оконеч-

¹⁹ Эпизодические раскопки памятников эпохи бронзы производились на Санторине начиная с 70-х годов прошлого века (см. о них: Page, 1970, p. 24 ff.; Doumas, 1980, S. 41). Однако именно Маринатосу принадлежит заслуга планомерного изучения санторинских древностей. Подробные отчеты о его раскопках публиковались отдельными выпусками, составившими серию «Excavations at Thera» (Athens, 1968—1976, I—VII).

²⁰ Предметом особых затруднений все еще остается датировка самой вулканической катастрофы, уничтожившей Акротирри и другие поселения на Санторине. Многие авторы, в том числе и сам Маринатос, пытались связать эту катастрофу с разрушением целого ряда поселений на Крите в первой половине XV в. до н. э., хотя в действительности эти события могли происходить и независимо друг от друга. В настоящем разделе мы сознательно оставляем в стороне эту дискуссионную проблему, так как ее специальное рассмотрение далеко выходит за рамки стоящей перед нами задачи (специально по этому вопросу см.: Page, 1970; Marinatos, 1973b; Schachermeyr, 1976, Bd 2, S. 82 ff.; Pichler, Schiering, Schock, 1980).

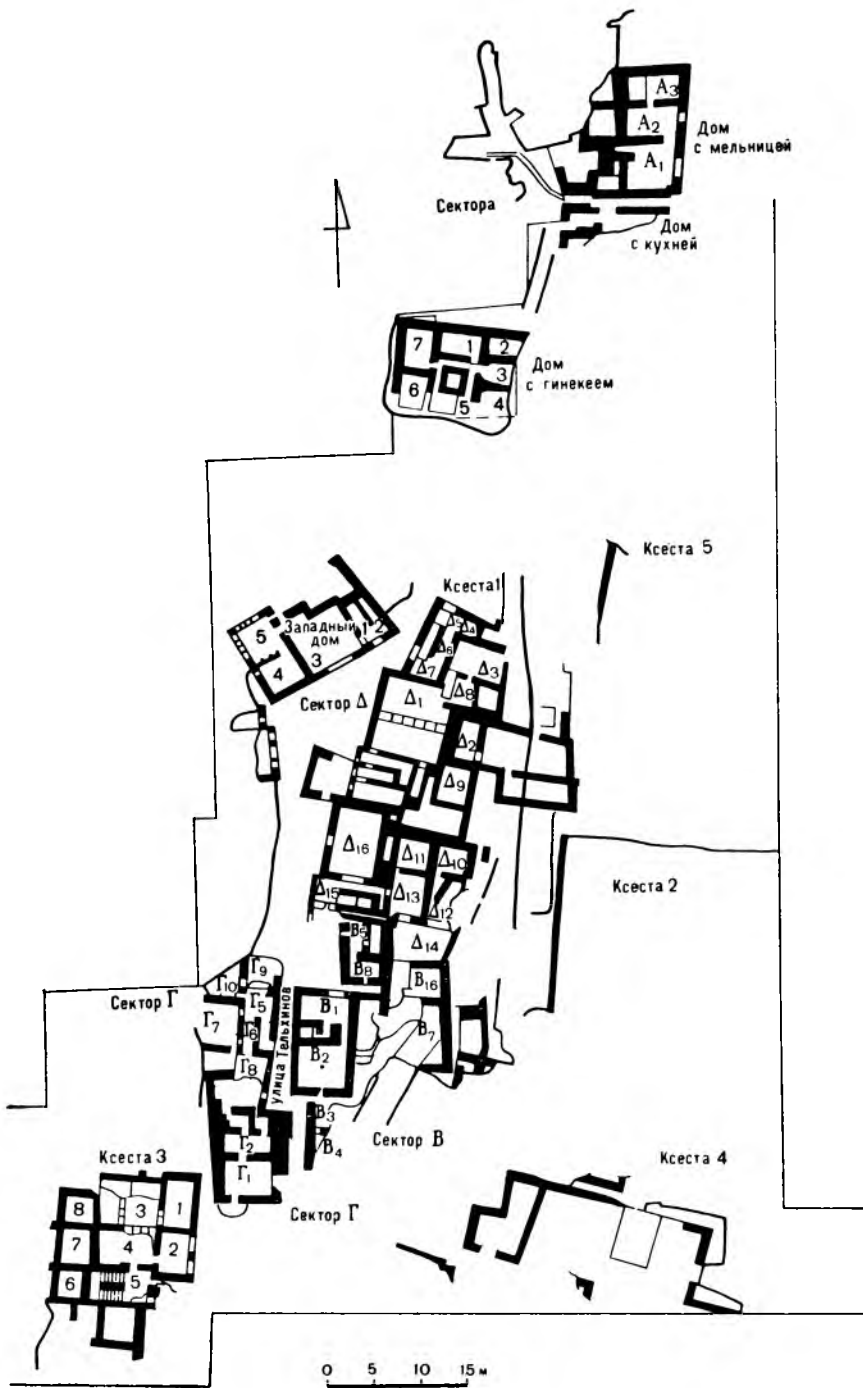

Рис. 38. План поселения Акротир на Фере.

пости острова. Судя по сохранившимся строительным остаткам, поселение состояло из нескольких рядов построек, вытянутых по стрелке компаса с севера на юг, хотя ориентация эта, по-видимому, не выдерживалась особенно строго и в некоторых местах заметны существенные отклонения от основной оси (рис. 38). Общая протяженность уже обследованной части поселения составляет 150—160 м (Marinatos, 1973b, S. 20). Ее площадь равняется примерно 10 000 м² (Doumas, 1980, S. 42). Сам Маринатос склонен был думать, что им открыт лишь незначительный фрагмент большого города, занимавшего чуть ли не всю южную оконечность теперешнего о. Фера и когда-то простиравшегося к северу вплоть до обрывистых берегов Санторинской бухты, причем значительная его часть могла быть поглощена морем в момент извержения, уничтожившего остров (Marinatos, 1973b, S. 20). Численность населения этого города должна была, по его оценкам, составлять не менее 30 000 человек (Edey, 1979, S. 99). Все эти догадки, конечно, в достаточной мере произвольны и нуждаются в серьезной проверке фактами. Как бы то ни было, в настоящий момент еще очень трудно определить, какая именно часть погибшего поселения (центральная или, наоборот, окраинная) была открыта Маринатосом и его сотрудниками и какую долю от общей площади существовавшего здесь некогда «города» она составляет.

Судя по уже имеющимся данным, застройка Акротири не была подчинена никакому продуманному, заранее составленному плану и развивалась в основном стихийно и беспорядочно, приспособляясь лишь к условиям местности и, видимо, также к потребностям отдельных домовладельцев (ср.: Palyvou, 1986, p. 194). В этом отношении Акротири почти ничем не отличается от таких уже известных нам поселений минойского Крита, как Маллия, Палекастро, Гурния, и даже сам державный Кносс. Так же как и во всех этих поселениях, основу планировки Акротири составляют беспорядочно сгруппированные блоки жилых помещений, разделенные узкими изогнутыми проходами или улицами. По крайней мере два или, может быть, три таких блока, хотя, судя по всему, далеко не полностью, были раскрыты в центральной части обследованной территории, примыкающей с двух сторон к так называемой «улице Тельхинов» (по-видимому, основная магистраль в этой части поселения, идущая в основном по оси север—юг и лишь в северной своей части немного отклоняющаяся от нее). Маринатос обозначает эти блоки соответственно литерами Г (западный) и В и Д (два восточных). Относительно двух последних блоков он замечает, что они составляют, в сущности, единый жилой комплекс из 24 помещений, причем разграничить внутри него отдельные дома (даже если допустить, что они здесь существовали) практически невозможно (Marinatos, 1973b, S. 15). Следы другого, может быть, еще более крупного комплекса обнаружены к востоку от этих двух блоков. Это так называемая «квеста (новогреч. *xesté*) 2», от которой сохранился достигающий высоты трех этажей монументальный фасад, выложенный почти по всей своей высоте хорошо отесанными прямоугольными плитами туфа (*ibid.*, S. 16). Внутренние помещения этого огромного здания, к сожалению, пока еще не обследованы. Другие постройки, расположенные на разном удалении от блоков Г и В—Д, в своем настоящем виде могут восприниматься как отдельно стоящие дома типа «богатых домов» в центральной части Кносса. Такое впечатление производят, например, «квесты 3 и 4» в южной части поселения, «западный дом», примыкающий с северо-запада к блоку Д (на другой стороне «улицы Тельхинов»), «дом с гинееем» и «дом с мельницей» в северной части поселения. Однако это впечатление может оказаться и обманчивым: не исключено, что оно вызвано

лишь неполнотой имеющейся у нас информации, проистекающей из незавершенности раскопок.

Маринатос, Хр. Думас и другие археологи, участвовавшие в раскопках Акротири, особо подчеркивают, что среди обследованных ими построек нет ни одной, которая по своим размерам и особенностям архитектуры и внутренней планировки могла бы сойти за дворец (Marinatos, 1973b, S. 15; Schachermeyr, 1976, Bd 2, S. 70; Doumas, 1981, p. 97). Означает ли это, что в поселении вообще не было никакого административного или административно-культурного центра? На этот вопрос смогут ответить лишь новые раскопки.²¹ Однако даже и рядовые дома Акротири поражают своей неординарностью. Все эти дома, по авторитетному заявлению Думаса (Doumas, 1981, p. 97), «обнаруживают высокий жизненный стандарт и степень художественного вкуса, которые обычно встречаются в богатых и культурных обществах». Основным строительным материалом, из которого возводились стены домов Акротири, были крупные камни, обмазанные глиной и скрепленные изнутри деревянными балками. Хорошо отесанными камнями были обрамлены дверные и оконные проемы. Такие же камни использовались для укрепления углов зданий и для выкладки наружных фризов, отмечающих уровни отдельных этажей по всей высоте дома. Иногда весь фасад дома или, реже, все его стены выкладывались из таких тщательно обработанных камней. В тех случаях, когда этот способ по тем или иным причинам не мог быть применен, наружные стены дома обмазывались глиной, смешанной с рубленой соломой (Doumas, 1980, S. 42 f.; 1981, p. 97).

Некоторые дома Акротири достигали только в своей сохранившейся части высоты трех этажей. Помещения верхних этажей использовались в основном как жилые покои и по этой причине снабжались особенно большими окнами. Иногда такие окна устраивались и в первом этаже на уровне уличного движения. Высказывалось предположение (Doumas, 1980, S. 43; 1981, p. 97), что помещения с такими окнами могли использоваться в качестве лавок. Нам оно представляется маловероятным, поскольку никаких других признаков, указывающих на занятие владельцев дома розничной торговлей, в этих помещениях обнаружено не было. Вероятно, могли быть и какие-то другие причины, вынуждающие домохозяев устраивать большие окна на таком низком уровне. Как правило, помещения первых этажей и подвалы предназначались для хранения съестных припасов (о чем свидетельствуют многочисленные пифосы), а в некоторых случаях использовались также и как мастерские (ibid.). Несмотря на сравнительно хорошую сохранность домов Акротири, их внутреннее устройство, и в частности назначение и характер отдельных помещений, остается во многом проблематичным. Одну из таких проблем ставят перед исследователями комнаты, украшенные фресками. Как правило, в каждом доме или, точнее, в каждом жилом комплексе имелась по крайней мере одна такая комната, обычно расположенная на втором этаже.²² Маринатос склонен был видеть

²¹ В уже обследованной части Акротири функции архитектурного и вместе с тем общественного центра (места собраний) могла выполнять небольшая, почти треугольная в плане площадь в северной части «улицы Тельхинов» между «западным домом» и северными помещениями блока Δ. В какой мере функции такого рода могли быть присущи также и непосредственно примыкающим к этой площади зданиям, сказать пока трудно.

²² В виде исключения из этого правила можно упомянуть лишь помещение № 2 в блоке Δ, которое было украшено великолепной росписью, изображающей «весну в горах», хотя и находилось на первом этаже. Заметим попутно, что до сих пор в Акротири не найдено ни одного дома, совершенно лишённого стеновых росписей.

во всех помещениях такого рода домашние святилища, придавая соответственно и самим фрескам сугубо сакральное значение (Marinatos, 1972, p. 13; 1973b, S. 16, 19).²³ Против такой интерпретации, пожалуй, более всего говорят сами сюжеты фресок: среди них безраздельно преобладают изображения живой природы и сцены повседневной жизни, которые вряд ли могли иметь какой-либо религиозный смысл.²⁴ В этом плане фрески Акротири заметно отличаются от стеновых росписей Кносского дворца, для создателей которых как раз характерно повышенное внимание ко всевозможным культовым церемониям (Schachermeyr, 1976, Bd 2, S. 71; ср.: Marinatos N., 1984). По-видимому, не следует совершенно сбрасывать со счета возможность культового использования комнат с фресками, хотя было бы неразумно и считать ее единственной. Как бы то ни было, совершенно очевидно, что помещения эти играли в домашней жизни какую-то особую роль, считаясь, по всей видимости, парадными покоями, предназначенными для всякого рода торжественных семейных собраний, церемоний, приема гостей и т. п.²⁵

Несмотря на очевидные различия в размерах (скорее всего, протекающие из факта незавершенности раскопок) и в архитектурном оформлении, все дома Акротири отвечают, в общем, одним и тем же достаточно высоким стандартам, социальным, бытовым и эстетическим. Импозантная квадратная кладка фасадов, просторные внутренние помещения домов с их стенами, обмазанными хорошей штукатуркой и украшенными фресками, несколько не уступающими по своим художественным достоинствам настенным росписям Кносса и Айя Триады, исключительное обилие богато декорированной керамики — все эти детали быта акротиритов создают впечатление какого-то из ряда вон выходящего благополучия и процветания.²⁶ Конечно, во многом это впечатление зависит от исключительной по археологическим меркам степени сохранности самого поселения со всеми его составляющими постройками. Не исключено, что и другие кикладские поселения, например Филакопи или Айя Ирины, оказались бы не менее эффектно (Wagstaff, 1978, p. 455; ср.: Shaw, 1978, p. 431). Тем не менее именно за Акротири довольно прочно закрепилась сейчас репутация патрицианской республики купцов и судовладельцев, своеобразной Венеции бронзового века (Schacher-

²³ В соответствии с такой трактовкой знаменитая кровать, поставленная в помещении Δ₂ прямо у стены с изображением «весны», расценивалась им чуть ли не как профанация святины, на которую могли решиться только «троглодиты», поселившиеся в доме после ухода его настоящих хозяев (Marinatos, 1973, S. 16).

²⁴ Известное исключение, возможно, составляют в этом отношении лишь фрески из так называемого «гинекея», изображающие несколько женских фигур, может быть, участвующих в каком-то религиозном обряде, а также фигура так называемой «юной жрицы» на одной из росписей «западного дома». Ср. любопытную, но, как нам кажется, не особенно убедительную попытку интерпретации всех вообще фресок «западного дома» и других домов Акротири в качестве образчиков сугубо религиозной живописи в статьях Н. Маринатос и Р. Хегга (Marinatos, Hägg, 1983; Marinatos N., 1984).

²⁵ Среди утвари, извлеченной из домов Акротири во время раскопок, лишь некоторые предметы могут считаться вещами бесспорно культового назначения. Наиболее выразительным примером может служить трехногий столик для жертвоприношений, расписанный в «морском стиле» (Marinatos, 1972, pl. C; 1973b, S. 190; ср.: Marinatos N., 1984).

²⁶ Элементы коммунального благоустройства сводятся в раскопанной части поселения к остаткам уличной вымостки и проложенным под ней водосточкам. В некоторых местах эти водостоки были соединены глиняными трубами с отдельными домами (Marinatos, 1971, p. 15; 1974, p. 18; ср.: Palyvou, 1986, p. 104).

meug, 1976, Bd 2, S. 71 ff.; 1978). Нам кажется, что в таком сопоставлении, безусловно, мистифицирующем, как и все сравнения слишком далеко отстоящих друг от друга во времени исторических величин, все же есть и известная доля истины. Остается определить, в чем именно она заключается.

Можно допустить, что обостренная интуиция, помноженная на археологическую удачу, вывела Маринатоса прямо в основной «патрицианский» квартал древнего поселения, тогда как лагуги бедняков остались в стороне и до сих пор ждут своей очереди под толщей вулканического пепла. Ничто не мешает нам, однако, представить все Акротир в его первоначальном виде как поселение с более или менее единообразной застройкой, среди которой практически было бы невозможно разграничить сколько-нибудь четко богатые и бедные дома, что характерно также и для гораздо более поздних греческих полисов типа Приены или Олинфа. При крайней ограниченности собственно археологического материала, которым нас снабжают все три известных сейчас кикладских поселения, особую значимость приобретают показания такого специфического источника, как открытый в одном из домов Акротир (так называемом «западном доме») миниатюрный живописный фриз с изображением морской экспедиции (см. форзац). Не вдаваясь в детальный анализ этого уникального памятника эгейского искусства, уже успешного завоевать широкую известность, коснемся лишь некоторых его особенностей, имеющих прямое отношение к нашей теме. В правой, лучше всего сохранившейся части фриза обращают на себя внимание очень тщательно, с массой мелких подробностей выписанные изображения двух поселений,²⁷ между которыми совершает свой путь, очевидно, возвращаясь из далекого похода эскадра в составе семи кораблей. Архитектура обоих поселений более или менее однотипна и в целом вполне отвечает уже давно сложившимся в науке представлениям об основных особенностях архитектуры Эгейского мира, может быть, правда, с поправкой на ее кикладский вариант.²⁸ На фреске наглядно представлены такие характерные ее признаки, как плоские крыши домов, на которых располагаются зрители, наблюдающие за отплытием флота на одной стороне композиции и за его прибытием в порт назначения — на другой, квадратная кладка фасадов, по-видимому, скрепленная в отдельных местах поперечными деревянными балками, большие окна, закрытые решетчатыми ставнями, просторные открытые веранды или балконы. Высокие башнеобразные дома компактно сгруппированы на небольшом пространстве, в чем, несомненно, следует видеть прямой намек на типичную для большинства эгейских поселений конгломератную застройку. В обоих поселениях, которые мы можем условно обозначить как «порт отбытия» и «порт прибытия», все дома более или менее стандартны и имеют подобно домам Акротир вполне respectable, можно даже сказать, «аристократический» внешний вид. Среди них нет ни одного здания, сколько-нибудь похожего на дворец, в чем угадывается ха-

²⁷ Сильно фрагментированное изображение третьего поселения можно видеть в левой части фрески, где художник, судя по всему, пытался воспроизвести сцену захвата и разграбления вражеского «города».

²⁸ Хотя установить с абсолютной точностью местоположение обоих поселений, по-видимому, невозможно, их локализация в пределах зоны распространения эгейской культуры отнюдь не на северном побережье Африки, где помещал их Маринатос, не вызывает у нас особых сомнений. В ее пользу говорит целый ряд признаков, о которых см.: Haider, 1979, S. 295 f.; Warren, 1979, p. 121 ff.

рактерный признак именно кикладских поселений.²⁹ Основное различие между двумя изображенными на фреске поселениями состоит в том, что одно из них («порт отбытия») лишено каких бы то ни было укреплений, в то время как другое («порт прибытия») обнесено массивной оборонительной стеной, закрашенной на фреске в синий цвет. Во втором поселении обращает на себя внимание также виднеющееся между домами обширное пустое пространство. По мнению Уоррена (Warren, 1979, p. 119), художник попытался здесь изобразить либо корабельный эллинг, либо арсенал. Нам кажется, однако, что это больше похоже на «городскую» площадь или же улицу. Рядом с «портом прибытия» видна довольно глубокая бухта или гавань, в которую, очевидно, должен войти подплывающий к берегу флот. В «порту отбытия» такая гавань как будто отсутствует. Да и вообще это поселение имеет более скромный и «провинциальный» облик. Тем не менее, в понимании самого художника, это, по-видимому, тоже «настоящий город», так как рядом с ним на другом берегу реки мы видим поселение уже совсем иного типа, состоящее из нескольких небольших обособленно стоящих домиков.³⁰ Создатель фриза едва ли не впервые в истории мирового искусства сталкивает здесь лицом к лицу «город» и деревню, тем самым ясно давая понять, что этот вид дихотомии человеческого общества был ему хорошо известен. При крайней неполноте имеющихся у нас сведений о иерархии поселений этого времени это, бесспорно, очень ценное свидетельство. Таким образом, археологам, продолжающим раскопки в Акротири, по-видимому, не стоит тешить себя надеждой на то, что наряду с «кварталами богачей и знати» им когда-нибудь удастся открыть также и «кварталы бедноты» или «городские трущобы». Скорее всего, их здесь просто не было. А если даже нечто подобное здесь и существовало, то, вероятно, было вынесено за пределы «городской» территории, как сказали бы греки, «на хору».

Отсюда, однако, не следует, что в открытых Маринатосом и его сотрудниками домах Акротири квартировала одна только аристократическая элита ферского общества. Структура этого общества, несомненно, была хорошо известна создателю миниатюрного фриза. С предельной ясностью она запечатлена в его основной сцене, изображающей возвращение флота к родным берегам. Здесь сразу же обращает на себя внимание, может быть, сознательно подчеркнутый художником контраст между двумя основными группами персонажей: полуголыми, одетыми лишь в характерные минойские передники гребцами и облаченными в длинные просторные одеяния (иногда белые, иногда цветные) «пассажирами». В то время как первые изо всех сил налегают на весла под бдительным надзором кормчего, последние, восседая в свободных позах под палубными тентами, как будто ведут между собой непринужденную беседу или просто любят морскими просторами. Единственная деталь, которая вносит некоторый диссонанс в эту удивительно мирную по настроению сцену, это — боевые племя, сделанные, по всей видимости, из кабаньих клыков и подвешенные

²⁹ Так называемые «рога посвящения», различимые на крышах «порта прибытия», не обязательно должны считаться признаком здания дворцового типа. Как показали находки, сделанные во время раскопок в Акротири, они могли украшать и обычные дома (Marinatos, 1974, p. 34).

³⁰ Рядом с «портом прибытия» такое поселение почему-то отсутствует. Возможно, что здесь оно должно было находиться справа — в том месте, где фриз окончательно обрывается. Одиночная постройка на мысу, мимо которого корабли проплывают в гавань, может представлять собой либо сторожевую башню, либо святилище.

под тентами над головами «пассажиров», которым они, скорее всего, и принадлежат. Эта на первый взгляд не столь уж существенная деталь придает всей сцене совсем иную окраску. Ее смысл полностью раскрывается в одном из эпизодов левой (к сожалению, плохо сохранившейся) части фриза. Здесь мы видим тех же «пассажиров», но уже в полном вооружении: с длинными копьями в руках, с большими прямоугольными щитами из бычьих шкур и в шлемах, подобных только что упомянутым. Можно предположить, что их высадка на сушу была предпринята с целью захвата изображенного несколько левее города (от него остался только небольшой фрагмент), из которого они теперь угоняют большое стадо коз и овец, вероятно, доставшееся им в качестве военной добычи, и, может быть, также захваченных в плен женщин (две женские фигуры виднеются рядом со стадом над самыми крышами города). Таким образом, становится совершенно очевидным, что «пассажиры» плывущих кораблей — отнюдь не мирные путешественники, но грозные воители, возвращающиеся к родным берегам после удачного набега. Как главные участники всего предприятия, выполнившие самую трудную и опасную часть общего дела, они теперь с полным правом наслаждаются отдыхом и покоем. Художник явно стремился здесь противопоставить друг другу не просто две группы персонажей, выполняющие различные функции в общем развитии сюжета картины, но два класса или два слоя с различающимся социальным статусом. С одной стороны, мы видим здесь людей, более привычных к работе копьем и мечом, нежели к гребле, с другой — профессиональных гребцов и кормчих, в совершенстве знающих свое дело, но, видимо, не так уж хорошо владеющих оружием.

Это противопоставление иногда истолковывается превратно. Согласно довольно популярной сейчас гипотезе (впервые она была выдвинута еще покойным Маринатосом), фриз изображает совместную военную экспедицию, в которой участвовали, с одной стороны, кикладские моряки, скорее всего, обитатели самого о. Фера, а с другой — их союзники, ахейские греки, или, может быть, просто микенские наемники, завербованные где-то в материковой Греции (Marinatos, 1973a, S. 59; 1974, p. 47, 54; Immerwahr, 1977, p. 176 ff.; Warren, 1979, p. 128 f.; ср.: Starr, 1984, p. 12). На наш взгляд, события, изображенные на фреске, могут быть объяснены и без такого рода домыслов, к тому же фактически очень слабо обоснованных.³¹ Вообще было бы странно, если бы владелец «западного дома», где были найдены фрагменты фриза (судя по всему, это был

³¹ Основным доводом в поддержку «микенской» гипотезы послужили для Маринатоса уже упоминавшиеся шлемы из кабаньих клыков, в которых он и его последователи видят характерную деталь именно микенского вооружения. На наш взгляд, этот аргумент не отличается особенной убедительностью. Хотя изображения диковинных шлемов из клыков вопреки действительности особенно часто встречаются в искусстве материковой Греции начиная с эпохи шахтовых могил (впрочем, это можно объяснить просто особым пристрастием ахейских художников к сюжетам, связанным с войной), едва ли кто-нибудь может утверждать с абсолютной уверенностью, что этот предмет вооружения был монополизирован микенскими греками и оставался совершенно неизвестным их соседям на Крите и других островах Эгеиды. Скорее, как справедливо указывает Шахермайр (Schachermeyr, 1976, Bd 2, S. 76), при тех тесных контактах, которые уже в XVI в. до н. э. существовали между различными частями Эгейского мира, шлемы такого типа вполне могли завоевать широкую популярность и стать образцом для подражания независимо от того, где они появились впервые. Во всяком случае на островах они были известны начиная уже с CM периода, т. е. едва ли не раньше, чем на Пелопоннесе и в Средней Греции (Haider, 1979, S. 287; ср.: Warren, 1979, p. 128; Doumas, 1982, p. 12 f.).

достаточно видный представитель местной знати),³² действительно пожелал украсить свое жилище изображением подвигов и побед иноземных (пусть даже дружественных народу Феры) воителей, своим же соотечественникам отвел двусмысленную роль не то сопровождающих лиц, не то слуг чужеземцев. Гораздо естественнее было бы предположить, что художники, расписывавшие фресками стены домов Акротирри, стремились воспеть в своих произведениях воинские подвиги своих сограждан, подобно тому как это делали, например, скандинавские мастера в эпоху викингов. Жители Феры, так же как и другие обитатели Кикладского архипелага, издавна промышляли морским разбоем. Им не было надобности у кого-то учиться этому ремеслу или же нанимать себе в помощь для очередного набега каких-нибудь воинственных иноземцев. Неудивительно, что пиратская тематика оказалась в центре внимания местных живописцев.³³

Отбросив микенскую гипотезу как несостоятельную, мы неизбежно должны будем признать, что создатель «морского фриза» ориентировался в своей работе на современное ему кикладское или, что еще более вероятно, собственно ферское общество. Каждый из изображенных им экипажей представляет собой как бы уменьшенную копию этого общества, четко подразделяясь на две социальные группы: знатных воинов («патрициев») и гребцов из простонародья («плебеев»). Интересно, однако, что в многолюдной толпе, ожидающей возвращения флота в «порту прибытия» (возможно, художник хотел изобразить здесь сам «город» Акротирри), безраздельно преобладают облаченные в короткие передники фигуры «плебеев». Мы различаем их и выстроившимися в ряд на «причальной стенке», и на открытых верандах домов, и бегущими вверх по склону горы по направлению к сторожевой башне или, может быть, святилищу, расположенному на ее вершине. Еще две такие же фигурки сидят в лодке, очевидно, указывающей подплывающим кораблям путь в гавань. Среди всей этой толпы лишь четыре фигуры в верхней части фрески (они не то стоят на крышах домов, не то просто движутся по склону горы где-то за «городом») могут быть по своим длинным белым одеяниям отнесены к разряду «патрициев».³⁴

Из всего этого можно заключить, что в подобных Акротирри крупных кикладских поселениях знать и простонародье жили в тесном соседстве друг с другом, возможно, даже в одних и тех же жилых блоках или инсулах. Отчасти эту догадку подтверждают находки, сделанные в том же Акротирри. Небольшие мастерские, возможно, связанные с обработкой металла, были от-

³² Маринатос был убежден, что это мог быть только «адмирал», возглавлявший изображенную на фризе экспедицию. Отсюда другое название «западного дома» — «дом адмирала».

³³ В эгейском искусстве XVI—XV вв. до н. э. тема пиратского нападения на приморский «город» пользовалась большой популярностью. Известны многообразные ее воплощения как в миниатюрной фресковой живописи, так и в мелкой пластике. Большая часть произведений этого рода происходит, по-видимому, с Крита (Warren, 1979, p. 126) — обстоятельство, которое также говорит скорее против «микенской» гипотезы, чем в ее пользу.

³⁴ Неясно, к какой из двух выделенных нами социальных категорий — к «плебеев» или к «патрициям» — следует отнести людей, закутанных в длинные плащи из козьих или овечьих шкур типа кавказских бурок. Фигуры такого рода можно видеть в обоих изображенных на фризе поселениях, а также в отдельных фрагментах его левой, плохо сохранившейся части. Возможно, они изображают сельских жителей, для которых такая одежда была характерна также и в более поздние времена. Почти полное отсутствие фигур «патрициев» в толпе встречающихся в заключительной сцене фриза, возможно, объясняется тем, что все они, за исключением, может быть, нескольких старцев, мыслятся художником как участники похода.

крыты в «патрицианских домах» блока Г в южной части «улицы Тельхинов» (отсюда и само ее название — Marinatos, 1973b, S. 15). В одном из помещений того самого «западного дома» или же «дома адмирала», где был открыт «морской фриз», было обнаружено «ателье» художника, то ли занимавшегося росписью сосудов, то ли работавшего над фресками, украшавшими стены этого здания (ibid., S. 19). В нескольких домах были открыты специальные помещения, где, судя по всему, занимались своим нелегким трудом молольщики зерна, работавшие с ручными зернотерками (Marinatos, 1972, p. 23f.; 1973b, S. 15, 20; Marinatos N., 1984, p. 169 ff.). Столь близкое соседство рабочих помещений с жилыми покоями в богатых домах Акротири говорит о том, что мир труда здесь еще не был четко отграничен от мира аристократического *far niente*. В свою очередь это свидетельствует об относительной архаичности и примитивизме самого ферского общества. Можно предполагать, что социальная стратификация развивалась здесь в основном в рамках еще не распавшейся большой семьи, внутри которой постепенно выдвигались на первый план и складывались в своеобразный патрициат наиболее преуспевающие благодаря активному участию в занятиях пиратством и морской торговлей малые семьи. Очевидно, богатства, приобретенного такими способами, хватало на то, чтобы поддерживать свой аристократический престиж среди массы рядовых общинников. Его, однако, было недостаточно для того, чтобы полностью обособиться от этой массы, образовав внутри поселения совершенно изолированный анклав, как мы наблюдаем это в дворцовых центрах Крита и материковой Греции.

Есть основания полагать, что кроме Акротири около середины II тыс. до н. э. на Фере существовали также и другие поселения, возможно, уступавшие ему в размерах и значении. Производившиеся в разных местах раскопки и исследования подъемного материала позволили выявить на самой Фере и на противоложащем островке Ферасиа 11 таких поселений, хотя первоначально их число могло быть еще больше (Wagstaff, 1978, p. 450). Все эти поселения были так же, как и Акротири, уничтожены вулканической катастрофой в конце XVI или начале XV в. до н. э. «Город», открытый Маринатосом, таким образом, вполне мог быть центром разветвленной системы поселений, охватывавшей всю территорию острова до его погружения в воды Эгейского моря.

Несмотря на его пока еще небольшие размеры, в Акротири, пожалуй, более ясно, чем в других кикладских центрах того же времени, выражены характерные признаки поселения протогородского типа. Комбинируя показания двух основных видов источников — имеющихся в нашем распоряжении собственно археологических данных и стеновых росписей, которыми некогда были украшены дома Акротири, мы можем сделать вывод, что экономика этого поселения отличалась высоким уровнем специализации, что нашло свое выражение в интенсивном развитии мореплавания и таких сопутствовавших ему отраслей хозяйства, как пиратство, морская торговля и рыболовство. Уже само по себе это может означать, что значительная часть населения древней Феры либо вообще была освобождена от занятий сельским хозяйством, пополняя ряды профессиональных кормчих, гребцов и матросов, либо относилась к нему как к второстепенному, побочному источнику существования. В свою очередь хозяйственная специализация влекла за собой усиление имущественной и статусной стратификации внутри ферского общества, что нашло

свое выражение в образовании прослойки военной и судовладельческой знати, хотя и не обособившейся еще полностью от массы рядовых общинников, но явно стремившейся к такому обособлению. Местом, где концентрировалась эта прослойка, был, вне всякого сомнения, сам протогород Акротири, что ставило его в особое, можно даже сказать, привилегированное положение среди других поселений острова.

В той или иной степени эта характеристика приложима также и к двум обрисованным выше кикладским поселениям II тыс. до н. э. — Филакопи и Айя Ирини. Их мощные оборонительные стены, а также наличие административного центра («дворца») в первом из них и культового сооружения («храма») во втором могут служить дополнительными, хотя едва ли решающими доводами в пользу их причисления к категории протогородов. Необходимо особо подчеркнуть, что эта кикладская форма протогорода в целом довольно примитивна и в типологической шкале эгейских поселений стоит, пожалуй, ближе к квазигороду эпохи ранней бронзы, чем к дворцовым центрам Крита и материковой Греции. Как было уже отмечено, история каждого из трех рассматриваемых поселений восходит по крайней мере к концу III тыс. до н. э. Их сугубо местное кикладское происхождение как будто может считаться неоспоримо доказанным. Вместе с тем целый ряд фактов свидетельствует о том, что их культура испытала на себе очень сильное влияние культуры минойского Крита. Это влияние становится особенно ощутимым начиная с конца среднеминойского периода и проявляется себя в стенных и вазовых росписях, в пластическом искусстве (культовые статуи из Айя Ирини), в архитектуре жилых домов, в распространении минойских мер веса (в виде свинцовых дисков) и даже минойской письменности (таблички линейного А письма были найдены в Филакопи и Айя Ирини) (Barber, 1981, p. 2 ff.; Branigan, 1981, p. 27 ff.; Doumas, 1982, p. 81 f.). Может возникнуть впечатление, что факты такого рода прямо подтверждают свидетельства древних о критском владычестве на Кикладах. Поселения, подобные Акротири, Филакопи и Айя Ирини, в этом случае могли бы быть признаны опорными пунктами минойской морской державы или даже просто критскими колониями на островах.

Вопрос об исторической реальности так называемой «минойской талассократии» пока еще не может считаться по-настоящему решенным. Отсутствие подлинного *consensus stnium* по отношению к этой важной исторической проблеме наглядно продемонстрировали материалы III Международного симпозиума при Шведском институте в Афинах, проходившего в 1982 г. и целиком посвященного теме минойской талассократии.³⁵ Выступления участников симпозиума выявили чрезвычайно широкий «разброс» мнений в оценках масштабов и характера минойского присутствия на островах Эгейского моря от признания реальности морского владычества критских царей, впрочем, по-разному осмысленного разными докладчиками, до констатации факта так называемой «миноанизации» островных культур, которая, по мнению некоторых из выступавших с докладами или участвовавших в прениях ученых, могла развиваться независимо от талассократии и заключалась либо в распространении среди населения островов основных элементов минойской культуры (так называемый «версальский эффект»), либо в выведении на некоторые из них ми-

³⁵ В 1984 г. материалы симпозиума вышли отдельным изданием в Стокгольме под заголовком «The Minoan Thalassocracy. Myth and Reality».

нойских колоний. В этом последнем случае неизбежно встает вопрос: могут ли считаться минойскими колониями такие поселения, как Филакопи, Айя Ирини, Акротири? Возможно, ближе других к правильному пониманию истинного положения вещей стоит К. Брэниген, который и в своем докладе на симпозиуме в Афинах, и в опубликованной несколько ранее статье на ту же тему (Branigan, 1981, 1984) настаивал на том, что минойское присутствие на Кикладах ограничивалось небольшими группами или общинами переселенцев с Крита (community colonies), по преимуществу купцов, которые были в разных пропорциях «внедрены» в местную этническую среду. При этом в Филакопи и Айя Ирини эти переселенцы были рассеяны по всему поселению, тогда как в Акротири они занимали особую часть города, именно ту, которая была раскопана Маринатосом (последнее, на наш взгляд, совсем необязательно). Ни критских гарнизонов, ни критской администрации на островах, по мнению Брэнигена, никогда не было. Эта гипотеза, хотя по-настоящему обосновать ее, базируясь на одном лишь археологическом материале, практически невозможно, тем не менее импонирует нам уже тем, что допускает возможность более или менее спонтанного, независимого от внешних влияний развития кикладских поселений. Действительно, несмотря на известное типологическое сходство с такими минойскими поселениями, как Маллия, Като Закро, Палекастро, Гурния и др., островные протогорода имели ряд присущих только им специфических особенностей и, очевидно, возникли и развивались преимущественно на местной основе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало процесса урбанизации в Эгейском мире восходит, как теперь это ясно видно, по крайней мере к эпохе ранней бронзы, или к III тыс. до н. э. Уже в это время первоначально более или менее однородная масса неолитических деревень как в материковой, так и в островной Греции начинает видоизменяться и дифференцироваться. Некоторые из этих деревень трансформируются в урбаноморфные поселения, т. е. в нуклеарные земледельческие поселения, наделенные некоторыми внешними признаками города (компактная застройка, элементы правильной планировки, более или менее благоустроенные жилища, в ряде случаев наличие оборонительных сооружений, иногда довольно мощных). Наиболее ранними образцами этих эгейских квазигородов могут служить такие поселения, как Полиохни на о. Лемнос и Ферми на Лесбосе. Среди поселений эпохи ранней бронзы встречаются и более архаичные формы человеческого общежития, едва ли заслуживающие того, чтобы именоваться хотя бы «квазигородом». Примерами могут служить укрепленные деревни вроде Кастри (Халадриани) на о. Сирос в Кикладском архипелаге или изолированные жилые комплексы (жилища, являющиеся вместе с тем и поселениями), иногда укрепленные, иногда неукрепленные, вроде Панорма на Наксосе или Миртоса (Фурну Корифи) в восточной части Крита. Типологически все эти поселения стоят явно на более низкой ступени развития, чем Полиохни или Ферми, хотя хронологически относятся к более позднему времени (вторая половина III тыс.), что позволяет говорить об известной неравномерности процесса градообразования в эту эпоху.

Уже в хронологических рамках того же III тыс. до н. э. в отдельных районах Эгейского мира начали формироваться организованные по иерархическому принципу системы поселений, по всей видимости, соответствующие возникшим в этих районах ранним государственным образованиям. Роль интегрирующих, структурообразующих центров в системах такого рода выполняли хорошо укрепленные цитадели типа Трон I—II на азиатском берегу Эгейского моря или же несколько более поздних Лерны III и Тирифа на противоположном европейском берегу. Учитывая выполняемые этими цитаделями функции ритуально-административных комплексов или резиденций племенных вождей, позволительно квалифицировать их как зачаточную форму протогорода. В пределах островной зоны Эгейского мира, не исключая и Крита, до сих пор не удалось обнаружить никаких следов поселений этого типа, которые можно было бы датировать эпохой ранней бронзы.

В эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.) начавшийся таким образом процесс дифференциации поселений, в основе своей, несомненно, от-

ражавший усложнение социальных и политических структур, обычно соответствующее переходу от первобытнообщинного строя к раннеклассовым общественным формациям, продолжал развиваться, несмотря на происходившие время от времени разрывы эволюционной цепи и отклонения в сторону от магистральной линии исторического прогресса. В авангарде этого движения теперь оказывается о. Крит, где в первой половине II тыс. до н. э. сложилась наиболее ранняя в этой части древнего Средиземноморья дворцовая цивилизация. Именно на Крите наиболее четко прослеживается постепенное перерастание первичной формы протогорода, возникшей на рубеже III—II тыс. в условиях еще не вполне разложившихся первобытнообщинных отношений, в его более зрелую (классическую) форму, наиболее характерным признаком которой может считаться вполне сформировавшийся дворцовый комплекс, образующий вместе с примыкающими к нему постройками основное структурное ядро поселения. Дворцовые центры типа Кносса, Феста, Маллии, Като Закро объединяют вокруг себя довольно сложные системы поселений, по всей видимости, соответствующие отдельным дворцовым государствам или, если исходить из принятой многими гипотезы о политическом единстве Крита, его наиболее крупным округам и провинциям. В рамках этих систем первичные формы протогорода, выполнявшие функции административно-ритуальных центров отдельных округов и районов, сосуществовали с различными видами квазигородов или рядовых земледельческих поселений. Четкую грань между этими двумя разновидностями минойских поселений, как правило, провести не удастся: видимо, они почти не различались между собой по своим внешним физическим признакам. Затруднения, возникающие при попытках точной идентификации таких памятников, как Гурния, Палекастро, Псира, дают наглядное представление об этой важной проблеме эгейской урбаноархеологии.

Как бы то ни было, поселения, типологически чрезвычайно близкие к первобытному квазигороду со всеми характерными для него признаками, продолжали оставаться на Крите едва ли не самой распространенной формой человеческого общежития также и в пору высшего расцвета минойской цивилизации. Видимо, здесь, как и во многих странах Передней Азии, очаги особо интенсивного классовобразования, каковыми могут считаться дворцовые центры, в течение длительного времени сосуществовали с зонами относительной статичности или замедленного развития, своеобразными «резервациями» первобытных традиций и социальных структур. Процесс градообразования, тесно связанный с процессом классовобразования, протекал здесь поэтому в целом довольно медленными темпами.

Можно полагать, что во многом сходная с критской иерархия поселений сложилась несколько позже (в основном уже в XIV—XIII вв. до н. э.) также и в ахейских государствах материковой Греции, где в этот период окончательно определился еще один микенский вариант дворцовой цивилизации, во многом, по-видимому, повторяющий более ранний минойский вариант. Известная ущербность этой периферийной ветви средиземноморских культур бронзового века проявилась, в частности, в том, что протогород как наиболее характерный для всей этой эпохи тип поселения, может быть лишь за немногими исключениями (Тириф, Пилос), так и не достиг здесь в своем развитии стадии полного созревания. Даже в таком наиболее известном и важном политическом центре ахейской Греции, как Микены, мы находим, в сущности, лишь изолированное структурное ядро протогорода (его аристократический анклав) в виде

цитадели, или укрепленного дворцового комплекса, с рассеянными вокруг него одиночными усадьбами и небольшими поселками. В основной своей массе все более или менее изученные археологически микенские поселения находятся в пределах все той же возникшей еще в эпоху ранней бронзы шкалы градаций между квазигородом и первичной формой протогорода. Как и на Крите, четко разграничить эти два типа поселения чаще всего не удается. За пределами этой шкалы остаются, вероятно, весьма многочисленные, но плохо поддающиеся идентификации земледельческие поселения с дисперсной застройкой (ср.: Блаватская, 1976, с. 107; Bintliff, 1977, pt I, p. 136 ff.).

Возникновение таких сложных экономических структур, какими были дворцовые хозяйства эпохи бронзы, требовало в качестве своей главной предпосылки наличия больших массивов пригодной для обработки земли, которые могли бы обеспечить правящую элиту дворцового государства и весь обслуживающий ее персонал необходимым количеством избыточного продукта. Вполне закономерно поэтому, что в пределах Эгейского мира и дворцовые хозяйства, и соответствующие им на уровне политической интеграции общества дворцовые государства формировались лишь там, где существовали обширные аллювиальные или приморские равнины с достаточно плодородными почвами. Такими районами могут считаться, например, центральная и восточная части Крита, а на Пелопоннесе — Арголида, Мессения и, видимо, также Лакония. На островах центральной Эгеиды такие благоприятные для формирования дворцовых комплексов «экологические ниши» отсутствовали, что наложило свой отпечаток на типичную для этого района форму ранней урбанизации. Политическая зависимость островов от «великих держав» Крита и материковой Греции, по-видимому, не выходила за рамки «вассальных» (даннических) отношений и едва ли могла привести к их абсолютному поглощению дворцовыми государствами. Экономические структуры типа минойско-микенских дворцовых хозяйств здесь, очевидно, так и не успели сложиться. Об этом свидетельствует прежде всего отсутствие в этом районе настоящих дворцовых комплексов, которые могли бы выдержать сравнение с дворцами Кносса, Феста, Микен и Пилоса. Археологически засвидетельствована, да и то лишь в одном случае (в Филакопи III на Мелосе), зачаточная форма такого комплекса, явно чуждая местной архитектурной традиции. Благодаря отсутствию дворцовых центров обитатели островной зоны были в гораздо меньшей степени стеснены в своей хозяйственной деятельности, нежели их соседи, жившие на Крите или в прибрежных районах Пелопоннеса и средней Греции. С другой стороны, природные условия этой части Эгейского мира (острая нехватка земли и близость моря) уже в очень раннее время вынудили островитян обратиться к занятиям, непосредственно не связанным с земледелием, т. е. к рыболовству, торговле и пиратству, что должно было способствовать пробуждению в их среде особой предприимчивости и мобильности в ущерб развитию государственного экономического сектора (ср.: Массон, 1980, с. 41). В соответствии с этим процесс социальной стратификации общества и становления государства с самого начала пошел здесь по иному пути. Его отличительными чертами можно считать, во-первых, относительную жизнеспособность общинной организации с ее демократическими традициями, восходящими еще к эпохе родового строя, и, во-вторых, отсутствие жестко институированной иерархии сословий и должностей, столь характерной для дворцово-храмовых хозяйств эпохи бронзы во всех их многообразных вариантах. В островных общинах аристо-

кратическая элита формировалась не как прослойка служилой знати, тесно связанная с дворцовой администрацией или даже ей тождественная, но скорее как свободная корпорация или своего рода «республика», состоящая из больших семей, каждая из которых имела свою особую сферу хозяйственных интересов и ни в какой мере не зависела в своей деятельности от контроля государства. Эта специфическая социальная структура нашла свое отражение прежде всего в планировке крупнейших кикладских поселений с их компактно сгруппированными на небольшом пространстве «патрицианскими особняками», святилищами, в некоторых случаях уже отдаленно напоминающими позднейшие греческие храмы, и ярко выраженным стремлением к обеспечению коммунальной безопасности и благоустройства. Из всех известных сейчас форм и типов эгейского протогорода, пожалуй, именно островные поселения в наибольшей степени отвечают представлениям о древнейшем прообразе греческого полиса (ср.: Tritsch, 1928, S. 76 ff.). Однако должен был пройти еще весьма длительный исторический срок, заполненный социальными потрясениями и глубокими формационными сдвигами, прежде чем этот тип поселения по-настоящему укоренился на греческой почве и стал здесь, безусловно, доминирующей формой человеческого общежития.

- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Соч. 2-е изд. Т. 20.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Соч. 2-е изд. Т. 21.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1.
- Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э. // Античная Греция. М., 1983. Т. 1.
- Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976.
- Андреев Ю. В.* Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Л., 1982.
- Ардзинба В. Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
- Березкин Ю. Е.* Городские поселения древнего Перу // Древние города. Л., 1977.
- Блаватская Т. В.* Ахейская Греция. М., 1966.
- Блаватская Т. В.* Греческое общество II тыс. до н. э. и его культура. М., 1976.
- Богаевский Б. Л.* Первобытно-коммунистический способ производства на Крите и в Микенах // Памяти К. Маркса. М.; Л., 1933.
- Богаевский Б. Л.* Крито-микенская эпоха // История Древнего Мира / Под ред. С. И. Ковалева. М., 1936. Т. II. Ч. 1.
- Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока : VII—сер. XIII в. М., 1984.
- Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983.
- Гарсиа-и-Бельидо А.* Социальные проблемы урбанизма в античном Средиземноморье. М., 1970.
- Гельцер М. Л.* Организация ремесленного производства в Угарите // ПС. 1965. Вып. 13 (76).
- Глазычев В. Л.* И заложил город... // Знание — сила. 1980. № 11.
- Город // СИЭ. 1963. Т. 4.
- Гуляев В. И.* Забытые города майя. М., 1984.
- Дальский А. Н.* Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах. М.; Л., 1937.
- Дандамаев М. А.* Роль тамкара в Вавилонии II и I тыс. до н. э. // Древний Восток: Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1973.
- Джандиери М. И., Лежава Г. И.* Народная башенная архитектура. М., 1976.
- Дьяконов И. М.* Проблемы экономики: О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // ВДИ. 1968. № 3, 4.
- Дьяконов И. М.* Проблемы вавилонского города II тыс. // Древний Восток: Города и торговля (III—I тыс. до н. э.).
- Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* «Номовые государства», «полисы» и «империи» // ВДИ. 1982. № 2.
- История Древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983.
- История Древнего Мира / Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1982. Т. I.
- Кинжалов Р. В.* Культура древних майя. М., 1971.
- Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1983.
- Кочакова Н. Б.* Города государства йорубов. М., 1968.
- Кошеленко Г. А.* Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. М., 1963. Т. I.
- Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.
- Массон В. М.* Становление ремесла в свете данных археологии // Домашние промыслы и ремесло. Л., 1970.

- Массон В. М.* Ремесленное производство в эпоху первобытного строя // ВИ. 1972. № 3.
- Массон В. М.* Первые города (к проблеме формирования городов в среде раннеземледельческих культур) // Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975.
- Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976.
- Массон В. М.* Типология древних городов и исторический процесс // Древние города. Л., 1977.
- Массон В. М.* Формирование раннеклассового общества и вопросы типологии древних цивилизаций // Древний Восток и античный мир. М., 1980.
- Массон В. М.* Алтын-Дене. Л., 1981.
- Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
- Морган Л. Г.* Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934.
- Община в Африке: Проблемы типологии. М., 1978.
- Оппенгейм А. Л.* Торговля на Ближнем Востоке в древности. М., 1970.
- Оппенгейм А. Л.* Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. М., 1980.
- Пендлбери Дж.* Археология Крита. М., 1950.
- Пиренн А.* Средневековые города Бельгии. М., 1957.
- Полякова Г. Ф.* От микенских дворцов к полису // Античная Греция. М., 1983. Т. 1.
- Саваренская Т. Ф.* История градостроительного искусства. М., 1984.
- Сайко Э. В.* Становление города как производственного центра. Душанбе, 1973.
- Тюменев А. И.* Восток и Микены // ВИ. 1959. № 12.
- Хазанов А. М.* Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952.
- Чайлд Г.* Древний Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
- Штаерман Е. М.* Эволюция античной формы собственности и античного города // ВВ. 1973. Т. 34.
- Янковская Н. Б.* Частный кредит в торговле древней Западной Азии III—II тыс. до н. э. // Древний Восток: Города и торговля. Ереван, 1973.
- Янковская Н. Б.* Децентрализованный сектор экономики в Передней Азии: Дис. . . . докт. ист. наук. Л., 1981. (Рукопись).
- Adams R. M.* The evolution of urban society: Early Mesopotamia and prehispanic Mexico. Chicago, 1966.
- Adams R. M.* Patterns of urbanization in early southern Mesopotamia // MSU. 1972.
- Adams R. M., Nissen H. J.* The Uruk countryside: The natural setting of urban societies. Chicago; London, 1972.
- Alexiou St.* Archaïotetes kai mnemeia kentrikes kai anatol. Kretes // Archaïologikon Deltion. 1967. T. 22. M(eros) B'2.
- Alexiou St.* Forschungsbericht zur Agäischen Frühzeit // AA. 1971. Bd 86. H. 3.
- Amouretti M. C.* Fouilles exécutées à Mallia: Le centre politique. II. La crypte hypostyle. Paris, 1970. (Etudes Crétoises; T. XVIII).
- Atkinson T. D. et alii.* Excavations at Phylakopi in Melos. London, 1904.
- Bagby P.* Culture and history: Prolegomena to the comparative study of civilizations. London, 1958.
- Barber R. L. N.* Phylakopi 1911 and history of later Cycladic Bronze Age // BSA. 1974. N 69.
- Barber R. L. N.* The Late Cycladic period: A Review // BSA. 1981. N 76.
- Barber R. L. N., McGillivray J. A.* The Early Cycladic period: Matters of definition and terminology // AJA. 1980. Vol. 84. N 2.
- Berger P. A.* Herrschaftsform Stadt: Eine soziologische Rekonstruktion der Stadtgeschichte im Altertum. München, 1983.
- Bernabo-Brea L.* A Bronze Age house at Poliochni (Lemnos) // Proceedings of the Prehistoric Society. N. S. 1956. Vol. 21.
- Bernabo-Brea L.* Recenti scavi a Poliochni nell'isola di Lemnos // Bollettino d'Arte. 1957. T. 42.
- Bernabo-Brea L. et alii.* Poliochni: Citta preistorica nell' — isola di Lemnos. Roma, 1964. Vol. 1—2.
- Betancourt P. P., Weinstein A. G.* Carbon-14 and the Beginning of the Late Bronze Age in the Aegean // AJA. 1976. Vol. 80. N 4.
- Bintliff J. L.* Natural environment and human settlement in prehistoric Greece. London, 1977. Pt I—II.
- Bosanquet R. C., Dawkins R. M.* Excavations at Palaikastro // BSA. 1902—1903. N 9.
- Bossert E. M.* Kastri auf Syros // Archaïologikon Deltion. 1967. T. 22.
- Boyd-Hawes H. et alii.* Gournia. Philadelphia, 1908.
- Branigan K.* The foundations of palatial Crete. London, 1970a.
- Branigan K.* The tombs of Mesara. London, 1970b.

- Branigan K.* Minoan settlements in East Crete // MSU. 1972.
- Branigan K.* Radio carbon and absolute chronology of the Aegean Bronze Age // *Kret. Chron.* 1973. T. 27.
- Branigan K.* Aegean metalwork of the Early and Middle Bronze Age. Oxford, 1974.
- Branigan K.* Waffen und Metallwerkzeuge der Kykladeninseln // KKK. 1976.
- Branigan K.* Phaistos: new light on old palace // *Antiquity.* 1979. Vol. 53.
- Branigan K.* Minoan colonialism // *BSA.* 1981. N 76.
- Branigan K.* Minoan community colonies in the Aegean? // *MT.* 1984.
- Bray W.* Land-use, settlement patterns and politics in prehispanic Middle America: a review // *MSU.* 1972.
- Bulle H.* Orchomenos. München, 1907. Bd I.
- Cadogan G.* Was there a Minoan landed gentry? // *BICS.* 1971. N 18.
- Cadogan G.* A Minoan Thalassocracy? // *MT.* 1984.
- Cadogan G.* Why was Crete different? // *The End of the Early Bronze Age in the Aegean* / Ed. by G. Cadogan. Leiden, 1986.
- Caskey J. L.* Excavations (investigations) in Keos, 1960—1961, 1963, 1964—1965 // *Hesperia.* 1962. Vol. 31. N 3; 1964. Vol. 33. N 3; 1966. Vol. 35. N 4.
- Caskey J. L.* The Early Bronze Age at Aja Irini in Keos // *Archaeology.* 1970. Vol. 23. N 4.
- Caskey J. L.* Greece. Crete and the Aegean Islands in the Early Bronze Age // *CAH.* Cambridge, 1971a. Vol. I. Pt 2, ch. XXVI (a).
- Caskey J. L.* Investigations in Keos, 1966—1970 // *Hesperia.* 1971b. Vol. 40. N 4.
- Caskey J. L.* Greece and the Aegean Islands in the Middle Bronze Age // *CAH.* Cambridge, 1973. Vol. II. P. 1, ch. IV.
- Catling H. W.* Archaeology in Greece, 1970—1971, 1971—1972, 1972—1973, 1973—1974, 1975—1976, 1980—1981, 1982—1983 // *AR.* 1970—1971. N 17; 1971—1972. N 18; 1972—1973. N 19; 1973—1974. N 20; 1975—1976. N 22; 1980—1981. N 27; 1982—1983. N 29.
- Catling H. W.* The Knossos area, 1974—1976 // *AR.* 1976—1977. N 23.
- Catling H. W., Smyth D.* Knossos 1975 Middle Minoan III and Late Minoan I houses by the Acropolis // *BSA.* 1979. N 74.
- Chapoutier P. et alii.* Fouilles exécutées à Mallia. I—III. Exploration du palais. Paris, 1928, 1936, 1942. (Etudes Crétoises; T. I—III).
- Chapoutier F., Demargne P. et Dessenne A.* Fouilles exécutées à Mallia. IV. Exploration du palais. Paris, 1962. (Etudes Crétoises, T. XII).
- Cherry J. T.* Islands out of the stream: Isolation and interaction in Early East Mediterranean // *Prehistoric production and exchange: The Aegean and Eastern Mediterranean* / Ed. by A. B. Knapp and T. Stech. Los Angeles, 1985.
- Childe V. G.* The urban revolution // *Town Planning Review.* 1950. Vol. 21.
- Childe V. G.* The prehistory of European society. Harmondsworth, 1958.
- Christopoulos A.* (ed.). History of the Hellenic world. T. I. Prehistory and protohistory. Athens, 1974.
- Coleman J. E.* The chronology and interconnections of the Cycladic islands in the Neolithic period and the Early Bronze Age // *AJA.* 1974. Vol. 78. N 3.
- Daniel G.* The first civilizations: The archaeology of their origin. London, 1968.
- Daur T.* Chronique des fouilles, 1962, 1965, 1966, 1968 // *BCH.* 1963. T. 87. Pt II; 1966. T. 90. Pt II; 1967. T. 91. Pt II; 1969. T. 93. Pt II.
- Davaras G.* Guide to Cretan antiquities: Park Ridge. New Jersey, 1976.
- Davis J. L.* Cultural innovation and the Minoan Thalassocracy at Ayia Irini. Keos // *MT.* 1984.
- Dawkins R. M.* Excavations at Palaikastro // *BSA.* 1903—1904. N 10; 1904—1905. N 11.
- Demargne P.* Fouilles exécutées à Mallia: Exploration des nécropoles. Fasc. 1. Paris, 1945. (Etudes Crétoises, T. VII).
- Demargne P.* Naissance de l'art Grec. Paris, 1964.
- Deshayes J., Dessenne A.* Fouilles exécutées à Mallia: Exploration des maisons et des quartiers d'habitation. Paris, 1959. (Etudes Crétoises, T. XI).
- Dessenne A.* Mallia: Recherches dans les quartiers d'habitation // *BCH.* 1957. T. 81. Pt II.
- Dietrich B. C.* Peak cults and their place in the Minoan religion // *Historia.* 1969. Bd 18.
- Doumas Chr. G.* Archaïotetes kai mnemeia Kykladon // *Archaïologikon Deltion, Chronika.* 1964. T. 19.
- Doumas Chr. G.* Notes on early Cycladic architecture // *AA.* 1972a. H. 1.
- Doumas Chr. G.* Early Bronze Age settlement patterns in the Cyclades // *MSU.* 1972b.
- Doumas Chr. G.* Grave types and related burial practices during the Cycladic Bronze Age // *The explanation of cultur change models in prehistory* / Ed. by C. Renfrew. London, 1973.
- Doumas Chr.* The Minoan eruption on the Santorini Volcano // *Antiquity.* 1974. Vol. 48. N 190.

- Doumas Chr.* Die frühkykladische Architektur // KKK. 1976.
- Doumas Chr. G.* Die Ausgrabungen von Akrotiri auf Thera // Antike Welt. 1980. Bd II. N 2.
- Doumas Chr. G.* Town planning and architecture in Bronze Age Thera // 150 Jahre Deutsches Archäologisches Institut. Mainz, 1981.
- Edey M. A.* Die verlorene Welt der Agäis. Nederland, 1979.
- Ennen E.* Frühgeschichte der Europäischen Stadt. Bonn, 1953.
- Ervin M.* News letter from Greece // AJA. 1971. Vol. 75. N 3.
- Evans A.* The Mycenaean tree and pillar cult // JHS. 1901. Vol. 21.
- Evans A.* Knossos excavations, 1903 // BSA. 1902—1903. N 9.
- Evans A.* The palace of Minos at Knossos. London, 1921. Vol. I; 1928. Vol. II; 1935. Vol. IV.
- Evans J. D.* The early Minoan occupation of Knossos // Anatolian Studies. 1972. Vol. 22.
- Evans J. D.* Archaeological evidence and its interpretation: The Aegean Bronze Age // BAMA. 1973.
- Evans J. D.* Village, town, city: Some thoughts on the prehistoric background to urban civilization in the Aegean and Italy // Problems in economic and social archaeology / Ed. by Sieveking G. de et al. London, 1976.
- Evans J. D., Renfrew C.* Excavations at Saliagos near Antiparos // BSA. 1978. Suppl. 5.
- Faure P.* La Vie quotidienne en Crète au temps de Minos (1500 avant Jésus-Christ). Paris, 1973.
- Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. 1969. Bd 2.
- Frankfort H.* The Birth of civilization in the Near East. London, 1951.
- Geiß H.* Zur Entstehung der Kretischen Palastwirtschaft // Klio. 1974. Bd 56. H. 2.
- Gimbutas M.* The destruction of Aegean and East Mediterranean urban civilization around 2300 B. C. // BAMA. 1973.
- Gledhill J., Larsen M.* The Pollanyi paradigm and a dynamic analysis of archaic states // Theory and explanation in archaeology. New York etc., 1982.
- Glotz G.* La cité Greque. Paris, 1928.
- Graham J. W.* The palaces of Crete. Princeton, New Jersey, 1972.
- Graham J. W.* A new arena at Mallia // Antichita Cretese: Studi in onore di D. Levi. Catania, 1980. T. I.
- Grundmann S.* Die Stadt. Berlin, 1984.
- Haider P.* Grundsätzliches und Sachliches zur historischen Auswertung des bronzezeitlichen Miniaturfriese auf Thera // Klio. 1979. Bd 61. H. 2.
- Hall H. R.* Aegean archaeology. London, 1915.
- Hammond M.* The city in the Ancient World. Cambridge, Mass., 1972.
- Hawkes J., Wolley L.* History of mankind: Cultural and scientific development. London, 1964. Vol. I.
- Hiller St.* Das Minoische Kreta nach den Ausgrabungen des letzten Jahrzehnts. Wien, 1977.
- Höckmann O.* Zu den Kykladischen Gebäudemodell von Melos // Istanbuler Mitteilungen. 1975. Bd 25.
- Hood M. S. F.* The Minoans: Crete in the Bronze Age. London, 1971.
- Hood M. S. F.* Minoan town-shrines? // Greece and the Eastern Mediterranean in ancient history and prehistory. Studies pres. to Fr. Schachermeyr. Berlin; New York, 1977.
- Hood M. S. F.* The Arts in prehistoric Greece. Harmondsworth, 1978.
- Hood M. S. F.* Excavations in Chios 1938—1955: Prehistoric Emporio and Ayio Gala. Oxford, 1982. Vol. 1—2.
- Hood M. S. F., Smyth D.* Archaeological Survey of the Knossos Area. London, 1981.
- Hood M. S. F., Warren P., Cadogan G.* Travels in Crete, 1962 // BSA. 1964. N 59.
- Hopper R. J.* The Early Greeks. New York, 1977.
- Humphreys S. C.* Town and country in ancient Greece // MSU. 1972.
- Hutchinson R. W.* Prehistoric town planning in Crete // Town Planning Review. 1950. Vol. 21.
- Hutchinson R. W.* Prehistoric Crete. Harmondsworth, 1962.
- Hutchinson J. C.* Mycenaean kingdoms and mediaeval states // Historia. 1977. Bd 26. H. 1.
- Immerwahr S. A.* Mycenaean at Thera: Some reflections on the paintings from the West House // Greece and the Eastern Mediterranean in ancient history and prehistory: Studies pres. to Fr. Schachermeyr. Berlin; New York, 1977.
- Kantor H. J.* The Aegean and the Orient in the second mill. B. C. Bloomington, 1947.
- Kemp B. J.* Temple and town in ancient Egypt // MSU. 1972.
- Kenyon K. M.* The Digging up Jericho: The Results of Jericho excavations, 1952, 1956. New York, 1957.
- Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956.

- Kolb F.* Die Stadt im Altertum. München, 1984.
- Lamb W.* Excavations in Thermi in Lesbos. Cambridge, 1936.
- Lawrence A. W.* The Ancestry of minoan palace // BSA. 1951. N 46.
- Levi D.* Per una nuova classificazione della civiltà minoica // La Parola del Passato. 1961. T. 16.
- Levi D.* Polemica e ricerca scientifica sull'evoluzione della civiltà minoica // La Parola del Passato. 1962. T. 17.
- Levi D.* The Recent excavations at Phaistos. Lund, 1964.
- Lloyd S., Mellaart J.* Beycesultan excavations // Anatolian Studies. 1956. T. 6.
- Lloyd S., Müller H. W., Martin R.* Ancient architecture: Mesopotamia, Egypt, Crete, Greece. New York, 1974.
- Luce J. V., Bolton K.* Thera and the devastation of Minoan Crete // AJA. 1976. Vol. 80.
- Majewski K.* Kreta—Hellada—Cyclady. Warszawa, 1963.
- Marinatos Sp.* Greniers de l'Helladique Ancien // BCH. 1946. T. 70.
- Marinatos Sp.* Crete and Mycenae. London, 1960.
- Marinatos Sp.* Excavations at Thera, III, IV, V, VII. Athens, 1970, 1971, 1972, 1974.
- Marinatos Sp.* Kreta, Thera und das mykenische Hellas. München, 1973a.
- Marinatos Sp.* Die Ausgrabungen auf Thera und ihre Probleme. Wien, 1973b.
- Marinatos N.* Minoan Threskeiocracy on Thera // MT. 1984.
- Marinatos N., Hugg R.* The West House at Akrotiri as a cult center // AM. 1983. Bd 98.
- Martin R.* Recherches sur l'Agora Grecque. Paris, 1951.
- Martin R.* L'Urbanisme dans la Grèce Antique. Paris, 1974.
- Matz Fr.* Die Agäis // Handbuch der Archäologie. München, 1954. Bd 2.
- Matz Fr.* Kreta, Mykene, Troja: Die minoische und die homerische Welt. Stuttgart, 1956.
- Matz Fr.* Crete and Early Greece. London, 1962.
- Matz Fr.* The maturity of Minoan civilization // CAH. Cambridge, 1973. Vol. II. Pt 1. Ch. IV (b).
- McEnroe J.* A typology of minoan neopalatial houses // AJA. 1982. Vol. 86. N 1.
- Menghin O.* Weltgeschichte der Steinzeit. Wien, 1931.
- Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. München, 1974. Bd III. Kupferzeit. TBd I. München, 1980. Bd IV. Bronzezeit. TBd I.
- Mumford L.* Concluding address // City Invincible. Chicago, 1960.
- Myres J. L.* Mediterranean culture. Cambridge, 1944.
- Narr K. J.* Frühe stadtartige Siedlungen: Fragen der Begriffsbestimmung // Studies zur europäischen Vor- und Frühgeschichte. Neumünster, 1968.
- Naumann R.* Architektur Kleinasiens von ihren Anfängen bis zum Ende der hethitischen Zeit. Tübingen, 1971.
- Nilsson M. P.* The Minoan-Mycenaean religion and its survival in the Greek religion. Lund, 1950.
- Oelmann Fr.* Das Kornspeichermodell von Melos // AM. 1925. Bd 50.
- Page D. L.* The Santorini volcano and the desolation of Minoan Crete. London, 1970.
- Palmer L. R.* Mycenaeans and Minoans. London, 1961.
- Palmer L. R.* A new guide to the Palace of Knossos. London, 1969.
- Palyvou C.* Notes on the town plan of Late Cycladic Akrotiri, Thera // BSA. 1986. N 81.
- Pelon O.* Epée à l'acrobate et chronologie Malliote // BCH. 1982a. T. 106. P. 1.
- Pelon O.* Palais et palais à Mallia (Crète) // Revue des archeologues et historiens d'art de Louvain. 1982b. T. XV.
- Pelon O.* Le Palais Minoen en tant que lieu de Culte // Temples et Sanctuaires. Paris, 1984.
- Pernier L.* Scavi della Missione Italiana Festos // Monumenti Antichi. 1902. T. 12; 1905. T. 14.
- Pernier L., Banti L.* Il palazzo minoico di Festos. Roma, 1935—1950. Vol. I—II.
- Pfuhl E.* Zur Geschichte des Kurvenbaus // AM. 1905. Bd 30.
- Phillipaki V.* He akropolis tou Agiou Andreiou Siphnou // AAA. 1973. T. I. An. 6.
- Piehler H., Schiering W., Schock H.* Der spätbronzezeitliche Ausbruch des Thera/Volkans und seine Auswirkungen auf Kreta // AA. 1980.
- Platon N.* Ta Minoika oikiaka hiera // Kretika Chronika. 1954. T. 8.
- Platon N.* Crète. Genève, 1966.
- Platon N.* Ta problemata chronologeseos ton minoikon anaktoron // Archaïologike Ephemeris. 1968. T. 107.
- Platon N.* Zakros: The Discovery of a lost palace of Ancient Crete. New York, 1971.
- Polanyi K.* On the comparative treatment of economic institutions in Antiquity with illustrations from Athens, Mycenae and Alalach // City Invincible. Chicago, 1960.
- Poursat M.* Les fouilles récentes de Mallia et la civilization des premiers palais crétois // CRAI. 1972. Janvier—Mars.
- Press L.* Osady i miasta Kreta w III i II tys. przed n. e. // Archeologia. 1958. T. II.

- Press L.* Budownictwo Egejskie. Warszawa, 1964.
- Press L.* Zycie codzienne na Krecie w panstwie krola Minosa. Warszawa, 1972.
- Press L.* On the origin of Minoan palatial architecture // *Archeologia*. 1973. T. 24.
- Redman Ch. L.* The rise of civilization. San Francisco, 1978.
- Renfrew C.* The emergence of civilization : Aegean in the third mill. B. C. London, 1972.
- Renfrew C.* Beyond a subsistence economy: the evolution of social organization in prehistoric Europe // *Reconstructing complex societies* / Ed. by Ch. B. Moore. Cambridge Mass., 1974.
- Renfrew C.* Die Kykladenkultur // *KKK*. 1976.
- Renfrew C.* The Mycenaean sanctuary at Phylakopi // *Antiquity*. 1978. Vol. 52. N 20.
- Renfrew C.* Questions of Minoan and Mycenaean cult // *Sanctuaries and cults in the Aegean Bronze Age* / Ed. by Hägg R., Marinatos N. Stockholm, 1981.
- Renfrew C., Cann J. R., Dixon J. E.* Obsidian in the Aegean // *BSA*. 1965. N 60.
- Rubenson O.* Die prähistorischen und frühgeschichtlichen Funde auf den Burghügel vom Paros // *AM*. 1917. Bd 42.
- Rutkowski B.* Minoan cults and history // *Historia*. 1971. Bd 20. H. 1.
- Rutkowski B.* Cult places in the Aegean World. Warszawa, 1972.
- Sakellarakis G. kai E.* Anaskaphē Archanon // *Praktika*. 1980.
- Sapouna-Sakellarakis E.* Frühkykladischen Schmuck // *KKK*. 1976.
- Schachermeyr Fr.* Prähistorische Kulturen Griechenlands // *RE*. Stuttgart, 1954a. Bd 22. H. 2.
- Schachermeyr Fr.* Der Werdegang der griechischen Polis // *Diogenes*. 1954b. Bd 4.
- Schachermeyr Fr.* Die ältesten Kulturen Griechenlands. Stuttgart, 1955.
- Schachermeyr Fr.* Forschungsbericht über die Ausgrabungen und Neufunde zur ägäischen Frühzeit, 1957—1960 // *AA*. 1962. H. 2.
- Schachermeyr Fr.* Die minoische Kultur des alten Kreta. Stuttgart, 1964.
- Schachermeyr Fr.* Agais und Orient : Die überseeischen Kulturbeziehungen von Kreta und Mykenai mit Agypten, der Levante und Kleinasien. Wien, 1967.
- Schachermeyr Fr.* Die ägäische Frühzeit. Bd 1. Die vorkykenischen Perioden des griechischen Festlandes und der Kykladen; Bd 2. Die Mykenische Zeit und die Gesittung von Thera. Wien, 1976.
- Schachermeyr Fr.* Akrotiri — first maritime republic? Thera and the Aegean World. London, 1978.
- Scholes K.* The Cyclades in the Later Bronze Age // *BSA*. 1956. N 51.
- Schuchhardt C.* Hof, Burg und Stadt bei Germanen und Griechen // *Neue Jahrbuch für Klassische Alterthum*. 1908. Jg. XXI.
- Schuchhardt C.* Der altmittelländische Palast // *SB*. 1914. Bd 12.
- Schuchhardt C.* Alteuropa in seiner Kultur- und Stillenwicklung. Strassburg; Berlin, 1919.
- Scully V.* The earth, the temple and the gods : Greek sacred architecture. New Haven; London, 1962.
- Seager P.* Reports of excavations at Vasiliki, Crete in 1906 // *Transactions of Free Museum of Science and Art*. 1907. Vol. 11. Pt 1.
- Seager P.* Excavations on the island of Pseira. Philadelphia, 1910.
- Seager P.* Exploration of the island of Mochlos. Boston; New York, 1912.
- Shaw J. W.* Excavations at Kommos (Crete) during 1976, 1980—1983 // *Hesperia*. 1977. Vol. 46. N 3; 1982. Vol. 51. N 2; 1984. Vol. 53. N 2.
- Shaw J. W.* Consideration of the site of Akrotiri as a Minoan settlement // *Thera and the Aegean World*. London, 1978.
- Sinos St.* Die vorklassischen Hausformen in der Agäis. Mainz am Rhein, 1971.
- Sjoberg G.* The origin and evolution of cities // *Scientific American*. 1965. Vol. 213. N 3.
- Soles J. S.* Mochlos : A new look at old excavations // *Expedition*. 1978. Vol. 20. N 2.
- Soles J. S.* The early Gournia town // *AJA*. 1979. Vol. 83. N 2.
- Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800—500 B. C. New York, 1977.
- Starr Ch. G.* Minoan flower lovers // *MT*. 1984.
- Stos-Gale Z. A., Gale N. H.* The Minoan Thalassocracy and the Aegean metal trade // *MT*. 1984.
- Thimme J.* Katalog // *KKK*. 1976.
- Tiré C., Van Effenterre H.* Guide des fouilles français en Crète. Paris, 1966.
- Trigger B. G.* Determinants of urban growth in pre-industrial societies // *MSU*. 1972.
- Tritsch Fr.* Die Stadtbildungen des Altertums und die griechische Polis // *Klio*. 1929. Bd 22. H. 1/2.
- Tsountas Chr.* Kykladika II // *Archaiologike Ephemeris*. 1899. T. 58.
- Tzedakis I.* L'Insestamento urbano medio minoico di Nerocouru // *SMEA*. 1978. Fasc. 19.
- Valmin M. N.* The Swedisch Messenia Expedition. Lund, 1938.

- Van Effenterre H.* Politique et religion dans la Crète minoenne // *Revue historique*, 87 Ann. 1963. T. 229.
- Van Effenterre H.* et *M.* Fouilles exécutées à Mallia : Le Centre politique, I. L'Agora. Paris. 1969. (Etudes Crétoises; T. 17).
- Van Effenterre H.* Ya-t-il une «noblesse» crétoise? // *Recherches sur les structures sociales dans l'antiquité classique*. Paris, 1970.
- Van Effenterre H.* Arène ou agora? // *Antichita Cretese : Studi in onore di D. Levi*. T. I. Catania, 1980.
- Van Effenterre H.* Peut-on dater les épées de Mallia? // *BCH*. 1982. T. 106. Pt I.
- Van Effenterre H., Trocme H.* Autorité, justice et liberté aux origines de la cité antique // *Revue philosophique*. 1964. T. 154.
- Vermeule E. T.* Greece in the Bronze Age. Chicago, 1966.
- Vittinghoff P.* Urbanization als Phänomen der Antike // *Reports of the XIVth International Congress of the historical sciences*. New York, 1977.
- Wagstaff J. M.* The reconstruction of settlement patterns on Thera in relation to the Cyclades // *Thera and the Aegean World*. London, 1978.
- Warren P. M.* Myrtos: An Early Bronze Age settlement in Crete. Oxford, 1972.
- Warren P. M.* Crete, 3000—1400 B. C. : immigration and the archaeological evidence // *BAMA*. 1973.
- Warren P. M.* The miniature fresco from the West House at Akrotiri, Thera and its Aegean setting // *JHS*. 1979. Vol. 99.
- Warren P. M.* The Aegean and Western Anatolia in the Bronze Age // *The Cambridge Encyclopedia of Archaeologia*. Cambridge, 1980.
- Warren P. M.* Knossos : Stratigraphical Museum excavations, 1978—1980. Pt I // *AR*. 1980—1981. N 27.
- Warren P.* The place of Crete in the Thalassocracy of Minos // *MT*. 1984.
- Wheatley P.* The concept of urbanism // *MSU*. 1972.
- Willetts R. F.* Cretan cults and festivals. London, 1962.
- Willetts R. F.* The civilization of ancient Crete. Berkeley; Los Angeles, 1977.
- Willey G. R.* Выступление в дискуссии по докладу Эдмунда // *City Invincible*. Chicago, 1960.
- Wilson J. A.* Civilization without cities // *City Invincible*. Chicago, 1960.
- Wolley L. A.* Forgotten Kingdom. London, 1953.
- Zois A.* Anaskaphe Basilikes Hierapetras // *Praktika*. 1982a.
- Zois A.* Gibt es Vorläufer der minoischen Paläste auf Kreta? Ergebnisse neuer Untersuchungen // *Palast und Hütte: Beiträge zum Bauen und Wohnen im Altertum von Archäologen, Vor- und Frühgeschichtlern*. Mainz am Rhein, 1982b.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский временник. М.
 ВДИ — Вестник древней истории. М.
 ВИ — Вопросы истории. М.
 ПС — Палестинский сборник. Л.
 СИЭ — Советская историческая энциклопедия. М.
- AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin
 AAA — Athens Annals of Archaeology. Athens
 AJA — American Journal of Archaeology. New York
 AM — Athenische Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Athenes
 AR — Archaeological Reports. London
 BAMA — Bronze Age Migrations in the Aegean / Ed. by R. A. Crossland and A. Birchall. London
 BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris
 BICS — Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London. London
 BSA — Annual of the British School at Athens. London
 CAH — Cambridge Ancient History. Cambridge
 City Invincible — City Invincible. A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East / Ed. by Kraeling C. H. and Adams R. M. Chicago
 CRAI — Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris
 JHS — Journal of Hellenic Studies. London
 KKK — Kunst und Kultur der Kykladeninseln im 3. Jht. v. Chr. Red. J. Thimme. Karlsruhe
 MSU — Man, Settlement and Urbanism / Ed. by Ucko P. J., R. Tringham and G. W. Dimbleby. London
 MT — The Minoan Thalassocracy: Myth and Reality. // Proceedings of the Third International Symposium at the Swedish Institute in Athens / Ed. by R. Hägg and N. Marinatos. Stockholm
 RE — Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
 REA — Revue des Etudes Anciennes. Talence
 REG — Revue des Etudes Grecques. Paris
 SB — Deutsche Akademie der Wissenschaften. Berlin Sitzungsberichte
 SMEA — Studi micenei ed egeo-anatolici. Roma

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение	3
--------------------	---

Часть I

ЭПОХА РАННЕЙ БРОНЗЫ

Предварительные замечания	29
Г л а в а 1. Поселения островов северо-восточной Эгейды	34
Г л а в а 2. Поселения Кикладского архипелага	50
Г л а в а 3. Критские поселения III тыс. до н. э.	64

Часть II

ЭПОХА СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Предварительные замечания	79
Г л а в а 1. Первые дворцы и ранние протогорода на Крите	84
Г л а в а 2. Минийская урбанизация в период расцвета критской культуры (СМIII— ПМ1-II периоды)	119
Дворцовые центры	122
Периферийные, или рядовые, поселения	156
Сельские виллы	175
Г л а в а 3. Кикладские поселения II тыс. до н. э.	183
Заключение	219
Литература	223
Список сокращений	230